В. А. МАКЛАКОВЪ

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

(ВОСПОМИНАНІЯ СОВРЕМЕННИКА)

ПАРИЖЪ

В. А. МАКЛАКОВЪ

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

(ВОСПОМИНАНІЯ СОВРЕМЕННИКА)

ПАРИЖЪ

ВСТУПЛЕНІЕ

Настоящая книга является непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей — «Власть и общественность на закатѣ старой Россіи». Это даетъ мнѣ поводъ сказать и о той первой книгѣ нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Когда въ 1928 г. «Современныя Записки» начали печатать мои «Воспоминанія», я не зналъ самъ, что изъ нихъ выйдетъ: автобіографія, публицистика или даже попытка «исторіи». Отдѣльныя главы, смотря по предмету, носили различный характеръ.

Когда я потомъ обработалъ ихъ въ книгу, и она отразила политическое пониманіе автора, оно естественно вызвало различное къ себѣ отношеніе. Многіе мои противники и справа, и слѣва, даже не соглашаясь со мной, меня понимали и отнеслись ко мнѣ безъ предвзятости; за то безусловное осужденіе мнѣ высказалъ мой лидеръ по партіи П. Н. Милюковъ. (*)

Полемизировать съ нимъ ненужно. Такое его отношеніе совершенно послѣдовательно. Я слишкомъ во многомъ съ нимъ расхожусь. Но воспользуюсь случаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ «недоразумѣнія» устранить. Ихъ достаточно много.

П. Милюковъ нашелъ, что моя книга «вредна», что я «освободительное движеніе» ненавижу, съ идеями «либерализма» борюсь и такимъ образомъ, повидимому, просто перешелъ въ станъ прежнихъ идейныхъ *противниковъ*. Подобная оцѣнка есть подтасовка понятій. Идеи либерализма дѣйствительно теперь не въ фаворѣ: сейчасъ отстаиваютъ не «права человѣка», а «силу государственной власти». Основанія для такой общей смѣны идейныхъ симпатій лежатъ внѣ русскаго прошлаго. Либеральныя идеи, какъ все на свѣтѣ, имѣли оборотную сторону; «диктатуры» выросли тамъ, гдѣ государства присущихъ либерализму недостатковъ преодолѣть не сумѣли. Но я все-таки не только не отрицалъ этихъ идей, но находилъ, что если бы даже должно было признать, что эпоха личной свободы въ мірѣ окончилась и вернулось время управленія сверху, или что прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы человѣческое общество превратить въ улей или муравейникъ, въ чемъ Муссолини, Гитлеръ и Сталинъ между собой солидарны, то и въ томъ случаѣ въ Россіи XX вѣка для такихъ взглядовъ не было почвы. Нападки на либерализмъ, какъ таковой, получили свой raison

*) Послѣднія Новости», 28 и 30 Мая 1937 г.

d'etre въ государствахъ, гдѣ личная свобода всѣ свои результаты дала и показала свою оборотную сторону. Въ Россіи этого не было; она недаромъ была отсталой страной. Ей еще было нужно именно то, въ чемъ многіе уже разочаровались на Западѣ; была нужна самодѣятельность личности, защита *личныхъ* правъ человѣка, огражденіе его противъ *государства*. Прогрессъ для Россіи былъ въ этомъ. Для него не существовало тѣхъ затрудненій, на которыя послѣ войны натолкнулись государства старой культуры. Либерализмъ въ Россіи долженъ былъ побѣдить, ибо боролся за то, что было ей нужно, черезъ что ей необходимо было пройти. Это я въ книгѣ своей признавалъ. Гдѣ же въ этомъ мое расхожденіе съ либерализмомъ?

Но признавать вѣрность идей не значитъ одобрять *всѣ дѣйствія* тѣхъ, кто имъ хочетъ служить. Идеи были и правильны, и своевременны, но представители ихъ въ то минувшее время имъ служить не сумѣли. Обвинять тѣхъ, кто дѣйствія ихъ критикуетъ, въ измѣнѣ самимъ идеямъ, значитъ уподобляться ученому, который въ возраженіяхъ *себѣ* усмотрѣлъ бы неуваженіе къ самой наукѣ. Именно потому, что идеи либерализма были полезны Россіи, что конституція для нея могла быть спасеніемъ, и было возможнымъ поставить вопросъ: *почему* же тѣ, на долю которыхъ выпала эта задача, этого не достигли? Они защищали правое дѣло, были «мозгомъ страны», противъ нихъ, по ихъ понятіямъ, былъ «сгнившій», «обреченный на гибель» режимъ, а побѣждены оказались *они*. Они теперь винятъ побѣдителей; но не напоминаетъ ли это Австрійскій Hof-Kriegs-Rath за свои пораженія обвинявшій неуча Наполеона, который велъ войну не по «правиламъ»? Искусство «политика» оцѣнивается по результатамъ, а не по вѣрности политической «грамматикѣ». Если защитники либерализма допускали ошибки, то почему можетъ быть вредно ихъ показать?

Эта проблема нашихъ «ошибокъ» и стояла передъ моими глазами, когда я думалъ о прошломъ. Я готовъ согласиться, что во *время самой войны* непозволительно критиковать ни войска, ни вождей. Вѣру въ нихъ нельзя подрывать. Есть условная ложь, которой всѣ во время войны подчиняются. Войска всегда непобѣдимы, начальники, покуда ихъ не смѣнятъ, непогрѣшимы, пораженія изображаются какъ побѣдоносныя «отступленія на позиціи заранѣе приготовленныя». То-же самое происходило въ «политикѣ». Сколько разъ послѣ очередной кадетской «оплошности» въ Думѣ партійные журналисты насъ укоряли, что мы *ихъ* не жалѣемъ! *Какъ* имъ восхвалять эту оплошность? И все-таки восхваляли. Но сейчасъ другія условія. Мы никакой войны не ведемъ. Нѣтъ больше вождей; ореолъ непогрѣшимости ихъ ни на что ненуженъ. *Свое* время мы пропустили; для *насъ* оно не вернется. Наше дѣло додѣлывать будутъ другіе. Мы стали «прошлымъ». Смѣшно же наши старые «военные бюллетени» выдавать за исторію. *Кому* это нужно?

Здѣсь мы и подходимъ къ центру вопроса, къ источнику возмущенія Милюкова.

Онъ находитъ, что «главнымъ подсудимымъ» я «выбралъ кадетскую партію», а «главную отвѣтственность за поведеніе этой партіи» возложилъ на него, — Милюкова. Добавляетъ, что относительно него я держался агрессивнаго, не спокойнаго тона, что у меня противъ него слышатся *личныя* ноты и т. п.

Здѣсь смѣшаны два различныхъ вопроса. Во-первыхъ, лично о немъ. Я жалѣлъ бы, если бы описанное имъ впечатлѣніе могло создаться у безпристрастнаго человѣка. Возражаю противъ самой постановки вопроса. Слова «подсудимый», «виновный», понятія другихъ категорій; «судить» и «обвинять» можно за нарушеніе долга, а не за ошибку или неумѣлость. Я не осуждаю, а только ищу *причинъ и послѣдствій*. Затѣмъ — и это самое главное — я ни однимъ намекомъ не указывалъ, что считаю Милюкова *главнымъ* виновникомъ, что вину *всѣхъ насъ* хочу переложить на *него*. Этотъ свой *личный* вопросъ онъ вноситъ въ дѣло *самъ* и совершенно напрасно.

Но разъ Милюковъ объ этомъ заговорилъ, я не могу не отвѣтить. Здѣсь очевидное недоразумѣніе. Я не могъ выставлять Милюкова *главнымъ отвѣтственнымъ* за поведеніе *партіи* уже потому, что если онъ и былъ ея лидеромъ, то принадлежалъ къ той разновидности ихъ, про которыхъ сказано мѣткое слово: je suis leur chef, donc je les suis. Бываютъ люди, которые другихъ *ведутъ* за собою; для этого нужны какія-то особыя свойства, которыя даются не всѣмъ. Милюковъ не былъ вождемъ этого типа (*); онъ старался вліять на партійное настроеніе, но потомъ большинству подчинялся и подчинившись тактику его защищалъ. Я объ этомъ жалѣю. Онъ былъ выше многихъ по знаніямъ и дарованіямъ. Но онъ боялся отъ *своихъ оторваться* и *уступалъ*. Нѣкоторые считаютъ (**), что въ этомъ *существо* демократіи; но въ этомъ еще болѣе ея *слабость*. Вѣдь и то партійное большинство, которому лидеры подчиняются, часто большинство не партіи, а только оффиціальныхъ ея представителей, а иногда и маленькаго избраннаго кружка единомышленниковъ. «Звѣздныя Палаты» существуютъ не только въ монархіяхъ (***). Коллективы вообще на роль руководи-

---

*) 16 Іюня 1939 г. въ «Послѣднихъ Новостяхъ» напечатана рѣчь самого П. Н. Милюкова по поводу пятнадцатилѣтія Р. Д. О. Онъ говоритъ про себя: «диктаторомъ, вождемъ въ специфическомъ смыслѣ слова я не былъ; мы совмѣстно вырабатывали положенія, которыя считали вѣрными». Это говорилось про Р. Д. О.; но человѣкъ вездѣ остается собою.

**) Такъ думалъ и говорилъ С. А. Муромцевъ.

***) Про кадетскую «Звѣздную Палату» я упомянулъ по воспоминаніямъ о позднѣйшей думской жизни. Но Милюковъ говоритъ о томъ же при 1-й Думѣ. («Рус. Зап.», Іюнь, стр. 113). «Хотя Петрункевичъ, какъ патріархъ стоялъ надъ нами всѣми и пользовался глубокимъ уваженіемъ», онъ «не могъ нести страшно утомительной ежедневной

телей не годятся. Разнородность ихъ состава на ихъ рѣшеніяхъ отражается. На примиреніе внутреннихъ разногласій этого коллектива уходило все вліяніе Милюкова. Въ этихъ условіяхъ я не могъ бы на него возлагать главной отвѣтственности.

Если же я часто о немъ говорю и, по его выраженію,«склоняю его имя во всѣхъ падежахъ», то не потому, чтобы онъ партію *велъ*. Но онъ наиболѣе ярко ее *представлялъ* со всѣми качествами ея и недостатками. Онъ былъ не партійнымъ *вождемъ*, а *знаменосцемъ*. А, какъ публицистъ, онъ въ защиту ея написалъ больше, чѣмъ всѣ кадеты взятые вмѣстѣ. Его статьи остались и теперь, какъ живой комментарій къ дѣйствіямъ партіи. Потому-то они для меня гораздо интереснѣе,чѣмъ тѣ его «книги», въ равнодушіи къ которымъ онъ меня упрекнулъ. Говоря о томъ, что я считаю ошибками *партіи*, я съ *его* статьями не могу не считаться; буду и *дальше* о нихъ говорить (*).

Прибавлю послѣднее слово. Милюковъ всю жизнь остался вѣренъ себѣ, безъ устали своему дѣлу служилъ; его нельзя было ни подкупить, ни запугать. Это даетъ ему право на уваженіе даже тѣхъ, кто съ нимъ несогласенъ. Многіе нападки

думской работы». «На роль отвѣтственныхъ лицъ естественно выдѣлились вчерашніе партійные руководители — Кокошкинъ, Винаверъ и я». И дальше объ отношеніяхъ съ крестьянами. «Ихъ лидерами оказались трое лѣвыхъ — Аладьинъ, Аникинъ, Жилкинъ. Они и вели сношенія съ нами тремя: Кокошкинъ, Винаверъ и я».

*) Милюковъ меня упрекнулъ («Послѣднія Новости», 16 Іюля 1939), что и послѣ его воспоминаній я «не исправилъ своего прежняго взгляда на его, Милюкова, личную роль». Я не понимаю, *что* долженъ былъ я «исправлять»? Онъ мнѣ раньше ставилъ въ вину, будто я считаю его, лично, «главнымъ отвѣтственнымъ» за дѣйствія партіи. Онъ и теперь повторяетъ, будто моя критика партіи «сводится къ порицанію личностей». Это недоразумѣніе съ его стороны; главнымъ «отвѣтственнымъ» я его не считаю. Партіи за собой онъ не велъ. Но въ концѣ той же самой статьи онъ свое обвиненіе формулируетъ иначе; и мнѣ, и проф. Персу онъ ставитъ въ вину, что мы «смѣшали Милюкова съ партіей». Но какъ же онъ хочетъ, чтобы мы ихъ различали? Милюковъ никогда не позволялъ себѣ «уклоновъ» отъ «генеральной линіи» партіи. Даже когда онъ бывалъ съ ней несогласенъ, онъ, по обязанности лидера, дѣйствія партіи восхвалялъ. Въ этомъ была его сила въ партіи; онъ былъ всегда ея представителемъ. Какъ же можетъ онъ претендовать на то, что его съ партіей «смѣшиваютъ»? Чтобы этого смѣшенія не было, онъ долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ теперь указать, въ *чемъ* именно онъ съ партіей былъ несогласенъ и что считаетъ ея «ошибками». Но тогда онъ дѣлалъ бы то самое, за что сейчасъ меня осуждаетъ; да еще съ тою разницей, что я говорю объ *общихъ партійныхъ ошибкахъ*, не исключая себя. А онъ долженъ бы былъ самого себя выгораживать. Не только лидеры, но и рядовые члены партіи не могутъ сердиться, что они за свою партію отвѣчаютъ. Это оборотная сторона того, что они отъ партіи получили.

на него по несправедливости меня возмущаютъ. Но за то нѣкоторыя свойства его, какъ политика и особенно какъ полемиста, вызываютъ во мнѣ инстинктивный протестъ не лично противъ него, но противъ этого сорта «политики»; этотъ протестъ онъ ошибочно принялъ за «личную ноту». Это вопросъ совершенно другой.

Совсѣмъ иное — мое отношеніе къ *партіи*. Я дѣйствительно думаю, что хотя она и стремилась къ введенію въ Россіи конституціоннаго строя, но ея злополучная «тактика» была главной причиной ея неудачи. Я не хочу преувеличивать вообще значенія партій. Но въ извѣстный моментъ кадетская партія воплотила почти все образованное и *либеральное* общество. Она была такой общественной силой, что ея ошибки безнаказанно пройти не могли; отъ нея зависѣло поведеніе 1-ой Государственной Думы.

Поучительно, что вначалѣ на первенствующую роль она не претендовала. На ея Учредительномъ Съѣздѣ Милюковъ приравнялъ ее къ тѣмъ «интеллигентскимъ западнымъ группамъ, которыя извѣстны подъ названіемъ соціальныхъ реформаторовъ» Въ этомъ много правды; это и предопредѣляло ея скромную роль. Такія партіи немногочисленны. Онѣ «элита», партіи «избранныхъ», иногда «генералы безъ арміи». Имъ далеко до руководства страной. Среди отсталаго и потому въ общемъ консервативнаго населенія, какимъ былъ русскій народъ, кадеты были передовой интеллигентской группой, немногочисленными проповѣдниками не знакомаго Россіи *европейскаго идеала*. Такой интеллигентской партіи было къ лицу составить программу изъ «послѣднихъ словъ» европейской теоретической мысли. Она была бы въ своей роли ихъ проповѣдуя. Но событія придали партіи другой характеръ. Страна оказалась не такой, какой ее предполагали. Попутный политическій вѣтеръ надулъ паруса партіи, сдѣлалъ ее «народной». Помню стремительное проникновеніе въ нее такихъ элементовъ, которые не только программы ея понять не могли, но не умѣли произнести ея имени. Этотъ успѣхъ застигъ кадетъ врасплохъ. Если они догадались перемѣнить свое имя на болѣе для народа понятное слово, «партія народной свободы», то не подумали свои дѣйствія приспособить къ своей новой роли и къ пониманію своихъ избирателей. Отрекаться отъ кадетскаго идеала для этого имъ было ненужно. Онъ могъ оставаться путеводной звѣздой. Но темпъ, которымъ къ этому идеалу было должно идти, тѣ пріемы, которые именуются тактикой, должны были соотвѣтствовать не развитію интеллигентныхъ вожаковъ, а уровню тѣхъ, ***для которыхъ*** партія дѣйствовала. Страна вѣдь выбрала партію своею ***защитницей***, но отъ этого сама ***кадетской*** не стала. Милюковъ на Апрѣльскомъ Съѣздѣ сказалъ, что «слѣдовать партійной программѣ еще не значитъ оправдывать довѣріе избирателей». Эти мудрыя слова расходились съ упрощеннымъ пониманіемъ большинства; и Милюковъ уступилъ. Такъ, ставъ представителями широкаго народнаго фронта, глашатаями

«воли народа», кадеты въ противорѣчіи съ этимъ не отступили отъ своей чисто интеллигентской, сектантской программы и тактики.

Партія была вправѣ предпочесть вѣрность радикальной «программѣ» довѣрію тѣхъ, кого она представляла. Но нужно было тогда быть послѣдовательнымъ. Выбравъ такой путь партія не могла претендовать Россіей по своему управлять, а должна была оставить за собой роль «партіи будущаго» и ждать, когда придетъ *ея* часъ. Первенствующая роль въ настоящемъ должна была тогда принадлежать тѣмъ, кто не брезгалъ сообразоваться съ степенью подготовленности населенія. Вѣдь руководители кадетъ не могли себѣ дѣлать иллюзій. Они ушли далеко впередъ отъ средняго уровня. Страна не могла равняться *по нимъ*. Потому образованіе менѣе требовательныхъ партій было кадетамъ такъ же полезно, какъ соціалистамъ Франціи полезно существованіе «радикаловъ». Эти болѣе умѣренныя конституціонныя партіи кадетамъ надо было поддерживать; у нихъ съ кадетами было *общее дѣло* — насажденіе конституціи и правового порядка. Но кадеты старались сохранять *за собой* монополію «либерализма»; однихъ себя они считали *либеральною* партіей. Когда въ 1905 г. Витте обратился не къ нимъ, а къ земской средѣ, они *отъ нея* подставили ему только *своихъ* представителей; это было символомъ *дальнѣйшей* ихъ тактики. Партіи, которыя возникали на право отъ нихъ, хотя въ нихъ участвовали такіе испытанные либеральные люди, какъ Шиповъ, Стаховичъ, Гучковъ и гр. Гейденъ, они травили какъ «реакціонеровъ». На выборахъ въ 1-ую Думу они принципільно отвергали соглашеніе съ ними. А между тѣмъ кадеты должны были сдѣлать выборъ. Или соблюдать неприкосновенность своей кадетской программы и тогда помириться съ тѣмъ, что они «меньшинство» и довольствоваться ролью «подпружныхъ», которые подгоняютъ другихъ. Или согласиться представлять *всю* Россію и тогда безъ интеллигентскаго высокомѣрія сообразовать свою тактику съ уровнемъ, пониманіемъ и подготовленностью массы народа. Кадеты же, какъ во всемъ, хотѣли одновременно и того, и другого.

Кадеты были, конечно, либеральною партіей; но либерализмъ понятіе очень широкое. Въ вѣчной антиноміи «государства» и «личности» либерализмъ на первомъ мѣстѣ отстаивалъ права *личности*, но не жертвовалъ и государствомъ. Вопросъ, гдѣ линія, на которой возможно было эту антиномію разрѣшить, вопросъ не доктрины, а *факта*; на него не можетъ быть ни единаго, ни неизмѣннаго отвѣта. Все зависитъ отъ обстановки, времени, степени и свойства культуры данной страны. Борьба за либерализмъ никогда не прекращалась въ Россіи; но содержаніе либеральныхъ желаній и форма борьбы за нихъ въ теченіе времени бывали совершенно различны. И надо себѣ дать отчетъ, въ чемъ они были въ 1905-1906 гг.

Моментъ былъ исключительный. Самодержавіе долго бывшее для Россіи «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ» ее угнетало,

но оно же ее и создало. На немъ когда-то покоилось единство и могущество государства. Они были куплены цѣной безправія общества, неравенства сословій и классовъ, систематическаго пренебреженія къ либеральнымъ принципамъ. Одно шло рядомъ съ другимъ. Недаромъ эпоха Николая I — апогей великодержавія — была и эпохой наиболѣе безпощаднаго угнетенія общества. Можно было бояться, что когда сдерживавшая Россію *извнѣ* сила исчезнетъ, Россія развалится отъ центробѣжныхъ теченій, отъ недовѣрія массъ ко всякому подобію власти, отъ бунтарской озлобленности низовъ противъ соціальныхъ верховъ, отъ равнодушія массъ къ цѣлости и величію государства, даже къ культурѣ, которая была все таки достояніемъ одного меньшинства. Передъ «либерализмомъ» стало главной задачей преобразовать Россію на либеральныхъ началахъ, не *допустивъ торжества Революціи.*

Было ли это возможно? Опытъ либеральнаго преобразованія былъ еще недавно въ 60-хъ годахъ сдѣланъ успѣшно. Когда либеральныя реформы были тогда начаты, крупнѣйшіе дѣятели ихъ находили, что для *ихъ успѣха* «Самодержавіе» было нужно. Безъ него нельзя было провести мирно крестьянской реформы. Черезъ 40 лѣтъ вопросъ ставился иначе. За *эти* годы Самодержавіе себя не оправдало: начатыхъ реформъ не завершило, пошло даже вспять. Дѣятели 90-900-х годовъ пришли къ заключенію, что для того, чтобы вернуть Россію на путь неоконченныхъ реформъ, надо сначала Самодержавіе уничтожить. Можно ли было достигнуть и этого безъ Революціи? Это казалось сомнительно, но либералы не остановились передъ такою опасностью; они противъ Самодержавія вошли въ союзъ съ *революціонными* партіями. Почему либерализмъ рѣшился вступить на эту дорогу, гдѣ ему грозила опасность быть раздавленнымъ между молотомъ и наковальней, — разбирать я не стану. Побѣдителей не судятъ, а они побѣдили. Монархія согласилась дать «конституцію». Либеральное преобразованіе Россіи стало съ этихъ поръ возможно *безъ* Революціи. Но оно уже не могло быть сдѣлано силами одной только власти; ей въ этой реформѣ стало необходимо содѣйствіе общества. Соглашеніе общественности съ исторической властью для либеральныхъ реформъ и стало въ это время конкретной задачей либерализма и прежде всего той *партіи*, котрая представляла собой почти все либеральное общество.

Успѣхъ ея въ этой задачѣ былъ бы побѣдой либерализма; но партія не побѣдила. Общими силами Россію столкнули въ бездну революціоннаго хаоса. Почему же это такъ кончилось?

Въ конечномъ счетѣ Россію въ Революцію столкнула война. Безъ нея Революціи не было бы. Но если послѣ 8 лѣтъ (1906-1914) «конституціи» Россія смогла воевать цѣлыхъ три года, то будетъ ли смѣло предположить, что, если бы эти 8 лѣтъ протекали иначе, Россія смогла бы въ войнѣ достоять *до конца?* Въ совмѣстной конституціонной работѣ съ общественностью здоровые элементы исторической власти получили бы такую

опору, что они смогли бы преодолѣть осилившіе ихъ микробы разложенія власти и государства въ формѣ Распутинства. Война тогда пошла бы иначе и могла бы иначе окончиться. Конечно, во время войны общественность свой долгъ исполняла; но тогда было поздно. Она уже несла прямыя послѣдствія ошибокъ 1905-1906 годовъ; эти послѣдствія такъ неисчислимо громадны, что ихъ размѣръ себѣ страшно представить.

Сейчасъ ищутъ запоздалаго утѣшенія въ мысли, будто конституціонный строй въ Россіи все равно укрѣпиться не могъ. Населеніе будто бы было способно на двѣ только крайности: «на безпрекословное повиновеніе» и на «безпощадный и безсмысленный бунтъ». Доля правды здѣсь есть; въ этомъ дѣйствительно была большая опасность. Потому то партія, которая стояла за конституцію, должна была съ этими *обоими* врагами бороться. Борьба съ ними не была безнадежна. Правда Самодержавіе не подготовляло русское общество къ конституціи, къ уваженію къ закону и къ власти. Но здоровыхъ силъ въ странѣ было много. Если бы въ Россіи были только «бунтари» и «угодники», ни о какой конституціи не могло быть и рѣчи. Но и безъ мистической вѣры въ «ame slave», въ соборность, общинность и другія якобы коренныя свойства русскаго духа, мы все-таки видѣли, что русскій человѣкъ въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ власть ему не мѣшала, гдѣ онъ былъ хозяиномъ, умѣлъ и созидать, и управлять. Не только какъ отдѣльныя лица, но какъ цѣлое общество; задатки къ самоуправленію у него были большіе. И это съ глубокой древности до позднѣйшаго времени.

Правда эти «дѣлатели» не поднимались до высокихъ и общихъ вопросовъ; защищали только свои маленькіе интересы. За это интеллигенція клеймила ихъ презрительной кличкой «обывателей». Но на такихъ «обывателяхъ» стоитъ государство и держится власть. Судьба Самодержавія была рѣшена не банкетной кампаніей прогрессивной интеллигенціи, а тѣмъ, что *обыватели* потеряли вѣру въ Самодержавіе и перешли на сторону непонятной для нихъ «конституціи»; что миновало то время, когда они сами вязали революціонерамъ лопатки и смотрѣли на интеллигенцію, какъ на враговъ. Защиту *своихъ* интересовъ обыватели вручали теперь интеллигентамъ; они могли стать опорой либерализма, если бы либерализмъ пошелъ тѣмъ путемъ, который былъ *имъ* понятенъ. Они сами не хотѣли ни Революціи, ни безпорядковъ, ни разложенія государства. Поэтому они поддержали на выборахъ кадетскую партію. Въ опорѣ *мирнаго* населенія была ея главная сила; нужно было только умѣть ею пользоваться.

Не неподготовленность народа къ конституціонному строю стала препятствіемъ къ его проведенію въ жизнь, а *тактика* интеллигентскихъ руководителей, которые самоувѣренно претендовали представлять собой весь «народъ». Пока была война съ Самодержавіемъ, либерализмъ могъ идти съ революціонными партіями; но когда *конституція* была октроирована, Дума выбрана и кадетская партія Думой руководила, ея задачей

должно было быть примиренiе съ властью и защита Россiи отъ Революцiи.

Такъ соглашенiе съ властью должно было стать главной задачей либерализма этой эпохи. Это соглашенiе было нужно и власти,и ему самому. Безъ содѣйствiя либеральной общественности власть не могла страну успокоить; она не нашла бы довѣрiя въ обществѣ. Она и для либеральныхъ реформъ встрѣтила бы въ немъ противодѣйствiе, ибо timeo Danaos et dona ferentes. А противъ предвзятости либерализма она стала бы прибѣгать къ прежнимъ мѣрамъ репрессiй, отъ чего соскользнула бы незамѣтно въ колею старыхъ порядковъ. Потому для тѣхъ элементовъ въ правящемъ классѣ, которые поняли, что конституцiя необходима, соглашенiе съ либерализмомъ было очередной задачей. Уже 18 октября 1905 года Витте именно для такого соглашенiя къ себѣ вызвалъ Шипова.

Но соглашенiе еще больше было необходимо для либерализма. Монархiя была еще *громадной* силой и матерiальной, и моральной. Сохраненiе ея было нужно, чтобы спасти Россiю отъ того распада и разложенiя, которыя принесла бы съ собой Революцiя. Конституцiонную Монархiю надо было оберегать, не унижать. Вѣдь даже въ 1917 году, когда Монархiя была уже дискредитирована, Милюковъ все-таки убѣждалъ Михаила для спасенiя Россiи *не отрекаться*, принять престолъ, уѣхать на фронтъ и во главѣ вѣрныхъ войскъ дать бой революцiонному Петербургу. *Тогда* этотъ совѣтъ уже опоздалъ. Но почему было отклонено соглашенiе съ властью въ 1906 году, когда такихъ экстренныхъ мѣропрiятiй и не требовалось, когда нужно было только принять въ *принципѣ* соглашенiе? Не власть его отвергла,а наша общественность; она не подумала,что она этимъ теряла. Населенiе могло бы немедленно почувствовать выгоды новыхъ порядковъ; либерализмъ освободился бы отъ угожденiя своимъ прежнимъ союзникамъ; конституцiонная Монархiя сдѣлалась бы окончательной формой правленiя, а не переходнымъ мостомъ къ Революцiи; началась бы эра назрѣвшихъ *реформъ*.

Соглашенiе общественности съ исторической властью вовсе не означало капитуляцiи передъ нею. Если бы власть захотѣла тогда пойти по *ложной* дорогѣ, общественность въ лицѣ Думы имѣла бы возможность этому *воспротивиться*. Въ этомъ было самое несомнѣнное изъ завоеванныхъ обществомъ правъ. Но если въ существѣ и направленiи реформъ обѣ стороны были согласны, то подробности, темпъ, которымъ можно было идти, способы обходить затрудненiя — могли быть предметомъ уступокъ и соглашенiя. Такъ какъ власть и общественность были полезны другъ другу, то они другъ другу могли уступать. Общественность не обязана была капитулировать передъ властью, но и не могла требовать ея капитуляцiи передъ собой. Соглашенiе всегда компромиссъ, т. е. взаимность уступокъ. Вопросъ, до какой черты въ уступкахъ можно идти, вопросъ не принципа, а факта и такта. Либеральная общественность

должна была только признать, что съ объявленіемъ конституціи прежнее ея *непримиримое* отношеніе къ власти потеряло свой raison d'être, что соглашеніе стало возможно и нужно и что его надо было честно попробовать на основѣ полученной конституціи.

Но либерализмъ, поскольку его представляли кадеты, поставилъ себѣ иную задачу. Сговора въ властью онъ не захотѣлъ. Онъ добивался немедленной и полной побѣды надъ ней, требовалъ капитуляціи передъ собой и добился того, что власть приняла его вызовъ, перешла въ наступленіе и кадетскій либерализмъ побѣдила. Объ этомъ я говорилъ и въ своей первой книгѣ. Я видѣлъ объясненіе этой тактики въ томъ, что кадетская партія родилась въ обстановкѣ Освободительнаго Движенія, что благодаря этому въ нее вошли одинаково люди либеральные и революціонно-настроенные, конституціоналисты изъ земства и теоретики «Союза Союзовъ». Борьба съ Самодержавіемъ объединила ихъ въ единую партію. Но эта борьба окончилась 17 Октября. Для серьезнаго измѣненія тактики эта партія должна была расколоться. Вѣдь если различія между флангами существуютъ въ каждой политической партіи, то обыкновенно это только различіе въ «степени». У кадетъ между флангами было *принципіальное* разномысліе. Если бы у партіи былъ настоящій лидеръ, онъ бы не убоялся раскола. Расколъ всѣмъ былъ бы только полезенъ. Какъ двѣ *разныя* партіи, бывшія половины кадетъ могли бы даже сотрудничать. Но лидеромъ кадетъ былъ коллективъ, въ которомъ оба направленія намѣренно были представлены. Этотъ коллективъ ставилъ себѣ главною цѣлью не дать партіи расколоться и обманчивое единство ея охранять. Дѣятельность же номинальнаго «лидера» сводилась къ изобрѣтенію двухсмысленныхъ формулъ, за которыми партійныя разногласія прятали. Противоположныя теченія парализовали другъ друга. Тактика партіи пріобрѣла специальный характеръ, бывающій у правительствъ, которыя ставятъ задачею любою цѣною оставаться у власти. Это нехитрый мотивъ; онъ всѣмъ доступенъ, но обрекаетъ правительство на безплодіе, какъ обрекается на него всякая жизнь посвященная одному самосохраненію. Такой въ концѣ концовъ оказалась и кадетская тактика.

Подобнаго объясненія Милюковъ, конечно, не можетъ принять. Въ своей тактикѣ Милюковъ и теперь видитъ глубокій политическій смыслъ; онъ состоитъ въ сочетаніи *либерализма* и *революціи*. Его теперешнія «Воспоминанія» стараются доказать это каждой главой. И Милюковъ ставитъ мнѣ въ вину непониманіе этого смысла.

«Старый восьмидесятникъ остался вѣренъ себѣ, пишетъ онъ про меня 30 Мая 1937 г. въ «Послѣднихъ Новостяхъ, устранивъ изъ толкованія событій «вѣру» и энтузіазмъ, которые составляли динамизмъ не только революціонной, но и парламентской борьбы. Въ непониманіи того, что роль «руководителей» партіи к.-д. именно и состояла въ рядѣ попытокъ ввести

первую въ рамки послѣдней, *не угашая духа обѣихъ*, (курсивъ мой, *В. М.*) и заключается источникъ всѣхъ неправильныхъ возраженій Маклакова противъ «тактики» партіи, неизбѣжной при сохраненіи ея программы».

Я сдѣлалъ дословную выписку, чтобы не исказить ея смысла. Я плохо его *понимаю*. Что либерализму надо было стараться своихъ революціонныхъ союзниковъ превратить въ парламентаріевъ — ясно. Но зачѣмъ понадобилось «не угашать у нихъ революціоннаго духа»? Кому этотъ духъ былъ нуженъ? Въ результатѣ и вышло, что кадеты свой собственный духъ потушили.

Въ то время, какъ либеральная партія шла *прежнимъ* путемъ по инерціи, своей теоретической схемой Милюковъ ея ошибку оправдывалъ. Ея знаменитая тактика стала соотвѣтствовать и двойственности партійнаго состава и двойственности «теоретической схемы». Она не хотѣла дѣлать *выбора* изъ двухъ противоположныхъ путей — конституціоннаго и революціоннаго; хотѣла сохранить *обѣ* возможности, сразу идти по *обѣимъ* и ей пришлось сидѣть на двухъ стульяхъ.

Милюковъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ»: «На политической аренѣ въ этотъ промежутокъ времени шла обострившаяся борьба между двумя соперниками,которые оба были сильнѣе нарождавшагося конституціоннаго движенія. Между Самодержавіемъ и «смутой» принявшей какъ разъ послѣ 17 октября формы открытой революціи, партія к.-д. не могла стать ни на ту, ни на другую сторону. Да ни та, ни другая не только въ ней не нуждались, но, поскольку партія оставалась сама собой, она только стояла на дорогѣ и самодержавію,и революціи »(*)

Не могу себѣ представить болѣе невѣрнаго изображенія обстановки. Самодержавіе кончилось въ 1905 году. Поэтому Революція 1906 г. боролась не противъ него и не за конституцію, а за свои революціонныя цѣли. Никто не приглашалъ кадетъ стоять за *Самодержавіе*. Но противъ *Революціи* они должны были стоять на одной сторонѣ съ конституціонной Монархіей. Этого они не захотѣли. Имъ надо было сдѣлать выборъ между двумя «реальными» силами — между *исторической властью* и *Революціей*. Они предпочли оставаться *одни*, само собой. Они и *оказались* пустымъ мѣстомъ, такъ какъ, кромѣ одного самомнѣнія, собственной силы у *нихъ* не было никакой.

Отсюда и вышло, что партія, которая могла быть опаснѣйшимъ врагомъ реакціи и Революціи, только имъ и оказалась полезна; тому, въ чемъ было ея назначеніе, т. е. мирному превращенію Самодержавія въ конституціонную Монархію она въ рѣшительный моментъ помѣшала. Историческаго призванія своего исполнить не сумѣла.

Иллюстрацію этого можно видѣть на исторіи 1-ой Госуд. Думы; она составляетъ содержаніе этой книги.

Въ виду проблемъ, которыя жизнь ставитъ сейчасъ передъ міромъ, можно удивиться желанію тратить время на воспо-

---

*) «Русскія Записки», Мартъ 1939 г., стр. 102.

минанія изъ далекаго прошлаго. Но исторія не теряетъ своего интереса; никогда не грѣшно сохранять для нея матеріалъ. А у людей моего поколѣнія на это есть особое право, а можетъ быть долгъ. Будущее принадлежитъ уже не намъ, какъ бы на это мы ни надѣялись. За то мы послѣдніе живые свидѣтели минувшей интересной эпохи; скоро насъ совсѣмъ не останется. Для историка мы можемъ оказаться полезны. Теперешнія свидѣтельства наши самыя цѣнныя. Въ нихъ могутъ быть ошибки и даже невольныя пристрастія: но одному въ нихъ больше не доджно быть мѣста: *условной* лжи тѣхъ политическихъ «военныхъ реляцій», которыя были нами же созданы.

Для воспоминаній есть еще одно оправданіе. Исторія не повторяется, но законы жизни не мѣняются вовсе. Мы присутствуемъ при одномъ общемъ явленіи, которое въ громадныхъ масштабахъ совершается на нашихъ глазахъ: мы видимъ, какъ и почему *побѣдители свою побѣду проигрываютъ.* Побѣдители Великой Войны проиграли 18-ый годъ. Проигралъ свою побѣду во Франціи торжествовавшій наступленіе новой эпохи Front Populaire. Проиграютъ ее и возомнившія сейчасъ тоталитарныя государства. Въ своей книгѣ я вспоминаю эпизодъ *того же* порядка; вспоминаю, какъ побѣдившій въ 1906 году русскій либерализмъ *проигралъ свое дѣло.* И мои воспоминанія противъ моей собственной воли не вполнѣ чужды современности.

ГЛАВА I.

Отношеніе власти къ I-й Государственной Думѣ.

Исключительный интересъ первой Думы заключается въ томъ, что именно тогда либеральная общественность для достиженія своихъ цѣлей получила такое выигрышное положеніе, котораго у нея не бывало еще никогда. Что могли *раньше* дѣлать «либеральные дѣятели»? Стараться проводить свои взгляды въ рамкахъ даже не закона, а усмотрѣнія губернаторовъ, высказываться въ печати со всѣми условностями езоповскаго языка, зависѣть во всѣхъ начинаніяхъ отъ капризовъ и мѣстныхъ, и центральныхъ властей. Это не было вовсе безплодной, но во всякомъ случаѣ тяжелой, гнетущей работой. Позднѣе, въ эпоху «Освободительнаго Движенія», они получили новыя возможности; но все таки *въ чемъ* они фактически заключались? Собирать совѣщанія, которыя по прежнему иногда разгонялись полиціей, подавать Министрамъ и Государю адреса, за которые получали и выговоры, какъ за Черниговскій адресъ; составлять серьезные проекты переустройства Россіи и направлять ихъ подъ сукно Совѣта Министровъ; да еще наконецъ говорить громкія рѣчи на многолюдныхъ банкетахъ. Словомъ въ отличіе отъ прежняго вынужденнаго *молчанія* они получили право шумѣть, пока имъ не скажутъ: довольно! Естественно, что въ этихъ условіяхъ либералы стали искать соглашенія съ революціонными партіями, у которыхъ въ распоряженіи были болѣе сильныя и страшныя средства, хотя бы очень обоюдоострыя и съ понятіемъ правового порядка несовмѣстимыя. Такъ либеральная общественность была вынуждена идти съ революціей и безъ этого, вѣроятно, и «Освободительнаго Движенія» не было бы.

Теперь же все измѣнилось. Запретная «конституція» стала реальностью; можно было быть ей недовольнымъ, настаивать на ея измѣненіяхъ; но прежняго *Самодержавія* болѣе не было. Либерализмъ не долженъ былъ прятаться и надѣвать чужія одежды; онъ сталъ открытой всероссійской организаціей, которая ни взглядовъ, ни дѣятельности своей не должна была болѣе скрывать. А главное представители либеральнаго общества для вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ не должны были искать какихъ-то обходныхъ путей; они стали *частью государственной власти*. Они властвовали въ высшемъ законодательномъ установленіи — Думѣ. *Такой* обстановки для дѣятельности либерализма въ Россіи еще никто не видалъ.

Но какъ ни могущественны были по сравненію съ прошлымъ новые пути для либеральной дѣятельности, самая задача оставалась очень сложна. Превратить громадную Самодержавную Россію въ конституціонную Монархію — на *бумагѣ* было легко; для этого было достаточно Манифеста. Провести это превращеніе въ жизнь было безконечно труднѣе. Опасность грозила двоякая. Государственный аппаратъ издавна и прочно былъ построенъ и воспитанъ на Самодержавіи, на подчиненіи всѣхъ не закону, а усмотрѣнію и волѣ начальства. Въ государственномъ аппаратѣ были и по необходимости оставались люди, которые *иныхъ* порядковъ понимать не умѣли. Надо было много усилій и стараній, чтобы ихъ передѣлать, не разрушивъ на первыхъ же порахъ всего аппарата. Но еще большая трудность была въ томъ, что весь народъ, само интеллигентное общество было воспитано на томъ же Самодержавіи и, хотя съ нимъ боролось, усвоило главные его недостатки. У него тоже не было уваженія къ закону и праву; свою побѣду надъ старымъ порядкомъ оно поняло такъ, что оно само стало теперь такъ же *выше* закона, какъ раньше было Самодержавіе; безпрекословно подчиняясь раньше «волѣ» Монарха, оно думало теперь, что непосредственной «волѣ народа» ничто не можетъ противиться.

Задачей момента было вовсе не замѣнить одну самодержавную «волю» другой, а ввести господство «права» и, по живописному выраженію С. Е. Крыжановскаго, перебросить для этого мостъ между старой и новой Россіей, между властью и народомъ. Эта историческая задача выпала на долю либеральной, интеллигентной общественности, которая едва ли не одна понимала въ Россіи, какихъ правовыхъ принциповъ требуетъ конституція и съ какими предубѣжденіями и инстинктами противъ нея и сверху, и снизу придется бороться. Кадеты — какъ самая интеллигентная партія, впитавшая въ себѣ теорію «права», могла бы быть этимъ мостомъ и объединить на этой задачѣ всѣ здоровые элементы и власти, и общества. Именно *это* было ея отвѣтственнымъ и почетнымъ призваніемъ, достойнымъ надеждъ, которыя на нее возлагались.

Трудности этой задачи кадеты, однако, не поняли. Они сочли себя не *мостомъ* между народомъ и старою властью, а *самымъ народомъ*. Свои успѣхи на выборахъ, восторги передъ ними толпы, фиміамы, которые курила имъ своя же пресса, они приняли за выраженіе «воли народа», какъ нашъ Государь видѣлъ довѣріе и покорность народа въ привѣтственныхъ крикахъ: ура! Потому задача, какъ они ее понимали, показалась имъ очень простой; за ними, по ихъ мнѣнію, стоялъ весь народъ, а противъ нихъ только уже сознавшая свое безсиліе власть. Странно видѣть теперь легкомысліе, съ которымъ они пошли на проломъ, точно такъ же, какъ когда въ 1914 г. военныя партіи толкнули страны на европейскую бойню. Винаверъ разсказываетъ (Недавнее, стр. 81), какъ въ вечеръ 27 Апрѣля у него собрались «упоенные счастьемъ» нѣсколько депутатовъ для рѣ-

шенія неотложныхъ вопросовъ. Онъ же въ біографіи Кулишера (*) вспоминаетъ «буйные дни восторга въ первый періодъ Февральской революціи». Упоеніе счастьемъ, восторги! Я понимаю, что можно было придти въ восторгъ отъ Манифеста, въ которомъ была объявлена конституція, когда впервые побѣдилъ теоретическій *принципъ.* Но когда депутаты сошлись для великой и трудной черной работы, когда рѣчь шла о судьбѣ самой Россіи, когда опасность грозила со всѣхъ сторонъ и все могло рухнуть отъ неосторожнаго шага, тогда «упоеніе счастьемъ» — совсѣмъ неподходящее настроеніе. Кадеты и принялись за работу «съ легкимъ сердцемъ», съ рѣшимостью «не уступать». Въ результатѣ черезъ 2 мѣсяца выигрышное положеніе нашихъ первоизбранниковъ превратилось въ полное и заслуженное пораженіе.

Любопытно, что въ этомъ пораженіи либеральная пресса и общественность винили не Думу. Ни одной Думѣ не было послѣ ея неудачи посвящено столько восторженныхъ воспоминаній. Какія только названія ей ни давали! «Дума народныхъ надеждъ», «Дума народнаго гнѣва». Одинъ нестѣснявшійся авторъ предложилъ даже назвать ее «Думой великихъ дѣлъ»! На Выборгскомъ процессѣ О. Я. Пергаментъ закончилъ защитительную рѣчь такою тирадой: «вѣнокъ ихъ славы такъ пышенъ, что даже незаслуженное страданіе не вплететъ въ него лишняго листика». На послѣдующія Думы перводумцы смотрѣли, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Винаверъ насмѣшливо сравнивалъ свою Думу «полную вдохновеннаго полета великой эпохи, блеснувшую мужествомъ и талантами» съ «сѣренькой и безглавой» Думой 2-го созыва. День первой Думы дѣлали праздникомъ русской общественности. Критиковать І-ую Думу значило стать ренегатомъ.

Теперь позволительно быть справедливѣе. Незаслуженная канонизація первой Думы была естественна; именно *такъ* общество заступается за побѣжденныхъ и мститъ побѣдителямъ. За неудачу Думы стали «обвинять» только ея побѣдителей. Имъ стали приписывать предвзятый умыселъ взорвать конституцію и мѣшать Думѣ работать.

Такая позиція съ ихъ стороны обвинителямъ казалась естественной. Вѣдь не могло же въ самомъ дѣлѣ Самодержавіе помириться съ ограниченіемъ своей власти? При первой возможности оно, конечно, должно было начать подготовлять «реставрацію». Многіе выводили даже изъ этого поученіе, будто введеніе конституціи непремѣнно должно сопровождаться смѣной, если не династіи, то по крайней мѣрѣ Монарха. Конституція, будто-бы, погибла отъ того, что этого во время не было сдѣлано.

Въ крушеніи Россіи «выгораживать» власть безполезно. Ея вина несомнѣнна. Но не должно изъ-за этого закрывать глаза на грѣхи и нашей общественности. За 11 лѣтъ конститу-

*) «Недавнее», стр. 262.

ціи (1906-1917) были періоды, когда была виновата именно власть такъ же, какъ она *больше всѣхъ* была виновата за отдаленное *прошлое*. Это не мѣшаетъ признать, что въ тѣ моменты, когда общественность побѣждала, виноватой въ конечной своей неудачѣ оказывалась уже она. Объ самомъ красочномъ изъ этихъ моментовъ я и воспоминаю.

Вѣрна ли легенда, будто Государь съ самаго начала хотѣлъ уничтожить ту конституцію, которую онъ обнародовалъ, будто онъ съ первой Думой «игралъ»? Въ 1905 году на одномъ собраніи въ присутствіи Стэда Родичевъ говорилъ про отношеніе общественности къ Булыгинской Думѣ. Она на нее такъ смотрѣла: «Мы идемъ въ государственную думу, какъ въ *засаду* приготовленную намъ нашимъ врагомъ», — сказалъ онъ. Были ли такія слова оправданы и по отношенію къ конституціонной, законодательной Думѣ?

A priori, *предполагать* это было можно. Всякому «Самодержцу», конечно, трудно примириться съ умаленіемъ своей власти. А личное прошлое Государя, благоговѣніе передъ памятью и политикой Александра III, его первый политическій шагъ, — «безсмысленныя мечтанія», — упорная борьба съ «Освободительнымъ Движеніемъ», непріязнь къ слову «конституція», загадочныя фразы въ родѣ «мое Самодержавіе осталось, какъ встарь», котрую онъ сказалъ депутаціи правыхъ уже послѣ Манифеста, пристрастіе къ черносотенцамъ, сторонникамъ «реставраціи», наконецъ замыселъ отмѣнить конституцію въ 1917 году наканунѣ революціоннаго взрыва — позволяли *это* мнѣніе защищать. Но это лишь *одна* сторона. Есть и другая.

Государь *не самъ* хотѣлъ ввести конституцію, боролся противъ нея и далъ ее противъ желанія. По натурѣ онъ реформаторомъ не былъ. Все это правда. Но зато онъ умѣлъ *уступать*, даже болѣе, чѣмъ нужно. Такъ въ 1917 году онъ отъ престола отрекся, не исчерпавъ всѣхъ средствъ сопротивленія; а отрекшись, съ своимъ отреченіемъ *примирился* и никакихъ попытокъ вернуть себѣ тронъ онъ не дѣлалъ. Онъ не сдѣлался центромъ и вдохновителемъ реставраціонныхъ интригъ. Надзоръ за нимъ не былъ достаточно строгъ, чтобы этому помѣшать. Его заговорщической дѣятельности одни также напрасно боялись, какъ другіе на нее напрасно разсчитывали. Къ смѣнившей его новой власти Государь былъ совершенно лояленъ. Это доказываютъ его дневники. То-же можно было наблюдать и въ 1905 году. Самодержавіе было для него непосильною тяжестью; но онъ считалъ своею обязанностью его охранять. Когда же обстоятельства такъ сложились, что зашита Самодержавія показалась вредна для Россіи, когда тѣ, кому онъ вѣрилъ, совѣтовали ему уступить, онъ уступилъ. А уступивъ, съ своимъ новымъ положеніемъ онъ примирился полнѣе многихъ другихъ. Не онъ первый напалъ на конституцію, а новоизбранная Дума. Не онъ повелъ съ нею борьбу, а она, недовѣряя ему, сразу начала грозить ему Революціей. Если между Государемъ и либерализ-

момъ возобновилась война, то въ этой войнѣ не *онъ* былъ агрессоромъ; онъ лишь сталъ *защищаться*. А тѣ, кто сами вызвали эту войну, потомъ стали говорить — «мы были правы», и гордиться своей «дальновидностью». Быть *такимъ* пророкомъ вовсе не трудно.

Либеральный канонъ, вопреки очевидности, это все *отрицалъ*. Онъ утверждалъ, что *Государь* не признавалъ конституціи. Но доказательства его не сильны. Прежде всего придирались къ «слову». Почему Государь послѣ Манифеста продолжалъ называть себя «Самодержцемъ»? Почему онъ ни разу не произнесъ слова «конституція» и своему правительству этого не позволялъ? Когда въ Ноябрѣ 1905 года Милюковъ давалъ Витте «ультимативный» совѣтъ: «*произнести слово «конституція»*», Витте отвѣтилъ: «я о *конституціи говорить* не могу потому, что царь этого не хочетъ (*). Но вѣдь несмотря на несомнѣнную ненависть къ «слову», *конституція* была все-таки Государемъ сначала *обѣщана*, а черезъ полгода и дѣйствительно «*октроирована*». Зачѣмъ же кадетамъ было настаивать на «произнесеніи слова», когда *существо* конституціи они получили и оно у нихъ не оспаривалось? Развѣ это настаиваніе было достойно «реальныхъ политиковъ»? (**)

Оправданіе Государя въ его предвзятомъ нерасположеніи къ *слову* можно найти въ аналогичномъ, и гораздо менѣе понятномъ отношеніи самой «либеральной общественности» къ другому слову уже для *нея* ненавистному т. е. къ слову «Самодержавіе». Она требовала, чтобы этого слова болѣе не употреблялось. Но почему? «Основные Законы» его *сохранили*, какъ *историческій* титулъ, лишивъ одіознаго содержанія; болѣе того: сами кадеты заявили печатно, что оно не противорѣчитъ понятію «конституція», и потому рѣшили *подписать безъ оговорокъ* депутатское обѣщаніе въ вѣрности «Самодержцу». И все-таки этого ими самими подписаннаго и Законами «обезвреженнаго» титула они *не допускали*. Когда въ 3-й Думѣ въ заголовкѣ адреса къ Государю было предложено помѣстить этотъ титулъ, кадеты возстали и въ этомъ увлекли за собой октябристовъ. Что это слово могло измѣнить? А вѣдь непризнаніе *законнаго* титула за Монархомъ всегда считается оскорбительнымъ. Сколько было испорчено крови изъ-за «Императора Абиссиніи»!

---

*) Милюковъ. — «Три Попытки», стр. 25.

**) Что Государь не любилъ «произносить *слова* конституція» безспорно и объяснимо. Но такъ же несомнѣнно то, что онъ хорошо понималъ, что 17 Октября имъ была обѣщана именно *конституція*. 19 Апрѣля въ *письмѣ къ матери* онъ не убоялся даже самого этого слова. «Передо мной былъ», — пишетъ онъ, «и другой путь; дарованіе гражданскихъ правъ населенію, свобода слова, печати, собраній и союзовъ, неприкосновенность личности и кромѣ того обязанность получать для новыхъ законовъ согласія Государственной Думы, т. е. въ концѣ концовъ «конституція». Изъ того, что онъ сказалъ это матери не слѣдуетъ, что онъ *долженъ* былъ и *публично* употреблять *это же* слово.

И адресъ 3-й Думы изъ-за этого самочиннаго «отказа въ титулѣ» возстановилъ Государя противъ нея.

Надо признать, что этого термина «конституція» и вообще *не понимали* въ самомъ окруженіи Государя. Въ Февралѣ 1917 года, когда Революція уже началась, Великій Князь Павелъ Александровичъ ходилъ убѣждать Государя дать наконецъ «конституцію». Въ дни «отреченія» Императрица опасалась, чтобы Государя по его слабости не заставили подписать «конституцію». Что же разумѣли подъ ней въ *это* время?

Но допустимъ, что тамъ, при дворѣ были слишкомъ невѣжественны, чтобы понимать истинный смыслъ иностранныхъ юридическихъ терминовъ. Но лучше ли обстояло у насъ въ нашей интеллигентской элитѣ? Терминъ «конституція» въ строгомъ смыслѣ слова, терминъ совершенно *формальный*; онъ означаетъ совокупность законовъ опредѣляющихъ государственный строй, независимо отъ ихъ содержанія. Потому и у Сталина есть сейчасъ *конституція*. Но не будемъ стоять на *формальномъ* опредѣленіи и признаемъ, что будетъ исторически вѣрно, что конституція—противоположность *абсолютизму*, и что «конституція» имѣется тамъ, гдѣ права Монарха *ограничены* представительствомъ. Невольно вспоминаю, что именно этимъ признакомъ баронъ А. Ф. Мейендорфъ въ Думѣ защищалъ существованіе особой финляндской конституціи отъ ея непризнаванія П. А. Столыпинымъ. И съ этой точки зрѣнія «Основные Законы 1906 г.» были несомнѣнно *конституціей*. Ихъ смыслъ не мѣнялся отъ того, что ихъ могли иногда *нарушать* при попустительствѣ органовъ власти, какъ это къ сожалѣнію происходитъ и въ очень развитыхъ государствахъ. Это было уже злоупотребленіемъ власти, ибо сами «Основные Законы» были конституціей и «неограниченной» власти Монарха болѣе не допускали. И тѣмъ не менѣе наша общественность сочла возможнымъ утверждать, что эти законы — *не конституція*. и примѣнять къ нимъ, не къ практическому ихъ осуществленію, а къ нимъ самимъ презрительную кличку «лжеконституція». Милюковъ систематически и умышленно смѣшивалъ «конституцію» съ «парламентаризмомъ», хотя онъ и зналъ, что существуютъ и «непарламентарныя» конституціи и что если права Монарха въ нихъ «ограничены», то объемъ ихъ можетъ быть очень широкъ. Что же мудреннаго, что Государь не хотѣлъ употреблять иностраннаго и неопредѣленнаго слова, котораго народъ вовсе не понималъ, и которымъ было не трудно играть?

Потому-то терминологическіе аргументы были недостаточны для того, чтобы рѣшить, признавалъ ли Государь «конституціей» «Основные Законы». Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ можно бы только анализомъ самихъ законовъ. Но къ моему удивленію Милюковъ въ статьѣ «Послѣднихъ Новостей» 16 Іюля 1939 года, посвященной книгѣ Перса, приводитъ въ качествѣ аргумента за непризнаніе Государемъ конституціи — актъ 3 Іюня 1906 года. Опечатка не имѣетъ , конечно, значенія, хотя она символична. Я не буду отрицать, что позднѣе, когда либера-

лизмъ свою игру проигралъ и на политической авансценѣ появились опять заклятые враги конституціи, Государь постепенно перешелъ на ихъ сторону. На это доказательствъ не мало, не исключая и задуманнаго передъ самой Революціей переворота. Но это отдаленныя послѣдствія остроумной тактики Первой Думы. Въ 1906 же году Государь съ неудовольствіемъ возразилъ, когда Шиповъ ему намекнулъ на возможность не только отмѣны конституціоннаго строя, но даже измѣненія избирательнаго закона. Объ этомъ я говорю дальше въ XII главѣ. Но главное, самый актъ 3 Іюня 1907 г., какъ его ни осуждать, отнюдь не доказывалъ, что Государь не признавалъ конституціи. Самъ Государь въ Манифестѣ и Столыпинъ въ отвѣтной на декларацію рѣчи оправдывали его не *законными правами* «Самодержца», а «*необходимостью*» этого акта. «Что можетъ помѣшать Государю спасать ввѣренную ему Богомъ державу — воскликнулъ Столыпинъ, и эта фраза его pendant къ знаменитой апострофѣ Мирабо — je jure que vous avez sauvé la chose publique, которой Мирабо 19 Апрѣля 1790 года оправдывалъ превышеніе власти Національнымъ Собраніемъ. Кто же будетъ имѣть лицемѣріе отрицать, что государственные перевороты, нарушеніе формальнаго права, иногда *необходимы*, ибо, какъ говорилъ Бисмаркъ, «жизнь государства остановиться не можетъ»? Такіе перевороты могутъ происходить и сверху, и снизу, въ либеральномъ и реакціонномъ смыслѣ, смотря по тому, *кто сильнѣе*. Иногда они принимаютъ форму coup d'Etat, иногда революціи, и юристъ можетъ требовать одного, чтобы не выдавали этого *переворота* за *право*, за *нормальный* порядокъ. И ссылка на 3 Іюня, какъ на доказательство непризнанія конституціи , со стороны Милюкова тѣмъ удивительнѣе, что въ 3-й Думѣ, въ преніяхъ по адресу онъ самъ справедливо и разумно доказывалъ, что 3 Іюня произошелъ «не юридическій прецедентъ, а только нѣкоторая фактическая побѣда силы надъ правомъ». Но потому 3 Іюня и не могло доказывать непризнаванія конституціи. Надо для этого искать другихъ аргументовъ.

Но если эти доводы ничего не доказываютъ, то безполезно было бы все-таки отрицать, что по вопросу о «новомъ порядкѣ» между либеральной общественностью съ одной стороны, и Государемъ, правящими классами и массой некультурнаго народа съ другой, сохранилось одно серьезное идейное разногласіе. Въ *этомъ тогда* себѣ не отдавали отчета, и въ нашей спеціальной литературѣ и публицистикѣ того времени *то* разномысліе не нашло отраженія. Общественность считала, что въ 1905 году произошла «Революція», что новый строй явился полнымъ отрицаніемъ стараго, ибо онъ покоился на *другихъ* основаніяхъ. Съ своей точки зрѣнія она могла быть права. Но Государь, его окруженіе и громадная масса народа понимали это *иначе*. *Разрыва* съ прошлымъ они не усматривали; во главѣ государства осталась стоять та-же привычная власть, тотъ же Государь съ освященными и исторіей, и Церковью титулами. Государь дорожилъ этимъ народнымъ воззрѣніемъ и не хотѣлъ

его «разрушать». Для спокойствія Россіи оно было только полезно, если даже по существу въ строеніи государства и совершилась глубокая перемѣна. И кромѣ того со стороны Государя это не было «благочестивымъ обманомъ»; онъ самъ дѣйствительно *такъ* понималъ перемѣну. Она, въ его представленіи, не разрывала съ историческимъ прошлымъ. Въ самомъ прежнемъ Самодержавіи, по его убѣжденію, былъ зародышъ того, что называлось въ общежитіи «конституціей»; для перехода къ ней, поэтому, было достаточно простой «эволюціи». Именно потому Государь и могъ такъ неожиданно легко съ ней помириться. Эта специфическая идеологія не лишена интереса.

Со времени Сперанскаго идеологи «Самодержавія» противополагали его «деспотіи», какъ «правовой строй» — «произволу». Это пониманіе Самодержавія отражалось и въ «Основныхъ Законахъ» *старой* редакціи. Наряду со статьею 1-й, которая устанавливала «неограниченную» власть Самодержавнаго Государя, «которой повиноваться самъ Богъ повелѣваетъ», была и ст. 47, утверждавшая, что Россія управлялась на «твердомъ основаніи законовъ». Въ этой статьѣ и былъ зачатокъ *правового* порядка, отличнаго отъ *деспотіи*.

Мое поколѣніе смѣялось надъ этой тонкостью, находя, что одна статья исключала другую. Если Монархъ «неограниченъ», то у законовъ «твердаго основанія» нѣтъ и наоборотъ. Но съ такимъ взглядомъ не всѣ соглашались. Проф. Коркуновъ, проф. А. С. Алексѣевъ, замѣнившій на кафедрѣ М. М. Ковалевскаго и другіе учили иному.«Неограниченный Монархъ» былъ,конечно, *выше* законовъ и не только потому, что въ случаѣ ихъ нарушенія онъ былъ безотвѣтствененъ, но и потому, что его воля могла всякій законъ мѣшавшій ему *измѣнить*. Но Монархъ могъ самъ установить для выраженія своей воли опредѣленныя формы и ограниченія; покуда они существовали, онъ *долженъ* былъ и самъ имъ подчиняться. Въ этомъ «самоограниченіи» Самодержца и былъ зародышъ «правового порядка». Идеалисты Самодержавія стремились доказывать, что «неограниченность Самодержавія» была даже *лучшей* охраной законности, ибо Самодержцу не было надобности законъ нарушать. Онъ свободно могъ его *измѣнить*. Нарушеніе законовъ — выходъ только безсилія.

Эта идиллія жизнью не подтверждалась. Самодержавіе сдѣлалось у насъ источникомъ беззаконія. Оно давало слишкомъ много способовъ и соблазновъ безнаказанно законъ нарушать. Но основная мысль, что законъ изданный Государемъ, пока онъ имъ не отмѣненъ, былъ и *для него* обязателенъ. была *здоровою* мыслью. Она въ теоріи дѣлала изъ неограниченнаго Монарха не деспота, не «princeps legibus solutus», а лицо *подзаконное*. Правда за нарушеніе закона онъ самъ былъ безотвѣтствененъ; правда законъ, который онъ нарушалъ, былъ созданіемъ его *одного*. Но разъ онъ признавалъ его для себя обязательнымъ, то, если онъ не исполнялъ закона, онъ нарушалъ *данное слово*. Знаменательно, что наиболѣе убѣжденные Само-

державцы, какъ Николай I, не могли допустить, чтобы всемогущій Монархъ могъ унизиться до нарушенія даннаго слова. Вѣрность своему слову была его point d'honneur'омъ, компенсаціей его всемогущества. Здѣсь былъ эмбріонъ «правового порядка», который облегчилъ безболѣзненный переходъ къ «конституціи».

Съ этой точки зрѣнія, что было сдѣлано въ 1905 году? Государь установилъ новое *самоограниченіе*. Онъ постановилъ, что впредь «ни одинъ законъ не будетъ имъ издаваемъ безъ согласія Думы». Это очень важное самоограниченіе, но оно само по себѣ идеологіи Самодержавія не нарушало. Меньшее самоограниченіе, но такого же типа, было введено ст. 49 (*) въ Булыгинской Думѣ; въ защиту его никто другой, какъ Д. Ф. Треповъ сказалъ любопытную фразу: «эта статья несомнѣнно составляетъ *ограниченіе* Самодержавія, но ограниченіе исходящее отъ Вашего Величества и полезное для законодательнаго дѣла». Теперь аналогичное самоограниченіе пошло только дальше. При такомъ пониманіи Манифестъ 17-го Октября могъ быть изображенъ не какъ разрывъ съ историческимъ прошлымъ, а какъ простое его развитіе; пышная фразеологія актовъ 18 Февраля и 6 Августа оба «издавнемъ желаніи Вѣнценосныхъ предковъ достигать народнаго блага совмѣстной работой правительства и зрѣлыхъ общественныхъ силъ», получала свое оправданіе. Никакой *конституціонной* идеологіи для его объясненія не было нужно. Болѣе того: Государь тогда могъ сказать, что его «Самодержавіе сохранилось какъ встарь», хотя *практически* отъ него сохранился лишь историческій *титулъ*, да еще очень ограниченное право «диспансовъ» (ст.23 Осн. Законовъ). Но прежняя идеологія осталась незыблемой. Отъ нея онъ могъ не отступать.

Эта конструкція, конечно, помогла Николаю II искренно принять «конституцію». Но въ ней же таилась опасность. Ею могли въ удобный моментъ воспользоваться враги конституціи. Когда на Апрѣльскомъ Совѣщаніи обсуждались новые Основные Законы и 4 статья о «власти Монарха», въ которой былъ сохраненъ титулъ «Самодержавный», но исключено слово «Неограниченный», то Горемыкинъ находилъ, что этой 4 статьи вовсе не нужно касаться. Вѣдь ничего не перемѣнилось. Монархъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ. Онъ установилъ только «новый порядокъ разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ». Этотъ новый порядокъ и нужно ввести въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Свода Законовъ, а *все остальное* оставить по-прежнему. Что было бы, если бы тогда послушали Горемыкина? Новый конститу-

---

*) «Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ членовъ въ общемъ собраніи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не передаются на Высочайшее усмотрѣніе, а возвращаются подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльною частью, по принадлежности, для дополнительной разработки» (Положеніе о Булыгинской Думѣ.).

ціонный порядокъ сталъ бы существовать только до того дня, когда Государь захотѣлъ бы его измѣнить. Такъ бывало и раньше со всѣми «самоограниченіями», которыя Государь устанавливалъ. Тогда сохранилась бы не только *идеологія* Самодержавія, но и его прежняя *практика*. При ней ни о какой «конституціи» дѣйствительно говорить было бы нельзя.

Но Горемыкину возразили. Сторонники конституціи стали указывать, что Манифестъ тоже *законъ*. Разъ Государь объявляетъ, что ни одинъ законъ не можетъ быть измѣненъ безъ согласія Думы, то это правило — тоже законъ и измѣнить *его* безъ согласія Думы впредь будетъ *нельзя*. А этимъ Монархъ хотя и добровольно, но уже *навсегда* свою власть ограничилъ и потому «Неограниченнымъ» быть пересталъ. Потому и необходимо эту четвертую статью измѣнить, и права Государя *«ограничить»* закономъ. Въ этомъ было «конституціонное» пониманіе Манифеста. Вотъ какая незамѣтная грань отдѣляла «Самодержавіе» отъ «конституціи». Она вся заключалась въ одномъ словѣ «Неограниченный». О немъ и пошелъ горячій споръ въ Совѣщаніи, въ которомъ Витте занялъ недостойную его двусмысленную позицію. А именно онъ предлагалъ, чтобы Государь опубликовывая Основные законы оговорилъ, что *измѣненіе ихъ* онъ оставляетъ *за собою однимъ*. Тогда осталось бы прежнее Самодержавіе.

Государь лично участвовалъ въ этомъ спорѣ и защищалъ точку зрѣнія Горемыкина. «Меня мучаетъ чувство, говорилъ онъ, имѣю ли я право передъ моими предками измѣнить предѣлы власти, которую я отъ нихъ получилъ». Не въ личномъ властолюбіи совсѣмъ не властолюбиваго Государя, а въ этомъ «чувствѣ» измѣны завѣтамъ лежали его сомнѣнія. Но самый вопросъ онъ ставилъ ясно и правильно. Рѣчь шла не о «порядкѣ изданія новыхъ законовъ», а объ *ограниченіи самого объема власти Монарха*. Послѣ долгаго обсужденія онъ свое рѣшеніе отложилъ до конца совѣщанія.«Статья 4 — самая серьезная во всемъ проектѣ, заключилъ онъ. Но вопросъ о моихъ прерогативахъ — дѣло моей совѣсти и я рѣшу, надо ли оставить статью, какъ она есть или ее измѣнить».

Эти слова показываютъ, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ смыслѣ этой статьи. Ею рѣшалось, сохранится ли у насъ неограниченное Самодержавіе, хотя бы съ «новымъ порядкомъ разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ», или будетъ введена «конституція». Государь размышлялъ нѣсколько дней и затѣмъ уступилъ; слово «Неограниченный» вычеркнулъ. Характерно, *чѣмъ* его убѣдили. Только однимъ: что слово, царское слово было *дано Манифестомъ*, что брать его *назадъ* для Царя недостойно. Это тоже было старой идеологіей Самодержавія. Такъ Основные Законы, съ утвержденія Государя, ввели у насъ конституцію; изъ этого видно, какъ удачна была кадетская тактика, которая встрѣтила ихъ негодованіемъ и отрицаніемъ и стала утверждать на радость врагамъ, что они «не конституція».

Но общественность искренно думала такъ потому, что ея политическая идеологія была совершенно *другая*. Въ объявленіи конституціи она сознательно хотѣла видѣть разрывъ, а не эволюцію, измѣненіе *основъ* нашего строя. Монархъ выводилъ реформу изъ полноты *своей* власти, которую онъ *самъ ограничилъ* для пользы Россіи. Общественность вела ее изъ *суверенитета народа*, который выше законовъ. Государь продолжалъ считать себя Монархомъ «Божіею Милостью», который даровалъ народу права. Общественность же признавала источникомъ и *его* власти только «волю народа». Эти двѣ идеологіи, конечно, *исключали* другъ друга, какъ логическія антиноміи. Но «идеологически» непримиримое разномысліе «практически» не имѣло значенія. Пусть Государь считалъ, что онъ *одинъ* даровалъ конституцію; онъ все-таки считалъ себя связаннымъ *своимъ словомъ* ее соблюдать и не измѣнять безъ согласія представительства. Пусть общественность думала, что воля народа *выше* всякаго права; она тѣмъ не менѣе понимала, что Монархія реальная сила, и что принадлежащія Монарху по конституціи права нельзя игнорировать. Такъ обѣ стороны по разнымъ мотивамъ могли *одинаково* принять «конституцію». Пути ихъ на этомъ пунктѣ сошлись.

Конечно — и общественность была въ этомъ права — царское слово могло казаться недостаточной гарантіей для прочности «конституціи». Но чего большаго въ тогдашнихъ условіяхъ общественность отъ него могла потребовать? Присяги, которую позднѣе въ 1917 г., включили въ текстъ «отреченія» Государя? Но вѣдь присяга сама только видъ *обѣщанія*. Договора, заключеннаго между Государемъ и представительствомъ? Но сила договора основывается тоже только на вѣрности данному *слову*. Не нужно быть марксистомъ, чтобы признать, что настоящая гарантія конституціи покоилась на «соотношеніи силъ». Это соотношеніе въ 1905 году было не въ пользу общественности; въ этомъ она въ томъ же году смогла убѣдиться. Весь государственный аппаратъ находился тогда въ рукахъ исторической власти. Да и престижъ ея въ массахъ народа былъ еще очень высокъ. Чтобы сдѣлать Государя безсильнымъ измѣнить конституцію, надо было бы сначала лишить его власти, т. е. произвести *Революцію*. Это и было затаеннымъ желаніемъ многихъ. Но это не было нужно. Данное соотношеніе силъ не было неизмѣннымъ; одно существованіе конституціи помогало бы ея укрѣпленію; проведенные ею законы, ихъ ощутимые результаты создавали бы ей новыхъ защитниковъ. Время работало бы на нее, а не противъ нея. Вотъ почему надо было прежде всего пустить *ее* въ ходъ, а до тѣхъ поръ торжественное слово Монарха было *максимумомъ* того, чего отъ него можно было потребовать. Все остальное, въ родѣ назойливыхъ требованій непремѣнно *произнести слово — конституція*, къ крѣпости конституціи прибавить ничего не могло. Хуже того: это слово поднимало деликатный идеологическій споръ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; его нужно было избѣгнуть, когда въ практическихъ выводахъ

обѣ стороны могли быть согласны. Каждый могъ сохранить свою идеологію и употреблять свою терминологію, другому ее не навязывая. Государь говорилъ о «Самодержавіи», общественность о «конституціи». Пока обѣ стороны оставались бы въ рамкахъ *закона*, они могли вмѣстѣ работать надъ общею цѣлью, какъ въ практической жизни надъ многимъ могутъ вмѣстѣ работать идеологическіе антиподы — «церковники» и «атеисты».

Эта конструкція новаго строя, какъ ее понималъ Государь, помогла ему *безъ заднихъ мыслей* принять этотъ порядокъ. Какъ видно, онъ не сразу къ ней перешелъ. 17 Октября онъ только смутно чувствовалъ, куда его приведетъ Манифестъ. Въ Апрѣлѣ это сдѣлалось ясно. Мало этого. Испытанія, которыя произошли за эти полгода, показываютъ, насколько его рѣшеніе было серьезно. Вѣдь передъ тѣмъ, какъ въ апрѣлѣ 1906 г. окончательно рѣшился вопросъ о конституціи, жизнь дала оптимистамъ урокъ. Отъ Манифеста 17 Октября ждали другихъ результатовъ. Съ разныхъ сторонъ пророчили Государю немедленное *успокоеніе*; *этимъ* убѣдили его уступить. Но вмѣсто успокоенія воцарилась анархія, а «либеральное общество» продолжало совмѣстно съ Революціей наносить власти удары. Революціонный натискъ 1905 года былъ раздавленъ одними силами стараго режима, безъ помощи либеральной общественности. Многіе либеральные люди тогда метнулись направо. Революціонные вожаки притаились. Начиналась реакція въ настроеніи общества. Въ этихъ условіяхъ взять назадъ Манифестъ, его «ограничить», или отсрочить его исполненіе было не трудно.

Но власть все-таки назадъ не пошла. Напротивъ. Тѣ, кто еще въ іюлѣ 1905 года защищали *противъ конституціи* совѣщательную Думу Булыгина, къ конституціи присоединились и ее на Апрѣльскомъ Совѣщаніи отстояли. Рядъ преданныхъ Государю лицъ заявляли, что, хотя Манифесту они не сочувствовали, но теперь его трогать нельзя. Самъ Государь, отстаивая титулъ «Неограниченный», про Манифестъ 17 Октября заявилъ: «что бы ни было и что бы ни говорили, меня не сдвинутъ съ акта прошлаго года и отъ него я не отступлюсь». Онъ упомянулъ о телеграммахъ, которыя со «всѣхъ концовъ и угловъ русской земли» получаетъ и въ которыхъ, вмѣстѣ съ мольбами не ограничивать своей власти, его благодарили за права, *которыя Манифестомъ онъ далъ*. У конституціи никогда не было столько сторонниковъ, сколько ихъ оказалось послѣ полугода «*анархіи*».

Это не случай; событія открыли глаза. Прежняго убѣжденія, будто кромѣ кучки интеллигентныхъ смутьяновъ *всѣ* стоятъ за старый порядокъ, поддерживать стало нельзя. Военная сила могла уничтожать революціонныхъ «дружинниковъ», но дѣло теперь было не въ нихъ. У *прежняго* Самодержавія не оказалось защитниковъ. Ихъ не нашли ни въ дворянской, ни въ земской средѣ. Избирательный законъ 11 Декабря попытался ихъ обнаружить въ «неиспорченномъ культурой» крестьян-

ствѣ. И эта ставка была разбита на выборахъ. Даже тѣ, кто осыпали Государя просьбами сохранить Самодержавіе, одновременно благодарили его за Манифестъ, который Самодержавіе ограничилъ. Для «реставраціи» такія телеграммы уже не годились. Разумные люди изъ этого выводы сдѣлали; они приняли новый порядокъ. Вѣдь въ томъ лагерѣ давно *предвидѣли* наступленіе такого момента. Такъ въ 1903 году разсуждалъ даже Плеве въ разговорѣ съ Шиповымъ (*). Изъ воспоминаній С. Е. Крыжановскаго видимъ, что онъ самъ не только сталъ сторонникомъ новаго строя, но пытался даже убѣдить въ этомъ Императрицу. Всѣ, кто въ нашей бюрократіи не были ни зубрами, ни просто угодниками, кто для сохраненія режима не хотѣли жертвовать Россіей, всѣ *помирились съ новымъ порядкомъ* гораздо искреннѣе, чѣмъ либеральная общественность думала. Ей не зачѣмъ было защищать конституцію противъ ея *прежнихъ* враговъ. Враги конституціи теперь шли съ другой стороны.

Такъ разумная тактика требовала отъ либеральной общественности отложенія всѣхъ идеологическихъ споровъ съ властью до болѣе благопріятной политической обстановки. Отъ этого спора въ то время никакой пользы не могло быть. Но за то общественности надо было твердо держаться за «конституцію», которая практически давала странѣ все, что было ей нужно, и въ которой былъ залогъ того, что и идеологія позднѣе измѣнится. Полезное соглашеніе съ властью для проведенія *неотложныхъ реформъ* могло быть заключено именно на *этой* конституціонной основѣ. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какимъ путемъ вмѣсто этого пошла Дума.

Но наша либеральная общественность упрекала Верховную Власть не только въ томъ, будто это она *конституцію* не признавала. Она подозрѣвала тѣхъ, кто на нее согласился въ намѣреніи подъ покровомъ ея все оставить по-старому. Конституція , по ихъ мнѣнію, будто бы была только полицейской мѣрой. Органическихъ реформъ власть допускать не хотѣла. Потому законодательная программа Думы, широта внесенныхъ ею проектовъ и всего прежде земельнаго будто бы правящій классъ испугали и повели къ роспуску Думы.

На этомъ обвиненіи можно еще меньше настаивать, чѣмъ на «непріятіи» конституціи. Власть еше раньше конституціи уже признала необходимость «обновленія» для Россіи. Первый Указъ Государя 12 Декабря 1904 г. объявившій *либеральную* программу правительства былъ изданъ тогда, когда Самодержавіе не допускало не только конституціоннаго строя, но даже совѣщательной Думы. Пусть эта либеральная программа правительства самостоятельна не была и была заимствована изъ постановленій перваго земскаго съѣзда, т. е. зрѣлой либеральной общественности. Это вовсе не было ея недостаткомъ,

*) Шиповъ: «Воспоминанія и думы», стр. 234.

*) С. Крыжановскій. — «Воспоминанія», стр. 183.

но было характерно. На этой программѣ пересѣкались линіи правительства и либеральнаго общества. Политическіе вожди этого времени искали сближенія либерализма съ революціонными партіями; а оказалось, что на практической программѣ реформъ гораздо ранѣе состоялось реальное и полезное для Россіи соглашеніе либеральной общественности съ исторической властью. Для того, чтобы въ реформахъ вмѣстѣ идти, у нихъ нашелся общій языкъ.

Это можно увидѣть на самомъ рельефномъ примѣрѣ, на крестьянскомъ вопросѣ. Издавна устоями Россіи, которыми опредѣлялось ея своеобразіе и ея мощь, считалось не только «Самодержавіе», но и «сословность», т. е., главнымъ образомъ, замкнутость и обособленность крестьянскаго міра. Старая, полуфеодальная Россія держалась на нихъ. Наши «консерваторы» стояли одинаково за оба эти устоя. Какъ до 61 года государственный порядокъ былъ основанъ на *крѣпостстномъ правѣ* и «освобожденіе крестьянъ» потянуло неминуемо за собой и другія реформы, такъ въ 90 годахъ соціальный и административный строй Россіи держался на крестьянскомъ неравноправіи и обслуживаніи крестьянами громаднаго числа общегосударственныхъ нуждъ. Консерватизмъ упорно отстаивалъ крестьянскую «замкнутость» и естественно, что либеральная программа немедленно поставила на первое мѣсто *крестьянское уравненіе.*

Исторической, но неоцѣненной заслугой Витте передъ Самодержавіемъ было то, что уже въ 97 году онъ поставилъ ребромъ этотъ вопросъ и разорвалъ гибельную для Самодержавія связь между нимъ и сословностью. Понималъ ли онъ, убѣжденный сторонникъ Самодержавія, что разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ дальнѣйшемъ непремѣнно приведетъ къ конституціи — судить не берусь. Но Плеве это понялъ отлично, на этомъ сломилъ Витте и похоронилъ работу сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Но остановить хода исторіи онъ все же не могъ. И когда началась «весна» Святополкъ-Мирскаго, въ Указѣ 12 Декабря на первомъ мѣстѣ появилось похороненное «крестьянское уравненіе» и съ тѣхъ поръ не исчезало изъ программы правительства. Когда въ Петергофѣ проиходило обсужденіе проекта Булыгинской Думы, консерваторы все еще надѣялись «сохранить» Самодержавіе; но за то за охрану «сословности» ратовали только послѣдніе «зубры». Само правительство отъ нихъ тогда отмежевалось. Крестьянское уравненіе стало uberwundener Standpunkt. А за нимъ измѣнился бы весь обликъ страны. Какъ послѣ «освобожденія» 61 года дворянство потеряло основу своей власти въ странѣ, такъ послѣ уничтоженія неравноправія правящій центръ долженъ былъ искать новыхъ источниковъ своей силы.

Ставъ премьеромъ Витте могъ отдаться этой громадной и благодарной задачѣ. Въ засѣданіи Совѣта Министровъ 5 Марта было постановлено выступить передъ Думой съ цѣльной программой. На первомъ мѣстѣ ея символически стояло «окончаніе

подготовительныхъ работъ крестьянскаго дѣла». Но это было бы только первымъ шагомъ. За нимъ логически послѣдовали бы и другіе. Были бы завершены главныя реформы 60-хъ годовъ, земская и судебная, остановленныя во время реакціи по ихъ несоотвѣтствію съ Самодержавіемъ; обѣ соотвѣтствовали теперь конституціи и правовому порядку. Стали бы необходимы «свободы», которыя, конечно, противорѣчили духу «стараго» режима, но безъ которыхъ конституція существовать не могла. Обратились бы опять къ благодарнымъ соціальнымъ реформамъ, къ защитѣ слабыхъ, къ помощи крестьянамъ въ ихъ земельной нуждѣ, къ защитѣ рабочихъ противъ «капиталистовъ». Объ этомъ давно заботилось Самодержавіе, чтобы имѣть опору въ низахъ; теперь это становилось нужнѣе, а благодаря представительству могло быть сдѣлано гораздо полнѣе и лучше. Можно было, наконецъ, припомнить, что Россія не унитарное государство, поставить во всю глубину національный вопросъ, важность котораго для Россіи, какъ оказалось, не понималъ не только старый режимъ, но и общественность. Вотъ неполная схема реформъ, которыя стояли неотложной задачей передъ Государственной Думой. Правительство вовсе не отрицало ее; она еще раньше сдѣлалась программой правительства.

Такъ въ этой программѣ дѣйствительно скрестились дороги общественности и исторической власти. Въ ней между ними не было той идеологической разницы, какая была въ пониманіи *политическаго* строя Россіи. Направленіе реформъ было одно и то-же; разница могла быть только въ деталяхъ, точнѣе въ ихъ темпѣ. Въ этомъ же не только всегда достижимо соглашеніе, но самое разномысліе можетъ быть и естественно, и полезно. Медлительность и чрезмѣрная быстрота одинаково вредны. И потому сами собой напрашивались взаимныя уступки, сотрудничество власти и общества.

Этой преобразовательной работѣ правительство придавало и важный политическій смыслъ. Она могла бы предотвратить ненужныя *идеологическія* препирательства съ Думой. Въ эпоху опалы Витте я не разъ слышалъ это отъ него самого. Самые грандіозные реформаторскіе проекты Думы его не пугали. Въ Совѣтѣ Министровъ 5 Марта Витте доказывалъ, что «необходимо сразу направить занятія Гос. Думы къ опредѣленнымъ и широкимъ, но зато трезвымъ и дѣловымъ работамъ и тѣмъ обезпечить производительность ея дѣятельности». Это подтверждаютъ и воспоминанія гр. В. Н. Коковцева. За нѣсколько дней до Думы Государь не раздѣлялъ пессимизма графа. Онъ выражалъ ту-же надежду, что Витте, т. е. что «Дума занявшись работой можетъ оказаться менѣе революціонной, чѣмъ ожидаетъ Коковцевъ; земскіе круги не захотятъ взять на себя неблагодарной роли быть застрѣльщиками въ новой вспышкѣ борьбы между правительствомъ и представительствомъ» (*). Эти слова Государя

---

*) Гр. Коковцевъ. — «Изъ моего прошлаго», стр. 168.

опровергаютъ предвзятое обвиненіе, будто правительство реформъ допускать не хотѣло и рѣшило мѣшать Думѣ работать.

Противорѣчитъ ли этому то, что правительство на дѣлѣ явилось въ Думу съ пустыми руками и — что хуже — съ проектами «оранжереи и прачешной», въ которыхъ общественность усмотрѣла надъ собою насмѣшку? Для митинговъ такой аргументъ былъ эффектенъ; но вѣдь это неправда. Либеральная программа была публично объявлена (13 Мая) и соотвѣтствующіе ей законопроекты были скоро затѣмъ внесены (1 Іюня — мѣстный судъ и служебныя преступленія, 12 іюня — расширеніе крестьянскаго землевладѣнія). Задержка съ ихъ представленіемъ объяснялась иначе. Просто ничего готоваго, кромѣ мелкихъ законопроектовъ, къ моменту созыва Думы не оказалось. Нужно ли было искать хитраго объясненія этому факту? Оно само собой очевидно. 22 апрѣля министерство Витте получило отставку. Горемыкинъ былъ назначенъ Премьеромъ. Составленіе имъ новаго кабинета происходило въ ненормальной обстановкѣ. Государь поставилъ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ прежнихъ Министровъ въ новый кабинетъ не вошелъ. Приходилось наскоро искать *новыхъ* людей, незнакомыхъ съ тѣмъ, что было за это время задумано. Все дѣлалось наспѣхъ. Коковцовъ узналъ о своемъ назначеніи Министромъ Финансовъ вечеромъ наканунѣ открытія Думы. Новое министерство при добромъ желаніи не могло явиться въ Думу съ готовой программой. Къ тому же для деклараціи настоящее время еще не пришло. Дума не конструировалась, не провѣрила своихъ полномочій. Первые дни она была занята обсужденіемъ адреса. Изготовленіе же «законопроектовъ» требуетъ времени, если вносить дѣйствительно законопроекты, а не «общія фразы». Мы увидимъ впослѣдствіи, что не Думѣ было упрекать правительство за законодательную медлительность.

Можно ли заподозрить, что самая отставка Витте была враждебнымъ шагомъ по отношеніи къ либеральной общественности? Такой выводъ былъ бы ошибкой. Сама общественность такъ не смотрѣла. Кадетская партія паденіе министерства привѣтствовала и видѣла въ немъ *свое* торжество. Видимыя основанія для такого сужденія были. Когда 14 Апрѣля Витте написалъ прошеніе объ отставкѣ, въ числѣ поводовъ къ ней онъ указалъ на нападки, которымъ подвергнется въ Думѣ, и которые могутъ помѣшать совмѣстной съ нею работѣ. Онъ въ этомъ былъ правъ. Либерализмъ къ нему былъ настроенъ враждебно, не желая признать, что онъ самъ былъ виноватъ въ томъ, что послѣ Манифеста сдѣлалось съ Витте. А съ другой стороны, какъ ни законно было раздраженіе Витте на либерализмъ, оно дошло до тѣхъ крайностей, которыя сдѣлали Витте непригоднымъ для примиренія съ Думой. Стенографическіе отчеты Особыхъ Совѣщаній это доказываютъ; Витте былъ въ нихъ не на высотѣ; былъ ниже своего прошлаго и настоящаго роста. Кадеты могли торжествовать; большого и полезнаго человѣка своей тактикой они обезсилили и устранили со сцены.

Если уходъ Витте и могъ показаться по кадетскому самомнѣнію уступкою Думѣ, то замѣна его Горемыкинымъ была подлиннымъ «общественнымъ бѣдствіемъ». Общественность тогда и этого не понимала. (*) Когда Горемыкинъ былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ ничѣмъ реакціоннымъ себя не запятналъ. Въ его столкновеніи съ Витте по поводу Сѣверо-Западныхъ земствъ общественность была на его сторонѣ. Его считали знатокомъ крестьянскаго вопроса, такъ какъ было два толстыхъ тома о крестьянскомъ законодательствѣ подъ его редакціей выпущенныхъ и общественность не разбиралась, какихъ опасныхъ взглядовъ въ этомъ вопросѣ самъ Горемыкинъ держался. Имя его тогда не было одіознымъ. Къ несчастью, на дѣлѣ Горемыкинъ былъ однимъ изъ немногихъ, которые не понимали того, что уже стало ясно другимъ ; онъ не видѣлъ необходимости ни въ конституціи, ни въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, ни вообще въ либеральныхъ реформахъ. Агрессивенъ къ Думѣ онъ не былъ; но къ задачѣ соглашенія съ ней былъ вполнѣ равнодушенъ. Онъ такъ мало къ своему посту подходилъ, что можно бы было подумать, что этимъ назначеніемъ хотѣли провоцировать Думу. Но и это было не такъ. Поучительны воспоминанія гр. Коковцева. Отказавшись отъ поста Министра Финансовъ 25-го Апрѣля отъ откровенно сказалъ Государю, что «выборъ новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ едва ли соотвѣтствуетъ потребностямъ минуты». На вопросъ почему, указалъ на «величайшее безразличіе Горемыкина ко всему, на отсутствіе гибкости и на прямое нежеланіе сблизиться съ представителями новыхъ элементовъ въ нашей государственной жизни»... Государь отвѣтилъ Коковцову, что это можетъ быть правда, но что онъ увѣренъ, что «Горемыкинъ и самъ уйдетъ, если увидитъ, что его *уходъ поможетъ наладить отношенія съ Думой*». Почему же онъ былъ все же назначенъ? «Для меня главное, сказалъ Государь, что Горемыкинъ не пойдетъ *за моею спиною* ни на какія соглашенія и уступки во вредъ моей власти и я могу вполнѣ довѣрять, что не будетъ приготовлено какихъ либо сюрпризовъ и я не буду поставленъ передъ совершившимся фактомъ, какъ было съ избирательнымъ закономъ и не съ нимъ однимъ».

Такія соображенія обусловили его назначеніе. Какъ видно, они были направлены не противъ Думы, не противъ реформъ, а противъ Витте, противъ прежняго кабинета, которому Государь не простилъ его относительной независимости. Это были счеты Государя съ нимъ, а не съ Думой; они, конечно, проницательности Государя чести не дѣлали. Но въ нихъ все же нѣтъ и намека на то, чтобы Государь этимъ назначеніемъ хотѣлъ помѣшать либеральнымъ реформамъ.

Такъ назначеніе Горемыкина не означало желанія «взры-

---

*) Даже П. Милюковъ признаетъ («Рус. Зап.» — Май), что въ основѣ его тогдашней политики «лежало, несомнѣнно, ошибочное представленіе о смыслѣ отставки Витте и назначенія Горемыкина».

вать конституцію», или мѣшать нужнымъ реформамъ, какъ въ свое время и назначеніе гр. Панина на мѣсто умершаго Я. Ростовцева не означало *отказа* отъ крестьянской реформы. Въ новый кабинетъ вошли сторонники и конституціи, и либеральныхъ реформъ; таковы были и Коковцевъ, и Извольскій, и Столыпинъ, и Щегловитовъ. Послѣднее имя можетъ вызвать улыбку. Но въ 1906 году онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ позже. Онъ былъ извѣстенъ преданностью Судебнымъ Уставамъ, былъ сотрудникомъ «Права», открыто привѣтствовалъ изданіе Манифеста. Министръ Юстиціи Акимовъ иногда командировалъ его въ междувѣдомственныя совѣщанія; въ нихъ онъ занималъ позицію столь либеральную, что Витте просилъ Акимова его больше не посылать. Въ Думѣ онъ сначала пытался идти той же дорогой, только потомъ свернулъ рѣзко направо (*). Такимъ былъ онъ не одинъ. Либерализмъ сумѣлъ оттолкнуть многихъ своихъ прежнихъ сторонниковъ.

Итакъ составъ новаго Министерства не былъ враждебенъ ни конституціи, ни реформамъ. Недостаткомъ его оставались только непригодность его Предсѣдателя для переговоровъ съ общественностью. Это было препятствіемъ, которое можно было обойти при добромъ желаніи; событія и показали, какъ его обходили.

И если со дня открытія Думы началась борьба между ней и правительствомъ, то причиной ея была не «конституція», не программа «либеральныхъ реформъ»; характерной причиной было отношеніе *къ Революціи*.

Это слово неясно, еще менѣе опредѣленно, чѣмъ «конституція». Много злоупотребленій было сдѣлано изъ того и изъ другого. О революціяхъ мы читали въ книжкахъ, но въ самой Россіи ихъ не видали послѣ Смутнаго Времени. Въ ней бывали дворцовые, военные перевороты, включая сюда и неудавшійся бунтъ декабристовъ; крестьянскія волненія доходившія до пугачевщины; разгромы фабрикъ, террористическіе акты доходившія вплоть до цареубійства. Но ни одно изъ этихъ явленій *Революціей* не было и не могло сбросить государственной власти. Впервые въ 1905 г. власть «призракъ» Революціи воочію увидала. Тогда обнаружились организованныя силы, которыя совмѣстными дѣйствіями покушались власть сбросить и поставить на ея мѣсто другую. Манифестъ 17 октября разъединилъ эти силы и этимъ остановилъ революцію. Но власть тогда узнала,

---

*) Свидѣтелемъ въ пользу Щегловитова оказался О. Грузенбергъ въ своей книгѣ «Вчера». Онъ привелъ нѣкоторые факты, говорящіе за него уже послѣ того, какъ онъ сталъ Министромъ Юстиціи. Но отмѣчая позднѣйшій его «моральный закатъ», Грузенбергъ находитъ, что въ немъ не было даже «постепенности», что это было «стремительнымъ обваломъ». Поскольку цѣнно первое наблюденіе Грузенберга, постольку утвержденіе, что съ Щегловитовымъ былъ какой-то безпричинный обвалъ — произвольно. Драма Щегловитова осталась закрытой; но это не значитъ, что ея не было вовсе; основанія для нея слишкомъ ясны.

чего добивались революціонныя партіи, какія программы они выставляли: демократическая Республика, прямое народное управленіе, уничтоженіе арміи, замѣна ея ополченіемъ считались у нихъ *программой минимумъ*. Такія программы были внѣ всякой реальности; соглашенія съ такими революціонерами у правительства быть не могло. Между исторической властью и Революціей сталъ вопросъ силы и только.

Революціи правительство уступать не собиралось; съ *нею* оно было готово бороться. Оно было много сильнѣе ея. Но оно не могло забыть роли либеральной общественности во время революціонной аттаки, ея дружелюбнаго къ Революціи нейтралитета. Представители *стараго*, безъ всякой поддержки либеральнаго общества, побѣдили анархію, которую либерализмъ надѣялся успокоить уступками, да «разоруженіемъ» государственной власти. Правительство изъ этого свои выводы сдѣлало. Если оно сознало, что въ Самодержавіи спасенія нѣтъ и съ «конституціей» помирилось, оно не хотѣло уступать Революціи и не расположено было смѣшивать «правового порядка» съ «диктатурой улицы». Его побѣда надъ разбушевавшимся Ахеронтомъ показала ему силу государственнаго аппарата; но она же его научила, какъ опасно временное его ослабленіе, или бездѣйствіе. Власть сочла своимъ долгомъ не полагаться всецѣло на одну зрѣлость русскаго общества, не выпускать кормила изъ рукъ и сохранить за собой достаточно полномочій, чтобы противостоять Ахеронту; не въ классовыхъ чьихъ-либо интересахъ, а въ интересахъ всего государства. Эта необходимость стояла у всѣхъ передъ глазами, когда въ Апрѣльскомъ Совѣщаніи обсуждались Основные Законы. Эти законы подготовили и оружіе на случай конфликта, но не съ конституціей, а съ *Революціей*.

Власть на «конституцію» нападать не собиралась, но отъ Революціи рѣшила ее *защищать*. А власть тогда не была тѣмъ пустымъ мѣстомъ, какимъ стала въ 1917 году, когда Государь согласился на отреченіе, а Великій Князь Михаилъ отказался отъ принятія трона. Власть даже не была въ колебаніи, въ какомъ оказалась въ Октябрѣ 1905 года, когда Витте остался одинъ; когда правые ненавидѣли его, какъ измѣнника Самодержавію, революціонеры за то, что онъ мѣшалъ ихъ торжеству, а «разумная общественность», несмотря на повторныя обращенія къ ней, предпочла стоять на сторонѣ. Теперь растерянность власти окончилась. Правительство свою силу сознало. Октроированной конституціи оно нарушать не хотѣло и добросовѣстно собиралось въ рамкахъ ея проводить преобразованія, на которыхъ настаивалъ либерализмъ и необходимость которыхъ оно признало само. Въ этомъ отношеніи оно готово было идти очень далеко. Но мирволить *Революціи* оно не хотѣло. Демаркаціонная линія между властью и либеральной общественностью проходила вовсе не тамъ, гдѣ старается ее провести Милюковъ, не между «Самодержавіемъ» и «конституціей» (*).

*) «Три Попытки», стр. 12.

Она шла между «конституціей» и «углубленіемъ Революціи»; между Основными Законами и явочнымъ осуществленіемъ народоправства. Съ противоположныхъ концовъ въ государственномъ лагерѣ теперь пришли къ соглашенію. Либералы, которые умѣли смотрѣть дальше другихъ и были давно за конституцію, но разглядѣли оборотную сторону нашей общественности; и тѣ, которые вчера были преданы старому режиму, но смыслъ событій, наконецъ, поняли и «прозрѣли». Между ними опредѣлилась средняя линія, ставшая линіей власти. Правые *враги конституціи* принуждены были притаиться и подлаживаться подъ эту линію. Они перешли въ наступленіе только позднѣе, когда либерализмъ сдѣлалъ имъ вызовъ; а когда онъ игру свою проигралъ, они и сыграли роковую роль въ общемъ крушеніи.

ГЛАВА II.

Отношеніе Думы къ предстоявшей ей работѣ

Что представляла изъ себя въ это время,если не народная масса, которую разгадать всегда трудно, то по крайней мѣрѣ ея избранница — Дума? Выборы одинъ изъ несовершенныхъ способовъ опредѣлять «народную волю». Ее вообще невозможно вы разить именемъ «кандидата», не говоря о другихъ затрудненіяхъ. А главное у народа, какъ цѣлаго, ни своей воли, ни своего голоса нѣтъ. Онъ напоминаетъ ребенка,который говорить не умѣетъ и издаетъ только нечленораздѣльные звуки. По нимъ можно *догадываться*, гдѣ ему больно и чего ему хочется; но то, что ему *нужно*, опредѣлять должны другіе. Въ этомъ должно было быть настоящее назначеніе Думы.

Про результаты выборовъ говорятъ, что они похожи на «разбитое» зеркало. И въ разбитомъ зеркалѣ можно многое видѣть. Такъ и выбранная Дума напоминала Россію; напоминала ее прежде всего своей *разнородностью*. Какъ всякое представительное учрежденіе, по культурному уровню, она въ общемъ была *выше* страны. Въ ней безграмотныхъ не было. Но все-же большинство ея было сѣрой, для законодательства неподготовленной массой. За то въ ней было блестящее, далеко поднимавшееся надъ среднимъ уровнемъ меньшинство. Въ 1-й Думѣ оно было особенно ярко; позднѣе самое участіе въ Думѣ уже дѣлало репутаціи; репутаціи членовъ первой Думы были ими созданы раньше. Они дѣлали честь странѣ, которая сумѣла ихъ оцѣнить.

Составъ Думы наглядно отразилъ и главную черту этого времени — моральное крушеніе стараго строя. Сторонниковъ его въ чистомъ видѣ въ Думѣ не было вовсе. Репутація консерватора тогда губила людей. Даже такіе исключительно популярные, легендарные люди, какимъ былъ Ф. Н. Плевако, по *этой* причинѣ не прошли по Москвѣ.На правыхъ скамьяхъ,на которыхъ мы видѣли позднѣе Пуришкевича, Маркова и Замысловскаго, сидѣли такіе заслуженные дѣятели «Освободительнаго Движенія, какъ гр. Гейденъ или Стаховичъ. Они сами не измѣнились ни въ чемъ, но очутились во главѣ оппозиціи справа. *Эта правая оппозиція* въ І-й Думѣ выражала подлинное *либеральное направленіе*; именно она могла бы безболѣзненно укрѣпить въ Россіи конституціонный порядокъ.

Присутствіе оппозиціи обыкновенно придаетъ интересъ парламентскимъ преніямъ. Въ первой Думѣ за него мы обязаны почти исключительно Гейдену и Стаховичу; всю тяжесть борьбы съ большинствомъ вынесли на себѣ *эти* два человѣка. Среди ихъ сторонниковъ были люди, которые потомъ въ *другой* обстановкѣ сыграли видную роль (напр. гр. Олсуфьевъ). Но въ первой Думѣ они молчали. Оба правыхъ лидера были разные люди, но дополняли другъ друга. Оба по происхожденію принадлежали къ привиллегированной средѣ, были застрѣльщиками ея борьбы за либерализмъ и долго шли въ первыхъ рядахъ, пока демократическая волна ихъ не обогнала. Предводитель, земскій дѣятель, Предсѣдатель Вольно-Экономическаго Общества гр. Гейденъ сдѣлался «конституціоналистомъ» давно; умъ трезвый и ясный, онъ видѣлъ, какъ подъ блестящею оболочкой разлагалось Самодержавіе и понималъ, что безъ поддержки либеральной общественности погибнетъ Монархія. Отсюда его одинаковая преданность конституціи, какъ и Монархіи. Но онъ не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно зрѣлости не только глубинныхъ слоевъ, но и *верхушки* нашего общества. Когда перводумская демагогія стала доказывать, что спасеніе Россіи только въ полномъ «народоправствѣ», онъ сталъ обличать *эту* ложь съ той же настойчивостью, съ которой боролся противъ лжи *стараго* строя. Онъ безъ устали напоминалъ Думѣ азбучныя истины правового порядка, что надо уважать чужія права, если хотѣть требовать и къ своимъ уваженія, протыкалъ ироніей мыльные пузыри громкихъ фразъ, которыми тогда замѣняли серьезные доводы. Онъ не возражалъ противъ реформъ, не бралъ на себя защиты правительства, которое считалъ главнымъ виновникомъ того, чтобы случилось; но среди I-й Думы онъ былъ проповѣдникомъ «здраваго смысла», и «серьезнаго» отношенія къ дѣлу. Съ лицомъ американскаго «дяди Сама» онъ не былъ ни многословенъ, ни краснорѣчивъ, не искалъ словесныхъ эффектовъ тѣмъ болѣе, что заикался и временами какъ-то «мычалъ». Но былъ всегда содержателенъ, всѣмъ доступенъ и его рѣчи не только производили впечатлѣніе, но внушали лично къ нему уваженіе даже противникамъ.

Иной фигурой былъ М. А. Стаховичъ. Мнѣ пришлось знать его близко; я познакомился съ нимъ въ Ясной Полянѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ 1898 г. въ день семидесятилѣтія Льва Николаевича. Позднѣе мы очень сдружились. Онъ былъ младшій и самый даровитый представитель большой, на рѣдкость интересной и оригинальной семьи. Передъ нимъ была блестящая будущность, но «карьера» его не прельщала. Едва ли онъ и могъ бы остановиться на опредѣленной дорогѣ; все его привлекало. Его разносторонность, жажда жизни во всѣхъ проявленіяхъ (жизнь есть радость — говаривалъ онъ), избалованность (баловала его и судьба,и природа), вѣчныя страстныя увлеченія и людьми, и вопросами въ глазахъ поверхностныхъ наблюдателей накладывали на него печать легкомыслія. Въ политикѣ онъ долго оставался сторонникомъ «Самодержавія». Въ прото-

колахъ «Бесѣды» (*) мнѣ пришлось прочесть диспутъ, который однажды на эту тему тамъ состоялся. Стаховичъ почти одинъ отстаивалъ Самодержавіе. И характерны его главные доводы. Онъ во-первыхъ настаивалъ, что Самодержавіе создано и поддерживается «волей народа», который иного порядка не понимаетъ; и затѣмъ — это главное — что ни одинъ режимъ не сможетъ такъ быстро и полно провести соціальныя реформы, которыя необходимы Россіи. Стаховичъ представлялъ собою довольно рѣдкую разновидность «идеалистовъ» Самодержавія, которые считали, что Самодержавіе можетъ быть опорой и «политической свободы», и «соціальной справедливости». Онъ отъ него этого искренно ждалъ. Жизнь ему показала, какъ онъ ошибался въ этой оцѣнкѣ. Будучи камергеромъ и губернскимъ предводителемъ, на миссіонерскомъ Съѣздѣ въ Орлѣ онъ произнесъ рѣчь о необходимости полной свободы религіозной совѣсти. Ему, глубоко вѣрующему человѣку, это казалось вполнѣ очевиднымъ; но рѣчь вызвала цѣлый скандалъ и нужны были его связи, чтобы онъ не пострадалъ. Онъ безъ всякой задней мысли принялъ участіе въ Съѣздѣ земцевъ у Шипова (1903 годъ) передъ началомъ Сельско-хозяйственныхъ Комитетовъ и, передавая ему Высочайшій выговоръ за это участіе, Плеве былъ именно съ нимъ особенно агрессивенъ и рѣзокъ. Участвуя на одномъ процессѣ въ качествѣ сословнаго представителя, онъ имѣлъ случай воочію увидѣть, что можетъ дѣлать слѣпой произволъ мѣстныхъ властей, и написалъ объ этомъ въ «Правѣ» статью за полной подписью; статью запретили, но она безъ его вѣдома дошла до «Освобожденія», гдѣ ее напечатали. Это вызвало противъ Стаховича громы кн. Мещерскаго, откуда получился любопытный и въ свое время очень сенсаціонный процессъ по обвиненію послѣдняго въ клеветѣ. Стаховичъ никогда не отказывался хлопотать за тѣхъ, кто къ нему обращался — сколько людей къ нему посылалъ Левъ Толстой — и узнавалъ отъ нихъ, что творилось въ низахъ, какъ далека дѣйствительность отъ идеальнаго Самодержавія. Но — и это любопытная и для него характерная черта — онъ все-таки конституціоналистомъ не дѣлался. Это многихъ его друзей удивляло. «Я присягалъ Самодержавному Государю и свое слово назадъ взять не могу», онъ мнѣ не разъ говорилъ. Многимъ это казалось неискренно; что такое «присяга»? Кто съ ней въ наше время считается? Но въ этомъ отношеніи онъ былъ старомоденъ. За то, когда самъ Государь отъ Самодержавія отказался, онъ это привѣтствовалъ съ радостью и за этотъ шагъ Монархіи тогда все простилъ. Онъ сталъ «конституціоналистомъ по Высочайшему повелѣнію», —какъ про него и про себя самого острилъ Хомяковъ. Конституціонный строй, въ его пониманіи, могъ монархію оздоровить и спасти, и провести всѣ тѣ реформы, необходимость которыхъ онъ усвоилъ давно изъ

*) Кружокъ общественныхъ дѣятелей, о которомъ я подробно говорилъ въ первой книгѣ, т. II, стр. 291.

первыхъ же рукъ. «Стиль І-й Думы», ея нетерпѣливость, нетерпимость, несправедливость къ противникамъ, грубость вытекавшая изъ сознанія безнаказанности, словомъ все то, что многихъ плѣняло какъ «революціонная атмосфера», оскорблялъ не только его политическое пониманіе, но и эстетическое чувство. Атмосферѣ этой онъ не поддался и потому сталъ съ нею бороться. У него не было кропотливой настойчивости, какъ у Гейдена; онъ былъ человѣкомъ порывовъ, большихъ парламентскихъ дней, а не повседневной работы. Но въ защитѣ либеральныхъ идей противъ ихъ искаженія слѣва онъ могъ подниматься до вдохновенія. Напоминавшій бородой и лицомъ Микель-Анжелевскаго Моисея, когда онъ говорилъ, онъ не думалъ о краснорѣчіи; рѣчь его не была свободна, онъ подыскивалъ подходящія слова, но увлекалъ трепетомъ страсти. Его выступленія по амнистіи, по обращеніи Думы къ народу (*) подымались на ту высоту, которой не всякій можетъ достичь.

Гр. Гейденъ и Стаховичъ были, конечно, не единственными лояльными конституціоналистами І-й Думы. Больше всего ихъ было въ кадетской партіи; дисциплина и ложная тактика партіи ихъ обезличила. Но и внѣ этой партіи были крупные и замѣтные люди, свободные отъ дисциплины, которые могли бы конституцію защищать. И однако они не дѣлали этого. Нездоровая атмосфера Думы этого не позволяла; а они не имѣли смѣлости ей не подчиняться.

Возьму, какъ примѣръ, М. М. Ковалевскаго. Человѣкъ исключительныхъ дарованій, ученый съ міровою извѣстностью онъ долго жилъ заграницей, создалъ въ Парижѣ «Высшую Школу», гдѣ выгнанные изъ старой Россіи профессора читали лекціи для выгнанныхъ изъ Россіи студентовъ. Былъ близокъ не только съ ученымъ, но и съ политическимъ міромъ Европы и зналъ его оборотную сторону. Къ Самодержавію онъ относился вполнѣ отрицательно, не только какъ проповѣдникъ «правового начала» въ государственной жизни, но и какъ человѣкъ отъ Самодержавія самъ пострадавшій. Онъ съ интересомъ слѣдилъ издали за ходомъ «Освободительнаго Движенія» въ Россіи, и каждый мой пріѣздъ въ эти годы въ Парижъ я у него долженъ былъ дѣлать докладъ. Пріѣхавъ въ Россію въ разгарѣ «Движенія», принявъ участіе въ земскихъ съѣздахъ онъ былъ разочарованъ въ зрѣлости и серьезности русскаго общества. «Я видѣлъ тамъ, сказалъ онъ мнѣ съ грустью, только одного государственнаго человѣка; это Гучковъ». Въ кадетскую партію онъ не пошелъ, такъ какъ осуждалъ ея непримиримую тактику, которая къ добру привести не могла. Революціонная вспышка послѣ 17 Октября его не удивила, но очень встревожила; онъ уѣхалъ опять заграницу полный мрачныхъ предчувствій. Своимъ историческимъ опытомъ онъ вѣрилъ, что все «образуется», но что оздоровленіе будетъ нелегкимъ. Когда революція

*) Стенографическій отчетъ объ этомъ засѣданіи за роспускомъ Думы напечатанъ не былъ.

была остановлена силой, онъ снова вернулся и былъ выбранъ въ Думу. Его знанія, таланты, его независимость позволяли ждать отъ него очень многаго. Онъ и самъ себя высоко цѣнилъ. Его первыя слова въ І-й Думѣ были полны горделивости, къ которой мы не привыкли. Онъ говорилъ, какъ власть имущій. «Я другъ той партіи, заявилъ онъ на засѣданіи 3 Мая, которая называется партіей народной свободы, но я въ то же время сохраняю за собою свободу самостоятельнаго сужденія. И съ этою оговоркой вы только и можете разсчитывать на мою поддержку». А между тѣмъ, что получилось отъ его многочисленныхъ выступленій? Можно было подумать, что онъ лицо свое потерялъ и что все, что видѣлъ, забылъ. Онъ не замѣчалъ, что правовой идеѣ тогда грозила опасность не справа, а слѣва, что насъ толкали въ Революцію, которой онъ совсѣмъ не хотѣлъ. На примѣрѣ его обнаружилось, что либеральная общественность на своемъ лѣвомъ фронтѣ биться не умѣла или не хотѣла. Почти всѣ его выступленія по адресу, по декларацiи, по отдѣльнымъ законопроектамъ подливали масла въ огонь и безъ того бушевавшій. Его присутствіе въ Государственной Думѣ оказалось безполезнымъ, если не вреднымъ. Когда послѣ роспуска Думы онъ сталъ членомъ Государственнаго Совѣта, онъ *тамъ* оказался на мѣстѣ. Тамъ была нужна борьба на правомъ фронтѣ, надо было защищать «права человѣка» противъ властей и конституцію противъ ихъ произвола. Тамъ онъ умѣлъ заставить слушать себя не безъ пользы для тѣхъ, кто его слушалъ. Онъ тамъ былъ собою. Въ Думѣ же «атмосфера» его погубила.

Возьму еще другого «дикаго»-Кузьмина-Караваева. Онъ принадлежалъ къ партіи «демократическихъ реформъ» состоявшей изъ 4 человѣкъ. Никто его не стѣснялъ. Не имѣя дарованій М. Ковалевскаго, вообще по талантамъ будучи среднимъ, онъ имѣлъ все-таки большой опытъ и заслуженный авторитетъ. Былъ профессоромъ Военной Академіи, земскимъ гласнымъ, имѣлъ чинъ генерала; участвуя въ земскихъ съѣздахъ велъ конституціонную, но разумную линію, часто сражался съ кадетами. Послѣ 1917 года онъ имѣлъ мужество возстать и противъ реформъ въ нашей арміи и противъ обращенія съ офицерами; въ эмиграціи былъ въ правомъ секторѣ. Но что же дѣлалъ онъ въ І-й Думѣ? Онъ не пошелъ «противъ теченія», а поплылъ по нему. Его выступленія по «смертной казни», по «обращенію къ народу», т. е. тогда, когда былъ нуженъ голосъ знанія и благоразумія, были плачевны; свой авторитетъ онъ клалъ на вѣсы демагогіи. И его погубила та-же перводумская атмосфера.

Откуда же дулъ этотъ вредный политическій вѣтеръ, который заслѣпилъ нашихъ испытанныхъ «конституціоналистовъ?» Въ наиболѣе безпримѣсномъ видѣ мы найдемъ его на лѣвыхъ скамьяхъ, въ такъ называемой «трудовой группѣ». *Она* была подлиннымъ героемъ этой Думы.

Кадеты относились къ ней съ снисходительнымъ высоко-

мѣріемъ. Когда въ Іюнѣ Милюковъ занимался образованіемъ думскаго кабинета, онъ писалъ въ «Рѣчи» 18 Іюня, что «трудовиковъ» въ немъ не будетъ; «у нихъ для этого не имѣется достаточно подготовленныхъ лицъ». Онъ въ послѣднемъ, конечно, былъ правъ. Ошибался лишь въ томъ, что видѣлъ подготовленныхъ лицъ у кадетъ и вообще въ либеральной общественности. Другимъ основаніемъ для пренебрежительнаго отношенія къ трудовикамъ было отсутствіе у нихъ опредѣленной *программы*. Это дѣлало группу ихъ разношерстною; въ ней насчитывали 10 различныхъ подгруппъ, причемъ одна изъ наиболѣе многочисленныхъ (18 человѣкъ) носила живописное названіе «лѣвѣе кадетъ» (*). Такой партіи програмные доктринеры — кадеты понять не могли. Но у трудовиковъ было больше единства, чѣмъ у кадетъ съ ихъ дисциплиной; у нихъ было единство не программы, а политическаго ихъ *настроенія*, и въ немъ была ихъ несомнѣнная сила.

Одинъ изъ самыхъ культурныхъ трудовиковъ, проф. Локоть, въ очень интересной книжкѣ «І-я Дума», выпущенной въ 1906 г., подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, даетъ ключъ къ ихъ пониманію.

Трудовики исходили изъ убѣжденія, будто вся страна «стихійно-революціонно» настроена, даже гораздо болѣе революціонно, чѣмъ ея интеллигентская верхушка. Представляя *такую* страну, Дума, по ихъ мнѣнію, и не могла быть «государственнымъ установленіемъ»; она должна была просто стать органомъ «революціонной стихіи». «Народная волна была разрушительной и революціонной, а потому и Дума не могла быть иной, какъ разрушительной и революціонной», откровенно говоритъ Локоть.

Этому должна была соотвѣтствовать и думская тактика. Центръ тяжести при такомъ взглядѣ переносился на Революцію, на «революціонное настроеніе народныхъ массъ», а вовсе не на правильное функціонированіе конституціонной машины. Что надо было въ ней дѣлать? «Надо усиливать революціонное настроеніе и состояніе; съорганизовать, сплачивать и дисциплинировать революціонныя силы стихійной волны... Такова ближайшая цѣль момента и задача выдвинутаго исторіей политическаго органа для осуществленія этой цѣли — Первой Государственной Думы». (Локоть, стр. 142).

Это та тактика, которую когда-то «Освободительное Движеніе» примѣняло противъ Самодержавія. Разнуздавшаяся революціонная стихія именно потому, что она стихія, и послѣ конституціи шла прежнимъ путемъ. Для нея все оставалось по-старому. Она хотѣла сначала существующій государственный порядокъ *добить*. *Въ этомъ* трудовики видѣли задачу и Государственной Думы.

***) Подсчетъ взятъ изъ книги Езерскаго: «Первая Дума».**

Трудовики были наиболѣе чистыми представителями этого взгляда; поэтому, по мнѣнію Локотя, они и должны были этой Думой руководить. Думать о «созиданіи» въ рамкахъ неуничтоженнаго еще стараго строя было нельзя. Надо было сначала довести до конца Революцію и сбросить существующую власть. Тогда появятся и новыя силы, которыя создадутъ новый порядокъ можетъ быть очень непохожій на тотъ, о которомъ мечтали наивные разрушители. Но это созиданіе не было задачей трудовиковъ и вообще первой Думы. Въ непониманіи этого, по мнѣнію трудовиковъ, была коренная ошибка кадетъ. Кадеты могли быть только партіей будущаго. «Позднѣе ихъ время придетъ. Но въ Россіи оно пока еще для нихъ не настало. Оно настанетъ тогда, когда революціонная волна разольется на рядъ болѣе покойныхъ потоковъ, по которымъ и «кадеты» сумѣютъ плавать такъ, какъ это будетъ соотвѣтствовать ихъ натурѣ и ихъ классовымъ или групповымъ интересамъ». (Локоть, стр. 118).

Итакъ задача трудовиковъ была только разрушительной: продолжается Революція. Дума — органъ революціонной стихіи. Задача ея помогать этой стихіи, бороться со всѣмъ, что мѣшаетъ ея торжеству. Трудовики въ этомъ послѣдовательны, если принять ихъ исходную точку, что вся страна революцонно настроена. Если это настроеніе достаточно глубоко и сильно, то оно можетъ власть сбросить; если такая перспектива представляется *полезной* для Россіи, то нужно служить именно ей, а не «играть въ конституцію».

Такъ и ставили свою задачу думскіе лидеры трудовиковъ. Умѣренный, искренній Жилкинъ, журналистъ по профессіи, школьный учитель Аникинъ, озлобленный третій элементъ, принимавшій личное участіе въ аграрныхъ погромахъ и, наконецъ, Аладьинъ. Это любопытная фигура этого времени. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ въ 1904 году, когда я въ первый разъ ѣздилъ въ Лондонъ. Мои знакомые жившіе тамъ, Шкловскій, Гольденбергъ рекомендовали его мнѣ въ качествѣ «гида» по Лондону; онъ его зналъ хорошо и былъ въ это время свободенъ. Я провелъ съ нимъ нѣсколько дней. Онъ меня заинтересовалъ, какъ оригинальная личность. Былъ страстнымъ поклонникомъ Англіи. Я увидѣлъ въ немъ особенную разновидность русскихъ англомановъ, «демократическаго англомана». Русскія революціонныя партіи онъ тогда зло высмѣивалъ; стоялъ за постепенность реформъ, за предпочтеніе «практическихъ достиженій» чистотѣ идеала, за сотрудничество, а не войну съ государственной властью. Такъ передѣлало русскаго революціонера знакомство съ англійской жизнью. Когда позднѣе я узналъ изъ газетъ, что онъ вернулся въ Россію и былъ выбранъ въ Думу, я отъ него многаго ждалъ. Я думалъ, что онъ будетъ представителемъ *практическаго* «лѣваго направленія», которое спустится, наконецъ, съ облаковъ. Заразила ли его вредная атмосфера Россіи, или онъ былъ просто неискрененъ въ прежнихъ разговорахъ со мной, но въ его демагогическихъ,

заносчивыхъ выступленіяхъ въ Думѣ я не узналъ своего интереснаго «гида» по Лондону.

Настроеніе трудовой группы было, конечно, несовмѣстимо съ установленіемъ «правового порядка». Но сила трудовиковъ была въ томъ, что это настроеніе тогда встрѣчало откликъ повсюду. Оно было общедоступно; почти каждой душѣ оно было понятно и сродно. Оно было примитивнымъ міровоззрѣніемъ, для всѣхъ соблазнительнымъ. И если говорить только о Думѣ, то ясно, что ни тонкая критика Гейдена, ни либеральный пафосъ Стаховича не могли *этого* настроенія въ ней одолѣть. Они оба сами были отъ него слишкомъ далеки, чтобы его понимать и съ успѣхомъ оспаривать. Стаховичъ и Гейденъ для своей прежней среды казались измѣнниками и ихъ *тамъ* осуждали; но «Освободительное Движеніе» ихъ обошло, отъ нихъ отмежевалось и не имъ было его повернуть.

Здѣсь начиналась историческая отвѣтственность кадетской партіи, какъ таковой. Она одна могла бороться съ этимъ настроеніемъ. Значило ли это навязывать ей задачу, которой она не хотѣла? Напротивъ, она сама всегда именно такъ ее понимала и въ этомъ была ея настоящая сила.

Вѣдь даже когда «Освободительное Движеніе» шло подъ отрицательнымъ лозунгомъ «долой Самодержавіе», кадеты *имъ* не удовольствовались и попытались написать «конституцію». Она для Россіи совсѣмъ не годилась, но среди разрушительнаго разгула стихіи была здоровой попыткой. Кадеты приготовили для Думы и дѣловые «законопроекты»; они были очень наивны, больше всего ихъ «аграрный» проектъ; но это было все-же созидательнымъ дѣломъ. Кадеты понимали, что задача не въ одномъ добиваніи власти; они не исключали своего участія въ ней не при Революціи, а при Государѣ. Милюковъ потомъ велъ даже тайные переговоры объ этомъ. Если посмотрѣть болѣе позднее время, то настроеніе кадетъ еще болѣе ясно. Во время войны они создали «прогрессивный блокъ», который былъ выраженіемъ именно *этой* идеи. И недаромъ послѣ 1917 года *они* стали главнымъ объектомъ революціоннаго озлобленія и слово «кадетъ» сдѣлалось «ругательнымъ словомъ». Потому не идеологія ихъ, а злополучная *тактика ихъ вождей* скрыла ихъ сущность; она подсказывала имъ правильные шаги только тогда, когда съ ними было уже опоздано и заставляла отталкивать благопріятныя возможности, когда они имъ представлялись. Такую возможность они упустили, когда въ октябрѣ 1905 года Витте послалъ свое приглашеніе земцамъ; упустили ее и въ I-й Государственной Думѣ.

Укрѣпить въ Россіи данную ей конституцію было настоящимъ кадетскимъ призваніемъ; они могли это сдѣлать, если бы захотѣли. Первая Дума собрала все, что среди нихъ было лучшаго; патріарховъ «Освободительнаго Движенія», заслуженныхъ общественныхъ дѣятелей и молодыя восходящія силы въ наукѣ, юриспруденціи, журналистикѣ. Имена ихъ извѣстны и ихъ слишкомъ много, чтобы всѣхъ перечислить. Кадетская плея-

да была головою выше другихъ, горѣла жаждою дѣла; хотѣла насадить, а не развалить конституцію. «Мы съ Вами врожденные парламентаріи, съ грустью говорилъ Кокошкинъ Винаверу, а идемъ другою дорогою». Безполезно высчитывать, сколько для лояльной конституціонной дороги можно было бы въ І-ой Думѣ набрать голосовъ. Милюковъ въ Іюнѣ («Рѣчь», 18 Іюня) подсчиталъ, что для кадетскаго министерства (безъ трудовиковъ) прочное большинство (305 голосовъ) обезпечено. Важно не это. Кадеты могли поднять «встрѣчное теченіе», увести за собой колеблющихся и безпартійныхъ, которыхъ было вездѣ большинство; у нихъ на это бы хватило талантовъ; для этого имъ только надо было остаться собой и дать настоящій бой революціонной стихіи за начала конституціоннаго строя. Такая идейная борьба въ Думѣ была достойнѣе ихъ дарованій и ихъ исторической роли, чѣмъ запоздалое обличеніе уже признанныхъ грѣховъ нашего прошлаго. Но вести борьбу за конституцію надо было безъ оглядки налѣво, полнымъ голосомъ, а не такъ, какъ они ее повели во время аграрнаго обращенія, когда появилась перспектива кадетскаго министерства.

Кадеты не вступили на лояльную дорогу, когда это могло быть спасительно, потому, что на нихъ тяготѣло ихъ недавнее прошлое.

Чтобы вести борьбу за конституцію противъ революціонной стихіи, надо было прежде всего самимъ «принимать» конституцію. Когда она была октроирована, можно было быть ей недовольнымъ и ее стараться улучшить. Но лояльная партія не могла ее *отрицать*: она была объявлена законною властью и въ законномъ порядкѣ. А между тѣмъ кадетская партія послѣ Апрѣльскаго Съѣзда, наканунѣ первыхъ засѣданій Думы опубликовала по поводу Основныхъ Законовъ такое постановленіе: «партія народной свободы и ея представители въ Гос. Думѣ объявляютъ, что они видятъ въ этомъ шагѣ правительства открытое и рѣзкое нарушеніе правъ народа, торжественно признанныхъ за нимъ въ Манифестѣ 17 Октября и заявляютъ, что никакія преграды, создаваемыя правительствомъ, не удержатъ народныхъ избранниковъ отъ исполненія задачъ, которыя возложены на нихъ народомъ».

Эта фальшивая и неискренняя фразеологія есть или только «сотрясеніе воздуха» или означаетъ, что кадеты *не признаютъ конституціи*. Какъ же они въ этомъ случаѣ могли бы ее защищать? Какъ они могли бы отстаивать самый принципъ законности? Когда въ книгѣ 65 «Современныхъ Записокъ» Вишнякъ мнѣ ставитъ въ упрекъ, что я нахожу соблюденіе оффиціальнаго права обязательнымъ «не только для тѣхъ, кто его создавалъ, но и для тѣхъ, противъ кого оно было направлено», и считаетъ это съ моей стороны «недоразумѣніемъ», онъ можетъ быть и послѣдователенъ; но только потому, что онъ и теперь остался «революціонеромъ» и думаетъ, что 1906 годъ надо трактовать, какъ «Революцію». Съ этимъ прямолинейнымъ воззрѣніемъ и должны были бороться «кадеты». Вѣдь если въ то время

«конституціи» не было, то ни о какомъ «правовомъ порядкѣ» рѣчи быть не могло; тогда торжествовала бы *сила* и только. Тогда было бы то, что показалъ намъ 17-ый годъ; «правительство» спасовало передъ «Совѣтами»,а пресловутое Учредительное Собраніе разбѣжалось отъ матросской угрозы. Въ этомъ была главная опасность этого времени, и отъ нея кадеты должны были защищать государство. Но это стало имъ не къ лицу *послѣ ихъ резолюціи*; это впрочемъ не мѣшаетъ имъ теперь говорить, будто *врагомъ* конституціи была власть.

Этого мало. Конституція ни для кого, кромѣ профессіональныхъ политиковъ, не была самоцѣлью; она была нужна, какъ орудіе для проведенія реформъ, въ которыхъ нуждался народъ. Преобразованіе Россіи было главной задачей момента; *его* ждали массы. А между тѣмъ кадетская партія на Январьскомъ и Апрѣльскомъ Съѣздѣ запретила «органическую» работу, *пока не будетъ измѣнена конституція*. Правда этотъ «запретъ» былъ только хитрою фразою, чтобы скрыть разногласіе и избѣгнуть раскола; подъ его прикрытіемъ кадеты все же предполагали «работать». Но *идейную позицію* они этимъ сдали; политиканство интеллигентовъ было поставлено выше понятныхъ для народа его интересовъ. И отложивъ удовлетвореніе интересовъ страны до полной конституціонной побѣды надъ властью, кадеты все-же обвиняли власть въ томъ, будто это *она* не хотѣла «реформъ»!

Вотъ какая «гипотека» революціонной идеологіи лежала на кадетахъ тогда,когда на ихъ долю выпала обязанность защищать правовой строй въ Россіи противъ революціонныхъ аттакъ. Послѣ уступки, которую Самодержавіе сдѣлало, передъ ними стояла дилемма: или идти старымъ путемъ, уступившую власть добивать, какъ врага, который показалъ свою слабость: или уступку принять,сговориться съ властью на конкретныхъ задачахъ и ихъ осуществлять, сопротивляясь вмѣстѣ съ властью дальнѣйшимъ революціоннымъ попыткамъ. Но нужно было выбрать *опредѣленную* линію. Отъ поведенія кадетъ зависѣло тогда направленіе Думы; въ ней могло быть два большинства, для обѣихъ политикъ. Это былъ тотъ историческій моментъ, когда отъ руководителей партіи зависѣло ближайшее будущее.

Мы знаемъ, въ чью пользу кадеты разрѣшили эту дилемму; но не менѣе интересно, *какъ* они ее разрѣшали.

Вопросъ, отъ котораго зависѣло все, передъ партіей не былъ даже поставленъ. Онъ являлся предрѣшеннымъ всѣмъ *прошлымъ*; поглядѣть кругомъ себя партія не хотѣла. Наканунѣ открытія Думы, разсказываетъ ея вѣрный лѣтописецъ Винаверъ, состоялось первое «объединенное засѣданіе оппозиціи», кадетъ и трудовиковъ. Устроителями этого засѣданія были «кадеты». Предсѣдательствовалъ на немъ Милюковъ, членомъ Думы не бывшій. «Предметъ занятій былъ, во избѣжаніе замѣшательства, строго впередъ опредѣленъ; напередъ были намѣчены ораторы к.-д. партіи для докладовъ и разъясненій » (*).

*) Винаверъ. — «Конфликты въ I-й Думѣ, стр. 9.

Было, конечно, естественно накануне оффиціальнаго открытія Думы собрать ее на частное совѣщаніе. Но это не было частнымъ совѣщаніемъ Думы. Это было собраніемъ ея лѣваго *большинства.* Правыя группы, на которыя впослѣдствіи разсчитывалъ Милюковъ при составленіи своего кабинета, на совѣщаніе *не приглашались.* Большинство было лѣвое съ трудовиками.

Была ли заранѣе установлена программа этого лѣваго блока, формулировались ли условія, на которыхъ онъ былъ заключенъ, какъ это было во Франціи при образованіи Front Populaire? Ничего подобнаго. Просто все осталось по-прежнему, какъ будто «Освободительное Движеніе» еще продолжалось и между кадетами и трудовиками принципіальнаго разногласія не было.

Такъ *прошлое* владѣетъ людьми. Во время «Освободительнаго Движенія» либерализмъ вмѣстѣ съ революціонными партіями шелъ противъ Самодержавія. 26 Апрѣля они продолжали идти вмѣстѣ, даже не поставивъ вопроса, не стоятъ ли они теперь, послѣ введенія хотя бы и несовершенной конституціи, **уже** по разнымъ сторонамъ баррикады? Вопросъ не ставился, какъ будто со времени побѣды «Освободительнаго Движенія» ничего новаго не случилось.

Для массъ такая политика была быть можетъ понятна; ихъ сущность — *инерція*, которая одинаково опредѣляетъ и ихъ покой, и ихъ движеніе. Дѣло «руководителей» было понять, что самое прежнее *направленіе* должно заставить ихъ перейти на *другую* дорогу; нельзя свою дорогу искать по «сосѣдямъ» и идти только за ними. Почему же руководители пошли вмѣстѣ съ ними?

Больше всего потому, что у насъ *руководительства* не было. Дѣло руководителей сводилось къ тому, чтобы заднимъ числомъ объяснять якобы необходимость того, что случилось. Гамбетта сказалъ въ послѣдней своей парламентской рѣчи: cela ne s'appelle pas gouverner, cela s'appelle raconter. (18 Іюля 1882). А *что* наши руководители потомъ объ этомъ «разсказывали», я уже указалъ въ вступленіи и возвращаться къ этому больше не стану.

Одна любопытная подробность этого совѣщанія — 26 Апрѣля и этого думскаго «блока». Внутренній смыслъ его освѣщается тѣмъ, что это *большинство* назвало себя «объединенною оппозиціей». Почему *«оппозиціей»*? Эта терминологія не обмолвка Винавера. Она въ книгѣ его не разъ повторяется. Такъ же выражалась въ то время вся кадетская пресса. Думское «большинство» было ею превращено въ «оппозицію». Когда въ 3-й Думѣ кадеты, занимавшіе узкую полосу слѣва, называли себя оппозиціей — это было понятно. «Меньшинство» и «оппозиція» понятія родственныя. Но почему въ І-й Думѣ большинство, которое было въ ней полнымъ хозяиномъ, назвало себя «оппозиціей»? Кадеты во всемъ жили психологіей прошлаго; это отразилось и въ этомъ названіи. При Самодержавіи *всѣ*, кто были *противъ него*, объединялись подъ общимъ именемъ

«оппозиціи». Тогда Струве писалъ: «такъ какъ всякая оппозиція въ Россіи трактуется какъ Революція, то Революція стала простой оппозиціей» — красивая мысль, оправданная можетъ быть для опредѣленной эпохи, но опасная при новомъ порядкѣ. Но какой смыслъ былъ въ этомъ названіи для такихъ любителей и знатоковъ парламентаризма, какими были кадеты? Только тотъ, что, какъ говаривалъ Н. Н. Баженовъ, кадеты продолжали жить «по старымъ учебникамъ». Такъ вмѣсто того, чтобы практиковать и защищать конституцію кадеты пошли за трудовиками, за ихъ разрушительной, революціонной стихіей. Свои таланты, знанія и искусство кадеты стали примѣнять къ мелкой и никому ненужной задачѣ; революціонныя тенденціи Думы по мѣрѣ возможности облекать въ конституціонную видимость.

Занявъ эту подчиненную роль, кадеты все-таки претендовали на лидерство въ Думѣ. Ихъ личныя *качества* имъ на него право давали. Дума, конечно, пошла бы за ними, если бы они повели ее по *своей*, т. е. по конституціонной дорогѣ; *на ней* у кадетъ соперниковъ быть не могло. Но лидерствовать на чуждыхъ для нихъ путяхъ Революціи было для кадетъ парадоксальной задачей. Въ революціонной тактикѣ трудовики были послѣдовательнѣе и потому стали внушать больше довѣрія. Только роспускъ Думы показалъ всѣмъ ложь трудовицкой исходной позиціи. Но кадетъ погубила ихъ тактика;то большое дѣло, на которое именно *ихъ* призвала исторія, оказалось имъ не по силамъ.

Таково было настроеніе Думы въ моментъ ея открытія. Ясно, что немедленный конфликтъ между правительствомъ и ею былъ неизбѣженъ. Но можно ли утверждать, что только «злостное правительство» оказалось въ немъ виновато?

ГЛАВА III.

Открытіе Думы.

День открытія Думы, 27 Апрѣля, далъ достаточно указаній, кто изъ двухъ враговъ явился «нападающей стороной». Въ этотъ день историческая власть впервые встрѣтилась съ представительствомъ.

Встрѣча была обставлена очень торжественно. Еще въ серединѣ Апрѣля Государь не пожелалъ объявить конституцію Манифестомъ и нашелъ, что «будетъ достаточно Указа Сенату». Это было мелочнымъ проявленіемъ его неудовольствія на то, что титулъ «Неограниченный» ему пришлось вычеркнуть. Но къ концу Апрѣля онъ поборолъ въ себѣ это чувство и рѣшилъ ввести открытіе новаго строя съ наибольшимъ парадомъ.

Само по себѣ это неважно. Но для опредѣленія «намѣреній» внѣшняя форма не безразлична. Было сдѣлано все, что для торжества было въ распоряженіи власти. Парадный пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ, тронная рѣчь; все это было необычно: начиналась очевидно *«новая эра»*. Этого впечатлѣнія создавать было ненужно, если работѣ Думы дѣйствительно хотѣли мѣшать.

Въ центрѣ торжества была тронная рѣчь. Кто ее написалъ? П. А. Столыпинъ говорилъ на пріемѣ, будто для самого правительства она была неожиданной и Государь написалъ ее самъ. Правда ли это — неважно. Но рѣчь былъ показательна и я приведу ее цѣликомъ.

«Всевышнимъ Промысломъ врученное мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердою увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе Отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я Васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

Богъ въ помощь Мнѣ и Вамъ.»

Въ этой рѣчи, конечно, много общихъ мѣстъ и условностей, но кромѣ нихъ было и политическое содержаніе,очень отрадное. Я подчеркну три главныхъ момента.

Государь обѣщалъ «охранять непоколебимо установленія имъ дарованныя». Когда позднѣе стали спорить, есть ли у насъ конституція, однимъ изъ доводовъ для отрицанія ея было то, что Государь ей не присягалъ. Доводъ не только несиленъ, но и неточенъ. «Присяги» не было. Но за то въ обстановкѣ исключительно «торжественной» Государемъ было дано обѣщаніе новыя установленія «охранять». Обѣщаніе замѣняло присягу. Вѣдь при вступленіи въ Думу и депутаты не присягали, а только давали «торжественное обѣщаніе» исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Нельзя было и отъ Государя требовать *большаго*. А его обѣщаніе было особенно знаменательно потому, что на Апрѣльскомъ Совѣщаніи рядъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ, къ сожалѣнію, оказался и Витте, убѣждали Государя объявить, что онъ сохраняетъ за собой право единолично дополнять «Основные Законы». Обѣщаніе «непоколебимо» ихъ «охранять» явилось отвѣтомъ на эти дурные совѣты.

Не менѣе важно другое. Подозрѣвали, что, давъ конституцію, Государь рѣшилъ все оставить «по старому». Тронная рѣчь и это подозрѣніе отвергла. Она возвѣщала эру коренныхъ преобразованій, «обновленіе нравственнаго облика русской земли». Было указано и существо обновленія. Крестьянскій вопросъ, просвѣщеніе, общее благосостояніе, свободы, основанный на правѣ порядокъ — вотъ указанные пути обновленія. Рѣчь намѣчала политическій курсъ совпадавшій съ давнишней программой либерализма.

Любопытная подробность, что для этихъ реформъ Государь призывалъ Думу къ «активности». Онъ не говорилъ по старой формулѣ о своихъ «предначертаніяхъ», о законопроектахъ, которые будутъ внесены на утвержденіе Думы правительствомъ, а выражалъ надежду, что Дума *«выяснитъ нужды»* крестьянства, просвѣщенія и благосостоянія. Ждалъ слѣдовательно отъ Думы не только одобренія тому, что предложитъ правительство, а *выясненія* того, что «нужно странѣ». Это же соотвѣтствовало понятію думской законодательной *иниціативы*.

Наконецъ, послѣдняя черта этой рѣчи. Тѣ самые люди, которые были выбраны въ Думу, по своему направленію почи-

тались недавно «врагами государства, измѣнниками». Составъ Думы вызвалъ негодованіе правой печати; у нея не хватало для него бранныхъ эпитетовъ. А Государь привѣтствовалъ *«въ ихъ лицѣ лучшихъ людей»*. Вѣроятно, онъ такъ не думалъ; онъ слѣдовалъ конституціонной «фикціи». Выборы не приводятъ въ парламентъ непремѣнно лучшихъ людей, какъ вотумъ его не всегда «воля народа», и «правда» не всегда на сторонѣ «большинства». Но это тѣ фикціи, безъ которыхъ невозможенъ конституціонный порядокъ. Государь преодолѣлъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и личными симпатіями жертвовалъ *конституціонной идеѣ*.

Курьезно, что онъ лучше понялъ смыслъ этой фикціи, чѣмъ завзятые конституціоналисты. Нѣкоторые депутаты эпитетъ «лучшіе люди» приняли за чистую монету. 8 Мая Аладьинъ говорилъ: «народъ черезъ своихъ лучшихъ людей, а это не только мое мнѣніе, но и мнѣніе *Верховной Власти*, хочетъ устроить жизнь русскаго народа». 13-го Мая А. Р. Ледницкій свою рѣчь началъ словами: «г-да представители, лучшіе люди страны». А на Выборгскомъ процессѣ Е. И. Кедринъ, протестуя противъ дурныхъ условій судебнаго зала, тѣсноты и несовершенной акустики, подчеркнулъ, что такому обхожденію подвергаются тѣ, кто «съ высоты трона были названы лучшими людьми». Странное пониманіе этой вѣжливой фразы.

Общественность *могла* бы быть этой рѣчью довольна. Ничто въ ней *задѣть* ее не могло. Но она все-таки была «разочарована». Я это настроеніе помню. Пресса того времени его подтверждаетъ. Никто не хотѣлъ оцѣнить, какія перспективы эта рѣчь открывала. Властители думъ давали обществу «ноту» по другому камертону. Милюковъ писалъ въ «Рѣчи» 28 Апрѣля: «ни шагу впередъ правительство не рѣшилось ступить навстрѣчу общественному мнѣнію — въ тотъ день, когда малѣйшій шагъ былъ бы принятъ народомъ съ удесятереннымъ вниманіемъ и отзывчивостью.... Наше правительство отличается своимъ умѣньемъ пропускать благопріятныя минуты. Тронная рѣчь съ большимъ искусствомъ обошла всѣ щекотливыя темы». Въ интересной и болѣе объективной книжкѣ Езерскій писалъ въ 1907 году: «Правительство сдѣлало все, что могло, чтобы разсѣять иллюзіи у самыхъ неисправимыхъ оптимистовъ... Интеллигенты съ нетерпѣніемъ ждали тронной рѣчи. Она произвела неопредѣленное впечатлѣніе, нѣсколько лучшее, чѣмъ отъ нея ждали. Но все-таки въ общемъ историческій документъ произвелъ впечатлѣніе чего-то холоднаго, оффиціально любезнаго... Старый идеалъ славянофильства былъ окончательно разбитъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ внѣшне былъ осуществленъ». Даже Винаверъ оказался снисходительнѣе, чѣмъ Езерскій; но и онъ признавалъ, что «содержаніе тронной рѣчи, если и не внесло раздраженія, то и не внушило радостныхъ *надеждъ*».

Чего же большаго однако общественность отъ рѣчи могла

ожидать? *Что* нужно было еще сказать, чтобы она оцѣнила и содержаніе, и тонъ этой рѣчи?

Общій голосъ находилъ, что въ рѣчи должно было быть упомянуто объ амнистіи. Непонятный упрекъ! Амнистія была «прерогативой» Монарха; онъ могъ ее *дать*, но какъ онъ могъ бы о ней только «упомянуть»? Это было бы опасно.

Русскій народъ, не только низы, но и верхушка «различать» не умѣли. Когда Манифестъ 17 Октября обѣщалъ въ будущемъ дать законы на началахъ свободы, даже образованные юристы поняли такъ, что всѣ ограниченія свободъ тѣмъ самымъ *уже отмѣнены.* На этомъ и произошли первыя «столкновенія» общества съ властью. Упоминаніе объ «амнистіи» было бы тоже воспринято, какъ вошедшій въ силу законъ, который сталъ бы «примѣняться» немедленно. Нашъ посолъ въ Англіи гр. Бенкендорфъ, наблюдая русскія событія глазами англичанина, привыкшаго законъ уважать, высказалъ въ письмѣ къ А. П. Извольскому (*) сожалѣніе, что въ тронной рѣчи не было упомянуто объ амнистіи. «Pourquoi avoir meprisé ou craint un mot d'amnistie dans le discours du trone?» Вотъ когда можно сказать: sancta simplicitas. Англичане, выслушавъ «упоминаніе», стали бы дожидаться закона, а у насъ бросились бы ломать двери тюремъ. Упоминаніе стало бы провокаціей, которая послужила бы одной Революціи.

Но измѣнилось ли бы настроеніе нашей общественности, если Государь въ тронной рѣчи объявилъ бы амнистію? Была ли бы Дума за это ему благодарна? И даже: была ли бы она этому *рада?*

Въ этомъ возникаютъ сомнѣнія, когда прочитываешь стенограммы засѣданій, гдѣ объ амнистіи говорилось. Укажу на поучительный эпизодъ.

3 Мая въ Думѣ происходили пренія объ амнистіи. Многіе упрашивали Думу не затягивать преній. И Родичевъ сдѣлалъ непонятный намекъ: «мы наканунѣ опозданія съ нашимъ адресомъ. Если мы не окончимъ его скоро, то мы можемъ оказаться въ томъ положеніи, при которомъ подача адреса съ амнистіей окажется запоздалой... Я думаю, меня поняли, господа» (Бурный взрывъ аплодисментовъ).

Дума его поняла, иначе «бурныхъ аплодисментовъ» бы не было. Но *сейчасъ* это можетъ уже быть непонятно. Необходимо пояснить. Дума боялась, что амнистія будетъ объявлена Государемъ proprio motu, по случаю Царскаго дня (6 Мая). Дума этого *не* хотѣла; заслугу амнистіи она хотѣла сохранить *за собой* и не стѣснялась это открыто показывать. Какую же бладодарность могъ *отъ нея* ожидать Государь, если бы 27 Апрѣля онъ ее предупредилъ!

Какъ бы она къ этому отнеслась, можно увидѣть по другому примѣру. Тронная рѣчь не упомянула титула Государя «Самодержавный». Это была уступка, которую Государь заставилъ

*) Iswolsky. — «Au service de la Russie», письмо 3-16 Мая 1906 г.

себя сдѣлать въ угоду *настроенія* Думы. Какъ же къ ней отнеслась кадетская пресса? «Предостереженіе, писалъ П. Н. Милюковъ 28 Апрѣля, противъ *дальнѣйшаго* употребленія слова «Самодержецъ» данное большинствомъ депутатовъ въ протоколѣ соединеннаго засѣданія нѣсколькихъ парламентскихъ группъ, прозвучало недаромъ». Чтобы оцѣнить эти гордыя слова по достоинству надо припомнить, въ чемъ *«предостереженіе»* (?) заключалось. Парламентскія группы огласили свое постановленіе *подписать безъ оговорокъ* то депутатское обѣщаніе, въ которомъ титулъ «Самодержецъ» *былъ сохраненъ*; они лишь заявили, что *по ихъ мнѣнію этотъ титулъ конституціи не исключаетъ.* Депутаты этимъ постановленіемъ рѣшились «подчиниться» власти и это было разумно. Но то, что Милюковъ называетъ «предостереженіемъ», на дѣлѣ было *капитуляціей* Думы и титулъ «Самодержца» санкціонировало. И тѣмъ не менѣе кадеты немедленно это вмѣнили въ заслугу *себѣ* и *своему* искусству ; это будто бы была *ихъ побѣда.* Такъ историки иногда пишутъ исторію.

Но какъ противоположная сторона, т. е. общественность въ день открытія Думы повела себя относительно власти? Посмотримъ вторую часть дѣйствія, которая открылась уже въ зданіи Государственной Думы.

Открытіе Думы послѣдовало по правиламъ изложеннымъ въ Указѣ 18 Сентября 1905 года, которыя новоизбранный Предсѣдатель Думы слишкомъ упрощенно назвалъ «закономъ». По этимъ правиламъ въ первый день въ Думѣ не должно было происходить *ничего*, кромѣ формальнаго открытія ея лицомъ, назначеннымъ для этого Государемъ, подписанія членами Думы «торжественнаго обѣщанія» и избранія Думою своего Предсѣдателя. Въ этихъ рамкахъ было трудно сдѣлать политическій «актъ». Дѣйствующимъ лицомъ могъ быть одинъ Предсѣдатель. И тѣмъ не менѣе нѣсколько символическихъ политическихъ жестовъ при открытіи Думы сдѣланы были.

Предсѣдателемъ, какъ это было извѣстно заранѣе, былъ выбранъ С. А. Муромцевъ. За него было подано столько записокъ, что балотировку шарами единогласно признали излишней. Такъ увѣнчалась карьера этого своеобразнаго человѣка. Обширная мемуарная литература о немъ едва ли все исчерпала. Долгое время онъ жилъ въ Москвѣ среди насъ, какъ молодой профессоръ, потомъ какъ адвокатъ. Предсѣдатель Юридическаго Общества, городской и земскій гласный, независимый по состоянію, всегда такой же красивый и величавый, спокойный и замкнутый, всѣми уважаемый издалека, но для постороннихъ непроницаемый. Судьбы его никто не предвидѣлъ. Политическаго вліянія онъ не имѣлъ и не искалъ. Я слыхалъ отъ него самого, что адвокатуры онъ не любилъ, считалъ своимъ призваніемъ профессуру, которую для него закрыло распоряженіе власти, и вообще считалъ себя не на мѣстѣ. Никто не могъ представить себѣ, какая будущность его ожидаетъ. Послѣ Думы онъ сдѣлался легендарной фигурой; но легенда стала въ свою очередь мѣшать пониманію настоящаго человѣка. Въ Муромце

вѣ было много задатковъ того, что Предсѣдателю нужно; и въ римскомъ правѣ, которое онъ преподавалъ, и въ адвокатурѣ онъ любилъ *формальную* сторону, *процессуальное* право. Любилъ превращать «хаосъ» въ «космосъ»; составленіемъ Наказа для Государственной Думы онъ съ большою любовью занимался еще *до конституціи*. Я не нарушу должнаго къ наму уваженія, если скажу, что искусство его, какъ Предсѣдателя, очень преувеличено; оно годилось только для *мирнаго* времени. Но сейчасъ я говорю не объ этомъ. Въ это смутное время Предсѣдатель Думы не могъ быть только техникомъ; онъ долженъ былъ быть и *политическимъ* факторомъ. Что же Муромцевъ представлялъ изъ себя, какъ политикъ? Онъ былъ издавна либераломъ европейскаго типа, конституціоналистомъ, парламентаріемъ; въ немъ не было ничего похожаго на революціонера и демагога. Но своего собственнаго политическаго лица Муромцевъ даже на своемъ высокомъ посту не показалъ. Дѣлалъ онъ это по убѣжденію; онъ такъ формулировалъ принципъ демократіи. «До рѣшенія каждый членъ партіи долженъ защищать свое мнѣніе до ожесточенія; когда рѣшено — подчиняться безпрекословно». «До ожесточенія» онъ ничего не защищалъ; предоставлялъ это дѣлать другимъ, внимательно слушая. Но за то подчинялся «безпрекословно». Безъ этого, можетъ быть, онъ и не прошелъ бы въ Предсѣдатели Думы. Какъ бы то ни было, въ Думѣ онъ сталъ большой технической силой; но политически распоряжались ею другіе. Своей индивидуальности въ политикѣ онъ не проявилъ и вліяніемъ, которое могъ бы имѣть, не воспользовался.

Думское «дѣйствіе» этого перваго дня ознаменовалось тремя эпизодами-символами.

Во-первыхъ, рѣчью Петрункевича объ амнистіи. Эта рѣчь была неожиданностью; въ собраніи «объединенной оппозиціи» 26 Апрѣля она не предусматривалась и, конечно, была ненужна. Но депутаты были такъ взволнованы «улицей», которая вопила: «амнистія», маханіемъ платковъ изъ «Крестовъ», мимо которыхъ ихъ везъ пароходъ, что они рѣшили немедленно «реагировать». Чтобы успокоить волненіе и дать страстямъ какой-либо выходъ, изобрѣли безпредметную рѣчь Петрункевича. Mise en scene удалась превосходно. Рѣчь была короткой и сильной. Были приподняты и взволнованы всѣ. Но она была только «символическимъ жестомъ»; практическаго смысла въ ней не было и быть не могло. Символическій же ея смыслъ Милюковъ усматривалъ въ томъ, что «первое слово съ думской трибуны было посвящено героямъ свободы». («Рѣчь», 28 Апрѣля). У этого символа впрочемъ была и другая сторона, не менѣе поучительная. Эта рѣчь показала преобладающее значеніе, которое Дума придавала «жестамъ», предпочитая ихъ «результатамъ»; показала пренебреженіе и къ законамъ, ибо правила 18 Сентября, которыя самъ Муромцевъ называлъ именно закономъ, этой рѣчи *не* допускали. Но, конечно, это формальное нарушеніе не стоило того, чтобы о немъ препираться. А посколь-

ку этотъ жестъ могъ помѣшать другимъ болѣе рискованнымъ предложеніямъ объ амнистіи, онъ былъ даже удаченъ.

О второмъ жестѣ можно было бы и совсѣмъ не говорить, если бы онъ не оказался *«замѣченъ»* и *«отмѣченъ»* больше, чѣмъ стоилъ. Для исторіи онъ останется непонятенъ. Въ стенографическихъ отчетахъ онъ переданъ такъ:

«Предсѣдатель: я прошу постороннихъ уйти съ мѣстъ назначенныхъ для членовъ Государственной Думы, иначе баллотировка будетъ невозможна. Приступимъ къ баллотировкѣ» и т. д.

Только и всего; въ чемъ же здѣсь *жестъ*? И однако это происшествіе привлекло вниманіе лѣтописцевъ. Вотъ въ какихъ торжественныхъ выраженіяхъ говоритъ о немъ Милюковъ («Рѣчь» 28 Апрѣля). «Поднялся Предсѣдатель и сказалъ свое первое слово. Это было опять тоже слово твердости, слово спокойной, увѣренной въ себѣ силы. Это говорилъ хозяинъ собранія и онъ — характерная мелочь — *показалъ настоящее мѣсто гостямъ, позабывшимъ, что они уже не хозяева, приказавъ имъ выйти изъ зала»*.

Въ чемъ же тутъ дѣло? Кому это *приказали выйти изъ зала?* Это искаженіе отчета — не хуже Эмской депеши — скрывало за собой очень незначительный фактъ; и потому интересенъ не фактъ, сколько проявленное къ нему въ обществѣ отношеніе. Оно сказалось не у одного Милюкова. Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ на обычномъ журфиксѣ Н. В. Давыдова я слышалъ отъ очевидцевъ его пересказъ. Вотъ въ чемъ «происшествіе» заключалось. Служащіе по канцеляріи въ этотъ торжественный день пришли посмотрѣть, какъ открывается Дума. Не найдя себѣ мѣста на трибунѣ, имъ отведенной, они расположились въ проходахъ. Это былъ безпорядокъ; они своимъ присутствіемъ мѣшали голосовать и Муромцевъ громкимъ голосомъ «просилъ» ихъ уйти съ мѣстъ назначенныхъ для депутатовъ. Сконфуженные они торопливо перешли на другія мѣста. Эту легкую побѣду надъ канцелярскими служащими и воспѣвалъ Милюковъ, утверждая, будто Предсѣдатель «приказалъ гостямъ выйти изъ зала».

Если здѣсь было что-либо символическое, то только удовольствіе Милюкова, прессы и публики. Они печальные результаты нашего прошлаго. Русская общественность была такъ безправна, что обнаружила комичную радость, когда смогла наконецъ, передъ глазами правительства въ чемъ-то «показать свою власть». Въ сущности это было такъ естественно, что обращать на это вниманіе было смѣшно. Въ этомъ восхищеніи отъ «твердости», «спокойной» и «самоувѣренной» силы въ словахъ Предсѣдателя, отъ его «приказанія удалиться изъ зала» — вспоминается только что произведенный молодой офицеръ, который упивается тѣмъ, что солдаты отдаютъ ему честь. Это не было отраднымъ предзнаменованіемъ для общей работы.

Но центромъ дѣйствія была благодарственная рѣчь Предсѣдателя. Она имѣла превосходную прессу. Была превознесе-

на до «искаженія». Отмѣчаю эту не лишенную комизма подробность.

У Муромцева была всѣмъ извѣстная слабость къ «высокому стилю». Онъ одинъ примѣнялъ обращенія въ родѣ: «господа Сенатъ», «господа Особое Присутствіе», и т. д. Въ его вступительной рѣчи передъ Думой, какъ она стала передаваться печатью, была помѣщена такая нерусская фраза: «совершается великое». Журналисты на перебой восхищались красотой и силой этихъ двухъ словъ. На дѣлѣ они сказаны не были. Стенографическій отчетъ показывалъ, что Муромцевъ выразился проще. Онъ сказалъ: «совершается великое дѣло». Но хвалителямъ его это показалось мало эффектнымъ и они передѣлали эту простую фразу на болѣе торжественный, но и менѣе грамотный ладъ.

И безъ ненужнаго исправленія рѣчь Муромцева *по формѣ* была образцовой: краткая, красивая и содержательная. Но въ основѣ ея была заключена опасная мысль. Ее не сразу замѣтили, но будущее раскрыло ея настоящее содержаніе. Вотъ что было имъ сказано: «Пусть наша работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха (громъ аплодисментовъ) и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой *природы* народнаго представительства». (Громъ аплодисментовъ).

Эта фраза и встрѣтившіе ее «громы аплодисментовъ» производили хорошее впечатлѣніе. Но только наивный человѣкъ могъ предположить въ первой ея половинѣ проявленіе «лояльности Думы» къ Монарху, къ его «прерогативамъ» и къ его положенію въ конституціи. Такого чувства наше прошлое, къ сожалѣнію, въ насъ не воспитало. Оно у насъ было бы принято за «угодничество». «Громъ аплодисментовъ», который встрѣтилъ эти слова Предсѣдателя, объясняется *иначе*. Муромцевъ послѣ разсказывалъ, что ему «изъ сферъ» дали понять, что было бы желательно, чтобы отъ иностраннаго слова «конституція» онъ воздержался. Это было бы такой же уступкой нерасположенію Государя къ этому слову, какую сдѣлалъ Государь, когда для удовлетворенія Думы онъ не произнесъ слова «Самодержавіе», хотя прежнее вето съ него было снято; депутаты уже согласились безъ оговорки подписать обѣщаніе съ Самодержавіемъ. Но въ виду такого намека свыше Муромцевъ изъ-за самостоятельности, рѣшилъ непремѣнно слово «конституція» произнести. Громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ именно *это*. Пресса это использовала. Милюковъ писалъ 28 Апрѣля: «Собраніе, *молчавшее въ Зимнемъ Дворцѣ*, разразилось рукоплесканіями по адресу *конституціоннаго* Монарха. Исторія отмѣтитъ это первое выраженіе *парламентской лояльности*; деликатнаго и хрупкаго чувства, которое можно сберечь и развить только внимательнымъ уходомъ. Въ этомъ выраженіи дано обѣщаніе, но и постановлено условіе его выполненія». Эти замысловатыя слова все-таки ясны. По

адресу Монарха было «молчаніе въ Зимнемъ Дворцѣ». Апплодисменты были за эпитетъ «конституціонный». Милюковъ говорилъ, что «конституціонность» была условіемъ для «лояльности Думы». Можно быть различнаго мнѣнія объ умѣстности демонстративной постановки этихъ условій. Но «исторія» не будетъ настолько наивной, чтобы увидѣть въ этомъ проявленіи чувства «лояльности» къ *конституціонному* Государю. Предположеніе объ этомъ было скоро развѣяно.

Истинное значеніе словъ Предсѣдателя обнаруживается по сравненію ихъ со второй половиною фразы, гдѣ онъ говорилъ не о Монархѣ, а о Думѣ. Было бы естественно, если бы, заявивъ объ уваженіи Думы къ «конституціоннымъ прерогативамъ» Монарха, Предсѣдатель указалъ на необходимость полнаго осуществленія правъ, которыя *конституція предоставила Думѣ.* Это было бы заявленіемъ той лояльности Думы къ «конституціи», которой Дума ждала отъ Монарха. Если бы такое заявленіе было Предсѣдателемъ сдѣлано и вызвало бы «апплодисменты» собранія — это обнаружило бы и въ *немъ* здоровую политически атмосферу. Но этого не было сказано; а если бы сказано было, такое заявленіе аплодисментовъ не вызвало бы.

Дурной пріемъ изъ «умолчанія» дѣлать произвольные выводы. Но можно ли сомнѣваться, что кадеты конституцію не «уважали» и «соблюдать» не собирались? Недаромъ Предсѣдатель Думы, юристъ Муромцевъ говорилъ въ своей рѣчи не о *конституціонныхъ* правахъ Государственной Думы, а о правахъ, истекающихъ будто-бы изъ самой *природы народнаго представительства.* Конституціоннымъ законамъ, опредѣлявшимъ прерогативы Монарха, онъ противопоставилъ «естественныя права народнаго представительства». Такова была точка зрѣнія и Апрѣльскаго кадетскаго Съѣзда. Онъ тоже нашелъ тогда, что до осуществленія *полнаго народовластія*, ни успокоенія, ни «органической» работы въ Думѣ быть не должно. На этомъ состоялось примиреніе либеральной и революціонной идеологіи. По складу ума Муромцевъ не могъ сочувствовать этому взгляду. Но здѣсь начиналась «политика», а въ ней онъ шелъ за другими. Въ первый же день Муромцевъ символизировалъ будущую роль кадетъ въ этой Думѣ; революціоннымъ тенденціямъ Думы онъ въ своей рѣчи ухитрился придать благобразіе «природнаго права».

Но эта формула была и безъ конкретнаго содержанія. Права «народнаго представительства» опредѣляются совсѣмъ не природой, а многими условіями, и прежде всего соотношеніемъ силъ въ данный моментъ. Говорить о «природѣ» народнаго представительства такъ-же безплодно, какъ говорить о «природѣ» власти Монарха. Но когда Муромцевъ противопоставлялъ «конституціонныя» прерогативы Монарха «природнымъ правамъ народнаго представительства», онъ толкалъ Думу на путь явочнаго порядка, отъ котораго, какъ Предсѣдатель, долженъ былъ бы ее удержать. Его ложный шагъ былъ, конечно, превознесенъ партійной прессой. «Въ корректныхъ выраженіяхъ,

писалъ П. Н. Милюковъ (*), Предсѣдатель сумѣлъ вполнѣ выразить истинную мысль собранія и *основную задачу* всего политическаго положенія. За его словами почувствовалъ амфитеатръ, почувствовали ложи, почувствуетъ сегодня и вся страна, что отнынѣ ключъ къ рѣшенію задачи находится здѣсь въ этомъ залѣ. «Гости» и «хозяева» Таврическаго Дврца помѣнялись мѣстами».

Такъ самъ С. А. Муромцевъ освящалъ превращеніе Думы изъ «конституціоннаго установленія» въ «органъ «революціонной стихіи». Тогда это , впрочемъ, замѣчено не было. Наверху его рѣчью остались довольны. При дворѣ Муромцевъ получилъ радушный пріемъ. На ближайшемъ оффиціальномъ торжествѣ былъ поставленъ на первое мѣсто. Но иллюзія мира продолжалась недолго.

---

*) «Рѣчь», 28 Апрѣля 1906 г.

ГЛАВА IV.

Отвѣтный адресъ Думы.

Торжественное открытіе Думы было парадомъ; «политика» проводилась въ немъ контрабандой. Первый открытый политическій жестъ Думы заключался въ принятіи *адреса*. Онъ предопредѣлилъ все дальнѣйшее. Въ немъ Дума впервые свое лицо показала.-

Адресъ былъ дѣломъ кадетъ; имъ принадлежала и иниціатива, и выполненіе. Въ этотъ моментъ кадеты за собой Думу вели. Ихъ авторитетъ былъ такъ великъ,что когда 11 человѣкъ праваго фланга адреса принять не захотѣли, они противъ него голосовать не рѣшились и вышли изъ зала. Предсѣдатель при «громѣ аплодисментовъ» объявилъ, что адресъ принятъ «единогласно». Кадеты были такъ упоены своимъ торжествомъ, что не оцѣнили желанія правыхъ единогласія не нарушать. Милюковъ въ «Рѣчи» 6 Мая заклеймилъ ихъ такими словами: «Странная сецессія пяти членовъ Палаты (ихъ было 11. *В. М.*), принимавшихъ участіе во всѣхъ предыдущихъ стадіяхъ обсужденія, внесшихъ въ текстъ немало поправокъ и измѣненій и въ послѣднюю минуту отказавшись нести солидарную отвѣтственность за адресъ, только подчеркнула изолированность этой маленькой кучки. Конечно, не изъ этихъ людей выйдетъ «министерство пользующееся довѣріемъ большинства»; вчерашній поступокъ провелъ между ними и остальною Палатой неизгладимую борозду». Такъ относились кадеты къ голосу подлинной «оппозиціи».

Адресъ не былъ импровизаціей; онъ былъ задуманъ раньше, чѣмъ была даже сказана «тронная рѣчь». На соединенномъ засѣданіи «оппозиціи» 26 Апрѣля, Винаверъ уже докладывалъ его содержаніе. Онъ былъ составленъ кадетами. Раньше обсужденія его въ оффиціальной думской комиссіи изъ 33 человѣкъ онъ былъ изготовленъ «внѣ-думской комиссіей» изъ 6 человѣкъ, въ которую входилъ и Милюковъ. Текстъ его вышелъ изъ этой комиссіи. Двумъ ея членамъ (оба кадеты) было и поручено составить самостоятельно два особыхъ проекта, изъ которыхъ одинъ былъ одобренъ, какъ база для обсужденія. Позднѣе въ думскую Комиссію былъ представленъ еще и трудовистскій проектъ; Комиссія его забраковала, какъ «тягучій» и «блѣдный» (*).

*) Винаверъ. — «Конфликты».

Такъ отъ Комиссіи былъ предложенъ кадетскій проектъ, и Набоковъ явился докладчикомъ.

Кадеты его сочинили и они въ Думѣ его отстояли; достигли при его голосованіи единогласія. Однако въ сущности они одни имъ остались довольны. Локоть писалъ съ огорченіемъ, что въ адресѣ была «почтительная, въ возвышенномъ стилѣ, риторика; уклончивая манера въ пониманіи и толкованіи словъ и намѣреній верховной власти»; что адресъ «не отличался отъ адресовъ, съ которыми недавно выступали губернскія земскія собранія». Онъ въ заключеніи спрашивалъ: «нуженъ ли былъ вообще этотъ адресъ?» (*). Соціалъ-демократы въ своемъ раскаяніи пошли еще дальше. Они принялись увѣрять въ своей прессѣ (Б-въ и Данъ, Рабочіе депутаты въ 2-й Гос. Думѣ), «будто при голосваніи адреса рабочіе депутаты отъ него уклонились». Это было неправдой. Винаверъ эту версію убѣдительно опровергаетъ въ «Конфликтахъ». Но она все-же показываетъ, что соціалъ-демократы раскаялись и кадетскаго удовольствія отъ адреса не раздѣляли.

За то сами кадеты были въ восторгѣ. «Принятіе Думой отвѣтнаго адреса, писалъ Милюковъ въ «Рѣчи» 6-го Мая, есть актъ величайшаго политическаго значенія и ночному засѣданію 5-6 Мая суждено остаться историческимъ. Никакая партійная критика не можетъ умалить великаго значенія этого факта для страны, для самой Думы и для Главы государства». «Актъ, который мы совершили, вторилъ 8 Мая въ Думѣ кадетъ Новгородцевъ, уже вынесенъ неизгладимыми чертами на страницы исторіи. Это — великій историческій актъ, ослабить или умалить который ничто не можетъ».

Такой взглядъ на адресъ у кадетъ сохранился и позже. Когда въ 3-й Думѣ, гдѣ владычествовали октябристы, обсуждался проектъ третьедумскаго адреса, Милюковъ отъ имени кадетъ заявилъ ихъ полную солидарность съ «историческимъ» адресомъ І-й Гос. Думы. Онъ остался ихъ «символомъ вѣры».

Но если адресъ былъ дѣломъ кадетъ, то позволительно спросить себя: *чего* они имъ хотѣли добиться? Результаты адреса, какъ извѣстно, были плачевны; но какъ себѣ представляли дѣло его иниціаторы?

Конечно, монархическая партія, каковой были кадеты, не могла не понимать, что оставить безъ отвѣта обращеніе Главы государства было бы просто «невѣжливо». На привѣтствіе было должно *«отвѣтить»*, безъ низкопоклонства, съ которымъ совѣтская «общественность» обращается къ Сталину, но съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ, съ какимъ отвѣчаетъ «народъ» своему Государю. Адресъ и понимался именно какъ «отвѣтъ на тронную рѣчь»; онъ начинался словами: «Вашему Величеству было благоугодно въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія и т. п.»

*) Локоть. — «Первая Дума», стр. 163 и сл.

Итакъ Дума лишь *отвѣчала*; но тогда возникаетъ недоумѣніе. Если отвѣтъ былъ вызванъ желаніемъ быть лояльнымъ и отвѣтить на обращеніе, то гдѣ же «отвѣтъ»? Къ отвѣту можно было присоединить то, что Дума хотѣла; но гдѣ же самый отвѣтъ *на слова* Государя?

Враги Думы укоряли адресъ во многомъ и часто слишкомъ пристрастно. Такъ проф. В. И. Герье въ своей книжкѣ о 1-й Думѣ писалъ слѣдующее:

«Даже лица, враждебныя «старому порядку», были поражены тѣмъ, что въ отвѣтномъ адресѣ не было ни одного слова *благодарности* Монарху, осуществившему давнишнія желанія русскаго либерализма, и признавали это большою политической ошибкой».

По поводу этихъ укорительныхъ словъ я не могу не припомнить позднѣйшаго эпизода. Когда 3-ья Дума подносила Государю *свой* адресъ, А. И. Гучковъ въ преніяхъ подчеркнулъ, что народное представительство своего долга благодарности Государю за дарованіе конституціи до сихъ поръ не исполнило, и что 3-ья Дума должна это сдѣлать. Крайняя лѣвая на это время по европейской традиціи вышла изъ залы, но кадеты голосовали *за* такой адресъ. Они не замѣтили въ 3-ей Думѣ, что голосуя благодарность за дарованіе конституціи, они самихъ себя осудили; если эта благодарность вообще была нужна, она должна была бы быть высказана *раньше* и *ими самими.*

Позволительно думать, что реформы объясняются только пользою ихъ для государства, и что для личныхъ «благодарностей» *за нихъ* почвы быть не должно. Этимъ можно объяснить отсутствіе благодарности. Но одно дѣло благодарность за «конституцію», другое благодарность за «привѣтствіе» и «пожеланія». Оставить ихъ безъ отвѣта было все равно, что не отвѣчать на поклонъ. Кадетская партія была достаточно воспитана и культурна, чтобы это понять. И все-таки на «привѣтъ», на «призывъ благословенія Божія» на будущую работу Гос. Думы она *не* отвѣтила. Привѣтствіе Государя осталось безъ отклика. «Народъ безмолствовалъ», какъ у Пушкина. Но было ли это по недостатку воспитанности или *умышленно?*

Мелкій эпизодъ далъ на это отвѣтъ. 4 Мая темный крестьянинъ Бочаровъ предложилъ прибавить въ концѣ: «народные представители свидѣтельствуютъ Вашему Императорскому Величеству свою вѣрноподданническую преданность».

Стилистически такая фраза была неуклюжа; въ такомъ видѣ она къ адресу не подходила. Но предложеніе Бочарова показало тѣмъ не менѣе правильное ощущеніе пропуска. Кадетскіе стилисты могли бы заполнить его, если бы того захотѣли. Но они не хотѣли. Возразить Бочарову вышелъ докладчикъ Набоковъ. Онъ указалъ, что, обращаясь къ Монарху, Дума является передъ нимъ, какъ *«высшее законодательное* учрежденіе»; что самъ «Государь въ тронной рѣчи не называлъ депутатовъ вѣрноподданными»; что потому Думѣ не надлежало бы на это указывать, что «не въ *этомъ* смыслѣ составленъ адресъ и не

на *этой* почвѣ Госуд. Дума говоритъ съ Монархомъ». Это характерное заявленіе было встрѣчено «бурными аплодисментами». Сконфуженный Бочаровъ отказался отъ своего предложенія. Ему не по плечу было съ Набоковымъ спорить, да и споръ на подобную тему былъ не удобенъ. Но весь адресъ получилъ тогда опредѣленное освѣщеніе. Поправка Бочарова поставила точки на і. Пропускъ благодарности за привѣтъ превратился въ *намѣренное ея опущеніе.*

Почему такая ненужная неловкость могла получиться? И какъ ее могли допустить кадеты, иниціаторы адреса?

Это интересный вопросъ для уразумѣнія тактики кадетъ вообще. Конечно, это показывало, что въ кадетахъ не было настоящаго «монархизма», который не позволилъ бы имъ такой «демонстраціи», какъ тотъ же «монархизмъ» не позволилъ Гейдену и Стаховичу къ адресу присоединиться. Но кадеты не были и республиканцами и дѣлать антимонархической демонстраціи совсѣмъ не хотѣли; вѣдь они же подали мысль о необходимости адреса и склонили на это революціонныя партіи, хотя ихъ традиціямъ адресъ противорѣчилъ. Но разъ кадеты и въ адресѣ хотѣли идти въ «лѣвомъ блокѣ», они принуждены были сдѣлать уступки. Трудовики уже упрекали адресъ и за «почтительность» тона, и за наличіе въ немъ «титуловъ и условностей».

Самъ М. М. Ковалевскій счелъ нужнымъ дать двусмысленное одобреніе адресу: «Я хвалю Вашъ адресъ, сказалъ онъ 3 Мая, за то, что онъ выраженъ въ вѣжливыхъ, умѣренныхъ словахъ». Надо было быть очень нетребовательнымъ, чтобы радоваться тому, что въ адресѣ Государю не было «невѣжливыхъ словъ». Но большаго отъ революціонеровъ по ихъ настроенію требовать было нельзя. И за присоединеніе ихъ къ адресу кадеты заплатили дорогою цѣной, т. е. все-таки нѣкоей антимонархической демонстраціей. Этотъ результатъ явился символомъ того, къ чему приводила въ широкомъ масштабѣ кадетская тактика, т. е. сочетаніе конституціоннаго и революціоннаго пафоса. Оно и объясняетъ безплодіе этой тактики.

Съ этой замаскированной демонстраціей я невольно сопоставляю другую, происшедшую при открытіи 2-й Думы. Когда И. Я. Голубевъ открывалъ эту Думу, онъ объявилъ, что «Государь Императоръ повелѣлъ передать Думѣ» и остановился. Министры всѣ встали, правая часть Думы тоже. Лѣвая и кадетскій центръ остались сидѣть. Такъ какъ демонстраціи дѣлать тогда никто не хотѣлъ, то вышло неловко. Но передача Предсѣдателемъ словъ Государя кадетъ захватила врасплохъ, а съ этикетомъ они были мало знакомы. Нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя примѣру Министровъ, сначала поднялись, но видя, что другіе сидятъ, опять опустились. Потомъ кадеты были сконфужены. Кадетская пресса защищала ихъ импровизированную демонстрацію тѣмъ, будто этикетъ и не требовалъ, чтобы они поднимались; что со стороны Министровъ это былъ избытокъ усердія, какъ обнажать голову передъ «пустой придворной ка-

ретой» (*) Однако позднѣе, въ 3-й и 4-й Думахъ, въ аналогичныхъ случаяхъ открытія Думы, поступали иначе; лѣвые заранѣе уходили изъ зала, а кадеты при передачѣ словъ Государя вставали. Потому во 2-й Думѣ эпизодъ былъ случайностью. Но въ I-й Думѣ адресъ обсуждался нѣсколько дней. Споры о немъ проходили въ Комиссіи, гдѣ были люди, которымъ были не чужды приличія. Неожиданности быть не могло. Согласившись на невѣжливость по отношенію къ Государю, кадеты отъ своего собственнаго лица отказались; лояльность къ Монарху они сочли второстепенной подробностью, которой можно было пожертвовать ради историческаго значенія адреса. Но именно лояльность къ конституціонному Монарху имѣла бы историческое значеніе. Безъ нея въ чемъ же оно заключалось?

* * *

Эта нелояльность была плохимъ предзнаменованіемъ для укрѣпленія конституціи. Еще болѣе зловѣща была нелояльность Думы и къ самой конституціи. *Монархія* была тогда внѣ всякаго спора; былъ смѣшенъ тотъ, кто ее не «признавалъ». *Конституція* же подвергалась оспариванію и справа, и слѣва, отъ «Союза истинно-русскихъ людей» и отъ «Революціи». Нужно было бы, чтобы по крайней мѣрѣ *Дума ее защищала*. Указанія на рѣшимость слѣдовать ей и ее защищать можно было ждать отъ адреса Думы, тѣмъ болѣе, что Государь *свою* лояльность относительно конституціи проявилъ въ тронной рѣчи; онъ обѣщалъ ее охранять и въ лицѣ депутатовъ привѣтствовалъ «лучшихъ людей».

Дума содержанія октроированной конституціи не одобряла; она имѣла право это сказать, могла указать, въ чемъ желательно ее измѣнить, могла собственнымъ починомъ постараться ее исправлять. Но пока конституція законнымъ порядкомъ не была измѣнена, Дума должна была считать своимъ долгомъ ей *подчиняться*. Дума была создана конституціей, и не могла быть *выше* ея. Разъ Государь въ тронной рѣчи обѣщалъ ее охранять, Думѣ было умѣстно сказать, что она будетъ *работать* и *улучшать конституцію* на путяхъ *ею* указанныхъ. У Думы и у власти оказался бы тогда общій языкъ и почва для соглашенія. Но Дума этого *не* сказала. Когда она припоминала обѣщаніе Государя ее охранять, то только затѣмъ, чтобы ему приписать обязательство «дальнѣйшаго развитія строго конституціонныхъ началъ». Ни одного намека на то, что она сама будетъ дѣйствовать *конституціоннымъ* путемъ, ею не было сдѣлано. Это не забывчивость и не оплошность. Это «революціонная идеологія». Согласно нея конституція ограничила только Монарха, а не Думу, выразительницу «воли народа». Такая идеодеологія была опаснѣе, чѣмъ личная невѣжливость относитель-

*) Такъ писалъ тогда Г. Іоллосъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

но Государя. Дума отказывалась занять ту позицію, на которой ей было бы легко добиваться самыхъ радикальныхъ своихъ пожеланій. Конституція, по ея мнѣнію, не могла *ограничивать ея* воли. Какъ и ея Предсѣдатель, она свои права выводила уже не изъ закона, а изъ «природы народнаго представительства».

О чемъ же Дума сказала въ своемъ «историческомъ адресѣ»?

Главной его частью была программа думскихъ работъ, о которой Дума нашла нужнымъ сообщить Государю, а вмѣстѣ urbi et orbi. Въ этомъ, по мнѣнію кадетъ, было главное значеніе адреса. «Важно, 6 Мая писалъ Милюковъ, что то, что составляетъ нервъ и существо освободительнаго движенія, повторено и единогласно принято русскимъ народнымъ собраніемъ, какъ практическая программа подлежащая немедленному осуществленію въ учрежденіи, имѣющемъ право осуществлять».

Въ этихъ словахъ большое недоразумѣніе; адресъ въ этой части не могъ имѣть и не имѣлъ *такого* значенія. Но позволительно прежде всего спросить: для чего было нужно сообщать Государю программу законодательныхъ думскихъ работъ? Локоть былъ правъ, когда писалъ 5 Мая: «воля народа гораздо полнѣе и правильнѣе могла быть выражена въ рядѣ законопроектовъ Думы». Вѣдь законодательной иниціативы у Думы никто не оспаривалъ; Государь къ ней самъ Думу призвалъ. За исключеніемъ пересмотра Основныхъ Законовъ — ея иниціатива была неограничена; очередной порядокъ дѣлъ въ Думѣ зависѣлъ исключительно отъ нея. Она могла разсматривать и принимать то, что хотѣла, не испрашивая для этого ни разрѣшенія, ни одобренія власти. Вѣдь не лояльность же, не подчеркнутое уваженіе Думы къ Монарху, заставили ее свою программу работъ заранѣе передъ нимъ излагать?

А съ другой стороны Дума не была *всей* законодательной властью; ея законодательная иниціатива могла до Государя и не дойти, если бы она не была Государственнымъ Совѣтомъ одобрена. Поэтому, когда Милюковъ писалъ, что Дума изложила программу, «подлежащую немедленному осуществленію въ учрежденіи имѣющемъ право осуществлять» — онъ извращалъ конституцію. Безусловное право Дума имѣла только нежелательный законопроектъ *отвергать*; право же *осуществлять* то, что ей было угодно, ей одной дано не было. Публицисты могутъ писать, что имъ хочется, и сознательно вводить читателей въ заблужденіе. Милюковъ могъ написать, что если дѣло уврачеванія золъ русской жизни и затянется, то «важно создать убѣжденіе, что дѣло будетъ, *во всякомъ случаѣ*, сдѣлано». *) Но такія словесныя преувеличенія привилегія прессы. Адресъ же былъ дѣломъ отвѣтственнымъ и серьезнымъ государственнаго учрежденія; въ немъ «очковтирательство» было недопустимо.

*) «Рѣчь», 3 Мая.

Слѣды этого «очковтирательства» или *незнанія* своихъ полномочій сказываются даже въ терминологіи *этой* части думскаго адреса. Такъ, напримѣръ, въ адресѣ говорится: «Дума *внесетъ на утвержденіе* Вашего Величества *законъ* о народномъ представительствѣ, основанный согласно единодушно проявленной волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права».

Гдѣ же въ этой фразѣ права Верхней Палаты? Законопроектъ представляется на утвержденіе Государю только въ томъ случаѣ, если онъ одобренъ 2-й Палатой и подносится исключительно *ея* Предсѣдателемъ (стр. 113 Осн. Зак.). Что сказала бы Дума, если бы такую же формулу употребилъ Государственный Совѣтъ для проектовъ *своей* инициіативы? А по конституціи права ихъ равны.

Этотъ примѣръ не единственный. Дума «явится выразительницей стремленій всего населенія въ тотъ день, когда *постановитъ законъ* сбъ отмѣнѣ смертной казни навсегда». Постановлять «законъ» Дума не вправѣ.

Затѣмъ заявленіе, не считающееся уже ни съ Госуд. Совѣтомъ, ни съ самимъ Государемъ, какъ Верховнымъ Вождемъ арміи: «Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права». Какъ при наличіи 96 ст. Осн. Законовъ можетъ Дума это сдѣлать, не выйдя за предѣлы своей компетенціи?

Если бы такъ выражались на митингахъ, или если бы это говорили темные люди — это можно было бы объяснить ихъ конституціоннымъ невѣжествомъ. Но адресъ писали первоклассные юристы, которые понимали, что дѣлали. Такія словоупотребленія были сознательнымъ проявленіемъ захватной политики. Дума «конституціи» не признавала, считала Государственный Совѣтъ подлежащимъ уничтоженію, въ себѣ видѣла и всю законадательную власть, и суверенную волю народа и это свое антиконституціонное пониманіе явочнымъ порядкомъ проводила въ адресѣ Государю. Такая тактика, конечно, на пользу конституціи идти не могла.

Но если такъ, то зачѣмъ все-таки была изложена дѣловая программа? Кадеты нашли объясненіе. Имъ будто бы пришлось сдѣлать это противъ желанія потому, что тронная рѣчь была неправильна и говорила не то, что должна была сказать. «Программу очередной дѣятельности Думы, писалъ Милюковъ 3 Мая, *должна* бы была дать тронная рѣчь, но для этого нужно было бы, чтобы она опиралась на Министерство, пользующееся довѣріемъ страны (?). На дѣлѣ министерство виситъ въ воздухѣ; поэтому оно только и могло выйти къ Думѣ съ пустыми руками. Программу даетъ теперь сама Дума; народные представители исполняютъ обязанность неисполненную министерствомъ Это только естественно и, конечно, желательно».

Это курьезное разсужденіе; но чего въ немъ больше: «недоразумѣнія» или «тактики»?

Съ точки зрѣнія конституціонной оно софизмъ; оно говоритъ не о конституціонномъ, а о парламентарномъ порядкѣ. Тронная рѣчь вовсе *не должна* была давать программу работъ. Такъ дѣлается въ парламентарныхъ государствахъ, гдѣ отношенія правительства и представительства совершенно другія. Тамъ, гдѣ Монархъ не управляетъ, а только царствуетъ, онъ можетъ самъ *прочитать* тронную рѣчь; но она остается *деклараціей Министерства* передъ парламентомъ. Личнаго мнѣнія Монарха въ деклараціи нѣтъ. Если измѣнится составъ парламента и кабинета, онъ прочитаетъ противоположную рѣчь. Перемѣна въ ея содержаніи его не компрометируетъ; не онъ управляетъ. Нашей же конституціей парламентаризмъ отвергался. Монархъ не былъ символической декораціей. Все управленіе, по Основнымъ Законамъ, оставалось за нимъ. Но и при такой конституціонной системѣ Монархъ «безотвѣтствененъ»; за него отвѣчаетъ а потому за него и говоритъ министерство; личныхъ политическихъ выступленій Монархъ дѣлать не долженъ; это было бы неконституціонно. Потому Министры *такія* выступленія дѣлаютъ сами и отъ себя,если даже по существу они въ этомъ только слѣдуютъ указаніямъ и даже приказаніямъ Государя. Этимъ сохраняется фикція его безотвѣтственности. Эта конструкція менѣе выдержана и ее труднѣе усвоить; но безъ нея не можетъ быть дуалистической конституціи.Поэтому тронная рѣчь, поскольку она вообще бываетъ, и декларація министерства въ въ такихъ конституціяхъ двѣ вещи совершенно различныя: тронная рѣчь у насъ въ Думѣ была произнесена только *одинъ разъ* при открытіи не очередной Думы, какъ таковой, а при введеніи всего *новаго строя*. Нашъ Государь обнаружилъ болѣе конституціоннаго пониманія, чѣмъ депутаты, когда въ этой своей тронной рѣчи *законодательной программы* не излагалъ, а ограничился только *привѣтствіемъ* и общими пожеланіями. Настоящая же «правительственная» декларація появилась, но только позднѣе, уже 13 Мая. И ее тогда правильно *отъ себя* прочло Министерство. Въ послѣдующихъ Думахъ, 2-й, 3-й и 4-й эти два акта всегда различались. Личныя привѣтственныя слова Государя передавались лицомъ открывающимъ Думу, а потомъ, когда половина депутатскихъ полномочій была провѣрена и Дума конституировалась,правительственная декларація читалась *главою правительства*. Эта конституціонная логика была соблюдена и въ I Государственной Думѣ. Лидеры Думы обнаружили большую неопытность или безцеремонность, когда поторопились упрекнуть правительство въ томъ, что оно не изложило программы и особенно,когда вздумали *обязанности его принять на себя*. Дума себя этимъ поставила въ ложное положеніе, которое, по своему обыкновенію, вмѣнила въ вину не себѣ, а правительству.

Еще труднѣе понять, почему это явное смѣшеніе функцій Милюковъ счелъ «полезнымъ». Вѣдь Дума этимъ брала на себя не только неподходящую, но для нея и непосильную роль. Хотя de jure Дума въ своей законодательной иниціативѣ была

неограничена (кромѣ измѣненія Основныхъ Законовъ) но de facto она не могла съ нею справиться. Писать законы по плечу только правительству съ его аппаратомъ. Недаромъ во всѣхъ конституціяхъ парламентская инициатива большой роли не играетъ; и въ нашей Думѣ главною заботою ея должно было быть разсмотрѣніе законопроектовъ правительства. Утвержденіе Милюкова, будто бы для дѣла было *полезно*, чтобы Дума замѣняла собою правительство, есть только желаніе заявить, что Дума могла эту работу исполнить лучше правительства, а можетъ быть «явочнымъ порядкомъ» и захватить функціи министерства. Только для этой двусмысленной цѣли это могло быть полезно.

Но какія бы цѣли ни преслѣдовалъ адресъ, успѣха онъ не достигъ. Дума провалилась въ этой задачѣ, не только тогда, когда она впослѣдствіи принялась возвѣщенные законы писать, но въ самой программѣ, которую въ адресѣ она изложила. А изложить казалось было нетрудно. Милюковъ правильно замѣчалъ, что «думская программа реформъ совсѣмъ не нова. Все это уже нѣсколько лѣтъ говорится и утверждается со всякой общественной трибуны». Въ 1904 г. все это было уже оффиціальной программой. Можно было изложить ее наиболѣе полно и ясно, или связать ея части внутренней мыслью. Ничего *этого* сдѣлано не было. Думская программа реформъ — логически несвязанный перечень общихъ мѣстъ, перерываемый экскурсіями въ другіе вопросы. Съ чисто литературной стороны она невразумительна. Она проигрываетъ въ сравненіи съ программой Ноябрьскаго Земскаго Съѣзда 1904 года. Ее и невозможно «немедленно осуществить», какъ это думала «Рѣчь». Что, напримѣръ, въ ней означаютъ слова «Дума обратитъ вниманіе на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ»? Или: «Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права»? Что значитъ: «коренное преобразованіе мѣстнаго управленія» ? На какихъ началахъ оно предположено? Въ чемъ состоятъ «справедливыя нужды народностей»? Адресъ обо всемъ этомъ не говоритъ ничего конкретнаго. Какъ это ни парадоксально, министерская декларація прочитанная позднѣе передъ Думой 13 Мая оказалась много яснѣе, а главное *содержательнѣе*, чѣмъ дѣловая часть думскаго адреса.

Возьмемъ самый характерный примѣръ — крестьянскій вопросъ. Всѣ программы послѣднихъ годовъ выдѣляли его на особое мѣсто, какъ главный, цѣльный и самостоятельный. Всѣ поняли, что на немъ держится вся Россія и что разрѣшеніе его нельзя откладывать. Но что объ немъ Дума сказала? «Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы». Это и все. И это «практическая программа, которую можно немедленно осуществить»? Не есть ли это testimonium paupertatis Государственной Думы въ этой важнѣйшей области дѣла? И любопытное совпаденіе. Вѣдь эти слова какъ разъ то, къ чему Думу призывала «тронная рѣчь»... Въ

ней говорилось: «Вы отдадите всѣ свои силы для *выясненія* нуждъ столь близкому моему сердцу крестьянства». Но тронная рѣчь эти общія слова и не выдаетъ за программу. А Дума, которая требуетъ немедленнаго проведенія опредѣленныхъ конституціонныхъ реформъ, собирается только «*выяснить нужды крестьянства*». Ужъ лучше бы она объ этомъ молчала: правительство въ своей декларацiи оказалось много выше ея.

Почему же плодъ работы «общественной элиты», людей исключительныхъ дарованій и преданныхъ дѣлу оказался такимъ плохимъ и неполнымъ? Объясненіе этому надо искать не только въ понижающемъ вліяніи коллективовъ. Для этого были еще двѣ спеціальныхъ причины.

Во-первыхъ, давнишнее антиконституціонное рѣшеніе кадетъ, что «органической работой» Дума не должна заниматься, пока она *конституцію не измѣнитъ*. Во всей полнотѣ это рѣшеніе, конечно, не исполнялось, но иногда о немъ вспоминали. Винаверъ приводитъ характерную сцену (*). Въ Комиссіи по адресу депутатъ Бондаревъ предложилъ въ адресъ включить указаніе, что Государственная Дума «позаботится и о народномъ просвѣщеніи». Что могло быть безспорнѣе и несомнѣннѣе? Это было издавна излюбленной заботой либерализма, предметомъ гордости русскаго земства. Теперь эту программу можно было развернуть въ государственномъ масштабѣ. Возраженій ждать не приходилось. О просвѣщеніи дважды упомянула сама тронная рѣчь. И однако кадеты стали *возражать*; «мы, разсказываетъ Винаверъ, доказывали, что предложеніе Бондарева нарушаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ лозунгъ оппозиціи, исповѣдуемый особенно ортодоксально людьми, лѣвѣе насъ стоящими. Мы указывали, что эта тема будетъ съ восторгомъ принята правительствомъ, которое подскажетъ еще много однородныхъ политически безобидныхъ темъ для дружной работы съ народнымъ представительствомъ». Это цѣнное признаніе. Кадеты *боялись*, что правительство окажется съ ними согласно, и потому *не хотѣли* этого проекта (!). И это имъ не помѣшало впослѣдствіи за отсутствіе соглашенія винить само же правительство. Интересно и то, что эта тактика кадетскихъ лидеровъ не была ни понята, ни поддержана здравымъ *смысломъ «обывательской массы»*. Попытка Бондарева вопреки протесту кадетъ была *принята* трудовиками и правыми. *Политиканство кадетъ* поддержано *не* было.

Была другая причина, обезцвѣтившая дѣловую часть адреса. Кадетскіе лидеры настаивали на «единогласномъ» принятіи адреса. Локоть правильно замѣчалъ, что единогласіе ни для чего не было нужно. Но важнѣе, что оно искренно быть не могло. Дума была единодушна въ отрицательномъ отношеніи къ старому, но въ положительныхъ программахъ между собой расходилась. Единогласіе поэтому могло быть куплено только

*) «Конфликты», стр. 41, 42.

двусмысленностью, недоговоренностью, безсодержательностью. Для кадетской партіи достиженіе единогласія *этой цѣной* было привычной партійной тактикой. Она опредѣляла линію партіи. Теперь эта чисто кадетская тактика была примѣнена къ цѣлой Думѣ. Даромъ это пройти не могло. Отмѣчу два характерныхъ примѣра.

Кадетская партія имѣла въ программѣ 4-хвостку, распространяя ее и на женщинъ. Адресъ начиналъ серію реформъ «избирательнымъ правомъ». Въ преніяхъ выяснилось, что 4-хвостка вовсе не была въ странѣ такимъ *общепризнаннымъ* лозунгомъ, какимъ его выставляли кадеты. Они сами принуждены были это признать. Были возраженія и противъ прямыхъ выборовъ, и особенно противъ участія женщинъ. Такъ Д. И. Шаховской, самъ сторонникъ 4-хвостки, свидѣтельствовалъ, что, если бы вопросъ о «прямыхъ выборахъ» былъ поставленъ на голосованіе нашего крестьянства, то, *конечно*, *по недоразумѣнію*, но отвѣтъ, вѣроятно, получился бы отрицательный». Чтобы не расколоться, Дума остановилась на формулѣ «общее избирательное право», которая была и въ Манифестѣ 17 Октября. Что же означало хваленое единодушіе Думы? Какой она въ результатѣ приметъ законъ? Лѣвыя партіи выводили отсюда, что кадеты отказались отъ 4-хвостки, «измѣнили народному дѣлу». Вотъ къ чему вели кадетскія настоянія на *единогласномъ* рѣшеніи.

Въ этомъ недоразумѣніи ничего трагичнаго не было. Хуже вышло съ аграрнымъ вопросомъ.

Взгляды членовъ Думы и партій на аграрный вопросъ были вполнѣ разнородны. Это доказало внесеніе трехъ различныхъ аграрныхъ проектовъ, подтвердили и разногласія въ аграрной Комиссіи. Придти къ единодушію и даже къ прочному большинству можно было бы только въ результатѣ долгой работы и взаимныхъ уступокъ. Но авторы адреса требовали *немедленнаго* и *единогласнаго* постановленія. Для искусственнаго и обманчиваго его достиженія слова адреса получили такой загадочный видъ: «Трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ».

Сколько ни вчитываться въ эти слова, они взятыя сами по себѣ могутъ значить только одно: «Дума рѣшила *принудительно безъ всякихъ условій отчуждать всѣ частныя земли*». Стоило бы въ адресъ вставить слово «а при нѣкоторыхъ условіяхъ и принудительное отчужденіе частныхъ земель»,какъ это недоразумѣніе было бы устранено. Съ такой формулой *всѣ* бы могли согласиться. Дѣло было бы тогда только въ «этихъ условіяхъ». Но всѣ поправки въ *этомъ* смыслѣ были Думой отвергнуты, и

сохранена двусмысленная редакція адреса. Она была изложена такъ, что противополагалось не *крупное* землевладѣніе *мелкому*, что рѣчь шла не о максимумѣ земельной собственности, а вопросъ ставился о самомъ принципѣ *частнаго владѣнія землей*; обѣщано было отчужденіе *частновладѣльческихъ земель безъ какихъ бы то ни было оговорокъ*. По существу, Дума хотѣла вовсе не этого. Но во имя единогласія съ лѣвыми она *это* сказала. И здѣсь Дума играла съ огнемъ. Адресъ ея къ Государю казался народу актомъ болѣе важнымъ, чѣмъ опубликованныя программы политическихъ партій и митинговое краснорѣчіе. Для несвѣдующихъ лицъ, да и для многихъ членовъ самой Думы одно высказанное ею желаніе принималось уже за законъ. Нашлись бы люди, которые бы сумѣли это желаніе *такъ* толковать. Тогда уже съ благословенія Думы пошли бы «иллюминаціи»; а на нихъ, въ свою очередь, стали бы опираться ораторы, чтобы доказывать необходимость скорѣйшаго отчужденія. Понимала ли Дума, что этой своей *единогласно* принятой провокаторской формулой она сама толкнула правительство на то «рѣзкое возраженіе» въ его деклараціи, которое ее потомъ привело въ негодованіе? Кто же въ этомъ вопросѣ оказался «агрессоромъ»?

Эти недоразумѣнія были неизбѣжны, если требовать *единогласія*. Но вслѣдъ за Локотомъ можно спросить себя: *зачѣмъ* оно было нужно, если оно покупалось цѣной недомолвокъ и лжи? Кого здѣсь обманывали? Единогласіе все равно разлетѣлось бы въ прахъ, когда отъ деклараціи перешли бы къ работѣ. Плохимъ предзнаменованіемъ для успѣшности думскихъ работъ было то, что кадеты знали, что будетъ именно такъ, и всетаки предпочитали реальнымъ результатамъ «красивые жесты». Фиктивное единодушіе давало возможность писать, будто принятіе адреса есть «символъ единства русскаго оппозиціоннаго движенія». («Рѣчь» 6-го Мая) и что онъ «указываетъ на огромную силу думскаго большинства». Все это литература, а не политика; для судебъ либерализма было гибельно, что реальную политику смѣшивали тогда съ *литературой* и съ пріемами партійной публицистики.

ГЛАВА V.

Думскія пожеланія въ адресѣ.

Адресъ могъ обойтись безъ изложенія *программы* думскихъ работъ; включеніе ея было неудачною мыслью, а способъ ея исполненія искусству Думы чести не сдѣлалъ. Понятнѣе было другое намѣреніе: высказать Государю *пожеланія* Думы, исполненіе которыхъ отъ нея самой *не* зависѣло. Какъ сказалъ Милюковъ («Рѣчь»—3 Мая), «для выраженія пожеланій отъ власти — отвѣтъ на тронную рѣчь представлялъ единственный удобный случай».

На особомъ мѣстѣ среди нихъ стояли тѣ, которые имѣли цѣлью измѣнить конституцію. Въ этомъ желаніи, конечно, ничего незаконнаго не было. Кромѣ статей, которыя вошли въ Основные Законы, конституція не была *забронирована* противъ думской инициативы. Путь для ея пересмотра былъ во многомъ открытъ. Любопытно, что къ этому нормальному пути Дума почти не прибѣгала. 23 Мая въ нее былъ внесенъ кадетскій законопроектъ объ «измѣненіи порядка разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ»; какъ мы увидимъ, онъ былъ совсѣмъ неудаченъ. Онъ оказался единственнымъ; много разъ говорили о неудачной постановки «запросовъ»; но никто законопроекта объ ея измѣненіи не вносилъ, хотя это было не трудно.

Такое отношеніе было для Думы характерно; все это казалось для нея слишкомъ *мелкой* работой. За то она сразу взялась за капитальныя измѣненія самыхъ основъ конституціи. Кадеты усмотрѣли въ ней три основныхъ, главныхъ дефекта. Милюковъ ихъ называлъ позднѣе тремя «замками». Не снявъ предварительно этихъ замковъ, будто бы, ничего сдѣлать было нельзя; необходимо было сначала ввести 4-хвостку, уничтожить Вторую Палату и установить «отвѣтственность» министерства передъ Думою. Только тогда была бы у насъ «конституція». Было рѣшено, не откладывая, заявить *это* въ адресѣ.

Позволительно усумниться въ необходимости для тогдашней Россіи немедленнаго проведенія этихъ «конституціонныхъ» реформъ. Но въ это я сейчасъ не вхожу. Остановлюсь на болѣе мелкомъ вопросѣ: если даже считать это желательнымъ, какъ было вѣрнѣе къ такому результату идти?

Никто не могъ воображать, чтобы историческая власть, согласившись на конституцію, *тѣмъ самымъ* признала пользу и *этихъ* радикальныхъ реформъ. Тогда бы вѣдь и «Основные За-

коны» были другіе; они осуществляли бы полное народоправство, а не строили порядокъ на идеѣ сотрудничества и компромисса исторической власти съ зрѣлой русской общественностью. Въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, съ властью предстояла борьба.

Но какъ вести эту борьбу? Если революціоннымъ путемъ то, конечно, все очень просто; нужно власть добивать, не боясь Революціи, стремиться къ образованію революціонной власти и къ созванію Учредилки. Тамъ всѣ эти вопросы рѣшатся. Это былъ *одинъ* путь.

Можно было его не хотѣть. Власть была еще очень сильна, имѣла опору въ странѣ и могла съ открытой Революціей справиться. Наконецъ позволительно было понимать вредъ Революціи и желать до нея не доводить. Тогда, добиваясь конституціонныхъ реформъ, Дума должна была идти къ нимъ *конституціоннымъ* путемъ.

Этотъ путь для нея не былъ вовсе *закрытъ*, даже въ области тѣхъ трехъ «замковъ», о которыхъ говорилъ Милюковъ.

Не стоитъ останавливаться на первомъ замкѣ, на 4-хвосткѣ; избирательное право не было забронировано Основными Законами. Дума имѣла полное право внести *новый* избирательный законопроектъ, что она и сдѣлала, объявивъ объ этомъ въ первыхъ строкахъ своего адреса. Но и для другихъ двухъ «замковъ» она была совсѣмъ не безсильна.

Правда полное *уничтоженіе* Верхней Палаты было для нея невозможно. Существованіе 2-й Палаты и объемъ ея правъ были обезпечены Основными Законами. Но вѣдь и въ самой Думѣ было много сторонниковъ 2-хъ палатной системы. Дума была единодушна въ осужденіи только *состава* Верхней Палаты. Измѣнить же его было возможно. Онъ былъ установленъ не Основными Законами, а ст. 12 Учр. Гос. Совѣта. По этой статьѣ не меньше половины членовъ Государственнаго Совѣта были выборными отъ *привелигированныхъ классовъ*. Дума могла взять на себя иниціативу измѣненія этого; какое бы то ни было преимущество *высшихъ* классовъ она могла устранить. Ей и надлежало, очевидно, *это* попробовать *раньше обращенія къ Государю*. Если бы вопросъ ставить такъ, то одновременно съ входившимъ въ компетенцію Думы вопросомъ о *составѣ* Верхней Палаты былъ бы поставленъ если не на рѣшеніе, то на законное обсужденіе болѣе общій *вопросъ* о значеніи и необходимости этой Палаты. Интересно при этомъ, что вводя въ нее *назначенныхъ* членовъ, Основные Законы постановили только одно: что число назначенныхъ не могло *превышать* числа выбранныхъ (ст. 100 Осн. Зак.). Не было значитъ препятствій, чтобы число назначенныхъ было гораздо *меньше* выбранныхъ. Такъ въ порядкѣ Думской иниціативы, передѣлавъ ст. 12-17 Учрежденія Госуд. Совѣта, можно было *составъ* его *измѣнить радикально* и сдѣлать *безвреднымъ*.

Конечно, если бы Дума приняла подобный законопроектъ, было бы нелегко получить его одобреніе самою 2-й Палатой.

Нелегко, но не невозможно; объ этомъ я говорилъ въ первой книгѣ и не буду повторять своихъ доводовъ. Могу прибавить одно: вѣдь если бы для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Думѣ, Государь взялъ *на себя инициіативу* этой реформы, то и *тогда* было бы нужно согласіе Верхней Палаты. Нельзя же думать, чтобы Дума въ своемъ первомъ адресѣ уже толкала Государя на государственный переворотъ. Какая же это была бы тогда «конституція»?

Остается третій замокъ: парламентаризмъ. Но онъ т. е. политическая отвѣтственность Министерства передъ парламентомъ устанавливается не закономъ, а практикой. Министерство формально всегда остается отвѣтственнымъ передъ Главой государства, которое его назначаетъ; это не мѣшаетъ ему просить объ отставкѣ, если довѣріе парламента оно потеряетъ. Это правило невозможно изложить въ формѣ *закона*. Этого и не было нужно. Парламентаризмъ могъ легко установиться у насъ безъ измѣненія текста Основныхъ Законовъ. Чтобы этому помочь, можетъ быть было полезно только измѣнить нѣкоторыя статьи Положенія о Думѣ, расширить право запроса, измѣнить ст. 60, которая устанавливала для него санкцію. Но эти статьи забронированы не были. Небольшое измѣненіе ихъ могло бы *облегчить* введеніе парламентарныхъ обычаевъ. Но все-таки парламентаризмъ сталъ бы тогда вводиться только фактически по мѣрѣ роста авторитета Думы въ странѣ и въ глазахъ Государя. Въ 1915 году, когда авторитетъ Думы стоялъ высоко и въ патріотическомъ настроеніи ея сомнѣнія не было, Государь для ея успокоенія былъ долженъ пожертвовать 4-мя министрами, хотя къ нимъ своего отношенія не перемѣнилъ. Парламентаризмъ добывается завоеваніемъ довѣрія къ серьезности и лояльности Думы, а не тѣмъ, что она сама его отъ Верховной власти *потребуетъ*.

Вотъ путь, которымъ можно было идти вмѣсто того, чтобы дѣлать шагъ чрезвычайный и подсказывать или намекать въ адресѣ, чтобы Государь взялъ на себя *инициіативу* этихъ реформъ. У этого пути, избраннаго Думой, были и другія невыгоды.

У новаго строя были сильные враги и мало защитниковъ. Народная масса себѣ еще не отдавала отчета, въ чемъ «конституція» заключается. Было неразумною тактикой начинать свою дѣятельность тѣмъ, чтобы конституцію осуждать и настаивать на ея *измѣненіи*. Это значило играть въ руки тѣмъ, кто увѣрялъ, что общественность все равно ничѣмъ успокоить нельзя. Каждый день существованія новаго строя его бы укрѣплялъ; «давность» факторъ не только частнаго права, но и государственной прочности. Тотъ жестъ, который дѣлала Дума, указывая въ адресѣ на необходимость немедленнаго измѣненія конституціи, былъ не только ненуженъ, но еще нежелателенъ.

А главное, чтобы дѣлая его имѣть право разсчитывать на успѣхъ, было необходимо не отрицать *вообще конституціи*. Только признавъ обязательность конституціи, показавъ къ ней

лояльность можно было добиваться ея измѣненія. Чѣмъ радикальнѣе должны были быть ея улучшенія, тѣмъ болѣе должна была быть очевидна лояльность Думы къ самой основѣ ея. Если считать, что *вся* конституція незаконна, для общественности необязательна, то о какихъ конституціонныхъ путяхъ для ея измѣненія могла быть рѣчь? Вопросъ переносился бы тогда въ *революціонную плоскость*, на столкновеніе «воли Государя« съ «волей народа», на состязаніе матеріальныхъ силъ, которыя нашлись бы въ распоряженіи той и другой стороны. Такъ ставить вопросъ значило не только провоцировать власть на сопротивленіе, но не позволять ей уступить.

И если бы Дума задалась сознательной цѣлью желательныя ей конституціонныя реформы *такъ* мотивировать, чтобы Государь не могъ на нихъ согласиться, она не могла поступить бы иначе, чѣмъ поступила тогда.

Возьмемъ вопросъ о второй Палатѣ.

Самъ по себѣ этотъ вопросъ не принципіальный, а чисто *практическій*; теорія единой Палаты не устояла передъ уроками опыта; пользу второй Палаты признаютъ и демократіи. Но можно было пытаться обосновать желательность единой Палаты *практическими* доводами. Напримѣръ, тронная рѣчь возвѣщала «*обновленіе*» русской земли; а Государственный Совѣтъ былъ спеціально составленъ изъ представителей «стараго строя», въ лицѣ «назначенныхъ» членовъ и представителей «привиллегированныхъ высшихъ классовъ» по выборамъ. Выходило противорѣчіе. Такой доводъ можно оспаривать,но онъ никого не оскорблялъ и не пугалъ.

Между исторической властью и Думой, какъ я указывалъ раньше, было идеологическое разногласіе. Государь считалъ «себя» источникомъ *власти*; онъ вѣрилъ, что добровольно самъ свою власть ограничилъ на пользу народа. Общественность же находила, что *источникъ власти* есть *«воля народа»*, которая выражается въ представительствѣ; Монархъ поэтому долженъ ей *подчиняться*. Примирить это разномысліе было нельзя; но и *касаться его* было ненужно. Это споръ академическій; права обѣихъ сторонъ были опредѣлены конституціей, независимо отъ теоретическихъ построеній. Сталкивать по этому поводу различныя *идеологіи* было вредно для дѣла.

А между тѣмъ адресъ именно *такъ* мотивировалъ необходимость упраздненія Верхней Палаты.

«Для плодотворной дѣятельности Государственной Думы, необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между верховной властью съ народомъ должны быть устранены... Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силой и воодушевленіемъ, съ истинной вѣрой въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять

творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія»...

Этими словами вопросъ былъ всецѣло поставленъ на почву чистой идеологіи, внѣ времени и пространства; уничтоженія Государственнаго Совѣта требовало будто бы «основное начало истиннаго народнаго представительства». Былъ ли такой аргументъ убѣдителенъ? Допустивъ существованіе подобнаго «основнаго начала», и Палату Лордовъ въ Англіи пришлось бы признать недопустимымъ «средостѣніемъ». Компетентности Думы можно вѣрить, когда она сообщаетъ о *нуждахъ* Россіи. Но ей ли учить научнымъ теоріямъ? Она сама находилась еще въ младенческомъ возрастѣ. А затѣмъ и наука признаетъ только *относительную* цѣнность государственныхъ формъ, а не абсолютную ихъ пригодность для всѣхъ.

И что это за «научное» утвержденіе, будто источникомъ законодательной власти является *«единеніе Монарха съ народомъ?»* Позволителенъ ли подобный терминъ въ «наукѣ»? Отношеніе власти и представительства можно опредѣлить, оставаясь на точныхъ основаніяхъ положительной конституціи; въ ней оно ясно изложено и недомолвкамъ нѣтъ мѣста. Но если признавать какія-то «основныя начала» народнаго представительства, «природу его», по несчастному выраженію Предсѣдателя Думы, то какъ на языкѣ подобныхъ теорій понимать «единеніе?» Какъ поступать, если Монархъ и представительство между собой несогласны? Такъ кадеты контрабандой проводили ученіе, что Монархъ долженъ *подчиняться* народному представительству, какъ «волѣ народа». Можно ли было толковать единеніе *иначе?* Если, по мнѣнію кадетъ, Монархъ не имѣлъ права самъ даже *октроировать конституцію*, ибо это будто-бы права народа нарушило, то какъ могъ Монархъ уже высказанной волѣ народа противорѣчить? Кого разсчитывали здѣсь обмануть благовиднымъ терминомъ «единеніе»?

А какіе мотивы адресъ нашелъ, чтобы ввести парламентаризмъ? Вотъ что въ немъ было изложено.

«Только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на Министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только Министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы».

Повторяется неумѣстный доводъ, приведенный по поводу Верхней Палаты; иначе де Дума не можетъ работать спокойно и правильно. Но въ этой тирадѣ есть другой мотивъ. Только отвѣтственность Министерства передъ Думой, сказано въ адресѣ, можетъ укоренить мысль о *безотвѣтственности самого Государя*. О какой безотвѣтственности здѣсь говорилось? Отвѣтственности Государя передъ государственными установленіями ни старый, ни новый порядокъ не зналъ. А отвѣтствен-

ности передъ совѣстью, исторіей, Богомъ Государи *съ себя* снять *не могли*. Отвѣтственны они оставались и за пользованіе прежнею Самодержавною властью, и за ограниченіе ея, и за отреченіе отъ престола. Такая отвѣтственность удѣлъ тѣхъ, кто сталъ Монархомъ «*Божіей Милостью*». Убѣдить Государя уступить свою власть, можно было только доказавъ ему, что такая уступка полезна Россіи, а не *соблазняя* его ненужною для него *безотвѣтственностью*. Такой аргументъ его оскорблялъ; отвѣтственности онъ не бѣжалъ; даже ограничивая свою власть, онъ этимъ не дезертировалъ.

Можно поставить вопросъ: *зачѣмъ* Дума *такъ* поступала? Свои пожеланія она ухитрилась формулировать такъ,что если бы Верховная Власть и была склонна ихъ исполнить, она не могла бы этого сдѣлать иначе, какъ отказавшись отъ всей своей традиціонной идеологіи. Приходится заключить, что адресъ не преслѣдовалъ *практическихъ* цѣлей. Его задачей было какъ будто явочнымъ порядкомъ *навязывать* свою идеологію Государю. И потому онъ вызывалъ на отпоръ.

* * *

Конституціонныя пожеланія Думы въ адресѣ занимали особое мѣсто. Они все-таки относились къ ея компетенціи, какъ законодательнаго установленія. Только «иниціатива» ихъ была для Думы закрыта. Поэтому несмотря на неудачную форму, Дума оставалась въ предѣлахъ своего законнаго права, когда объясняла, *какъ* она смотритъ на *эти* вопросы.

Но Дума высказала сужденія и о томъ, что входило цѣликомъ въ «прерогативы Монарха». Это область управленія, какъ-то снятіе исключительныхъ положеній, обновленіе администраціи, пріостановка исполненія смертныхъ приговоровъ и, наконецъ, центральный пунктъ — вопросъ объ амнистіи. Дума могла говорить и объ этомъ и высказывать свои *пожеланія*. Но должна была *такъ* это дѣлать, чтобы своихъ правъ не превышать и правъ Монарха не умалять. Вѣдь самъ Предсѣдатель въ первомъ словѣ обѣщалъ «подобающее уваженіе» къ «прерогативамъ Монарха».

Для того, чтобы видѣть, какъ Дума соблюдала *это* условіе, возьмемъ главный вопрсс объ амнистіи.

Кадетами былъ давно заготовленъ и даже опубликованъ «законопроектъ» объ амнистіи. Но послѣ изданія Основныхъ Законовъ амнистія была отъ законодательныхъ учрежденій изъята. Кадеты этому подчинились. Въ отличіе отъ 2-й Государственной Думы, въ которую, несмотря на это, подобный законопроектъ былъ все же внесенъ лѣвыми партіями, въ первой Думѣ на этомъ никто не настаивалъ. Амнистію не забыли, но рѣшили идти къ ней иначе.

Вся Дума хотѣла амнистіи, хотя было преувеличеніемъ утверждать,будто амнистія была общимъ *народнымъ желаніемъ*.

Лѣвыя партіи сознавали это прекрасно. Когда въ засѣданіи 30 Апрѣля по поводу амнистіи было внесено одно предложеніе, грозившее столкновеніемъ съ властью, кадетскіе ораторы стали доказывать, что «амнистія» для конфликта *неблагодарная* почва. Народъ де ее не пойметъ. Къ этому мнѣнію присоединились и трудовики. Предложеніе было отвергнуто. Это не помѣшало, однако, въ адресѣ написать, будто амнистія *волнуетъ душу всего* народа, будто она «требованіе народной *совѣсти*».

26 Апрѣля, на засѣданіи «оппозиціи» было рѣшено, что объ амнистіи будетъ сказано въ адресѣ. Но «пресса» и «улица» были нетерпѣливѣй; дожидаться адреса они не хотѣли. Чтобы открыть клапанъ страстямъ, придумали символическую рѣчь Петрункевича при открытіи Думы. Это своей цѣли достигло. Но на завтра волненіе возобновилось. Говорить захотѣлось другимъ. Рѣшили открыть другой предохранительный клапанъ — допустить «обмѣнъ мнѣній» по поводу предложенія Родичева — «избрать Комиссію для составленія адреса и обязать эту Комиссію непремѣнно включить въ адресъ пунктъ объ амнистіи». Это остроумное предложеніе (*) давало возможность «поговорить» объ амнистіи, оставаясь въ *законномъ* руслѣ. Рѣчи были ненужны, разъ всѣ были согласны; но безпредметное краснорѣчіе было все-таки *меньшее* зло. Послѣ нѣсколькихъ ораторскихъ изліяній предложеніе было принято. Но, зная подкладку, все же забавно читать слова Родичева, который послѣ голосованія предложилъ прервать засѣданіе. «Разойдемся, господа, сказалъ онъ, подъ впечатлѣніемъ того, что мы сдѣлали, и не будемъ его расхолаживать». Что же въ сущности было *сдѣлано*?

На слѣдующій же день явились новыя предложенія. «Рабочій» депутатъ Чуриковъ предложилъ Думѣ, не ожидая адреса, обратиться къ Государю съ «просьбой» объ амнистіи. Это предложеніе поддержалъ Ковалевскій. Онъ формулировалъ его въ такихъ выраженіяхъ: «довести до свѣдѣнія Государя Императора о единогласномъ ходатайствѣ Думы о дарованіи Имъ амнистіи политическимъ заключеннымъ». Петрункевичъ на такое предложеніе возмутился; оно, по его словамъ, превращало Думу изъ «законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ»... «Мы не желаемъ быть ходатаями, говорилъ онъ, мы хотимъ быть законодателями». Винаверъ напоминаетъ въ «Конфликтахъ», что «партія народной свободы «гордымъ окрикомъ» изъ устъ Петрункевича отвергла мысль Ковалевскаго».

«Гордый окрикъ» Петрункевича былъ только безсодержательной фразой. Какъ «законодательное учрежденіе» Дума

---

*) Это предложеніе принадлежало Винаверу. Шершеневичъ въ восторгѣ бѣгалъ по кулуарамъ, съ просіявшими глазами, потрясалъ Винаверу руку и восклицалъ: «геніально, геніально. Вы насъ спасли»... Вотъ къ чему сводилась кадетская роль въ Государственной Думѣ. Кадеты стоили большаго. («Недавнее», стр. 191).

никакого отношенія къ амнистіи не имѣла. Какъ «законодателямъ» депутатамъ пришлось бы молчать. «Обращеніе» къ Государю съ амнистіей во всякомъ случаѣ не было законодательнымъ актомъ. И здѣсь возникалъ интересный конституціонный вопросъ: что же юридически представляло изъ себя это *обращеніе* Думы?

Думу ничто не заставляло излагать свой взглядъ на амнистію. Она была исключительной прерогативой Монарха. Но если Дума хотѣла ея добиться, то, оставаясь въ предѣлахъ существовавшей тогда конституціи, она могла о ней только «просить». Хотѣлось бы знать: почему это для нея могло быть унизительно, разъ это отъ нея самой не зависѣло? Чѣмъ могла ее такая просьба унизить? Печально признать, что это боязнь униженія — взглядъ parvenu, который воображаетъ, что онъ можетъ только *приказывать*. Съ какимъ подчеркнутымъ достоинствомъ Дума могла бы *просить*, и какъ тогда въ этой просьбѣ Государю было бы трудно ей отказать.

Но что могла сдѣлать Дума, если «просить» она считала для себя унизительнымъ и предпочитала спасенію осужденныхъ соблюденіе своего самолюбія? Отдѣльные ораторы не затруднились. Амнистію, говорили они, надо *требовать* (*). Вотъ сценка засѣданія 30 Апрѣля:

«Свящ. Трасунъ: Я присоединяюсь къ мнѣнію члена Думы, который до меня говорилъ (это былъ Шершеневичъ, *В. М.*); я того же мнѣнія, что мы можемъ *потребовать* амнистіи и должны ее требовать, но дѣлать это такъ круто...

Предсѣдатель: Нельзя ли избѣжать слова «требовать». Я нахожу его *въ данномъ вопросѣ* неподходящимъ.

Голоса: Почему? Требовать. Именно требовать (аплодисменты)».

Понятно желаніе Предсѣдателя не раздувать инцидента, особенно въ виду сочувственной оратору реакціи части Государственной Думы. Онъ потому и не разъяснилъ, что слово «требовать» не только «неподходящее», но незаконное. Муром-

---

*) По поводу пристрастія къ слову *требовать* привожу воспоминаніе. Когда по первой избирательной куріи Москвы мѣсто октябристовъ было отбито кадетомъ, Н. Н. Щепкинымъ, кадеты были очень горды и, конечно, имѣли на то основаніе. По этому поводу былъ въ Художественномъ Клубѣ банкетъ. Упоенный успѣхомъ Н. Н. Щепкинъ воскликнулъ, говоря о предстоящихъ работахъ въ Государственной Думѣ: «Избранникъ І-ой куріи не будетъ просить, онъ будетъ требовать». Эти слова покрылись бурными аплодисментами зала. Такое значеніе имѣетъ въ собраніи громкое слово. Въ чемъ сила слова «требовать», если подкрѣпить его нечѣмъ? Я запомнилъ это еще потому, что «демократъ» Щепкинъ въ собраніи демократической партіи придавалъ себѣ особенное значеніе тѣмъ, что онъ представлялъ первую курію, т. е. домовладѣльцевъ. Въ глазахъ кадетъ у нихъ оказалось больше правъ и авторитета, чѣмъ у демократическихъ квартирантовъ. Такова сила «слова» надъ разумомъ.

цевъ хотѣлъ, чтобы инцидентъ прошелъ возможно болѣе незамѣтно. Когда гр. Гейденъ запротестовалъ противъ выраженія «требовать», настаивая на необходимости «уважать чужія права», Муромцевъ опредѣленно, хотя не вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, объяснилъ, будто «вопросъ о требованіи уже *отклоненъ* заявленіемъ Предсѣдателя». Дѣйствительно, хотя это выраженіе «требовать» много разъ повторялось въ рѣчахъ, въ адресъ оно не попало и не голосовалось.

Что же могла Дума дѣлать, если она не *могла* требовать, и не *хотѣла* просить (*)? Кадеты были недаромъ мастера на компромиссныя формулы. Милюковъ ее изобрѣлъ. «Адресъ, говорилъ онъ въ «Рѣчи» 3 Мая, выражаетъ тѣ «ожиданія», которыя Дума возлагаетъ на власть». Для такого опытнаго писателя, какъ Милюковъ, подобный оборотъ рѣчи — «возлагать на власть ожиданія» — свидѣтельствуетъ о замѣшательствѣ. Оно понятно. Если Дума конституцію соблюдаетъ, объ амнистіи она можетъ только просить. Если она «суверенное представительство», выражающее верховную волю народа, она амнистію «объявляетъ». Удѣломъ кадетъ было сидѣть между двухъ стульевъ, и Дума сдѣлала нѣчто промежуточное и даже неграмотное: *возложила на власть ожиданія.*

Допустимъ,что самое «слово» въ адресѣ можно было бы и обойти. Я зналъ семью, гдѣ дѣти не хотѣли называть мачиху — матерью, а называть ее по имени и отечеству имъ запрещали; въ результатѣ ее не называли *никакъ*. Въ адресѣ было важно не слово, а *постановка вопроса*. Дума его поставила такъ, что сдѣлала амнистію «невозможной».

Амнистія нормально есть актъ государственной власти по отношенію къ тѣмъ, кого ранѣе эта власть осудила, т. е. актъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. Она — признакъ успокоенія; это освобожденіе плѣнныхъ при заключеніи мира. Для нея могутъ быть различные поводы; давность, которая предполагаетъ забвеніе, наступившее успокоеніе, перемѣна политики, какъ это было при амнистіи 21 Октября 1905 года. Для амнистіи въ 1906 году могли быть тѣ же мотивы.Начиналась новая жизнь, которая означала окончаніе прежней войны. Слова тронной рѣчи: «да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли русской» — давали поводъ къ *амнистіи*.

Но бываютъ амнистіи другого порядка; такова амнистія 1917 года. Создается *новая власть*. Она не *прощаетъ своихъ* прежнихъ враговъ, но роли *мѣняются*. Осужденные при предыдущемъ режимѣ теперь побѣдители. Если имъ даже какъ будто объявляютъ «амнистію», какъ это сдѣлало «Временное Пра-

---

*) Настроеніе теперь перемѣнилось. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Милюкову («Рус. Зап.» — Іюль) было не трудно сказать, что въ адресѣ «входила адресованная Царю *просьба* о полной амнистіи». Но это неточно. Слова — «просьба», просить», были тогда очень старательно устранены и ни разу не упоминались.

вительство, то это только за неимѣніемъ болѣе подходящаго слова. Неизвѣстные люди еще идутъ въ общей массѣ подъ флагомъ амнистіи; извѣстные же безъ всякой амнистіи возвращаются съ торжествомъ, какъ побѣдители. Этого мало. Они сами начинаютъ судить прежнихъ противниковъ. Въ 1917 г., одновременно съ этой амнистіей былъ Указъ Временнаго Правительства объ учрежденіи «Верховной слѣдственной Комиссіи для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ, главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ».

О какой же амнистіи можно было говорить въ Апрѣлѣ 1906 г., когда она была прерогативой прежняго Монарха, носителя исторической власти, именемъ которой были осуждены тѣ, кого надо было теперь амнистировать? Для успѣха амнистіи должно было быть показано ясно, что *прежняя война окончилась* съ объявленіемъ конституціи, что дѣйствительно началось «обновленіе русской земли». Амнистію можно было только *такъ* представлять Государю.

Включеніе амнистіи въ «вызывающій» адресъ уже само по себѣ было для амнистіи вредно. Но, къ несчастью, при принятіи адреса обнаружилось ясно, что Дума глядѣла на амнистію такъ же, какъ смотрѣли на нее въ 1917 году. Дума не просила за *виновныхъ*, она освобождала *своихъ*, потому что *она* побѣдила.

Такая острая постановка вопроса возникла не сразу. Когда 29 Апрѣля начались пренія объ амнистіи, Родичевъ сначала далъ имъ вѣрную ноту. «Да не будетъ сомнѣнія въ значеніи этой мѣры — говорилъ онъ. Кто думаетъ, что амнистія даетъ санкцію преступленію, тотъ ошибается... Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая въ настоящее время горитъ яркимъ пламенемъ съ той и другой стороны — возьмите на себя починъ и щедрой рукой дайте всепрощеніе. Это — актъ высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывомъ обновленія, когда страна жаждетъ успокоиться — прошлое должно быть стерто начисто». Родичевъ по характеру своему не умѣлъ быть тактикомъ; онъ всегда — сама искренность, даже когда себѣ противорѣчитъ. Онъ вѣрно почувствовалъ, что въ данной политической обстановкѣ только *такъ* и можно было ставить вопросъ объ амнистіи. Но за нимъ говорили люди, настроенные по другому камертону. Трудовикъ Аникинъ, признавъ рѣчь Родичева блестящей, во всемъ ее отрицалъ. «Вы слышали призывъ къ милосердію, я буду говорить о справедливости. Здѣсь говорили о томъ, что нужно простить заблудшихъ, а я скажу — нужно *освободить невиновныхъ*»... Демагогъ Аладьинъ пошелъ еще дальше. «Я обращаюсь не къ Вамъ, я знаю, что среди Васъ не найдется ни одного, который осмѣлился бы подумать о томъ, что мы не должны дать «такъ называемой» амнистіи. Я обращаюсь не къ Вамъ, а къ тѣмъ, у кого есть еще время хоть на одинъ моментъ понять, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ

лицу. За нами страна — и городъ, и деревня стоятъ за нами. Наши братья въ тюрьмахъ, ссылкѣ, на каторгѣ могутъ быть увѣрены, что мы сами возьмемъ ихъ оттуда; а если нѣтъ...

Голоса: довольно.

Аладьинъ: но за то...

Голоса: довольно... продолжайте.

Аладьинъ: «за то мы предоставляемъ послѣдній случай, послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ. Я обращаюсь *къ тому, кто можетъ*, съ простыми ясными словами; пощадите нашу страну, возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои руки».

Не слѣдуетъ судить о Думѣ по отдѣльнымъ рѣчамъ, тѣмъ болѣе, что эта рѣчь нѣкоторые протесты и вызвала. Но бездѣйствіе Предсѣдателя производило странное впечатлѣніе. Молчаніе его на выходку и угрозу Аладьина могло показаться симптоматичнымъ. Но это было лишь проявленіемъ основнаго недостатка Муромцева; его ненаходчивости, неумѣнья реагировать быстро. Его вѣчная торжественность этому недостатку способствовала. Но впечатлѣніе отъ этого создавалось плохое.

Не будемъ о Думѣ судить по рѣчамъ, а по ея постановленіямъ; они выражались не только принятіемъ, но и отклоненіемъ предложеній.

Для пониманія того смысла амнистіи, который Дума ей придавала, было знаменательно то, что аналогично съ 1917 годомъ требованіе освободить осужденныхъ сопровождалось другимъ требованіемъ — суда надъ властями. Оно было заявлено въ первой же рѣчи по поводу адреса, произнесенной к.-д. Миклешевскимъ. Онъ заявилъ: «съ болью въ сердцѣ я почувствовалъ въ адресѣ громадный пробѣлъ... мы должны указать въ адресѣ на необходимость *суда* надъ совершавшими пережитые ужасы. Мнѣ кажется, что Манифестъ 17 Октября даетъ возможность привести эту мысль въ исполненіе. Искренность требуетъ сказать, что ***немедленный судъ необходимъ***». (Аплодисменты).

Правда въ адресъ это требованіе не было включено; но за то въ адресѣ заключалось такое описаніе дѣйствій властей, что на нихъ нельзя было смотрѣть иначе, какъ на «преступленіе». Но этимъ Дума не ограничилась. 23 Мая она все-же постановила учредить особую Комиссію «по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій правительственныхъ лицъ и учрежденій и предоставить ей внести свои соображенія объ основахъ ея дѣятельности на усмотрѣніе Государственной Думы». Чтобы не оставалось сомнѣнія въ томъ, что Комиссія должна изслѣдовать дѣйствія властей совершенныя и до созыва Думы, при обсужденіи этого проекта была подана записка 38 членовъ, напоминавшая о «преступленіяхъ властей» при усмиреніи вооруженнаго возстанія въ Москвѣ съ заявленіемъ, что «виновные въ этомъ карѣ не подвергались» и что они «должны подвергнуться законной отвѣтственности». Такъ поступаютъ побѣдоносныя ре-

волюціи. Къ соотвѣтствующей *этому* пониманію амнистіи Государя и приглашали.

Вотъ какъ въ адресѣ были изложены событія, послѣдовавшія послѣ Манифеста, т. е. послѣ первой амнистіи 21 Октября 1905 г.

«Охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самаго народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительной. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ Манифестѣ 17 Октября 1906 года возвѣстить съ высоты престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако, уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями , въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго Манифеста 17-го Октября, покрылъ страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній».

Итакъ въ изложеніи Думы, а не только ея отдѣльныхъ ораторовъ,послѣ 21 Октября *преступники* находились не въ средѣ осужденныхъ, а только въ средѣ *властей*. При таком взглядѣ Думы на недавнее прошлое нельзя было говорить о примиреніи и успокоеніи, о забвеніи прошлаго, которые одно могло бы амнистію *мотивировать*. Судьи и осужденные должны были просто помѣняться мѣстами; подъ флагомъ амнистіи Государю предлагали стать на сторону Революціи. Такое пониманіе амнистіи было въ тонѣ всего думскаго адреса.

И какъ будто затѣмъ, чтобы въ этомъ не осталось сомнѣнія, произошелъ эпизодъ съ рѣчью М. Стаховича. Либеральная пресса старалась ее замолчать или выставить въ смѣшномъ и непривлекательномъ видѣ. Кто дастъ себѣ трудъ перечитать стенограмму 4 Мая увидитъ, насколько эти сужденія были несправедливы, но, къ сожалѣнію, типичны для общества.

Въ первой Думѣ было сказано много превосходныхъ рѣчей. Но я не знаю другой, которая могла бы по глубинѣ и подъему съ нею сравняться. О впечатлѣніи, которое она произвела на собраніе, я слышалъ отъ людей, которые не любили Стаховича. Если бы Дума оказалась способной *подняться* на его тогдашнюю высоту, она бы не только получила амнистію, она оказалась бы достойной той роли, которую сыграть не сумѣла.

Эту рѣчь трудно передать своими словами. Я сдѣлаю нѣсколько выписокъ.Стаховичъ голосовалъ *за амнистію*.«Я совершенно увѣренъ, говорилъ онъ, что мои избиратели одобрятъ меня, когда узнаютъ, что я подалъ голосъ за полную амнистію, рѣшенную нами еще 27 Апрѣля (это намекъ на рѣчь Петрункевича. *В. М.*). Чѣмъ болѣе я въ это вдумываюсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Дума, какъ народное представительство, должна была высказаться и голосовать, какъ голосовала, что только величавая мѣра, только огромный размахъ вѣры и любви

можетъ выразить чувство великаго народа. Первымъ словомъ своимъ Дума его выразила... Починъ 27 Апрѣля былъ размахомъ Думы, какъ представительницы всего народа. Но починъ еще не все... Кромѣ почина существуетъ отвѣтственность за послѣдствія и эта отвѣтственность вся остается на Государѣ. Онъ знаетъ, что здѣсь онъ безотвѣтствененъ, о чемъ мы вчера такъ усердно говорили по поводу подчиненія себѣ министровъ, но онъ помнитъ, что если онъ *здѣсь* безотвѣтствененъ, то это не снимаетъ съ души его отвѣта *тамъ*, гдѣ не мы уже, а онъ *одинъ* отвѣтитъ Богу не только за всякаго замученнаго въ застѣнкѣ, но и за всякаго застрѣленнаго въ переулкѣ. Поэтому я понимаю, что онъ задумывается и не такъ стремительно, какъ мы, движимые однимъ великодушіемъ, принимаемъ свои рѣшенія. И еще понимаю, что надо *помочь ему принять этотъ отвѣтъ*. Надо сказать ему, что прошлая вражда была ужасна такимъ безправіемъ и долгой жестокостью, что доводила людей до забвенія закона, доводила совѣсть до забвенія жалости. Надо сказать, что эта братоубійственная война, эта взаимность жестокости — вотъ основа для будушей амнистіи. Но цѣль амнистіи иная: это *будущій миръ въ Россіи*. Надо непремѣнно досказать, что *въ этомъ* Государственная Дума будетъ своему Государю *порукой* и *опорой*. Съ прошлымъ безправіемъ должно сгинуть преступленіе, какъ средство борьбы и спора. Больше никто не смѣетъ тягаться кровью. Пусть отнынѣ всѣ живутъ, управляются и добиваются своего или общественнаго права не силой, а по закону, по обновленному русскому закону, въ которомъ мы участники и ревнители, и по старому Закону Божію, который прогремѣлъ 4000 лѣтъ назадъ и сказалъ всѣмъ людямъ и навсегда: не убій».

Я не могу выписывать рѣчь цѣликомъ. Стаховичъ связалъ амнистію съ предложеніемъ выразить одновременно надежду, «что съ установленіемъ конституціоннаго строя, прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣйствія, которымъ Дума высказываетъ самое рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства». Это и было знаменитое въ нашей парламентской исторіи «осужденіе террора».

Оставляю въ сторонѣ *редакцію* предложенія, которую можно было исправить; но это была та позиція, на которой не только можно было амнистію защищать, но на которой Государю было бы трудно въ ней отказать. Въ *такой* постановкѣ она соотвѣтствовала бы призыву Государя къ обновленію «нравственнаго облика» русской земли. Заявленіе Думы было бы само первымъ шагомъ на пути этого «обновленія». Оно было бы новымъ, еще никѣмъ до тѣхъ поръ не сказаннымъ словомъ. Колебанія Государя, о которыхъ говорилъ Стаховичъ, не были только предположеніемъ. Онъ мнѣ разсказывалъ послѣ, что когда начался въ Думѣ разговоръ объ амнистіи, Государь получалъ множество телеграммъ съ протестами и упреками: «неужели онъ допуститъ амнистію и помилуетъ тѣхъ, кто убивалъ его вѣр-

ныхъ слугъ и помощниковъ»? Пусть эти телеграммы фабриковались въ «Союзѣ истинно русскихъ людей». Государь принималъ ихъ въ серьезъ. Чтобы, вопреки этимъ протестамъ, Государь все-таки пошелъ на амнистію, нужно было сказать дѣйствительно *новое* слово, открывавшее *возможность* забвенія, нужно было *самому* подняться надъ прежнею злобою. Этимъ словомъ и могло быть моральное осужденіе террора. Но на это Дума не оказалась способна. Она продолжала *войну*. Какъ безотрадны были отвѣты, которые пришлось Стаховичу выслушать. К.-д. Ломшаковъ вышелъ первый возразить «господину Стаховичу». «Я заявляю, говорилъ онъ, что вся отвѣтственность за преступленія, о которыхъ было здѣсь сказано, лежитъ всецѣло и полностью на правительствѣ, преступно поправшемъ права человѣка и гражданина». Кадетъ Шрагъ не допускалъ осужденія тѣхъ, которые «жизнь свою положили за други своя», не желая замѣтить, что рѣчь шла не о нихъ, что для нихъ Стаховичъ вмѣстѣ съ другими просилъ объ амнистіи и прощеніи, что моральное осужденіе относилось только къ тѣмъ, кто сталъ бы совершать преступленія *послѣ амнистіи* и установленія *конституціоннаго* строя. Но всего грустнѣе читать рѣчь Родичева. Позиція Стаховича не могла ему быть чужда; онъ «съ увлеченіемъ прослушалъ прекрасныя слова деп. Стаховича» и «вполнѣ понялъ тотъ душевный порывъ, который внушилъ ему благородныя слова любви». Но «съ политическимъ заключеніемъ этого душевнаго порыва» онъ согласиться не могъ. И Родичевъ, который 29 Апрѣля самъ говорилъ о «любви», объ «уничтоженіи ненависти», призывалъ къ «всепрощенію», теперь говорилъ: «если бы здѣсь была кафедра проповѣдника, если бы это была церковная кафедра, то тогда могъ бы и долженъ бы раздаваться призывъ такого рода, но мы — законодатели».

Вдохновленный аплодисментами и восторгами Думы, Родичевъ обрушивается на однихъ представителей власти: «Это они посѣяли убійство и преступленіе въ Россіи. Это они облили кровью страну... Мы должны сказать во всей наготѣ: въ Россіи нѣтъ правосудія, въ Россіи законъ обратился въ насмѣшку. Въ Россіи нѣтъ правды. Россія въ этотъ годъ пережила то, чего она не переживала со времени Батыя. Этому долженъ быть положенъ конецъ... Намъ нужно много труда и усилія для того, чтобы стереть съ нашей души ту горечь, которая въ ней годами накопилась...» И онъ произнесъ слѣдующія убійственныя для амнистіи слова: «*рано указывать на торжество благоволенія. Будемъ вѣрить, что настанетъ это время, теперь оно еще не настало*».

Рѣчь вызвала «бурные, продолжительные аплодисменты». Предложеніе Стаховича было отвергнуто. Это морально похоронило амнистію. Если «время благоволенія не наступило» и война продолжается, если добиваясь амнистіи за *прошлыя* преступленія, Дума даже и въ будущемъ, уже при новомъ порядкѣ, отказывается морально ихъ осудить, если слова осужденія она находитъ *только* для представителей власти, то какой

смыслъ имѣла бы *такая* амнистія? Мира не было заключено; а во время войны плѣнныхъ не освобождаютъ. Дума не только хоронила амнистію, она хоронила себя самое. Отъ собранія въ нѣсколько сотъ человѣкъ нельзя ожидать, что оно поднимается на высоту *моральнаго просвѣтленія.* Къ тому же здѣсь творилась «политика», которая далека отъ морали. Но Дума могла и должна была оказаться по крайней мѣрѣ на высотѣ своей *конституціонной* роли, т. е. хранительницы законности и правового порядка. Эта роль обязывала. Какъ бы ни склонна была Дума въ отдѣльныхъ случаяхъ оправдывать преступленіе благородствомъ мотивовъ преступника, она, какъ учрежденіе, которому дано право законы творить, а беззаконія обличать, не могла въ ожиданіи «времени благоволенія» отказаться принципіально осудить преступленія; отказъ отъ осужденія не могъ быть истолкованъ иначе, какъ ихъ одобреніе. Изъ государственнаго установленія Дума превращала себя въ орудіе революціонной стихіи. Голосованіе по поправкѣ Стаховича вырыло ровъ между двумя большинствами. Если бы кадеты пошли со Стаховичемъ, и Родичевъ повторилъ свою рѣчь 29 Апрѣля — это образовало бы «конституціонное большинство». Въ этотъ день кадеты отъ конституціонного пути отказались. Потомъ Стаховича упрекали за «провокацію». Это мелкое и недостойное обвиненіе. Если бы Стаховичъ не смогъ въ это время забыть о «партійной» политикѣ, онъ и не могъ бы сказать такой замѣчательной рѣчи. «Политика» ее не подскажетъ.

Милюковъ въ своей газетѣ инсинуировалъ: «Рѣчь М. А. Стаховича, говорилъ онъ, была обращена совсѣмъ не по адресу Палаты. Орловскій депутатъ твердо помнитъ завѣтъ своихъ избирателей: «не задѣвать, но поддерживать верховную власть». Для тѣхъ, кто этихъ словъ теперь не пойметъ, я поясню. Въ рѣчи объ амнистіи Стаховича, намекая на ссылки многихъ ораторовъ на наказы своихъ избирателей, разсказалъ, чѣмъ его крестьяне напутствовали: «Они поручили мнѣ: постарайтесь за насъ добывать намъ остальную волю — это то,что мы называемъ свободами... Но они мнѣ говорили еще то, о чемъ не говорили повидимому въ другихъ губерніяхъ и другимъ ораторамъ. Крестьяне совершенно опредѣленно наказывали мнѣ: не задѣвайте Царя, но помогите ему замирить землю, поддержите его».

Этотъ мягкій протестъ противъ экцессовъ думскаго краснорѣчія далъ Милюкову поводъ къ инсинуаціи, будто Стаховичъ, этотъ мужественный и независимый человѣкъ, менѣе всего похожій на «угодника» и «льстеца», направлялъ свои рѣчи *не по адресу палаты*, то-есть очевидно желалъ только выслужиться передъ Государемъ. Таковы уже тогда были «элегантные» нравы партійной полемики.

Что же осталось нашимъ «тактикамъ» сказать въ пользу амнистіи? Вотъ прославленный финалъ отвѣтнаго адреса.

«Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего

народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово — амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекающія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія.

Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ».

Это шедевръ литературнаго мастерства. Даже слово «требованіе» упомянуто, и въ формѣ недоступной для возраженій. Но если отъ литературной формы перейти къ *политическимъ* доводамъ, они поражаютъ недостаточностью и неискренностью.

Мало въ подобномъ вопросѣ ссылаться на то, что безъ амнистіи Дума не сможетъ «спокойно приступить къ первымъ шагамъ своей законодательной дѣятельности». Неправда, будто амнистія *волновала душу всего* народа, что страна амнистіи жаждала, что она *требованіе народной совѣсти*; все это говорилось послѣ того, какъ Дума отказалась о ней просить, чтобы не унизить величія «законодателей», послѣ того, какъ признавала сама, что для конфликта — амнистія *неблагодарная* почва.

Такія слова были риторикой и не убѣждали.

Адресъ кончался словами, что амнистія будетъ залогомъ взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между царемъ и народомъ, и это тогда, когда кромѣ амнистіи адресъ излагалъ и другія такія же «ультимативныя» требованія,объ единой Палатѣ и министерской отвѣтственности, когда Дума апплодировала словамъ, что «время благоволенія не наступило», когда она отказывалась осудить политическій терроръ,словомъ, когда «война продолжалась».

Пассажъ объ амнистіи былъ послѣднимъ штрихомъ этого страннаго адреса; и онъ типиченъ. Дума *хотѣла* амнистіи и, и, однако, ее представила такъ, что Государь *не могъ ее дать, не капитулировавъ передъ Революціей.* И Дума предпочла скорѣе отъ амнистіи *отказаться*, чѣмъ сдать ту позицію, которую *она* заняла.

Поскольку эта позиція отражалась въ адресѣ, ее нелегко было понять. Можно было быть революціонеромъ, считать Монарха — узурпаторомъ, пережиткомъ минувшаго прошлаго; можно было желать поднять противъ него Ахеронтъ, пережить Революцію и уже потомъ на расчищенномъ мѣстѣ создавать новый порядокъ. Люди *такихъ* убѣжденій адресовъ не подносятъ, во всякомъ случаѣ въ нихъ не включаютъ «условностей» и «почтительныхъ выраженій». Адресъ революціонеровъ могъ явиться только *грознымъ обвинительнымъ актомъ*, объявле-

ніемъ и фактическимъ началомъ рѣшительной войны. Такъ революціонеры и смотрѣли на адресъ.

Можно было стоять и на точкѣ зрѣнія сторонниковъ конституціи. Глава Государства ее даровалъ и обѣщалъ ее охранять. Конституціоналисты не молчатъ, а отвѣчаютъ на личное привѣтствіе Государя; они конституцію принимаютъ; они вправѣ желать въ ней улучшеній, могутъ указывать, какія измѣненія хотятъ получить, и сдѣлаютъ это со всей откровенностью, но безъ угрозъ и ультиматумовъ. Не заводятъ съ Государемъ идеологическихъ споровъ и *своей* идеологіи ему не навязываютъ. Правъ Государя, обезпеченныхъ конституціей, не отрицаютъ; не противополагаютъ *имъ* суверенную «волю народа», которую будто бы Дума *одна* представляетъ. *Такой* адресъ не начало военныхъ дѣйствій, а почва для *соглашенія.*

Но чего хотѣли добиться тѣмъ адресомъ, который былъ Думою принятъ? Въ немъ не было «невѣжливыхъ словъ», что такъ утѣшило Ковалевскаго, была даже «словесная почтительность», которая огорчила революціонера Аникина. Но по существу адресъ вышелъ «непризнаніемъ конституціи». Къ чему онъ стремился? Вѣдь если бы Государь удовлетворилъ всѣ высказанныя ему пожеланія, уничтожилъ Государственный Совѣтъ, подчинилъ Думѣ министровъ, снялъ всѣ исключительныя положенія, объявилъ бы общую амнистію и одновременно предалъ суду бывшихъ исполнителей своей воли, словомъ, если бы онъ сдѣлалъ все, безъ чего Дума «не могла спокойно работать», онъ провозгласилъ бы побѣду революціонной идеологіи. Онъ бы поступилъ приблизительно такъ, какъ въ 1917 г. поступилъ Михаилъ, подписавъ свое отреченіе и передавъ полноту власти «общественности». Вѣдь Михаилъ тогда тоже надѣялся, и въ этомъ его увѣряли, что общественность Революцію остановитъ, что его присутствіе будетъ этому мѣшать. А на дѣлѣ своимъ отреченіемъ Михаилъ съ высоты престола *предписалъ* странѣ Революцію. Но тогда можетъ быть лучшаго выхода не было видно. Но и въ 1906 году подъ покровомъ традиціонныхъ фразъ объ «единеніи Монарха съ народомъ» Государю внушали *ту же* капитуляцію передъ верховной властью народа. И въ то-же время Дума этого *прямо* не хотѣла сказать; она поэтому показывала себя не открытымъ врагомъ, а лицемѣрнымъ и фальшивымъ сотрудникомъ. Именно *этой* тактикой этимъ сидѣньемъ на двухъ стульяхъ сразу, соединеніемъ конституціоннаго и революціоннаго пафоса, кадетскій либерализмъ убивалъ въ себѣ и довѣріе и уваженіе. И въ довершеніе всего, ничто же сумняшеся, онъ имѣлъ безцеремонность просить спѣшной аудіенціи для личнаго врученія *подобнаго* адреса Государю.

ГЛАВА VI.

Отвѣтъ правительства на адресъ

Немудрено, что реакція противъ такого адреса была очень рѣзка. Государь и слышать не захотѣлъ о пріемѣ депутаціи для его поднесенія. Это само по себѣ значенія не имѣло. Опаснѣе было его первоначальное желаніе *самому* Думѣ отвѣтить (*). Можно себѣ представить, какой бы вышелъ это отвѣтъ, не говоря о томъ, что «полемика » Монарха съ народнымъ представительствомъ нарушила бы всѣ условности конституціоннаго строя. Что бы изъ этого получилось, поворотъ ли къ Самодержавію, или ускоренный скачокъ въ Революцію, трудно судить; но «конституція» во всякомъ случаѣ *пострадала* бы. Къ счастью, въ составѣ правительства нашлись люди, которые Государя отговорили(**). Они этимъ спасли конституцію отъ паденія на первомъ же поворотѣ. Это показываетъ, что въ лагерѣ власти у конституціи были друзья. Было рѣшено, что вмѣсто личнаго выступленія Государя Думѣ отвѣтитъ *правительство*. Оно прочтетъ Думѣ свою *декларацію* и попутно отвѣтитъ на адресъ. Государь настаивалъ, чтобы отвѣтъ былъ возможно болѣе рѣзокъ. Но, какъ увидимъ, правительство не пошло за этимъ Высочайшимъ желаніемъ.

Отказъ въ пріемѣ депутаціи произвелъ на Думу очень сильное впечатлѣніе. Это не лишено пикантности. Дума сочла возможнымъ не сказать ни слова въ отвѣтъ на привѣтствіе обращенное къ ней; *эту* вѣжливость она считала для себя не обязательной. Но она пришла въ негодованіе, что *ея* депутація могла не быть принята. Когда Предсѣдатель былъ извѣщенъ Горемы-

*) О желаніи Государя выступить лично упоминаетъ и Милюковъ въ «Русскихъ Запискахъ» (Іюль). Къ величайшему удивленію онъ его считаетъ однако «своеобразнымъ продолженіемъ игры въ парламентаризмъ». Полемика Государя съ Думскимъ адресомъ была бы отрицаніемъ всякаго парламентаризма. Это сужденіе Милюкова отголосокъ тогдашнихъ настроеній, когда Думу сравнивали не съ нормальнымъ парламентомъ, а съ Assemblée Nationale эпохи Французской Революціи. Въ то время дѣйствительно было личное выступленіе короля 23 Іюня въ Séance Royale, на которое послѣдовалъ знаменитый отвѣтъ Мирабо. Но Милюковъ забылъ, что въ ту эпоху во Франціи не было нп парламентаризма, ни даже еще «конституціи».

**) Коковцевъ. — «Воспоминанія, стр. 183, 184.

кинымъ о желаніи Государя, чтобы адресъ былъ ему *переслань*, и уже собирался это исполнить, видные кадеты услышавъ про это нашли, что онъ не имѣетъ права этого дѣлать *безъ разрѣшенія Думы*. Отсылка адреса была немедленно пріостановлена. «Если бы мы не поспѣли во время — разсказываетъ Винаверъ, — то къ возможному конфликту Думы съ правительствомъ присоединился бы несомнѣнный конфликтъ Думы съ ея Предсѣдателемъ» (*). Этого мало. Предсѣдатель «въ теченіе дня принималъ мѣры къ тому, чтобы отказъ въ пріемѣ былъ взятъ назадъ», или «чтобы по меньшей мѣрѣ былъ ему сообщенъ инымъ путемъ — не черезъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ». Вотъ какое значеніе неожиданно получилъ для Думы вопросъ о презираемыхъ ею этикетныхъ условностяхъ.Но эти старанія не увѣнчались успѣхомъ.

Такъ объ отказѣ Государя принять депутацію пришлось докладывать Думѣ. Зачѣмъ это было нужно кадетамъ? Ихъ неожиданная привязанность къ этикету поставила Думу въ глупое положеніе. Мелкій инцидентъ этимъ она раздувала. Что могла Дума сдѣлать? Не посылать вовсе адреса, уже прославленнаго какъ историческій актъ, значило бы себя сдѣлать смѣшной. Все равно ей оставалось одно—подчиниться и постараться значеніе инцидента уменьшить. Для этого никакого постановленія Думы не было нужно, напротивъ. Теперь же Думѣ надо было дѣлать bonne mine au mauvais jeu. *Такъ* и было разыграно засѣданіе. Новгородцевъ отъ имени кадетъ заявилъ, что форма посылки депутаціи была избрана Думой, какъ наиболѣе «почетная». Ковалевскій далъ нѣсколько историческихъ справокъ въ доказательство, что депутація была бы самой «почтительной» формой поднесенія адреса. Кого здѣсь обманывали? Въ результатѣ этихъ лицемѣрныхъ рѣчей была принята формула перехода, что «значеніе отвѣта на тронную рѣчь заключается въ его содержаніи, а не въ способѣ его представленія» — самоочевидная истина,для которой едва ли требовалось постановленіе Думы. Но Дума долго *обиды* своей не забыла. Винаверъ въ «Конфликтахъ» настаиваетъ, что «отказъ въ пріемѣ депутаціи не былъ только вопросомъ придворнаго этикета въ чистомъ видѣ»; онъ увѣренъ, что «насъ хотѣли несомнѣнно укольнуть, остановить въ нашемъ державномъ шествіи — этою мизерною придворною этикетною шпилькой». Милюковъ же гордился еще новой кадетской *побѣдой*. «Отбросивъ простымъ толчкомъ тотъ камень, который придворной партіи угодно было положить на ихъ дорогѣ, писалъ онъ въ «Рѣчи» 10 Мая, — избранники народа выхватили изъ океана правительственныхъ беззаконій нѣсколько новѣйшихъ яркихъ образчиковъ и поставили лицомъ къ лицу съ ними Министровъ въ качествѣ перваго опыта». Кадеты предположили, что отказъ въ пріемѣ депутаціи заключалъ какой-то хитрый маневръ, который будто Дума только своимъ искусствомъ и хладнокровіемъ сумѣла избѣгнуть. Ни-

*) «Конфликты», стр. 62.

кто не подумалъ, что безъ малѣйшаго желанія нарушать «державное шествіе Думы» пріемъ депутаціи былъ сдѣланъ ею самой *невозможнымъ.* Депутація только для *врученія* адреса была бы слишкомъ почтительна. При врученіи, очевидно, послѣдовали бы какія-то *рѣчи.* А когда по содержанію самый адресъ былъ ультиматумомъ, давно оглашеннымъ въ газетахъ, для Государя было невозможно ни принять его молча, ни заводить о немъ спора. Личной подачей адреса его ставили въ положеніе, котораго онъ *не могъ* допустить.

Обида Думы на отказъ въ депутаціи сама по себѣ объясняетъ пріемъ, который наша общественность должна была оказать отвѣту, который дало правительство. Справедливаго отношенія къ нему ждать было нельзя. Отвѣтъ заранѣе трактовался какъ дерзость, какъ попытка жалкой бюрократической кучки противорѣчить «державному шествію», заявленію «суверенной воли» народа. Были наконецъ и внѣшнія обстоятельства, которыя авторитетъ этого отвѣта уменьшали; даже такіе спокойные люди, какъ Гейденъ, его осудили (*). Либеральная пресса свое негодованіе противъ неудачи адреса вымещала на этомъ отвѣтѣ и заранѣе его готова была высмѣивать. Но теперь черезъ 33 года можно перечесть его со спокойствіемъ и отнестись къ нему справедливѣе; трудно повѣрить, что добросовѣстные люди такъ пристрастно его оцѣнили.

Нашлись люди, которые чувствовали себя оскорбленными уже однимъ тѣмъ, что на адресъ Государю отвѣчалъ не онъ самъ, а *Министры.* Это показываетъ, какъ мы были далеки отъ пониманія конституціоннаго строя.

При нормальныхъ условіяхъ на адресъ Думы *отвѣта* не требовалось. Вѣдь онъ самъ былъ *отвѣтомъ* на тронную рѣчь. Отвѣтъ на отвѣтъ уже полемика, въ которой Монарху невмѣстно участвовать. Но сама Дума исказила нормальный порядокъ: не дождавшись деклараціи правительства, она рѣшила его собой замѣнить и представила Государю программу *своихъ думскихъ работъ.* Она была ненужна, но разъ она была Государемъ получена, онъ не могъ не передать ее Министерству. Иначе у насъ былъ бы не конституціонный, а «личный» режимъ. И правительство имѣло право на думскую программу отвѣтить и непремѣнно отъ своего имени, а не отъ имени Государя. Оно не должно было его «открывать». Эти элементарныя правила конституціоннаго строя оказались слишкомъ тонки не только для необразованной Думы, но для нашихъ самыхъ *ученыхъ* юристовъ.

Отвѣтъ Министерства было бы легко сдѣлать обиднымъ для Думы. Самъ Государь настаивалъ, чтобы Думѣ дали урокъ. Правительство могло обличить *революціонныя* поползновенія

---

*) Милюковъ говоритъ («Рус. Зап.» — Іюль), будто гр. Гейденъ доказывалъ «неконституціонность» деклараціи. Это совершенно невѣрно; стоитъ прочесть стенограмму его рѣчи, чтобы увидѣть, что онъ ничего подобнаго не утверждалъ и, прибавлю, не могъ утверждать.

Думы; его положеніе было бы тѣмъ выгоднѣе, что этимъ оно взяло бы на себя роль *защитника конституціи*. Дума давала ему въ руки прекрасныя карты. Въ засѣданіи 13 Мая деп. Ледницкій говорилъ съ негодованіемъ, будто отвѣтъ правительства былъ варіантомъ пословицы:«всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Это несправедливо; *этимъ* он не былъ, но легко *могъ* бы быть. Правительство доктринерскимъ разсужденіямъ Думы объ «основахъ народнаго представительства» могло противопоставить обязательную и для нея «конституцію». Оно могло бы напомнить, что Дума создана Государемъ, что всѣ ея права основаны *на одной конституціи*, а не на мистической «волѣ народа»; что Государь, по народному представленію и по тексту законовъ, является Главой государства и создалъ Думу, чтобы раздѣлить съ ней *свою* власть, а не какъ высшую инстанцію, которую онъ хотѣлъ *надъ собою* поставить. Аргументъ Думы, будто она безъ исполненія нѣкоторыхъ своихъ пожеланій не можетъ «спокойно и благотворно работать», правительство могло просто вышутить; вѣдь депутаты обязались работать «памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи», а не о своемъ спокойномъ расположеніи духа. Правительство могло сказать еще многое въ издѣвательскомъ тонѣ; онъ былъ бы только отвѣтнымъ; какъ аукнется, такъ и откликнется. У правительства нашлись бы для этого достаточно искусныя перья. Образчикъ ихъ мы могли увидать въ перепискѣ Муромцева и Горемыкина по поводу черносотенныхъ телеграммъ.

Подобный отвѣтъ создалъ бы безысходный конфликтъ. Имъ была бы подчеркнута *непримиримая* разница идеологіи Думы и власти. Но идеологія Думы была удѣломъ ничтожнаго интеллигентскаго меньшинства населенія. Народъ тогда еще не мыслилъ государства безъ Государя. Власть Государя была для него болѣе привычной и признанной, чѣмъ власть новорожденной Думы. Занявъ такую позицію, давая отпоръ беззаконнымъ претензіямъ Думы, правительство защищало бы не одну конституцію, но и пониманіе обывательской массы. И если бы, какъ позднѣе утверждалъ либеральный канонъ, правительство только и мечтало о поводахъ къ роспуску Думы, зачѣмъ оно имъ не воспользовалось?

Ясно, что ни Государь, ни Министры разрыва совсѣмъ не хотѣли; и послѣ адреса они все еще надѣялись *съ Думой работать*. Притязаніямъ Думы они давали отпоръ, но придавали ему максимально-мягкую форму; и въ то-же время старательно подчеркивали и привѣтствовали все, въ чемъ Дума стояла на *законной* дорогѣ. Неразрѣшимый идеологическій споръ былъ правительствомъ обойденъ. По поводу антиконституціонныхъ думскихъ желаній, уничтоженія Верхней Палаты, отвѣтственности Министерства передъ Думой и распространенія ея компетенціи на области, отъ нея спеціально изъятыя (какъ военное дѣло) — декларація ограничивалась такимъ заявленіемъ:

«На этихъ предположеніяхъ Совѣтъ Министровъ не считаетъ себя вправѣ останавливаться, такъ какъ они касаются

коренного измѣненія Основныхъ Государственныхъ Законовъ неподлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государ. Думы».

Что можно было сказать болѣе безобиднаго? Въ желаніи какъ нибудь не задѣть щепетильности Думы министерство пошло даже слишкомъ далеко. Основные Законы въ этихъ частяхъ запрещали *думскую иниціативу*; но Дума къ *ней* и не прибѣгала. Она только высказала Государю свои соображенія по этимъ предметамъ. Правительство имѣло бы полное право на нихъ *возразить* тѣмъ болѣе, что идеологія этихъ соображеній съ конституціей не была согласована. Но академически полемизировать съ Думой правительство себѣ не позволило. Чего же отъ него можно было требовать большаго, если не считать, что оно должно было Думѣ во всемъ подчиняться?

Уклонившись отъ обсужденія этихъ вопросовъ, правительство не обошло тѣхъ положеній, которыми Дума входила въ область прерогативы Монарха, т. е. *управленія*. Напомнивъ Думѣ, что въ этой области ея полномочія заключаются въ правѣ запроса, заявивъ, что «особой заботой» правительства будетъ отнынѣ «водвореніе въ нашемъ отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права», что оно будетъ зорко слѣдить, «чтобы дѣйствія отдѣльныхъ властей были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ, которое отмѣчено Государственной Думой» — правительство не скрыло отъ Думы тѣхъ возраженій, которыя оно *противъ* думскихъ пожеланій имѣло. Характерно, что оно не заявляло полнаго несогласія съ ними; оно вводило лишь оговорки, отрицать силу которыхъ bona fide было нельзя.

Возьмемъ вопросъ объ «исключительныхъ положеніяхъ». Дума въ адресѣ находила, что необходимо ихъ «снять». Правительство отвѣчало, что «неудовлетворительность этихъ законовъ сознается правительствомъ и оно разработаетъ новые, которые должны ихъ замѣнить».. Вотъ практическій путь, по которому оно приглашало Думу идти. Но, продолжало оно, примѣнять исключительныя положенія все же приходится «вслѣдствіе непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствъ, грабежей и насилій». Нельзя было отрицать какъ этого печальнаго факта, такъ и того, что долгомъ правительства было съ нимъ бороться, что оно обязано было «охранять жизнь и имущество мирныхъ обывателей». И правительство дѣлаетъ выводъ: «доколѣ смута не прекратится и не будутъ изданы новые законы у власти выхода нѣтъ; правительство вынуждено будетъ и впредь ограждать общественную и личную безопасность всѣми существующими законными способами». Какъ можно было не признавать *этой* дилеммы? Что, кромѣ «фразъ» можно было на это отвѣтить? Мы увидимъ потомъ, *какъ* ему отвѣчали.

Или самый чувствительный вопросъ объ амнистіи? И ее правительство принципіально не отрицало, несмотря на вызывающую идеологію, въ которую она была облечена въ Думскомъ адресѣ. Оно лишь находило, «что общему благу не отвѣчало

бы въ *настоящее смутное время* помилованіе участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ».

Вотъ отвѣты, которые дало правительство на «пожеланія Думы»; они оставляли почву для соглашенія; въ области исключительныхъ положеній правительство показало путь, на которомъ отъ пожеланій и фразъ Дума могла перейти къ конкретной работѣ. Вопросъ объ амнистіи ставился — и насколько это было правильно! — въ связь съ успокоеніемъ страны, которому Дума имѣла возможность и мѣшать, и содѣйствовать. Что было бы, если бы тогда Дума въ лицѣ своего Предсѣдателя или лидеровъ сочла желательнымъ поймать правительство на словѣ и постараться заключить съ нимъ соглашеніе? Но объ этомъ Дума не хотѣла и слышать. Она считала себя «побѣдительницей».

Переходя къ той области, которая оставалась въ компетенціи Думы, къ намѣченнымъ ею законодательнымъ работамъ, правительство отнеслось къ нимъ совершенно серьезно и доброжелательно. Оно могло бы и здѣсь вышутить самоувѣренность Думы; указать, что оно отложитъ сужденіе, пока ея законопроекты не получатъ человѣческій видъ, а не будутъ фразами «безъ содержанія»; могло отмѣтить неконституціонность тѣхъ ея выраженій, которыя обходили умышленно права Верхней Палаты. Ничего подобнаго правительство, однако, не сдѣлало. Въ первыхъ словахъ отвѣта оно «прежде всего выражаетъ готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ вопросовъ, которые не выходятъ изъ предѣловъ «компетенціи Думы». «Съ особеннымъ вниманіемъ относится Совѣтъ Министровъ къ возбужденнымъ Государственной Думой вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ обученіи и привлеченіи къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія, о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія *съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ*. Не меньшее значеніе придаетъ Совѣтъ Министровъ отмѣченному Думой вопросу объ изданіи новаго закона, обезпечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, печати, собраній и союзовъ вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ и т. п.»

Я нарочно выписалъ эти строки изъ декларацiи, чтобы показать, насколько сочувственно правительство отнеслось къ возвѣщенной думской инициативѣ; при чемъ къ тѣмъ именно законамъ, которые имѣли въ виду обновленіе нравственнаго облика русской земли.

Оно всѣмъ имъ обѣщало *содѣйствіе*. Оно лишь не отказывалось отъ своего права при обсужденіи этихъ законовъ «разъяснять Государственной Думѣ свои взгляды по существу этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ». Кто могъ бы у правительства отрицать это право, ко-

торое существуетъ рѣшительно во всякой странѣ, при любой конституціи? Свой долгъ содѣйствія правительство обѣщало оказать и въ вопросѣ избирательнаго права, хотя — «съ своей стороны не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться еще потребность въ измѣненіи способа ея составленія». Говоря о «свободахъ», Совѣтъ Министровъ «почитаетъ долгомъ оговорить, что при исполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни (т. е. безъ исключительныхъ положеній. *В. М.*) правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству». Что можно возразить противъ *этого?* Можно спорить , конечно, о размѣрахъ и свойствахъ этихъ дѣйствительныхъ способовъ. Нельзя отрицать самаго *принципа*. При обсужденіи закона о свободѣ собраній, кадеты показали, что понимаютъ это и сами. Этотъ примѣръ позднѣе обнаружилъ, какъ сотрудничество Думы съ властью могло быть полезно. Каждый въ своей роли остался бы. Дума стала бы настаивать на наибольшей свободѣ, а правительство на способахъ законной борьбы съ злоупотребленіями. Въ результатѣ выработался бы желательный компромиссъ.

Я хочу остановиться теперь на вопросѣ, который оказался «невралгическимъ пунктомъ» и заслонилъ все остальное. Это былъ единственный пунктъ, гдѣ правительство сказало рѣщительное «вето» и этимъ было неправо, или по крайней мѣрѣ этимъ открыло почву для *добросовѣстныхъ* возраженій. Однако и въ этомъ пунктѣ *настоящимъ* виновникомъ была Дума.

Въ адресѣ Дума обѣщала «выработать законъ объ удовлетвореніи крестьянской земельной нужды, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частно-владѣльческихъ». Правительство имѣло полное право сказать, что съ частью касающейся *отчужденія частныхъ земель* оно не согласно и будетъ противъ нее возражать. Оно могло это и мотивировать, и попутно обличить демагогію адреса. Все это бы было законно. Но правительство не должно было забывать, что оно не «законодательствуетъ», что его роль ограничивается «содѣйствіемъ» или стараніями «убѣдить» законодателей. Говоря, «что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Думой началахъ *безусловно недопустимо*», правительство употребляло фразеологію, которая выходила *за предѣлы его компетенціи*. Признавать недопустимость было дѣломъ Думы, Государственнаго Совѣта и Государя, т. е. органовъ *законодательной власти*, а не правительства. Своей фразой декларація давала поводъ подумать, что правительство или и себя считаетъ законодательной властью, или говоритъ именемъ

Государя. Конечно, по существу, Государь былъ съ правительствомъ въ *этомъ* согласенъ; но *«открывать»* его взгляды правительство не должно было. Это уже не соотвѣтствовало конституціонному строю. Однако не Думѣ было на него обижаться, когда въ адресѣ она заявила, что *«выработаетъ законъ»*, какъ будто она была всей законодательной властью. Но все-таки этой неточностью правительство ослабляло себя.

Но если въ этомъ оно было неправо, то насколько оно было право по существу! Оно возражало пока только на адресъ, который былъ въ этомъ пунктѣ демагогіей и обманомъ. Уже послѣ адреса, 8 Мая, кадеты внесли свой аграрный законопроектъ, который явно тексту адреса не соотвѣтствовалъ; въ немъ предполагался и минимумъ земли, на которую отчужденіе не могло распространяться и признавалось вознагражденіе собственнику за отчужденную землю. При этихъ условіяхъ отчужденіе не было отрицаніемъ права на землю, было только едва ли достаточно мотивированнымъ для многоземельной Россіи расширеніемъ законнаго института «отчужденія». Но по требованію лѣвыхъ партій, для достиженія единогласія кадеты обо всемъ этомъ въ адресѣ *промолчали*; они дали возможность внушать крестьянству, будто собственность помѣщиковъ непремѣнно немедленно и безусловно къ нему перейдетъ. Послѣдствія этого обмана были очень понятны. Создавалась погромная атмосфера; для нея существовала почва давно, но Дума ее усиливала. Правительство чувствовало себя обязаннымъ отъ этого обмана крестьянство предостеречь; оно заявило это слишкомъ рѣшительно и можетъ быть рѣзко. «Совѣтъ Министровъ считаетъ обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Думой началахъ безусловно недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать права частной собственности за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ; не можетъ государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое другое имущество». Все это слишкомъ «безусловно», слишкомъ элементарно для такого сложнаго вопроса; но если вспомнить съ какой демагогіей министерство боролось и для какой *среды* оно теперь говорило, обвинять его будетъ нельзя. Рѣзкость была результатомъ думской намѣренной демагогіи передъ крестьянствомъ, слишкомъ опасной игры.

Вотъ впечатлѣніе, которое выносится сейчасъ изъ отвѣта правительства; и странно вспомнить, *какъ* къ нему тогда отнеслись, *что* по этому поводу писалось и говорилось! Если поставить задачу на конкурсъ, какъ могло на подобный адресъ, при наличности существовавшей тогда конституціи, отвѣтить *правительство*, болѣе мягкаго и благожелательнаго отвѣта изобрѣсти невозможно. (*)

*) Кто былъ авторомъ деклараціи? Коковцевъ припоминаетъ, что ее сочинилъ Столыпинъ, а Щегловитовъ лишь редактировалъ («Воспоминанія», стр. 184). Милюковъ («Рус. Зап.» — Іюль), что ея авторомъ

Но правительство не только отвѣчало на адресъ; оно принесло и свою декларацію и этимъ установило полезный прецедентъ, который послѣ уже не нарушался. Думскій адресъ, въ который Дума поторопилась включить совершенно ненужную программу работъ, нарушалъ стройность отношеній правительства съ Думой; декларація ихъ возстановила.

Любопытно, что такой деклараціи сначала Государь не хотѣлъ; она напоминала, что у насъ «конституція». Но онъ уступилъ и, пока существовала Монархія, засѣданія новой Думы начинались всегда съ деклараціи. Въ дуалистической конституціи она, конечно, имѣла не то значеніе, что при парламентаризмѣ. Министерство не нуждалось въ одобреніи Думы и не могло быть сразу *свалено* ея отрицательнымъ вотумомъ. Но декларація все-же помогала уяснить отношенія. Правительство для законодательной дѣятельности нуждалось въ согласіи Думы; было важно заранѣе знать, на что можно было разсчитывать. Было важно узнать настроеніе Думы, съ которой предстояло работать. Обмѣняться взглядами и объясниться было полезно обоимъ. Но «изложеніе программы», конечно, принадлежало *правительству*. Декларація была данью, которая имъ приносилась законодательнымъ учрежденіямъ, была признаніемъ *ихъ авторитета* и *власти*. Можетъ быть потому Государь и предпочиталъ обойтись безъ нея. Итакъ *правительство* декларацію представляло, а дѣломъ Думы было ее *обсуждать*.

Благодаря торопливости Думы на этотъ разъ роли перемѣнились. Дума *первая* программу свою изложила и этимъ подвергла ее обидному для нея суду министерства. Но министерство само имѣло право сказать, *что* оно собирается дѣлать, говоря словами деклараціи, «намѣтить въ общихъ чертахъ свои ближайшія предположенія въ области законодательства». Эта часть его деклараціи поневолѣ вышла лишь дополнительной.

И тѣмъ не менѣе она оказалась содержательнѣе «историческаго адреса» Думы. Декларація отличалась отъ адреса, какъ работа спеціалистовъ отъ импровизаціи самоувѣренныхъ дилетантовъ. Она имѣла передъ адресомъ уже то преимущество, что была связана около двухъ главныхъ идей: крестьянскаго вопроса и преобразованія Россіи въ соотвѣтствіи съ началами новаго строя.

Крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ Россіи еще при Самодержавіи и отъ Манифеста 17 октября былъ независимъ. Но надо признать, что всей его важности ни общественность, ни Дума *не* понимали. Главное не понимали его внутренней

былъ «enfant terrible реакціи—Гурко». Это не важно. Что болѣе удивительно, это то, что Милюковъ и сейчасъ считаетъ ее «жесткой и слабо мотивированной нотаціей Думѣ», составленной «въ боевомъ духѣ». Очевидно трудно быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Чтобы судить о справедливости такой оцѣнки — достаточно теперь прочитать декларацію.

связанности. Въ адресѣ на него было три отдѣльныхъ намека. Во-первыхъ, въ абзацѣ о *равенствѣ всѣхъ*, «съ отмѣной всѣхъ ограниченій и привиллегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіей или поломъ». Созданный спеціальными условіями русской исторіи сложный крестьянскій вопросъ такимъ образомъ поставленъ былъ на одну доску съ моднымъ «женскимъ вопросомъ». Во-вторыхъ была главная, но ничего не говорящая фраза: «выясненіе нуждъ земскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы». Если бы это было только скромностью, сознаніемъ Думы, что ей пора изучить крестьянскій вопросъ, который ей неизвѣстенъ, — эта осторожность была бы только похвальна. Но не изучивши вопроса Дума тутъ же въ третьихъ находитъ, что «нужно отдать крестьянамъ — казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія и частно-владѣльческія земли». Вотъ и весь багажъ, которымъ по крестьянскому вопросу въ тотъ моментъ Дума располагала.

Сопоставимъ съ адресомъ небольшой отрывокъ изъ деклараціи министерства:

«Сила русскаго государства зиждется прежде всего на силѣ его земледѣльческаго населенія; благосостояніе нашего отечества недостижимо, пока не обезпечены необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянскій вопросъ, въ виду его всеобъемлющаго государственнаго значенія наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разсмотрѣнію, требуется и особливая заботливость и осторожность въ изысканіи путей и способовъ для его разрѣшенія. Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима и во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако, по мнѣнію совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ и главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда; должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупнаго долга. Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишить государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства; мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ свободныхъ казенныхъ зе-

мель и пріобрѣтеніямъ частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка. Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельско-хозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія увеличитъ размѣры производства страны и тѣмъ возвыситъ уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства, пригодныя для обработки земли, нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ совѣта министровъ».

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ я отмѣчаю три мысли, которыхъ не было въ адресѣ, не будетъ и въ думскихъ законопроектахъ. А между тѣмъ они были очень важны для правильнаго разрѣшенія этого по истинѣ основного для Россіи вопроса. Правительство отмѣчаетъ, что правовое *уравненіе* еще *не все* и «не освобождаетъ государство отъ обязанности высказывать спеціальную заботливость къ спеціальнымъ нуждамъ крестьянства». Оно вспоминаетъ, о чемъ адресъ молчалъ — о необходимости улучшить условія крестьянскаго землепользованія на *надѣльныхъ земляхъ*. Оно высказываетъ наконецъ, глубокую мысль, непонятную Думѣ, что самыя благодѣтельныя реформы «должны избѣгать рѣзкихъ потрясеній исторически сложившагося крестьянскаго быта». Ни кадетскій, ни трудовицкій законопроекты, внесенные въ Думу, этихъ заботъ *не* показали.

Другая часть деклараціи министерства имѣетъ въ виду тѣ реформы, которыя логически слѣдуютъ за введеніемъ «конституціи». Думскій адресъ оказалъ имъ больше вниманія, чѣмъ интересамъ крестьянства. Правительству осталось *къ* нимъ присоединиться, обѣщать содѣйствіе ихъ разработкѣ. Это оно и заявляетъ, но дѣлаетъ къ этимъ предположеніямъ характерныя и полезныя добавленія. Говоря о различнаго рода «свободахъ» оно добавляетъ, что эти свободы рискуютъ остаться мертвою буквою «безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка», для чего правительство «выдвигаетъ на первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при которыхъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства. Оновременно съ выработаннымъ проектомъ мѣстнаго судопроизводства Совѣтъ Министровъ внесетъ въ Государственную Думу проекты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проекты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укорениться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ невозможности беззаконнаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти».

Правительство въ этомъ было право. Только *такъ* можно было отъ словъ перейти къ *практическому* дѣлу. И правитель-

ство Думы не обмануло. Оно дѣйствительно внесло оба эти закона, и о мѣстномъ судѣ, и отъ отвѣтственности должностныхъ лицъ. И характерно: Дума оставила ихъ *безъ движенія*, не передала даже въ комиссію. Въ этомъ сказалась разница между политикой *жестовъ* и *словъ* и политикой «практическихъ достиженій». Общественность еще не научилась идти дальше первой. На ея законодательной работѣ мы это увидимъ.

Все это легко объяснить. Конечно, для законодательной дѣятельности у правительства было несравненно болѣе опыта и возможностей. Думѣ можно было поставить только въ упрекъ, что она этого не хотѣла понять, воображала, что она можетъ все сдѣлать сама. Но объ этомъ рѣчь впереди. Сейчасъ я говорю не объ этомъ. Я хотѣлъ лишь показать, что несмотря на вызывающій адресъ, правительство съ Думой не рвало, никакихъ ей капкановъ не ставило; что оно сознательно изъ своего отвѣта устранило все, что завело бы въ гущу неразрѣшимыхъ идеологическихъ споровъ. Оно само намѣтило пункты, гдѣ соглашеніе было возможно, а общая работа только желательна. Оффиціальный либеральный канонъ, который училъ, будто агрессоромъ было правительство, что *оно* сознательно мѣшало Думѣ работать, противорѣчитъ дѣйствительности. Рука правительства и послѣ адреса была Думѣ протянута. Но отвѣтъ на это послѣдовалъ въ засѣданіи 13 Мая.

ГЛАВА VII

Засѣданіе 13 Мая. Открытый конфликтъ Думы и власти.

Это засѣданіе можно было дѣйствительно назвать «историческимъ»; оно отмѣтило «грань». Дума въ немъ свою дорогу окончательно избрала;*) отъ надежды на соглашеніе ея съ правительствомъ пришлось отказаться. Протянутую ей правительствомъ руку она оттолкнула съ такой рѣзкостью, что съ тѣхъ поръ *этотъ* путь для нея долженъ былъ быть закрытъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно перечитать стенограмму этого засѣданія; таково же было тогда и общее впечатлѣніе, зафиксированное въ разнообразныхъ памятникахъ этой эпохи.

Такъ трудовикъ Локоть отмѣчалъ 13 Мая: «Дума приняла брошенный ей и странѣ вызовъ нынѣшняго правительства и — съ поразительнымъ единодушіемъ — дала ему рѣшительный безпощадный бой. *Такого вызова и такого боя безъ сомнѣнія — не видала еще ни одна конституціонная страна, ни одинъ парламентъ».*

Конечно такая гипербола не сообразна ни съ чѣмъ; она поневолѣ заставляетъ вспоминать славословія совѣтской общественности по поводу «неслыханныхъ достиженій совѣтской Россіи».

Но не менѣе торжествующе по существу писалъ и Милюковъ: «Вчера мы пережили еще одинъ историческій день — одинъ изъ тѣхъ дней, которыми отмѣчаются этапы исторіи... принципіальное значеніе первой встрѣчи народнаго представительства съ безотвѣтственнымъ Министерсвомъ — огромное... День не только былъ интересенъ, что оспаривать и не приходится, но, по мнѣнію депутатовъ, еще оказался большой думской *побѣдой»...*

«Два міра встрѣтились и помѣрились силами, говорилъ онъ дальше, и на чьей бы сторонѣ ни оказалось въ концѣ концовъ преимущество силы физической, морально перевѣсъ оказался безспорно на сторонѣ новаго міра — народной свободы... Попробовавъ прочесть народнымъ представителямъ урокъ, министерство принуждено было само выслушать строгое наставленіе

*) И Милюковъ говоритъ («Рус. Зап.» — Іюль), что послѣ этого засѣданія Думы «идиллія» кончилась. Аттака Думы на власть и на конституцію въ его глазахъ была все же «идилліей».

отъ Думы. И Дума оказалась болѣе сильнымъ и серьезнымъ наставникомъ». («Рѣчь» — 14 Мая).

Итакъ не только была перейдена историческая грань, чего отрицать не приходится; попутно съ этимъ была будто бы одержана большая *побѣда*. Правда ли это?

Мы знаемъ, какъ во время войны пишутъ реляціи. Всѣ провозглашаютъ себя побѣдителями; отступленія и даже разгромы превращаютъ въ побѣды. Въ серьезъ эти реляціи принимаютъ только наивные люди; но ихъ большинство. И къ партійной лжи всѣ привыкли, а ей все-таки вѣрятъ. Полнаго расцвѣта такая система лжи, конечно, достигаетъ лишь тамъ, гдѣ существуетъ одна оффиціальная пресса. Но и при свободѣ и разнообразіи печати обывательская масса обыкновенно читаетъ только *своихъ* и фактически знаетъ только *свою* оффиціальную версію. Отступленіе отъ нея въ то время уже считалось «вредительствомъ».

Благодаря этимъ условіямъ «историческій» день 13 Мая надолго остался въ памяти нашей общественности, какъ день *великой побѣды*.

Но черезъ 30 лѣтъ позволительно себя спросить: *въ чемъ* заключалась побѣда? *Кого* побѣдили? И *чѣмъ* можно было въ этой побѣдѣ гордиться?

Побѣду видѣли потому, что смотрѣли на событія черезъ очки европейской *парламентской* жизни. Вотумъ недовѣрія Министерству тамъ всегда является чьей то, хотя бы иногда и нежелательной для дѣла побѣдой. Тамъ, одно послѣдствіе всегда на лицо; прежнее министерство уходитъ. А это означаетъ, что то большинство, на которое министерство до тѣхъ поръ опиралось въ Палатѣ, теперь распадается; часть его покидаетъ. Побѣда собственно *въ этомъ*. Враги министерства въ чемъ-то его прежнихъ *сторонниковъ* убѣдили.

Но въ чемъ была побѣда 13 Мая? У Министерства никогда не было *большинства*, а по смыслу нашей дуалистической конституціи оно въ немъ и не нуждалось. Еще до созыва Думы Милюковъ утверждалъ, будто министерство должно, какъ *результатъ однихъ выборовъ*, выйти въ отставку. Въ думскомъ адресѣ, когда Министерство еще не произнесло ни единаго слова, Дума единогласно уже *потребовала* его ухода. Если *послѣ* засѣданія 13 Мая Дума приняла *ту-же самую* резолюцію, то *кого* побѣдили? Кого убѣдили *перемѣнить* свое мнѣніе? И что было практически достигнуто вотумомъ недовѣрія?

Было ли по крайней мѣрѣ то, что называется «моральной» побѣдой? Были ли преимущество краснорѣчія, государственнаго смысла, содержательныхъ мыслей? Краснорѣчія можетъ быть, но парламентъ не турниръ краснорѣчія; въ послѣднемъ вообще мало заслуги, особенно когда судьей является большое собраніе, а мѣриломъ — его аплодисменты. Если мѣрить краснорѣчіе ими, то 13 Мая депутаты побѣдили; были и «бурные», и «продолжительные», и «шумные» и всякіе иные аплодисменты. Но что же изъ этого? У первой Думы нельзя отрицать красно-

рѣчія. Въ ней было много первоклассныхъ ораторовъ. Въ первый большой «парламентскій день» всѣ они выступили. Къ тому же этотъ день былъ подготовленъ. Министерскую декларацію знали заранѣе. Правда знали не всѣ. Помню мой разговоръ со Стаховичемъ во 2-ой Думѣ по поводу состава президіума. Тогдашнее «большинство» оппозицію въ него не пускало. Стаховичъ возмущался. Онъ объяснялъ, что это не только вопросъ справедливости, но и практическій. Въ 1-ой Гос. Думѣ, разсказывалъ онъ, президіумъ заранѣе зналъ текстъ деклараціи, который въ печатномъ видѣ былъ по ея прочтеніи розданъ *всѣмъ* депутатамъ; но *своимъ* онъ *заранѣе* его сообщилъ и далъ имъ къ рѣчамъ приготовиться.

Эпизодъ характеренъ. Муромцевъ, избранникъ *всей* Думы, формально покинувшій партію изъ-за несовмѣстимости партійности съ званіемъ Предсѣдателя, при всей своей личной корректности, использовалъ однако положеніе Предсѣдателя въ ущербъ меньшинству, интересы котораго именно *онъ* долженъ былъ охранять. Такъ на *зарѣ* конституціи партійность уже разъѣдала добрые нравы.

Но предварительное сообщеніе деклараціи имѣло хорошую сторону. Благодаря этому спектакль былъ подготовленъ заранѣе. Не было ни длиннотъ, ни повтореній. Число ораторовъ сократили. Словомъ mise en scène была образцовая. Но и при всемъ томъ, какъ гордиться «побѣдой»? Не было для побѣды главнаго условія — боя. Ораторы ломились въ открытую дверь; *никто* имъ не возражалъ. Горемыкинъ по бумагѣ тихимъ, безстрастнымъ голосомъ прочиталъ декларацію; когда негодующія думскія рѣчи полились бурнымъ потокомъ, онъ молча сидѣлъ, равнодушно разглаживая свои бакенбарды.. Противники министерства мнѣ разсказывали, что они уже не злорадствовали, а страдали за русскую власть. Когда былъ объявленъ перерывъ, всѣ министры ушли и въ засѣданіе не возвращались. Вернулся одинъ Щегловитовъ и сказалъ нѣсколько примирительныхъ словъ. Этого жеста Щегловитова не оцѣнили. Но намѣренія его были хорошія. Онъ хотѣлъ поправить зло, которое совершилось. Это былъ еще прежній Щегловитовъ, поклонникъ Судебныхъ Уставовъ и конституціоннаго строя. Онъ никогда не былъ сильнымъ и искуснымъ ораторомъ; но былъ хорошимъ юристомъ, очень культурнымъ и образованнымъ человѣкомъ, при этомъ отзывчивымъ. Я помню его, какъ представителя Министерства Юстиціи на одномъ изъ самыхъ интересныхъ процессовъ, въ которомъ мнѣ дано было участвовать, на процессѣ Павловскихъ сектантовъ. Судъ надъ ними даже по внѣшности не напоминалъ правосудія. Преступленіе казалось столь чудовищнымъ — они разгромили двѣ церкви — что ихъ не хотѣли отдавать *обычнымъ судамъ*. Министерство Юстиціи судъ отстояло на горе обвиняемымъ. Старшій Предсѣдатель Палаты Чернявскій, въ общемъ человѣкъ независимый, призвалъ защиту въ свой кабинетъ и ей объявилъ, что «суду оказано довѣріе и это довѣріе онъ долженъ *оправдать*». Палата его

тѣмъ оправдала, что отказала въ психіатрической экспертизѣ даже лица задолго до этого сидѣвшаго въ сумасшедшемъ домѣ на почвѣ религіознаго помѣшательства, не говоря объ экспертизѣ всего происшествія, которое было явнымъ примѣромъ массоваго религіознаго аффекта. Посланецъ Синода — знаменитый В. М. Скворцовъ — былъ, конечно, этимъ доволенъ. Щегловитовъ же этимъ судомъ возмущался и добился потомъ, что осужденные были помилованы. Онъ и какъ Министръ Юстиціи хотѣлъ поскорѣе наладить общую съ Думой работу и выступилъ съ этой цѣлью. Онъ не поднялъ перчатки, не перешелъ въ наступленіе. Онъ скорѣе извинялся передъ Думой. Онъ началъ съ того, что «нападки Государственной Думы обязываютъ его сказать нѣсколько словъ, конечно, не для оцѣнки, не для обсужденія этихъ нападокъ, ибо для этого министерство не считаетъ себя уполномоченнымъ» — совершенно непонятное уничиженіе для правительства. Онъ смягчалъ одіозныя слова деклараціи «безусловно недопустимо»; «почему, говорилъ онъ, члены Думы должны безпокоиться по поводу того, что могутъ существовать воззрѣнія съ ними несогласныя? Отъ столкновенія различныхъ мнѣній дѣло разъясняется, рождается истина, какъ принято говорить». И кончилъ странной тирадой, что «правительство смотритъ на разницу своихъ воззрѣній съ Государственной Думой, какъ на залогъ совершенства тѣхъ новыхъ законовъ, которые отъ этого тѣмъ болѣе будутъ истиннымъ выраженіемъ воли народа, представителями которой является Дума». Эта почти заискивающая рѣчь служила лишнимъ примѣромъ, насколько нѣкоторые Министры не хотѣли разрыва и какъ съ ними было бы легко сговориться. Но говорить о побѣдѣ Думы надъ Щегловитовымъ при той позиціи, которая была имъ занята, и которая вызвала противъ него въ правыхъ кругахъ сильное неудовольствіе, значитъ быть слишкомъ не требовательнымъ.

Министерство не защищалось противъ нападокъ, хотя у него былъ большой матеріалъ не только для защиты, но и для нападенія. Оно отказалось къ нему прибѣгать. А между тѣмъ оно въ своей средѣ имѣло людей, которые въ краснорѣчіи не уступали никому изъ думскихъ ораторовъ. Помню реплику Столыпина послѣ деклараціи во 2-ой Государственной Думѣ, сильную, блестящую и содержательную; самымъ *слабымъ* мѣстомъ въ ней былъ ея прославленный финалъ: «не запугаете». Но Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ въ 1-ой Думѣ былъ не онъ, а Горемыкинъ; выступить помимо него Столыпину было неудобно, а Горемыкинъ ни на какой отвѣтъ самъ не былъ способенъ. Потому боя не было вовсе. Въ этомъ, конечно, виновато правительство, но подобными побѣдами все же непристойно гордиться, какъ гордиться ударами, которые наносятъ лежачему. Кадеты стоили большаго.

Но оставимъ въ сторонѣ «краснорѣчіе». Дума могла одержать другую побѣду, и ее легко было бы теперь оцѣнить, послѣ столькихъ событій. Она могла показать преимущество

своего *государственнаго* пониманія; могла обнаружить природные недостатки лѣвой политики, которую собрались дѣлать «правыя руки»; могла взять на себя защиту конституціи отъ ея искаженія людьми *стараго* міра и хотя бы этимъ подкрѣпить свое требованіе: уходите въ отставку!

Но этого, къ сожалѣнію, не было сдѣлано и сдѣлано быть не могло. Послѣ адреса кадеты не могли защищать «конституцію». Мы это увидимъ изъ *кадетскихъ* рѣчей. Они *одни* интересны. Для революціонныхъ партій въ этотъ день было раздолье; какъ органу разрушительной революціонной стихіи имъ «защищать» было нечего. Но государственная партія, претендовавшая сдѣлаться властью, должна была показать, что она была *на это* способна: что она правильно понимаетъ задачу правительства въ это трудное время и знаетъ, *какъ* ее разрѣшить. Она не могла довольствоваться однимъ отрицаніемъ. Кадетскія рѣчи этого не показали.

Возьму для примѣра рѣчь В.Д. Набокова; она была сказана первой и была гвоздемъ этого дня (*). И по натурѣ Набоковъ былъ не революціонеромъ, а либераломъ и понималъ, къ чему это обязываетъ. По происхожденію и воспитанію былъ человѣкомъ *того* лагеря; но съ нимъ разошелся сознательно и окончательно. На новомъ мѣстѣ онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ; убѣжденнымъ, но не фанатикомъ, воспитаннымъ и культурнымъ, съ большимъ литературнымъ талантомъ, съ элегантной фигурой и изящною плавною рѣчью. Наибольшій успѣхъ его рѣчи обезпечило то,что она была спокойной,безъ истерическихъ эксцессовъ и срывовъ.

Но эта рѣчь все же защитой конституціи не оказалась.

Къ своей чести онъ одинъ *правильно* оцѣнилъ самую уязвимую часть деклараціи — въ *аграрномъ* вопросѣ; это выгодно отличило его отъ другихъ. Въ заявленіи о «безусловной недопустимости» основъ указанныхъ въ адресѣ онъ усмотрѣлъ только «прежній тонъ, отъ котораго пора бы отвыкнуть и отказаться». На министерское «безусловное» veto онъ въ согласіи съ конституціей отвѣчалъ, что, несмотря на противодѣйствіе Министерства, «мы будемъ вносить наши законодательныя предположенія и считаемъ, что страна вмѣстѣ съ нами». Эта объективная позиція, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорили другіе, дѣлаетъ честь рѣчи Набокова; но *не въ этомъ* заключался ея шумный успѣхъ.

Бурные аплодисменты и позднѣйшую славу вызвали два мѣста ея. Говоря объ амнистіи и объ отрицательномъ отношеніи къ ней Министерства (Набоковъ прибавилъ «категорически отрицательномъ»,'что было невѣрно фактически, ибо Министерство возражало противъ умѣстности амнистіи *только* для *нѣ-*

---

*) У Винавера въ «Конфликтахъ» приведена такая цитата изъ «Нашей Жизни» № 445. «Это первая и, надо отдать справедливость, едва ли не самая блестящая рѣчь (это кажется, общій отзывъ о его рѣчи). Могу и самъ подтвердить, что таково было о ней общее мнѣніе.

которыхъ родовъ преступленій — убійствъ, грабежей и насилій»), Набоковъ сказалъ:

«Мы относимъ амнистію къ прерогативамъ Верховной Власти; мы обратились къ Верховной Власти и никакого посредствующаго голоса между нами и Верховной Властью по вопросу объ амнистіи мы не допускаемъ; мы его отрицаемъ» (Бурные аплодисменты).

Эти прославленныя слова Набокова — подрывъ всей конституціонной системы. При конституціи за Монарха отвѣчають Министры; *они даютъ ему совѣты.* Какъ это отрицать, не отрицая одновременно и конституціи и не возвращаясь къ личному режиму? Такой образованный юристъ, какъ Набоковъ, не могъ этого не понимать. Но кадетская партія умышленно, изъ тактики, смѣшивала два совершенно различныхъ понятія — «конституцію» и «парламентаризмъ». Она утверждала, что если нѣтъ парламентаризма, то нѣтъ и конституціи, и «война продолжается». Не по незнанію Милюковъ могъ 19-20 Апрѣля въ «Рѣчи» написать, будто «строго конституціонный принципъ требовалъ бы составленія министерства изъ побѣдившаго на выборахъ большинства». Вмѣсто одного термина онъ подставляетъ другой; этого требовалъ бы *парламентаризмъ*, не *конституція.* И это съ его стороны не незнаніе, а только «политика». Набоковъ пошелъ еще дальше. Онъ рисуетъ такой строй государства, гдѣ между народнымъ представительствомъ и Монархомъ не стоитъ ничего. *Посредничества правительства между собой и Монархомъ Дума не допускаетъ.* Это была бы не конституція и не парламентаризмъ, а просто славянофильскія идилліи. Эта фраза Набокова юридическій уродецъ, но именно *потому* она имѣла въ Думѣ шумный успѣхъ.

Еще большую антиконституціонность обнаружила *вторая* знаменитая фраза Набокова.

«Разъ намъ говорятъ, замѣтилъ онъ въ концѣ своей рѣчи, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представителства, мы можемъ только сказать одно: *исполнительная власть да покорится власти законодательной*».

Эта фраза вызываетъ «продолжительные аплодисменты» и входитъ въ исторію: въ ней видятъ резюме всего засѣданія. А она конституціонная ересь. Дума не «законодательная власть», а только *часть* ея. Законодательная власть принадлежитъ совокупно — Думѣ, Государственному Совѣту и Государю. Только объединеніе всѣхъ ихъ составляетъ *законодательную* власть. *Такой* власти Министры, конечно, должны подчиняться; но отсюда до подчиненія ихъ одной Думѣ — цѣлая пропасть. Называя Думу «законодательной властью», Набоковъ грубо искажалъ ея компетенцію. Онъ слово въ слово повторялъ историческую ошибку Барнава, котораго такъ жестоко разоблачилъ Мирабо 22 Мая 1790 г. въ своей знаменитой рѣчи «sur le droit de la paix et de la guerre.» Барнавъ доказывалъ, что объявленіе

войны зависитъ отъ законодательнаго собранія, ибо оно «pouvoir législatif». Мирабо обличилъ Барнава въ передержкѣ, ибо онъ подставилъ слова «pouvoir législatif» вмѣсто «corps législatif». «Vous avez forfait la constitution» — сказалъ онъ Барнаву тогда.

Черезъ 100 съ лишнимъ лѣтъ Набоковъ дѣлаетъ ту-же ошибку. «Законодательное собраніе» онъ смѣшалъ съ «законодательной властью». Всю зловредность этой замѣны понятій, онъ могъ увидать въ послѣдующей за его рѣчью тирадѣ Аладьина. «Всѣ Министры, говорилъ этотъ ораторъ, обязаны быть властью исполнительной; они должны брать у насъ то, что мы, представители страны, находимъ нужнымъ, необходимымъ и неотложнымъ для насъ, страны, изучать то, что мы постановляемъ, *какъ законъ*, и, какъ *наши вѣрные слуги* — исполнять эти законы. Вотъ ихъ обязанность». (Аплодисменты). Вотъ тотъ «пьяный илотъ», который предсталъ передъ глазами «аристократа» Набокова.

Набоковъ понялъ фальшь своей фразы раньше, чѣмъ его восхвалители.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 3-й Думѣ, уже перемѣнившійся Щегловитовъ припомнилъ эту «историческую фразу» Набокова, какъ доказательство, что первая Дума хотѣла Министровъ себѣ подчинить. Обстоятельства, при которыхъ она была сказана тогда, уже были забыты. Я отвѣтилъ ему, что толкуя такъ эту фразу, онъ , Щегловитовъ, забываетъ о существованіи Государя. «Законодательная власть» вовсе не Дума одна, а кромѣ нея и Совѣтъ и Государь. Считаетъ ли Щегловитовъ, что «этой законодательной власти министры не были должны подчиняться?» Такой поворотъ съ больной головы на здоровую имѣлъ тогда свой успѣхъ; узнавши про мое возраженіе, Щегловитовъ послалъ А. Н. Веревкина въ Думу, чтобы истолковать свою фразу иначе. А Набоковъ меня благодарилъ, что я далъ его «несчастной фразѣ» такое благовидное и неожиданное для него самого объясненіе. Но, конечно, *тогда* 13 Мая она была сказана въ Щегловитовскомъ смыслѣ, *такъ* ее всѣ тогда понимали, и именно за *это* ее прославляли. Въ этой юридической *ереси* и видѣли моральную *побѣду* Думы надъ властью.

Кромѣ Набокова говорили и другіе большіе политики и юристы. Но въ чемъ оказалось преимущество ихъ взглядовъ передъ правительствомъ?

Кокошкинъ взялъ на себя доказать, что правительство обнаружило «неосвѣдомленность въ вопросахъ права и отсутствіе истинно государственной точки зрѣнія».

Никто не былъ поставленъ лучше его, чтобы выполнить такую задачу. Кокошкинъ былъ человѣкъ исключительныхъ дарованій, во всеоружіи знаній и творчества. Онъ былъ фанатикомъ, и его «вѣра» подсказывала ему своебразныя построенія. Тема была благодарная. До чего должна была понижать думская атмосфера, чтобы на *такую* тему *такой* человѣкъ, какъ Кокошкинъ, могъ сказать *такую* слабую рѣчь!

Кокошкинъ не оцѣнилъ миролюбія, ради котораго правительство уклонилось отъ боя съ антиконституціонными заявленіями Думы. Это уклоненіе онъ правительству поставилъ въ вину, какъ «невѣжество въ правѣ». Онъ отмѣтилъ «смѣшеніе», въ которое впало правительство, будто бы принявъ думскія указанія на желательность измѣнить конституцію за ея «законодательную инціативу». Такое заключеніе было слишкомъ поспѣшно. Подобной грубой ошибки правительство не допустило. Адресъ вообще не «инціатива»; «инціативы» не было ни въ пожеланіяхъ измѣнить Основные Законы, ни въ тѣхъ реформахъ, которыя Дума возвѣщала. Инціатива должна была послѣдовать въ будущемъ. Но нельзя укорять правительство за то, что оно отказалось высказываться по вопросамъ, которые предметомъ думской инціативы стать *не могли*. Кокошкинъ не показалъ настоящаго пониманія конституціи, когда утверждалъ, будто правительство *обязано* было эти думскія пожеланія «разобрать какъ возможный объектъ законодательнаго почина со стороны правительства». Правительство вовсе не обязано разбирать все, что приходитъ въ голову Думѣ сказать, тѣмъ болѣе, что и объ инціативѣ Государя она не *просила*, а ограничивалась тѣмъ, что, по словамъ Милюкова, «возлагала на власть ожиданія». На какомъ основаніи правительство было «обязано» разбирать всѣ возможныя ожиданія? И при этомъ забавно, что Кокошкинъ утверждалъ это въ то время, когда Набоковъ заявлялъ, что *посредниковъ* между собой и Монархомъ Дума *не допускаетъ*. У кого же изъ этихъ двухъ кадетскихъ свѣтилъ была «неосвѣдомленность въ вопросахъ конституціоннаго права?»

Кромѣ конституціоннаго невѣжества, Кокошкинъ правительству ставилъ въ упрекъ отсутствіе «государственной точки зрѣнія». Это была тоже благодарная тема. Рождалось новое пониманіе государственности. Людямъ стараго міра было нелегко усвоить его. Его отрицали и революціонныя партіи. Именно кадеты были призваны дать настоящую ноту, которая бы помогла укрѣпить «основанный на правѣ порядокъ». Что же по этому поводу сказалъ такой человѣкъ, какъ Кокошкинъ?

Онъ говорилъ объ амнистіи. Я показывалъ, какъ неудачно ее мотивировалъ адресъ. Но адресъ составлялся коллегіей; отсюда его недостатки. Министерству же отвѣчалъ Кокошкинъ одинъ. Онъ былъ свободенъ и могъ выяснить свое пониманіе «новыхъ началъ» государственности. Въ чемъ они заключались? Декларація Совѣта Министровъ, утверждаетъ онъ, «обнаруживаетъ полное непониманіе сущности амнистіи, приравнивая ее къ отдѣльному акту помилованія. Амнистія, т. е. массовое помилованіе, имѣетъ особое значеніе. Самый терминъ заимствованъ изъ международнаго права. Онъ указываетъ на водвореніе мира. При заключеніи мирныхъ трактатовъ въ нихъ включается статья объ амнистіи; такіе же моменты бываютъ во внутренней жизни государства; бываютъ моменты, когда необходимо прекратить совершающуюся въ той или иной формѣ междоусоб-

ную войну». Сравненіе правильно. И Кокошкинъ заключаетъ: «Никто не можетъ отрицать, что то, что происходитъ у насъ въ Россіи въ послѣдніе годы, это состояніе близкое къ междоусобной войнѣ. Намъ надо водворить политическій миръ и *для этого* нужна амнистія». Какая же эта *государственная* точка зрѣнія! Когда заключается миръ, умѣстна амнистія. Но не амнистія дѣлаетъ миръ; она *послѣдствіе* мира. Государственный смыслъ амнистіи именно въ томъ, что она должна сопутствовать заключенію мира. Но кадеты не показали, что этотъ миръ заключенъ и даже, что они его просто *желаютъ*. Если же война продолжалась, если Дума конституціи не признавала и на будущее время насилій противъ власти осудить не хотѣла потому, что время благоволенія еще не наступило, то — для амнистіи *не было* почвы.

Продолжая сравненіе Кокошкина, амнистія въ этихъ условіяхъ была бы равносильна освобожденію плѣнныхъ одной стороной до заключенія мира. Тогда это капитуляція, доказательство слабости. Правительство въ своемъ отвѣтѣ на это и указало: «амнистія, говорило оно, несвоевременна въ настоящее смутное время». Война власти съ Революціей еще продолжается. Своей постановкой вопроса амнистіи Дума, а за ней и Кокошкинъ, отнимали у амнистіи ея «государственный смыслъ».

Кокошкинъ затронулъ и болѣе общій вопросъ, который потомъ проходилъ черезъ всю дѣятельность Думы. Общественность до сихъ поръ могла заниматься сочиненіемъ теоретическихъ конституцій; это ей было нетрудно. Она могла предлагать «послѣднія слова» теорій и практикъ цивилизованныхъ странъ; могла не думать о томъ, съ какими затрудненіями встрѣтится въ Россіи ихъ примѣненіе. Но съ 1906 года Россія отъ «теорій» перешла въ періодъ практическаго осуществленія; Дума была не посторонній наблюдатель, а *часть государственной власти*. Положеніе власти тогда было трудное. По пятамъ за реформами, черезчуръ опоздавшими, уже бѣжали революціонныя волны; они стремились добить старую власть, даже замѣнить привычнаго для Россіи Государя интеллигентской Учредилкой. Эти революціонныя волны ударяли уже не по старому Самодержавію, а по вновь объявленному конституціонному строю. Это обычный порядокъ вещей. Когда въ 1917 г. пала монархія и создалось правительство Революціи, революціонеры все-таки продолжали «углублять Революцію», ослабляя *созданную Революціей власть*. Когда въ 1936 году во Франціи появилось министерство Front Populaire и начались насильственныя окупаціи фабрикъ и претензіи С. Ж. Т. управлять государствомъ, то эти революціонныя дѣйствія били уже по *новому* министерству. Такъ и послѣ объявленія конституціи и созыва Думы, въ Россіи *усилилось* то, что ораторы называли «гражданской войной». Революціонная стихія хотѣла вовсе не мира, а полной побѣды.

Что въ этихъ условіяхъ должно было дѣлать правительство? Или признавать въ Революціи «волю народа» и ей усту-

пить; или защищая законъ отражать Революцію силой, *во имя новаго строя.* Третьяго выхода не было.

Въ своей декларации правительство заняло эту вторую позицію; оно заявило, что «его долгъ охранять порядокъ, жизнь и имущество мирныхъ обывателей»... Но оно понимало, что старые пріемы уже не по времени. Оно заявило, что будетъ класть въ основу своей дѣятельности начала строгой законности, что исключительныя полномочія, которыми оно до сихъ поръ было надѣлено, никуда не годятся и что надо ихъ измѣнить. Но оно одновременно ставило вопросъ, который никакими софизмами устранить было нельзя; что же дѣлать *сейчасъ*, пока *новыхъ* законовъ *не* издано? И оно заявляло, что *до этихъ поръ* оно необходимыя для него полномочія будетъ поневолѣ черпать изъ *старыхъ*, *негодныхъ* законовъ.

Этотъ вопросъ былъ испытаніемъ государственной зрѣлости Думы. Позицію революціонеровъ было не трудно предвидѣть. Бороться съ революціонной стихіей они не хотѣли. Для нихъ она была «воля народа». Конституція 1906 г. была лишь насиліемъ; революціонеры ждали съ радостью и надеждой паденія государственной власти и полнаго торжества Революціи. Въ этомъ *они* были послѣдовательны.

Но какъ на этотъ вопросъ отвѣчала та конституціонная партія, которая черезъ немного недѣль поведетъ негласно переговоры о созданіи *кадетскаго министерства*, т. е. о томъ, чтобы ей стать правительствомъ не Революціи, какъ въ 1917 году, а правительствомъ законнаго Государя? Дума, которая была частью государственной власти (Муромцевъ утверждалъ даже, будто она часть правительства), имѣла ли право *безучастно* смотрѣть, какъ разнуздавшійся Ахеронтъ старался добить конституцію?

Кадетская партія должна была показать, что она отличается и отъ представителей стараго строя, и отъ Революціи. Отъ нея и ждали новаго слова. Чтобы его сказать, надо было имѣть опредѣленность и мужество. «По тактическимъ соображеніямъ» у кадетъ не оказалось ни того, ни другого. Они должны были стать на защиту *правового порядка противъ революціонныхъ насилій.* Одновременно съ этимъ они должны были вводить правовыя начала въ оборонительныя дѣйствія власти. Это были двѣ стороны *одной и той же политики*. Измѣнить пріемы государственной власти было возможно. Нѣкоторыя одіозныя полномочія властей можно было сразу и совсѣмъ уничтожить; другія поставить подъ судебный контроль; установить отвѣтственность за превышеніе власти. Но Дума, требуя отъ правительства подчиненія законамъ и праву, должна была его поддержать въ принципіальной *борьбѣ* противъ революціонныхъ насилій. *Безъ этого* ея протесты и обличенія были бы не актами государственной власти, а только помощью Революціи.

Ни тогда, ни послѣ Дума сдѣлать этого не захотѣла. Что отвѣтилъ Кокошкинъ на трагическую альтернативу правительства? «Если законъ неудовлетворителенъ, отвѣчаетъ онъ мини-

стерству, его нельзя сохранять... Онъ не долженъ существовать *ни единой минуты...*»

Какой «государственный смыслъ» въ этой «риторикѣ»? Къ кому она обращалась? Министерство законовъ не могло само ни измѣнить, ни отмѣнить. Для этого было нужно согласіе Думы; мы увидимъ потомъ, что съ измѣненіемъ этихъ законовъ Дума вовсе не торопилась. А пока новыхъ законовъ не было создано, а старые не были отмѣнены, что же должно было *дѣлать* правительство передъ лицомъ бушующаго Ахеронта?

Этотъ вопросъ много разъ передъ Думой ставился позже. Его поднималъ Столыпинъ своимъ знаменитымъ примѣромъ о кремневомъ ружьѣ; Дума смѣялась; но вѣдь можно смѣяться и надъ протянутымъ пальцемъ. Отвѣтъ всегда давался одинъ; управляйте *безъ исключительныхъ положеній.* Кокошкинъ 13 Мая ссылался на примѣръ Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ которыхъ исключительныхъ положеній не существуетъ.

Это какъ будто убѣдительно; но во-первыхъ тамъ и безъ исключительныхъ положеній власть не безсильна. Пройдетъ около мѣсяца и по вопросу о правѣ собраній тотъ же Кокошкинъ будетъ разъяснять Ковалевскому, *какими* полномочіями для защиты порядка облечена въ Англіи административная власть! А во вторыхъ, въ тѣхъ странахъ, на которыхъ ссылался Кокошкинъ, въ то время не было гражданской войны, а за то было воспитано уваженіе и къ закону, и къ праву; либеральныя партіи тамъ не боялись сказать, что государственная власть затѣмъ и существуетъ, чтобы силой своего аппарата охранять установленный закономъ порядокъ отъ покушеній на него во имя якобы воли народа.

Такого правового сознанія у насъ Самодержавіемъ воспитано не было. И на либерализмѣ лежалъ отпечатокъ врага, имъ побѣжденнаго. Правовыя понятія были у насъ такъ перепутаны, что цвѣтъ нашихъ юристовъ не переварилъ даже Манифеста. Вотъ наглядный примѣръ. Министерство обязалось въ своей деклараціи пересмотрѣть всѣ состоявшіяся *постановленія объ административныхъ арестахъ.* По этому поводу Кокошкинъ разражается такою тирадой: «тутъ совершенно упущено изъ вида, что со времени изданія Манифеста и провозглашенія неприкосновенности личности, *всякое административное задержаніе* уже *беззаконіе*».Проповѣдуя это правительству, Кокошкинъ зналъ, что это неправда. Во-первыхъ, никакого «провозглашенія неприкосновенности личности»17 октября сдѣлано не было. Было поручено правительству на началахъ такой неприкосновенности составить *новый законъ.* Оно этого порученія не успѣло исполнить, и на это у него были смягчающія вину обстоятельства. А во-вторыхъ, никакой новый законъ и не могъ бы вовсе запретить *всякое* административное задержаніе. Только на экзаменѣ Ковалевскаго какой-то студентъ отвѣчалъ, что habeas corpus состоитъ въ томъ, что никто *безъ своего согласія* не можетъ быть арестованъ. Этого мало. Правовая смута

въ головахъ нашихъ юристовъ въ это время зашла такъ далеко, что требуя отъ власти немедленнаго осуществленія всякихъ свободъ, они въ то же время доказывали, что послѣ 17 октября никакихъ новыхъ законовъ помимо согласія еще несозданной Думы издавать было нельзя. И это было не теоретической игрою ума въ «заколдованный кругъ». На этомъ глубокомысленномъ основаніи общественность дѣлала попытки новымъ законамъ о печати и о собраніяхъ *не* подчиняться. Какъ можно было Россію въ моментъ ея правового безумія, созданнаго сначала Самодержавіемъ, а потомъ идеологіей Революціи, сравнивать съ налаженнымъ ходомъ жизни цивилизованныхъ правовыхъ государствъ въ мирное время?

А между тѣмъ въ поддержаніи *правового* порядка была задача этой эпохи. Легко было провозглашать идейные принципы новаго строя. Трудно было ввести ихъ въ практическую жизнь съ такой осторожностью и постепенностью, чтобы одновременно не свалить государства. Очевидно, что старая власть, видѣвшая все спасеніе въ привычныхъ для нея исключительныхъ полномочіяхъ, и революціонная общественность, мечтавшая о полномъ торжествѣ Революціи, ни о чемъ сговориться между собой не могли. Между ними вопросъ былъ только въ силѣ. Разрѣшить эту задачу могъ только либерализмъ въ соединеніи съ обновленною властью. *Онъ* могъ положить предѣлъ безысходной войнѣ. Но для этого *онъ* долженъ былъ защищать *идею правового порядка* противъ его враговъ и *сверху и снизу.* Онъ могъ осуждать беззаконія *власти*; но долженъ былъ дѣлать это какъ представитель «правового начала», а не какъ прислужникъ *революціонной стихіи.* Онъ не могъ осуждать власть за то, что она для исполненія своего долга примѣняла *устарѣлый* законъ, если новаго ей не давали; не могъ оправдывать всѣ беззаконія Революціи тѣмъ, что мы живемъ въ *революціонное время.* Подъ личиной нейтралитета онъ принималъ бы тогда сторону Революціи.

Потому-то въ этотъ моментъ либерализмъ ничего полезнаго сказать не сумѣлъ; если не смѣть *осуждать* Революцію, задача ее остановить была для него квадратурой круга. Экзамена на «государственность» либерализмъ и не выдержалъ. Онъ поплелся въ хвостѣ Революціи.

Но посмотримъ теперь, какъ исполнялъ онъ задачи ему болѣе свойственныя, т. е. тѣ, въ которыхъ онъ могъ ограничиться критикой. Критика ставила на испытаніе не его собственный государственный смыслъ, а только «справедливость» его разсужденій. Однако Сіэсъ былъ все-таки правъ въ своемъ наблюденіи: «ils veulent être libres et ne savent pas être justes». Посмотримъ справедливость, съ которой либерализмъ «критиковалъ» декларацію.

Самымъ уязвимымъ пунктомъ ея была категоричность, съ которой она заявила, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса «на предположенныхъ Думой началахъ безусловно недопустимо». На эти неудачныя слова всѣ набросились съ особенной страст-

ностью. Не буду говорить о революціонерахъ, остановлюсь только на кадетскихъ рѣчахъ,

Я отдалъ справедливость Набокову за его умѣренность въ этомъ вопросѣ. Онъ мѣтко указалъ на это слабое мѣсто, сказалъ *все*, что по этому поводу было можно и нужно сказать. Но Кокошкинъ? Несмотря на всю свою личную добросовѣстность, онъ не постѣснился уличать правительство въ «невѣжествѣ и неграмотности», какъ будто оно дѣйствительно не знало того, что *всѣ* законодательства, не исключая и русскаго, признаютъ *право отчужденія* частныхъ имуществъ. Но вѣдь они его признаютъ только при извѣстныхъ условіяхъ. На одно изъ нихъ Кокошкинъ указывалъ самъ. «Неприкосновенность собственности, училъ онъ въ своей рѣчи министровъ, заключается только въ томъ, что владѣлецъ отчуждаемаго имущества получаетъ справедливое вознагражденіе». Надъ *кѣмъ же* тогда смѣялся Кокошкинъ? Вѣдь въ адресѣ какъ разъ *этого* упомянуто не было, и не потому, что объ этомъ забыли, а потому, что этого не *хотѣли сказать*. То, что, по словамъ Кокошкина, знаетъ «всякій юристъ», народъ *не* зналъ и *не* признавалъ. Кадеты въ своей избирательной кампаніи наталкивались постоянно на отрицаніе «вознагражденія» за отчужденную землю; это говорилось и доказывалось на 1-мъ крестьянскомъ съѣздѣ 1905 года. А 33 депутата внесли въ Думу законопроектъ о полномъ уничтоженіи права собственности на землю, безъ всякаго вознагражденія. При такомъ настроеніи крестьянства, адресъ съ безоговорочнымъ отчужденіемъ частной земли былъ пущенъ въ страну, какъ зажигательный факелъ, и когда правительство заявило о «недопустимости этого», возраженіе Кокошкина съ ссылкой на всѣ европейскія страны нельзя считать искреннимъ.

Но Кокошкина превзошелъ Ковалевскій. Какъ это могло произойти съ этимъ несклоннымъ къ фанатизму и увлеченіямъ человѣкомъ? А вотъ какъ онъ напалъ на Министровъ.«Какъ вы смѣете выступить противъ воли Царя-Освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи — освобожденіе крестьянъ съ землею?» (Продолжительные аплодисменты). Какъ понять возможность такой неправды въ устахъ Ковалевскаго? Эта фраза была такъ-же *для него* неподходяща, какъ и повтореніе имъ знаменитыхъ словъ Мирабо: «allez dire à votre Maître» и т. д. А вѣдь онъ буквально сказалъ: «мы здѣсь — уполномоченные народа и мы будемъ исполнять возложенную на насъ миссію. Одна грубая сила можетъ удалить насъ отсюда». На засѣданіи Думы этого дня былъ землякъ и другъ Ковалевскаго — Н. Н. Баженовъ. Онъ, который хорошо зналъ Ковалевскаго, разсказывалъ мнѣ, какъ эти громкія фразы въ его устахъ были фальшивы, и какъ Ковалевскій самъ потомъ надъ ними смѣялся. Такова была нездоровая, просто больная атмосфера думскаго зала.

Я хочу указать еще на двѣ интересныя кадетскія рѣчи, передъ которыми невольно становишься втупикъ. Какъ ораторы

не понимали, какъ несправедливы и какъ вредны для *ихъ* дѣла были эти выступленія?

Во-первыхъ, рѣчь Винавера объ еврейскомъ вопросѣ. Винаверъ былъ человѣкъ исключительно умный и превосходный ораторъ. Тема была благодарна. Поставить ребромъ еврейскій вопросъ онъ могъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было. И никто противъ еврейскаго равноправія тогда выступать бы не сталъ. Въ первой Думѣ Винаверъ не разъ задѣвалъ эту тему и всегда съ полнымъ успѣхомъ. Но *что* онъ говорилъ въ этотъ день и какъ не замѣтилъ, что удары, которые онъ направлялъ на министровъ, били по Думѣ? Онъ обвинялъ правительство въ томъ, что объ еврейскомъ вопросѣ оно *умолчало*. «Дума, говорилъ онъ, — категорически потребовала равенства. И чѣмъ же ей отвѣчаютъ? Пустопорожнимъ молчаніемъ. (Аплодисменты). Министры отвергаютъ справедливое разрѣшеніе аграрнаго вопроса; они рѣзко отвергаютъ и многое другое. Это политически безразсудно, но человѣчески мужественно. Только по отношенію къ гражданскому равенству они предпочли проявить *трусливое молчаніе*. И мы вправѣ пригвоздить ихъ къ позорному столбу этого трусливаго молчанія». (Аплодисменты). Откуда все это вывелъ Винаверъ? Вѣдь въ своемъ адресѣ именно *Дума промолчала* про спеціальный еврейскій вопросъ (*). Онъ своеобразенъ и исключителенъ, но о немъ въ адресѣ не говорится ни слова. Только намекъ на него можно найти въ словахъ адреса, что «Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ *всѣхъ* гражданъ, съ отмѣной всѣхъ ограниченій и привиллегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіей или поломъ». Такъ еврейскій вопросъ слитъ былъ съ другими, даже съ женскимъ вопросомъ, хотя можно не быть антисемитомъ и не признавать женскаго равноправія. Такую постановку вопроса о равенствѣ можно осуждать съ разныхъ сторонъ. Но ее дала *сама Дума*, а не *правительство*. А что на это сказало правительство? Оно выразило готовность «оказать полное содѣйствіе разработкѣ вопросовъ, возбужденныхъ Думой, *которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина*». Это относится къ закону о равенствѣ, а значитъ и къ вопросу еврейскому.

Если еврейскій вопросъ не былъ отдѣльно и рельефно поставленъ, то это вина только Думы. Какія были у нея основанія? Я ихъ не знаю. Казалось ли это само собой очевиднымъ, но тогда на что же Винаверъ и жалуется? Или объ этомъ вопросѣ умолчали, боясь разногласій въ Думѣ; но тогда зачѣмъ за эту трусливость Думы Винаверъ обвиняетъ *правительство*? Мы позднѣе увидѣли, что упрекъ Винавера по адресу правительства былъ несправедливъ. Изъ напечатаннаго письма Столыпина къ Николаю II, отъ 10 Декабря 1907 года видно, что Сто-

---

*) Говорю, конечно, про Думу, т. е. про принятый Думою адресъ, а не про рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ; правительство отвѣчало только на *адресъ*.

лыпинъ находилъ, что гражданское равенство уже даровано Манифестомъ 17 Октября и что евреи имѣютъ по этому законное основаніе требовать *полнаго* равноправія. Но въ этомъ вопросѣ правительство столкнулось тогда съ личнымъ предубѣжденіемъ Государя; чтобы преодолѣть его правительству нужно было *содѣйствіе* Думы. Такія же несправедливыя рѣчи, какъ рѣчь Винавера, ему не облегчили этой задачи. Скоро послѣ этого засѣданія я въ вагонѣ желѣзной дороги встрѣтился съ кн. П. Н. Трубецкимъ. Судьба связала его съ либеральнымъ движеніемъ, хотя онъ былъ человѣкомъ праваго лагеря. Среди разговора онъ мнѣ сказалъ о тягостномъ впечатлѣніи, которое на его единомышленниковъ произвела рѣчь Винавера. Я удивился: почему? «Потому, что онъ требовалъ отъ министровъ, чтобы они *на первый* планъ ставили *еврейскій* вопросъ; они думаютъ только *о немъ*; у *насъ же* есть и другіе вопросы». Трубецкой отражалъ этимъ не свое личное мнѣніе; то построеніе, которое далъ своей рѣчи Винаверъ, въ которой онъ правительство обвинялъ только за «трусливое молчаніе» и смѣшивалъ своихъ друзей и враговъ, питало подобныя неблагопріятныя настроенія.

Не могу не сопоставить съ этимъ и рѣчи Ледницкаго о польскомъ вопросѣ; въ обѣихъ эихъ рѣчахъ много общаго. Кадетская программа по польскому вопросу — польская автономія въ предѣлахъ Россіи — была общеизвѣстна; она была принята и на Апрѣльскомъ Земскомъ Съѣздѣ 1905 г. Но 30 Апрѣля 1906 года 27 депутатовъ Польши подали заявленіе, въ которомъ обращали протестъ къ русскому народному представительству, на нарушеніе правъ «Польскаго Края». Они говорили: «наши права неотъемлемы и святы и изъ нихъ исходитъ необходимость автономіи Царства Польскаго, какъ завѣтное требованіе всего населенія нашего края». Итакъ, когда составлялся адресъ, всѣ хорошо знали, чего добивались поляки: — автономіи Польши (*). И однако *въ адресѣ* объ этомъ не было сказано. Абзацъ о народностяхъ ограничивался такимъ общимъ выраженіемъ: «Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ».

А кромѣ того была уже не разъ цитированная мною фраза о

---

*) 3 Мая Ледницкій при преніяхъ по адресу говорилъ спеціально о польскомъ вопросѣ. Но адресъ о немъ промолчалъ.

равноправіи безъ различія сословій, національностей, религіи или пола.

Большаго о польскомъ вопросѣ Дума сказать не сочла нужнымъ, какъ и о спеціальномъ еврейскомъ вопросѣ. Почему? Очевидно по тѣмъ же причинамъ: *единогласія не получилось бы.* У польской автономіи были враги въ русскомъ обществѣ; одни себя обнаружили на Земскомъ Съѣздѣ, гдѣ они не допускали,чтобы полякамъ,благодаря автономіи,дали большія права, чѣмъ другимъ. Но возраженія были не только изъ праваго, но и изъ лѣваго лагеря. Я помню, какъ на одномъ предвыборномъ собраніи въ Тулѣ, рѣзкимъ и убѣжденнымъ противникомъ автономіи Польши былъ одинъ почтенный и либеральный адвокатъ-еврей; имѣя очевидно въ виду еврейскій вопросъ, онъ доказывалъ, какъ опасна для національныхъ меньшинствъ была бы автономія Польши. Этимъ сравнительно мелкимъ вопросомъ затрагивалась очень большая проблема, государственная антиномія въ демократіи; какъ быть, если принципъ народоправства поведетъ къ отрицанію правъ человѣка? Чему отдать предпочтеніе? Во имя правъ «личности» ограничивать народоправство, или во имя «народоправства» пожертвовать правами личности? Мы въ 3-й Думѣ столкнулись съ этимъ вопросомъ при обсужденіи самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ; тотъ-же вопросъ въ трагической формѣ ставятъ сейчасъ тоталитарныя страны. Эту альтернативу даже теоретически пока не разрѣшили; отъ нея убѣгаютъ. При обсужденіи адреса отъ нея тоже ушли путемъ *умолчанія*, какъ для 4-хвостки, для еврейскаго вопроса и для другихъ. Взгляды Думы были изложены такъ, что подъ ея словами можно было понимать все, что угодно, и государственную автономію, и только такъ называемое «культурное самоопредѣленіе». Такъ по «тактическимъ» соображеніямъ сдѣлала Дума. И правительство ей отвѣтило такъ же неопредѣленно. Оно выразило готовность оказать содѣйствіе всѣмъ реформамъ, которыя не выходятъ за предѣлы компетенціи Думы, и даже оговорило особо «преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ». Эти слова могли намекать и на польскій вопросъ. Во всякомъ случаѣ если не было сказано ничего болѣе яснаго, то потому, что и Дума яснаго ничего не сказала. Вопросъ оставался открытымъ вполнѣ. Возраженій на него со стороны правительства заявлено не было. И тѣмъ не менѣе Ледницкій счелъ справедливымъ обрушиться на *правительство* за злостное умолчаніе. «Мы тѣ-же сыны и граждане Россіи, говорилъ онъ, но къ намъ въ обращеніи Министровъ не слышимъ ни слова, ни слова о правахъ національностей, ни слова о томъ, о чемъ уже заявилъ русскій народъ въ великую историческую минуту отвѣта Монарху, о національномъ равноправіи, о справедливомъ удовлетвореніи національныхъ требованій». Если вмѣсто того, чтобы добиваться показного единогласія,Дума изложила бы *отчетливую* и конкретную программу своего большинства, она имѣла бы право дѣлать выводы

отъ «умолчанія». Но когда вмѣсто конкретной программы подносятъ наборъ общихъ фразъ, правительство имѣло право не заниматься чтеніемъ между строчекъ. И нападки на это со стороны Думы есть типичное перенесеніе вины «съ больной головы на здоровую».

Но я не останавливаюсь больше на этомъ историческомъ засѣданіи. Оно закончилось принятіемъ формулы перехода. Не трудно себѣ представить, чѣмъ могла быть эта формула. Она типичный лубокъ, одинъ изъ тѣхъ шаблоновъ, которые сейчасъ по предписанію партіи «прорабатываютъ» въ Совѣтской Россіи. Вотъ эта формула:

«Усматривая въ выслушанномъ заявленіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство *совершенно не желаетъ* удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственною Думою въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и безъ удовлетворенія которыхъ невозможно спокойствіе страны и плодотворная работа народнаго представительства;

Находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій, правительство обнаруживаетъ *явное пренебреженіе* къ истиннымъ интересамъ народа и *явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну*, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей, выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству, и признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ пользующимся довѣріемъ Государственной Думы, —

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Есть ли въ этой формулѣ справедливость? Декларація *противорѣчитъ* выводу Думы, будто — «правительство *совершенно не желаетъ* удовлетворить ожиданія земли, права и свободы». Неправда, что «правительство отказало въ удовлетвореніи этихъ требованій, и что оно будто бы обнаружило *явное пренебреженіе* къ интересамъ народа и т. п.» Это краснорѣчіе для митинговыхъ эффектовъ. Можно было не повѣрить правительству и заподозрить, что его согласіе при обсужденіи конкретныхъ законовъ будетъ, если не взято назадъ, то сведено къ нулю. Такое подозрѣніе было позволено. Но заявлять «передъ лицомъ страны», будто правительство *во всемъ отказало* — безцеремонная и явная неправда.

Конечно въ современной партійной борьбѣ многіе такъ поступаютъ. Клеветать на противниковъ, дѣлать самимъ то, что въ нихъ осуждали, голосовать противъ своихъ же законовъ, когда ихъ предлагаютъ изъ противнаго лагеря — шаблонные пріемы теперешнихъ демократій. Вѣрнѣе, они ихъ извращеніе,

почему «демократія» и «парламентаризмъ» и переживаютъ пока заслуженный кризисъ.

Въ укрѣпившихся, привычныхъ режимахъ съ ними мирятся какъ съ неизбѣжной оборотной стороной всякаго строя. Но у насъ было еще не такъ. Мы къ этому строю лишь приближались; его идеализировали, противопоставляли его органическимъ недостаткамъ Самодержавія. Мы знали о немъ лишь по наслышкѣ, цѣнили въ немъ то, что было въ немъ *лучшаго.* Онъ былъ покрытъ для насъ идеалистической вѣрой. И когда онъ въ первый же день показывалъ себя неправдой, самоувѣренностью и хвастовствомъ — это былъ моральный ударъ, который онъ самъ себѣ наносилъ въ глазахъ не испорченныхъ политиканствомъ обыкновенныхъ людей. Такое поведеніе «конституцію» компрометировало.

И я возвращаюсь къ вопросу: кто же въ этотъ день былъ побѣдителемъ?

Заключительная формула перехода была предложена трудовиками, депутатомъ Жилкинымъ. У меня, жившаго въ тѣ дни въ деревнѣ, осталась въ памяти статья Рожкова, который доказывалъ, что все значеніе этого дня было именно въ томъ, что *лидерство Думы перешло отъ кадетъ къ трудовикамъ.* Винаверъ разоблачилъ эту неправду; формула перехода составлялась на очень расширенномъ совѣщаніи кадетъ съ трудовиками, причемъ на одномъ изъ такихъ совѣщаній Милюковъ предсѣдательствовалъ. Лишь по случайности, а можетъ быть съ умысломъ, Жилкинъ эту общую формулу внесъ *отъ себя одного,* и подкрѣпилъ этимъ легенду объ измѣненіи «лидерства» (*).

Но въ этой внѣшней неправдѣ былъ внутренній смыслъ. Истинными побѣдителями въ этотъ день дѣйствительно были трудовики. Если принятіе адреса было побѣдой «тактическаго» искусства кадетъ, только дурно направленнаго, то на засѣданіи 13 Мая по всей линіи торжествовала *трудовицкая* идеологія. Кадеты говорили *трудовицкія* рѣчи. Они вдохновлялись революціоннымъ пафосомъ и превратили на этотъ день Думу въ органъ «революціонной стихіи». Они сдѣлали выборъ, передъ которымъ до тѣхъ поръ отступали. Отъ ихъ конституціонности и государственности ничего не осталось. Въ этомъ засѣданіи Дума была орудіемъ одной Революціи. Таковъ былъ *кадетскій* отвѣтъ на примирительную декларацію Министерства.

---

*) Самъ Милюковъ въ «Русскихъ Запискахъ» (Іюнь) признаетъ, что онъ «намѣренно склонилъ собраніе въ пользу принятія формулы предложенной трудовиками». Смысла этого тактическаго шага онъ однако не поясняетъ.

ГЛАВА VIII.

Намѣренія правительства въ отвѣтъ на конфликтъ.

Засѣданіе 13 Мая обнаружило отсутствіе шансовъ для совмѣстной работы этой Думы съ правительствомъ. Послѣ него Дума существовала 2 мѣсяца, но оправиться отъ удара, который она себѣ въ этотъ день нанесла, она не смогла.

Конечно, задача оставалась все та-же; мирный переходъ отъ сословной Самодержавной Россіи къ *конституціонной* монархіи. Если бы эта задача была вообще неосуществимой, оставались бы только два выхода: возстановленіе Самодержавія, или Революція съ ея послѣдствіями. Черезъ 11 лѣтъ такъ и вышло. Но за эти годы продолжались попытки разрѣшить эту задачу. Они представляли различныя комбинаціи тѣхъ же силъ; старой государственной власти, которая то уступала, то наступала, революціонныхъ партій, которыя не клали оружія, и либеральной общественности, которая продолжала колебаться между властью и Революціей. Но эта задача никогда уже не представилась въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ въ 1-й Думѣ.

Никогда послѣ Государь не шелъ такъ легко на уступки. Личность Государя сложнѣе, чѣмъ она казалась и ревнителямъ и врагамъ его памяти. Я не берусь судить о лицѣ; беру лишь его *дѣйствія*. При открытіи Думы онъ во всемъ шелъ ей навстрѣчу. Онъ привѣтствовалъ въ лицѣ избранной Думы «лучшихъ людей»; не упомянулъ своего законнаго титула «Самодержавіе»; обѣщалъ охранять Основные Законы и призвалъ Думу къ совмѣстной съ собой работѣ надъ «обновленіемъ нравственнаго облика русской земли». Желаніе Государя наладить нормальныя отношенія съ Думой не исчезло ни послѣ адреса, ни даже послѣ конфликта Думы съ правительствомъ. И послѣ Государь шелъ на уступки такъ далеко, какъ ожидать было трудно. Переговоры объ образованіи думскаго Министерства показываютъ, что онъ и тогда еще вѣрилъ въ зрѣлость русской общественности. Сама Дума *заставила* себя распустить. Но послѣ роспуска отношеніе Государя къ либерализму перемѣнилось. И не потому, что исчезъ его страхъ передъ Революціей, чѣмъ наши лидеры старались оправдать свою прежнюю тактику. Въ немъ явилось разочарованіе въ *лояльности* либерализма. Могло ли быть иначе? Когда тѣ самые люди, съ которыми шли переговоры объ образованіи изъ нихъ министерства, не исклю-

чая и Предсѣдателя Думы, *могли* подписать Выборгскій Манифестъ, это такъ же противорѣчило всѣмъ ихъ заявленіямъ, какъ захватъ Чехіи и Албаніи рѣчамъ Гитлера и Муссолини на Мюнхенскомъ Совѣщаніи. Вѣрить въ лояльность либерализма Государь больше не могъ. «Въ политикѣ нѣтъ мести, но есть послѣдствія» — сказалъ какъ-то Столыпинъ; они и сказались тогда, когда испорченное первою Думою дѣло старались поправить другіе.

Но было и другое послѣдствіе неудачи перваго опыта. Задача примиренія власти съ либеральной общественностью перешла въ менѣе подходящія руки. Какъ ни велики были ошибки кадетъ, они были несомнѣнно *либеральной* партіей и *хотѣли* нужныхъ реформъ. Но ихъ тактика толкнула направо не только правительство, но и значительную часть либеральнаго общества. Родилось то сложное настроеніе, которое въ общежитіи называлось «кадетоѣдствомъ». Подъ знакомъ этого настроенія выдвинулась на первый планъ *прежняя* октябристская партія. Это ее и сгубило. Въ нее охотно стала входить чистая «реакція», только чтобы бороться съ *кадетами*. Реакціонный привѣсокъ еще больше мѣшалъ октябристамъ, чѣмъ кадетамъ мѣшали связи ихъ съ Революціей. Роль Гучкова, ибо на него легла упущенная кадетами миссія, была одновременно затруднена и упадкомъ довѣрія къ обществу со стороны Государя и упадкомъ либерализма въ средѣ его собственной партіи.Это было послѣдствіемъ той-же неудачи перваго опыта.

Было еще третье послѣдствіе. Въ день открытія Думы *враги* конституціи были принуждены притаиться; задѣвать Думу значило бы тогда задѣвать Государя. Но когда Дума приняла свой вызывающій адресъ, настоящіе реакціонные элементы подняли головы. Программа ихъ дѣйствій была теперь установлена недавнею практикой. Какъ въ 1904 году по странѣ поднялась адресная и банкетная кампанія «противъ Самодержавія», такъ въ 1906 году началась кампанія телеграммъ *противъ Думы*. Она была организована, имѣла руководителей въ высшихъ сферахъ, пособниковъ среди мѣстныхъ и центральныхъ властей. Эти пособники находились на самыхъ верхахъ, если подобныя телеграммы на Высочайшее имя стали печататься въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».Лояльная позиція Думы въ *первые дни* сдѣлала бы подобную кампанію *невозможной*; она оказалась бы тогда направленной противъ *законнаго* строя. Когда же сама Дума этого строя не признавала, телеграммы получили *иной* характеръ; они защищали законный порядокъ противъ *революціонной* угрозы. Конституціоналистамъ въ правительствѣ стало труднѣе давать имъ отпоръ. Государь имъ сначала тайно, а потомъ явно сочувствовалъ. Политически это было ошибкой, но психологически совершенно понятно. Въ моментъ угрозы извнѣ, союзниковъ вообще не отталкиваютъ. Реабилитація чистой реакціи была однимъ изъ послѣдствій остроумной тактики либерализма.

Конечно, это обнаружилось только позднѣе; Думѣ нельзя

было ставить въ упрекъ, что всего она не предвидѣла. Но все-таки, почему ея лидеры торжествовали «побѣду»? Этотъ оптическій обманъ характеренъ. Наши «политики» такъ далеки были отъ дѣйствительной жизни, что судили о ней по себѣ. То, что казалось успѣхомъ въ *своей* маленькой кучкѣ, принимали за радостное событіе для цѣлой «страны». А кромѣ того кадеты такъ свыклись съ жизнью и нравами передовыхъ политически странъ, что внѣшнюю сторону парламентарныхъ режимовъ стали считать самымъ главнымъ. «Борьба» оппозиціи и правительства, захватъ министерскихъ портфелей, низверженіе «кабинетовъ», властный парламентъ, который подчиняетъ себѣ все управленіе. преобладаніе партій, роль прессы, словомъ та извращенная атмосфера, которая лежитъ въ основѣ современнаго «кризиса демократій», была въ ихъ глазахъ признаками *здоровой* политической жизни. Они ее къ намъ старались ввести съ ея терминологіей. Этимъ объяснялась ихъ непонятная для простыхъ обывателей тактика. Не страна не доросла до конституціи, не рядовые люди еще не годились для правового порядка; руководители были для Россіи *слишкомъ изощрены и учены.* Обновленіе Россіи они искали черезъ очки парламентскихъ битвъ и успѣховъ, и не хотѣли взглянуть, *что* приносили эти ихъ успѣхи *странѣ.* Этимъ объяснялся тотъ восторгъ, въ который они приходили отъ первыхъ шаговъ своей Думы. Вотъ какъ 30 Мая описывалъ Милюковъ побѣды перваго мѣсяца:

«Отъ самоувѣренности и авторитета власти — что осталось послѣ этого перваго мѣсяца? Первый же ударъ, такъ хитро, казалось, разсчитанный знатоками этикетныхъ мелочей, только вывелъ ихъ самихъ изъ равновѣсія — и пришелся по пустому мѣсту. Ихъ искусство государственнаго управленія, ихъ дѣловая опытность — въ какомъ свѣтѣ предстала она передъ всѣмъ свѣтомъ въ ихъ отвѣтной программѣ? И глубина ихъ камеральныхъ познаній — какъ скоро обнаружилось въ ней дно при первомъ легкомъ дуновеніи парламентской и газетной критики. И, наконецъ, вотумъ недовѣрія, придавившій министерство всей тяжестью публичнаго осужденія 130 милліоновъ народа. Только мѣсяцъ прошелъ, — *и министерство лежитъ поверженное и подняться не можетъ;* и замѣтьте министерство ничего изъ рукъ вонъ преступнаго еще не успѣвшее совершить и отягощенное, главнымъ образомъ, связью со своими и чужими прошлыми преступленіями...»

«Теперь всѣ безъ исключенія поражены отсутствіемъ плана у власти, стройностью плана у Думы, и всѣ настоятельно требуютъ, вслѣдъ за Думой, отставки дискредитированнаго передъ страной и абсолютно лишеннаго всякихъ государственныхъ талантовъ министерства.....»

Если находить, что вотумъ Думы свалилъ министерство, что оно лежитъ «поверженное» и «подняться не можетъ» — то почему побѣду не праздновать? Но какъ такая картина была далека отъ дѣйствительности! Очевидно партійная пресса и

партійные восторги не меньше лести придворныхъ ослѣпляютъ глаза и способны вводить въ заблужденіе. Вѣдь въ эти самые дни блестящей «побѣды» надъ правительствомъ, «поверженная и безсильная» власть рѣшала вопросъ о немедленномъ роспускѣ Думы. Всегда точный гр. Коковцевъ рисуетъ, что тогда дѣлалось въ лагерѣ «побѣжденныхъ». (*). Тамъ не было ни одного человѣка, который бы не пришелъ къ заключенію о невозможности дальнѣйшей совмѣстной работы съ подобною Думой; никто не сомнѣвался и въ томъ, что роспускъ пройдетъ благополучно, что для него у власти было достаточно силъ, что думская угроза народнымъ возстаніемъ есть блефъ или иллюзія. Но *сторонники* конституціи съ роспускомъ не хотѣли спѣшить. Самъ Государь показалъ болѣе проницательности, чѣмъ нѣкоторые передовые общественники. Воспоминанія С. Е. Крыжановскаго передаютъ любопытную сценку. Витте какъ-то сталъ увѣрять Государя, будто Дума ему будетъ опорой. Онъ съ досадой отвѣтилъ: «не говорите мнѣ этого, С. Ю. Я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага; но утѣшаю себя мыслью, что мнѣ удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезна для того, чтобы въ будущемъ обезпечить Россіи путь спокойнаго развитія, безъ рѣзкаго нарушенія тѣхъ устоевъ, на которыхъ она жила столько времени». Если это воспоминаніе точно и если слова Государя не простая бутада, это показываетъ, что онъ лучше судилъ положеніе, чѣмъ наша общественность. Она Государя старалась увѣрить, что народное представительство *сразу* успокоитъ Россію. Государь лучше понялъ, что это совершится *нескоро* и не безъ долгой борьбы. Первые же двѣ недѣли показали ему, что если конституція для Россіи и благо, то первая Дума успокоенія, къ несчастью, не хочетъ и что ея руководители *не къ этому* ее направляютъ.

Но сторонники конституціи въ лагерѣ власти, несмотря на все, это правильно находили, что *главнаго* опыта еще сдѣлано не было. Примиреніе правительства съ Думой могло состояться только на почвѣ дѣловой, конституціонной *работы*. А между тѣмъ къ ней еще не приступали. Ни одного закона правительство не внесло. Былъ кадетскій аграрный законопроектъ, но къ обсужденію его раньше мѣсяца перейти было нельзя. По необходимости первые думскіе дни оказались посвященными высокимъ матеріямъ, адресу и тѣмъ идеологическимъ спорамъ, въ которыхъ согласія быть не могло и гдѣ оно практически не было нужно. Отрезвить Думу могла только *дѣловая* работа. Только *она* могла открыть Думѣ глаза. Этотъ шансъ и надо было дать Думѣ прежде, чѣмъ ее распускать. Этимъ объясняется отсутствіе рѣзкой реакціи на агрессивную формулу перехода.

Было и другое основаніе къ этому. Если либерализмъ былъ

***) Коковцевъ. — «Воспоминанія», стр. 183, 184.**

***) С. Крыжановскій. стр. 66.**

смѣшенъ въ своей увѣренности, будто онъ одержалъ *побѣду*, то правительство несомнѣнно въ этотъ день провалилось. Оно оказалось не на высотѣ положенія и на несправедливыя нападки не сумѣло отвѣтить. Недаромъ у него въ этотъ день и въ Думѣ не оказалось защитниковъ. Когда на трибуну вошелъ гр. Гейденъ, который сдѣлалъ своей спеціальностью обличать эксцессы Думы, то и онъ отъ этого министерства *отрекся*. Это его неожиданное заявленіе было встрѣчено «громомъ аплодисментовъ». Заявленіе гр. Гейдена было сдѣлано въ концѣ засѣданія. Трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что оно было вызвано не столько деклараціей, сколько *поведеніемъ* министерства въ самомъ засѣданіи. Роспускъ Думы въ *этотъ* моментъ, при *томъ* же правительствѣ могъ быть истолкованъ неправильно и извратить перспективу. Было выгоднѣе ждать болѣе удачнаго времени, а до этого попробовать съ Думой работать.

Въ рѣшеніи попробовать съ Думой работать задней мысли однако не заключалось. Во время второй Г. Думы правительство предоставило ей по своему выраженію «гнить на корню» и было бы радо дождаться, чтобы эта Дума дала для своего роспуска *поводъ*; оно предпочло бы не прибѣгать къ недостойной провокаціи съ «заговоромъ». Ничего подобнаго не было въ его отношеніи къ 1-ой Думѣ. Власть искренно надѣялась, что Дума перестанетъ *играть* въ Революцію. Она оставалась на той же позиціи, которую заняла съ перваго дня, 27 Апрѣля.

Такъ, несмотря на свои ошибки, Дума новый шансъ получила. Было еще возможно поправиться. Но для этого шанса положеніе было для Думы уже испорчено. Ей было легко съ первыхъ же дней *за работу* приняться; у нея многіе законопроекты были готовы. Обойти по соглашенію съ правительствомъ мѣсячный срокъ трудности не представляло; вѣдь и безъ соглашенія съ нимъ его обошли въ аграрномъ законопроектѣ, и правительство своимъ участіемъ въ преніяхъ на этотъ обходъ свою санкцію дало. Но послѣ заявленій, которыя сдѣлала Дума въ засѣданіи 13 Мая, работа съ этимъ правительствомъ для Думы была непослѣдовательностью, похожей на «отступленіе». Ея положеніе послѣ конфликта было хуже, чѣмъ у правительства. Не правительство начало; оно могло, не роняя себя, продолжать съ Думой работать, а на вотумъ 13 Мая смотрѣть спокойно, какъ старшіе смотрятъ на выходку расшалившихся школьниковъ.

Дума *такъ* смотрѣть не могла. Вѣдь она *потребовала* отставки министерства. Послѣ выступленія Стишинскаго и Гурко по аграрному законопроекту, деп. Онипко въ засѣданіи 23 Мая протестовалъ, что Предсѣдатель предоставилъ имъ слово. «Послѣ того какъ Гос. Дума выразила недовѣріе министерству, говорилъ онъ, и выразила желаніе, чтобы оно немедленно подало въ отставку, я считаю, что Государственная Дума не должна была считать представителей Министерства своими людьми, а посторонними». Мысль выражена нескладно; формально она и незаконна,Но для Думы, которая не признавала

конституціи безъ парламентаризма, которая сочла себя в правѣ *потребовать* удаленія *Министерства* — работа съ нимъ послѣ 13 Мая дѣлала ея предшествующій вотумъ уже *несерьезнымъ.* Надо было или на немъ настоять, прекратить общеніе съ Министерствомъ и *вынудить* роспускъ; либо приходилось поневолѣ переносить *униженіе.* Это было расплатой за легкомысленную тактику первыхъ недѣль.

Но главная трудность для новаго дѣлового испытанія Думы была въ самомъ *составѣ* думскаго «большинства», такъ называемаго «оппозиціоннаго блока».

Законодательная работа въ Думѣ могла быть только дѣломъ кадетъ. Хотя органическую работу «изъ тактики» они отвергали, но къ ней все же готовились. У нихъ было подготовлено нѣсколько законопроектовъ. Какъ и самая ихъ конституція они доказывали трогательное незнакомство съ жизнью; можно было порадоваться, что существовала 2-ая Палата, чтобы придать имъ человѣческій видъ. Для этихъ реформъ, сотрудничество Думы съ исторической властью было полезно.

Но на этой работѣ кадеты должны были неминуемо столкнуться съ трудовиками и общій фронтъ оппозиціи грозилъ развалиться. Дѣловой работы въ Думѣ трудовики *не* хотѣли. Они пользовались ею только затѣмъ, чтобы подымать революціонное настроеніе. Относительно кадетъ они держались той же тактики, какой кадеты относительно власти. Имъ всегда всего было *мало.* Кадетскіе законопроекты о печати и о собраніяхъ были прозваны «каторжными». Когда кадетскій законопроектъ о собраніяхъ передавался въ Комиссію, трудовики голосовали *противъ* его передачи, какъ совершенно негоднаго.

Они оснащали законопректы поправками, которыя противорѣчили конституціи, но противъ которыхъ кадетамъ голосовать было трудно. То трудовики предлагали принять законопроектъ о смертной казни, *не выжидая* конституціоннаго мѣсячнаго срока; то по продовольственному вопросу предлагали образовать при Думѣ продовольственный комитетъ и взять *продовольствіе*, т. е. исполнительную власть, въ *свои* руки; то по аграрному вопросу предлагали созданіе *мѣстныхъ комитетовъ*, избраніе ихъ по 4-хвосткѣ для подготовки и проведенія будущей земельной реформы.

Съ *своей* точки зрѣнія во всемъ этомъ трудовики были правы; такъ явочнымъ порядкомъ создавалась бы «революціонная ситуація». Но во всемъ этомъ кадеты имъ *возражали*, вступались за конституцію. За это трудовики подвергали ихъ оскорбленіямъ; ихъ винили въ «измѣнѣ», въ «предательствѣ интересовъ народа», въ «парламентскомъ кретинизмѣ». Обнаруживалась основная трещина ихъ раздѣлявшая, водораздѣль между конституціонной и революціонной тактикой. Если бы кадеты сразу на свою новую позицію стали, то не только нельзя было бы говорить объ измѣнѣ, но не было бы сдѣлано тѣхъ первыхъ ложныхъ шаговъ, которые приходилось теперь искупать. Но кадеты поторопились заявить объ «единствѣ всей оппозиціи»

и ради нея 13 Мая взять рѣзкую трудовицкую ноту. Теперь имъ приходилось противорѣчить себѣ и, принявъ предпосылки, отступать передъ выводами. Конечно, *это* они себѣ вмѣняли въ заслугу. Милюковъ отмѣчаетъ въ «Рѣчи» 30 Мая:

«Кадеты диференцируются отъ «крайней лѣвой» и въ то же время импонируютъ правительству. Ихъ сила растетъ по мѣрѣ того, какъ выясняется ихъ независимая политическая роль. Конечно, сила эта исключительно въ ихъ моральномъ авторитетѣ и въ той идеѣ организованной борьбы парламентскими средствами, которую они осуществляютъ».

Но не такъ легко рвать заключенный союзъ. Послѣдній абзацъ Милюкова объ эмансипаціи отъ «крайней лѣвой» тотчасъ возбудилъ подозрѣніе трудовиковъ; Жилкинъ въ нихъ чуетъ «измѣну». Его статьи у меня не имѣется. Но 3 Іюня Милюковъ ему отвѣчаетъ:

«Г. Жилкинъ полагаетъ, что, говоря о нашей «дифференціаціи» отъ крайнихъ лѣвыхъ партій, мы измѣняемъ своему прошлому и что «раньше» мы говорили другія рѣчи. Мы говорили, что пока главный врагъ народа не поверженъ въ прахъ и не раздавленъ, нужно всѣмъ оппозиціоннымъ силамъ сплачиваться, объединяться въ одну общую грозную, несокрушимую силу. Ну, да, мы не только это говорили «раньше», но, говоримъ и теперь и будемъ повторять впередъ. Значитъ ли это, что мы призываемъ къ объединенію на почвѣ тактики, которая забываетъ о «главномъ врагѣ» или еще больше главнымъ врагомъ считаетъ насъ самихъ...........

«Г. Жилкинъ ядовито иронизируетъ надъ нашей «пріятной надеждой на уваженіе», «треповской и горемыкинской компаніи», надъ тѣмъ, что въ этой «надеждѣ на близкое уваженіе», мы «возводимъ очи кверху». Едва ли мы заслужили эти инсинуаціи и этотъ тонъ».

Жизнь свое брала. Какъ бы кадеты ни старались увѣрить, что они продолжаютъ *прежнюю* линію, что она не мѣняется, это было только литературнымъ пріемомъ. Благодаря первому ложному шагу, теперь приходилось правду скрывать, притворяться обиженнымъ, вести переговоры въ *секретѣ* отъ своихъ же союзниковъ.

Какъ бы то ни было, Думѣ, т. е. кадетамъ, хотя и въ трудныхъ условіяхъ, былъ данъ новый *шансъ*: оставивъ идеологическія препирательства съ властью, попробовать вмѣстѣ съ ней *работать* въ законодательной области. Здѣсь они могли показать свои преимущества и достоинства. Изъ всѣхъ сферъ Думской дѣятельности эта было для нихъ самая подходящая. Посмотримъ, какъ они съ нею справились.

ГЛАВА IX

Характеръ законодательной дѣятельности Думы.

Результаты законодательной работы Думы, какъ извѣстно, оказались очень скудны. Только *одинъ* правительственный законопроектъ о продовольственной помощи былъ экстренно разсмотрѣнъ двумя комиссіями, внесенъ изъ нихъ въ Думу съ поправками, несмотря на возраженія правительства противъ поправокъ, принятъ съ ними въ пленумѣ Думы, потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденъ Государемъ. Къ слову сказать, этотъ эпизодъ показываетъ, какъ Дума была тогда далека отъ полнаго безсилія, на которое жаловалась, и какъ Государственный Совѣтъ могъ ей не мѣшать.

Но этотъ законъ былъ единственнымъ, который прошелъ до конца. Былъ еще принятъ *одной только Думой* декларативный и технически никуда не годный законъ о смертной казни. Но кромѣ этого за 73 дня Думой ничего окончено не было. На это было нѣсколько главныхъ причинъ. Мелкими законопроектами, по позднѣйшему хомяковскому выраженію «вермишелью», Дума принципіально не хотѣла заниматься. Когда въ нее внесли законопроекты объ «оранжереѣ» и «прачешной» она обидѣлась. Крупные же законопроекты требуютъ для разсмотрѣнія въ неопытномъ учрежденіи много времени. Это въ порядкѣ вещей. Но главная причина была все же не въ этомъ.

Правительство внесло въ Думу немало законопроектовъ, не только большой практической важности, но для Думы желательныхъ; законопроектъ «о мѣстномъ судѣ», о «расширеніи крестьянскаго землевладѣнія», о «крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ», и др. Дума могла ихъ принять, передѣлать или отвергнуть. Но она предпочла вовсе ихъ не разсматривать, не сдавать даже въ Комиссіи. Только позднѣе, когда Наказъ установилъ двѣ «постоянныхъ комиссіи» — бюджетную и финансовую, Дума стала автоматически передавать въ нихъ *тѣ* законопроекты правительства, которые къ этимъ комиссіямъ подходили. Остальные продолжали лежать безъ движенія. Создалась «обструкція» или просто «заторъ».

Помню, какъ Витте жаловался, что авторы конституціи этого «злоупотребленія» не предвидѣли, не указали опредѣленнаго срока, въ который Дума должна была законопроектъ разсмотрѣть, иначе бы онъ становился закономъ. Не одна *наша* конституція образованія законодательныхъ залежей не

предусматривала. Медлительность парламентскихъ законодательныхъ работъ есть явленіе общее. Изъ нея на Западѣ ищутъ экстренныхъ выходовъ, напр., decrets-lois. У насъ этому же помогала благодѣтельная 87-ая статья; ее съ небольшой натяжкой можно было распространять на подобные случаи. Пользованіе этой статьей опасности для правъ Думы не представляло. Но депутаты все же негодовали, будто это дѣйствительно *права* ихъ нарушало.

Но въ 1-й Думѣ дѣло было не въ естественной и преходящей медлительности парламентской работы. Медлительность была и недопустимою «тактикой». Дума систематически не давала хода проектамъ правительства, хотя была создана главнымъ образомъ для разсмотрѣнія ихъ. Во всякомъ парламентѣ законодательная иниціатива самого парламента стоитъ на второстепенномъ мѣстѣ. У насъ было другое. Уже составляя адресъ Дума считала, что она *замѣняетъ* правительство; такъ и послѣ она только *свои* проекты соглашалась разсматривать. Министерство довѣрія ея не имѣло и она работать съ нимъ не хотѣла.

Благодаря этому кадеты монополизировали всю законодательную функцію Думы; она оказалась посвященной разсмотрѣнію только ихъ собственныхъ законопроектовъ. Казалось бы хоть это могло пойти быстро. У кадетъ законопроекты были готовы давно; у нихъ были первоклассные политики и юристы; Дума считалась единодушной. Законодательная работа могла, казалось бы, идти безъ задержекъ. И тѣмъ не менѣе за 73 дня ничего изъ комиссій не вышло. Чтобы это понять, посмотримъ условія, въ которыя Дума сама свою работу поставила.

Какъ во всемъ кадеты и въ своей медлительности обвиняли правительство; оно де сочинило такую конституцію, которая Думѣ мѣшала показать свою работоспособность. Статьи 55-57 Учред. Гос. Думы объ думской иниціативѣ были по ея мнѣнію искусственнымъ тормазомъ. Это шаблонное обвиненіе было провѣрено практикой. Названныя статьи забронированы не были; Дума имѣла возможность ихъ измѣнить. Кадеты и внесли для этого спеціальный законопроектъ 23 Мая; изъ него можно увидѣть, чего они добивались. Опытъ былъ сдѣланъ даже полнѣе. Не дожидаясь, чтобы этотъ проектъ сталъ закономъ, Дума стала явочнымъ порядкомъ примѣнять свои новыя правила. Помѣшать не могъ ей никто, кромѣ ея Предсѣдателя. Но онъ подчинялся кадетамъ и не препятствовалъ. Итакъ опытъ былъ сдѣланъ. Посмотримъ, въ чемъ онъ заключался и къ чему онъ привелъ. Это даетъ образчикъ *дѣлового* искусства кадетъ.

Тѣ, кто составляли Основные Законы, были умные люди и понимали, что законодательство *нелегкое* дѣло. Думской иниціативѣ они не мѣшали, но постарались эту работу ей *облегчить.* Для законодательной иниціативы достаточно было заявленія 30 человѣкъ. Нельзя отъ нихъ было требовать, чтобы они сами написали *законъ.* Это было бы имъ не по силамъ. Конституція и установила, что достаточно «основныхъ положеній» нова-

го закона. Иниціаторы могли ограничиться *этимъ* болѣе легкимъ дѣломъ. Если черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ эти основныя положенія будутъ сообщены подлежащимъ Министрамъ, Дума ихъ признавала желательными, то текстъ новаго закона составлялся правительствомъ, въ соотвѣтствіи съ положеніями, которыя *Дума одобрила*. Послѣ этого законопроектъ, уже составленный Министерствомъ, вносился на окончательное одобреніе Думы.

Правительство могло взглядовъ Думы на желательность «основныхъ положеній» не раздѣлить. Чтобы думской иниціативѣ и въ этомъ случаѣ не препятствовать, конституція оговорила право Думы *тогда* самой законъ написать, поручивъ это дѣло особой Комиссіи. Правительство должно было ей помогать. По ст. 40 Уч. Гос. Думы Дума могла обращаться къ правительству за сообщеніемъ всѣхъ нужныхъ ей данныхъ, относящихся къ дѣлу, которымъ она занималась.

Такъ была поставлена работа въ той думской комиссіи, гдѣ новый законопроектъ *«вырабатывался»*. Выработка законовъ, конечно, не дѣло *комиссій*; по условіямъ коллективной работы они способны *разсматривать*, а не вырабатывать. Но задача подобной Комиссіи была облечена тѣмъ во-первыхъ, что у проекта были иниціаторы, а во-вторыхъ тѣмъ, что Думой уже были предварительно приняты «основныя положенія», отъ которыхъ Комиссія очевидно не должна была отступать. Такъ Дума получила возможность имѣть для своей иниціативы содѣйствіе власти, если она съ Думою соглашалась, и право самой составить и провести законъ, если правительство его не хотѣло.

Если кто-нибудь долженъ былъ дорожить *этимъ* порядкомъ, то прежде всего сама Дума. Онъ облегчалъ ей работу. Онъ былъ полезенъ иниціаторамъ, отъ которыхъ требовалъ только «основныхъ положеній»; былъ полезенъ думскимъ Комиссіямъ, на которыхъ не возлагалось задачи коллективно законъ «сочинять» *неизвѣстно на какихъ основаніяхъ*. Трудно было болѣе продуктивно намѣтить основы *сотрудничества* между Думой и властью, сохраняя ихъ независимость. Предварительный же споръ объ «основныхъ положеніяхъ» законопроекта былъ доступенъ и Думѣ, и общественному мнѣнію, могъ дать почву для пониманія и соглашенія.

Этотъ порядокъ оказался настолько удобенъ, что выдержалъ испытаніе жизни. Послѣ І-ой Думы никто не пытался его измѣнить. Было подозрѣніе, будто правительство сможетъ имъ злоупотреблять. Оно де на словахъ согласится законопроектъ выработать, а этого дѣлать не станетъ; на обструкцію Думы, которая правительственныхъ законопроектовъ не хочетъ разсматривать, оно само отвѣтитъ обструкціей. Но жизнь ни разу не обнаружила признаковъ подобной обструкціи. Подозрѣнія оказались излишни.

И тѣмъ не менѣе первая Дума этимъ порядкомъ была недовольна. Она не могла допустить, будто она сама чего-то не

сможетъ, будто ей нужна помощь «гнилой бюрократіи». И кадеты внесли законопроектъ объ измѣненіи названныхъ ст. 55-57 Уч. Гос. Думы; его защищалъ первый подписавшій Винаверъ. Онъ такъ живописно его мотивировалъ: «предположенія, которыя были созданы при учрежденіи Думы, не соотвѣтствуютъ условіямъ дѣятельности Думы. Я увѣренъ, что наше предложеніе встрѣтитъ сочувствіе всей Думы, сочувствіе, направленное къ тому, чтобы Дума могла работать, не *теряя времени по-пусту*. Законъ изложенный въ Учрежденіи Гос. Думы былъ приспособленъ къ представленіямъ о Думѣ, какъ о безпомощномъ, безсловесномъ младенцѣ. Мѣсячный опытъ показалъ, что мы можемъ вносить законопроекты и обсуждать ихъ. Дума оказывается зрѣлымъ дѣтищемъ, а не младенцемъ. Она показала, что умѣетъ членораздѣльно говорить, она показала даже зубы». Тутъ, какъ полагается, Дума *зааплодировала*. Подобныя фразы она очень цѣнила.

Чѣмъ же хотѣли иниціаторы законодательную процедуру *ускорить?* Во-первыхъ, мѣсячный срокъ для отвѣта Министра замѣнялся «недѣльнымъ». Но конечно не мѣсячный срокъ задерживал Думу; она болѣе мѣсяца тратила на рѣчи о «направленіи». При обиліи дѣлъ и медленности думскихъ работъ мѣсячный срокъ проходилъ незамѣтно. «Ускореніе» заключалось въ уничтоженіи «системы двухъ обсужденій»; «сужденія о *желательности* основныхъ положеній и сужденія о готовомъ законопроектѣ». Иниціаторы находили, что сужденіе о «желательности» является лишнимъ, ибо оно не освобождаетъ Думу отъ вторичнаго обсужденія законопроекта въ томъ же объемѣ, по возвращеніи его изъ Комиссіи. Потому они и предложили «устранить» дѣленіе сужденій на двѣ стадіи и вносить въ Думу сразу готовый законъ, а не «основныя его положенія».

Этотъ порядокъ сталъ немедленно примѣняться; мы получили возможность судить о технической зрѣлости Думы, о томъ, какъ она «исправила» конституцію и какъ умѣла работу «ускорить».

Возьмемъ для примѣра первый по времени и по важности *аграрный законопроектъ*. Два года кадетскіе спеціалисты его разрабатывали. Онъ былъ готовъ еще до созыва Думы; оставалось его только внести, что они тотчасъ и сдѣлали, 8 Мая, въ первомъ же послѣ адреса засѣданіи. Вся кадетская пресса съ восторгомъ увидѣла въ этомъ подготовленность къ работѣ кадетъ.

Если бы кадеты шли законнымъ путемъ имъ надлежало бы формулировать и внести только «основныя положенія» этого законопроекта и мѣсяцъ ждать отвѣта Министра. Черезъ мѣсяцъ произошло бы при участіи Министерства обсужденіе и голосованіе желательности «основныхъ положеній». Если бы послѣ ихъ одобренія правительство отказалось вырабатывать законопроектъ на такихъ основаніяхъ, Дума могла сдѣлать это сама, поручивъ работу особой Комиссіи. Такая Комис-

сія не стала бы работать вслѣпую; она имѣла бы положенія одобренныя пленумомъ Думы.

Основныя положенія могли показаться настолько сложными или спорными, что Дума могла не захотѣть сразу обсуждать даже *ихъ* въ общемъ собраніи, а предпочла бы, чтобы они тоже *предварительно* были разсмотрѣны въ какой-либо Комиссіи. Это было ея полное право; созданіе предварительныхъ Комиссій для разсмотрѣнія «основныхъ положеній» зависѣло лишь отъ нея. Послѣ доклада подобной Комиссіи произошло бы все-таки голосованіе желательности «основныхъ положеній». Къ этому сроку протекъ бы и мѣсяцъ, который конституція предоставила Министерству. Онъ для Думы потерянъ бы не былъ. Послѣ I-й Думы такой порядокъ сталъ нормальнымъ явленіемъ.

Но кадеты не хотѣли идти конституціоннымъ путемъ. Готоваго аграрнаго законопроекта они не внесли; онъ былъ имъ не подъ силу. Они внесли «основныя положенія». Но они хотѣли перескочить черезъ стадію ихъ голосованія Думой, не хотѣли содѣйствія министерства для написанія законопроекта, и предпочли сразу поручить *составленіе* закона думской Комиссіи. Ихъ законопроектъ заканчивался такими словами: «предлагаемъ избрать Комиссію изъ 33 членовъ для разработки и внесенія въ Думу законопроекта по земельному дѣлу и просимъ передать въ эту Комиссію, *какъ матеріалъ*, настоящую записку».

Можно ли было нарочно придумать что-либо болѣе неуклюжее? Не будемъ считаться съ тѣмъ, что это нарушало Учрежденіе Гос. Думы. Но вѣдь этимъ путемъ «законодательная иниціатива» была замѣнена простымъ доставленіемъ «матеріала». А главное, что же должна была дѣлать Комиссія? Передъ ней не было одобренныхъ Думой основныхъ положеній. Она должна была сама законопроектъ *сочинять*, на основаніи пре доставленнаго ей *разнообразнаго матеріала*. Черезъ двѣ недѣли послѣ кадетской аграрной записки въ нее переданъ былъ другой матеріалъ: законопроектъ трудовиковъ (104-хъ). Вслѣдствіе этого, число членовъ Комиссіи съ 44 увеличили до 96 человѣкъ. 6 Іюня въ Думу вносится еще новый законопроектъ (33-хъ) *тоже* какъ матеріалъ. Кадеты , наконецъ, возопили; при такой системѣ *работать* нельзя. Кромѣ того послѣдній законопроектъ съ его первой статьей — «всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго Государства совершенно уничтожается» — такъ своеобразенъ, что Дума не можетъ къ нему присоединиться передачей законопроекта въ Комиссію. Но это уже совсѣмъ непослѣдовательно. Жилкинъ справедливо спросилъ: «а развѣ передача первыхъ двухъ законопроектовъ въ Комиссію хоть сколько-нибудь означала ихъ одобреніе? Дума по существу о нихъ вовсе не имѣла сужденія. Почему же для законопроекта 33-хъ исключеніе»? Возраженіе правильно. Но кадеты все-таки послѣдній законопроектъ даже,какъ матеріалъ, отвергаютъ. Оффиціально въ Комиссію онъ не передается; это неважно; въ ней все равно сидятъ и его сторонники.

Они его отъ себя подымутъ уже при работѣ Комиссіи. Немудрено, что въ результатѣ такого «ускоренія» оказалось, что когда въ засѣданіи 26 Іюня освѣдомились о состояніи работъ въ аграрной Комиссіи, то ея Предсѣдателю пришлось доложить, что «Комиссія разсмотрѣла тѣ разряды земель, которые подлежатъ передачѣ трудовому населенію, но далѣе этого никакихъ положительныхъ основъ она указать не можетъ».

Естественно, что при такой системѣ работъ все застрѣвало въ Комиссіяхъ. Сдача въ Комиссію стала избавлять и Думу, и иниціаторовъ проекта отъ всякой работы и всякой отвѣтственности. Она сдѣлалась классическими «похоронами по первому разряду». Что могло выйти изъ коллективной работы Комиссіи, которой давали заказъ выдумать *какой-то* проектъ?

Добро бы сами Комиссіи были немноголюдны, состояли изъ спеціалистовъ и техниковъ. Они тогда можетъ быть и могли бы что-нибудь сочинить. Но такъ какъ въ основу ихъ работъ клался сырой матеріалъ, Думой не обсужденный и не одобренный, то Комиссія поневолѣ должна была представлять собою микрокосмъ самой Думы, соотвѣтствовать партійнымъ ея группировкамъ. Вѣдь Комиссія не разсматривала, а *сочиняла.* Всѣ направленія хотѣли быть въ такой Комиссіи представленными. Аграрная Комиссія состояла изъ 96 человѣкъ. Она была слишкомъ велика, чтобы работать, и слишкомъ мала, чтобы Думу собой замѣнить. Общественность наша, которая лучше бюрократіи должна бы была понимать условія коллективной работы, какъ будто нарочно избрала тотъ путь, на которомъ ничего сдѣлать было нельзя.

Одновременно съ возложеніемъ на Комиссію обязанности сочинять новый законъ, кадеты ввели порядокъ «преній по направленію». Это было рекордомъ «потери времени даромъ». Одно изъ двухъ: либо сдача въ Комиссію означаетъ принятіе Думой основныхъ положеній законопроекта, тогда *ихъ* нужно *обсуждать* и *голосовать* по существу. Такъ и гласитъ конституція (ст. 57 Учр. Гос. Думы). Или сдача въ Комиссію этого не означаетъ, законопроектъ передается въ нее для свободнаго разсмотрѣнія, и тогда никакихъ преній по направленію и ненужно. Можно обсудить, пожалуй, въ какую Комиссію передать, но и только. Думскій порядокъ отличается оъ митинга тѣмъ, что *безпредметныхъ* рѣчей въ ней не допускается; въ основѣ каждаго обсужденія должно лежать опредѣленное предложеніе, которое и голосуется. Дума поступила иначе. Подъ видомъ «преній по направленію» она обсуждала законъ *по существу*, хотя никакимъ голосованіемъ этого обсужденія не завершала. Это превратило ее, изъ работающаго учрежденія, въ митингъ. Черезъ нѣсколько дней депутаты это поняли сами. Началась массовая борьба съ навязаннымъ Думѣ порядкомъ. Думская зала пустѣла во время преній;никто не хотѣлъ такихъ ораторовъ слушать. Къ записавшимся ораторамъ обращались съ мольбою отъ слова своего отказаться; горячо аплодировали

тѣмъ, кто дѣйствительно отъ слова отказывался. Вотъ къ чему привело дѣловое искусство кадетъ.

У этого нелѣпаго порядка явилось потомъ оправданіе. Онъ былъ введенъ въ тѣ нѣсколько дней, когда пленуму Думы было нечего дѣлать. Кадеты подозрѣвали правительство въ томъ, будто оно хотѣло задушить Думу отсутствіемъ дѣла, обречь ее на «бездѣйствіе» и этимъ компрометировать ее въ глазахъ нетерпѣливаго населенія. Вотъ отъ этой опасности кадеты будто бы и спасли ее, выдумавъ пренія по направленію. Объ этомъ живописно разсказано въ «Конфликтахъ» Винаверомъ. Онъ назвалъ эти пренія по направленію «актомъ самозащиты въ борьбѣ зарождающагося и рвущагося къ дѣятельности учрежденія съ безнадежно тупымъ и злостнымъ правительствомъ». Если бы это было и такъ, то удивительно, что кадеты не поняли, что нѣсколько пропущенныхъ дней не такъ компрометировали Думу, сколько эти безпредметныя пренія. Въ данномъ случаѣ, леченіе было хуже болѣзни; это не свидѣтельствуетъ о большомъ искусствѣ врача. И здѣсь еще одно попутное наблюденіе. Этотъ остроумный порядокъ кадеты провели исподтишка, какъ заговорщики. Винаверъ разсказываетъ, какъ это произошло. Вотъ выдержка изъ «Конфликтовъ»:

«И въ первомъ же засѣданіи , когда этотъ планъ, направленный къ тому, чтобы вывести Думу изъ бездѣйствія и дать ей, вопреки стремленіямъ правительства, дѣловую работу законодательную, былъ примѣненъ на дѣлѣ, предсѣдатель Думы и совмѣстно съ нимъ создавшіе планъ руководители партіи народной свободы то и дѣло должны были брать слово, чтобы вновь ставить на рельсы все кренившуюся то направо, то налѣво телѣгу. Формально позиція была несомнѣнно шатка, отъ малѣйшаго строго-формальнаго замѣчанія вся постройка могла разлетѣться; необходимо было скорѣе проѣхать первую дистанцію, чтобы потомъ уже опираться на прецедентъ. — И я помню, съ какимъ замираніемъ сердца всѣ мы (Новгородцевъ, Набоковъ, Петражицкій и я) слѣдили за кажущимися нынѣ неинтересными и безцвѣтными, наивно-вопросительными замѣчаніями то гр. Гейдена, то Аладьина, то Кузьмина-Караваева, то безпартійнаго крестьянина Жуковскаго, каждое изъ которыхъ грозило, развернувшись, затопить нашу утлую ладью; какъ мы нервно вскакивали на кафедру, чтобы, поскольку можно, ихъ ублаготворить и въ дальнѣйшемъ напорѣ остановить, и какъ мы облегченно вздохнули, когда, наконецъ, добрались до момента, когда и Дума рѣшила, и гр. Гейденъ призналъ, что «говорить, выяснять сущность проекта всегда можно» (стр. 72).

Можетъ быть это необыкновенно тонко; но результатъ этой хитрости не сотвѣтствовалъ тонкости. И всего удивительнѣе роль Предсѣдателя. Его интересовалъ процессъ думской работы, формальная ея стройность. Онъ не могъ не понимать, что это предложеніе дѣлаетъ *митингъ* изъ Думы. И онъ все-таки уступалъ партійнымъ политикамъ. Къ ихъ предложенію

онъ присоединилъ свой авторитетъ Предсѣдателя. Онъ дошелъ до того, что успокаивая гр. Гейдена, далъ такое разъясненіе (12 Мая): «ничего голосоваться не будетъ; это только *первоначальный обмѣнъ мнѣній по поводу выбора Комиссіи, который для Комиссіи будетъ, смѣю думать, полезенъ».* Не Комиссія создавалась, чтобы быть полезной для работы въ пленумѣ Думы, а пленумъ Думы обмѣнивался рѣчами, чтобы быть полезнымъ Комиссіи. Муромцеву было лучше молчать, чѣмъ *такъ* покрывать безпорядокъ.

Всякій опытъ становится тогда особенно убѣдительнымъ, если его удается провѣрить обратнымъ испытаніемъ. Оно и было сдѣлано въ Думѣ кадетскимъ «законопроектомъ о собраніяхъ». О существѣ его, въ которомъ кадеты наиболѣе ярко столкнулись съ своими союзниками, говорить я не стану. Но любопытенъ *порядокъ* его «прохожденія».

Законопроектъ былъ внесенъ 30 Мая, т. е. уже послѣ того, какъ Думой, 23 Мая, было обсуждено предложеніе объ измѣненіи статей Учрежденія Думы о порядкѣ разсмотрѣнія новыхъ законовъ. Подъ обоими законопроектами стояли тѣ-же громкія кадетскія имена — Винаверъ, Шершеневичъ, Набоковъ и др. Они и примѣнили уже новыя правила къ законопроекту о «собраніяхъ». Потому прохожденіе *этого* законопроекта явилось практической провѣркой этихъ новыхъ порядковъ.

Законопроектъ и былъ внесенъ, какъ полагалось по новому, *въ окончательномъ видѣ*, а не въ видѣ *основныхъ положеній;* къ счастью законъ былъ несложенъ; въ немъ было всего 12 статей. Внести сразу законъ было бы безконечно труднѣе, если бы вопросъ былъ сложнѣе; но разъ иниціторы оказались способны на это — тѣмъ *лучше*. Испытаніе новыхъ порядковъ происходило въ *благопріятной* для нихъ обстановкѣ.

Благодаря этому дѣйствительно устранилась необходимость двухъ разсмотрѣній законопроекта, перваго — о желательности основныхъ положеній и второго — по существу. Законопроектъ можно было сразу разсматривать. Устранялась и ненужная для кадетъ помощь правительства, которое могло бы взять на себя составленіе текста соотвѣтствующаго одобреннымъ основнымъ положеніямъ. Минуя промежуточныя стадіи и сроки, создавалась Комиссія для разсмотрѣнія *уже готоваго* законопроекта передъ *единственнымъ* его обсужденіемъ въ Думѣ. Это было въ законопроектѣ формулировано такъ: «представляя на усмотрѣніе Думы проектъ закона о собраніяхъ и объяснительную записку, просимъ признать наше предложеніе спѣшнымъ и для разсмотрѣнія *его* избрать Комиссію» (*)

Законопроектъ былъ внесенъ 30 Мая, а 16 Іюня, т. е. до истеченія мѣсячнаго срока, началось его *обсужденіе*. Интересно, что Дума, находившая, что мѣсячный срокъ слишкомъ ве-

---

*) Эта формулировка соотвѣтствуетъ ст. 56 и 57 Уч. Г
не въ настоящемъ ихъ видѣ, а въ новой предложенной 23 Ма

ликъ, что довольно недѣли, сочла возможнымъ сама для «преній по направленію» ждать *3 недѣли*. Не ясно ли, что жалоба на мѣсячный срокъ была несерьезна? Для любителей тонкихъ юридическихъ споровъ любопытно спросить себя, что бы было, если бы на почвѣ этого антиконституціоннаго дѣйствія Думы возникъ конфликтъ между ней и правительствомъ? Дума могла *законъ свой принять*; но права правительства были бы нарушены и несоблюденіемъ срока и устраненіемъ обсужденія желательности основныхъ положеній; были бы нарушены и тѣмъ, что у правительства было отнято право составленіе закона взять на себя. И тѣмъ не менѣе правительство оказалось бы безсильно этому помѣшать. Не отъ него, а отъ Государственнаго Совѣта зависѣло бы разсматривать принятый Думой законопроектъ или нѣтъ. А если бы Гос. Совѣтъ его принялъ и представилъ его Государю,можно ли было допустить, чтобы Государь отказалъ въ его утвержденіи,по *процессуальнымъ* его недочетамъ? Такъ явочнымъ порядкомъ было бы санкціонировано нарушеніе конституціи. Но до этого не дошло, такъ какъ сама жизнь вступилась за здравый смыслъ.

16 Іюня открылись пренія по направленію. По мысли авторовъ новыхъ правилъ,пренія могли идти только о созданіи Комиссіи. Она получила бы готовый законопроектъ съ порученіемъ его разсмотрѣть; не *сочинять свой*, а *разсмотрѣть* уже готовый законопроектъ. Дума должна была рѣшить его судьбу, уже послѣ доклада Комиссіи. Работа была бы дѣйствительно этимъ *ускорена*.

Но дѣло пошло совершенно иначе. Хотя въ Думу были внесены не «основныя положенія», а готовый законъ, однако въ «объяснительной запискѣ» къ нему,авторы сочли полезнымъ указать тѣ «*начала*, которыя положены въ *основу* его». Иными словами, отвергаемыя Думой «основныя положенія», контрабандой выплыли на свѣтъ въ «объяснительной запискѣ». И когда 16 Іюня открылись пренія,якобы по передачѣ въ комиссію, на дѣлѣ стали спорить о «желательности этихъ основныхъ положеній», т. е. началось то самое первое обсужденіе, которое предписывала конституція, но котораго Дума допускать не хотѣла. Пренія и очень интересныя продолжались три засѣданія 16, 19 и 20 іюня. Въ нихъ приняли дѣятельное участіе лучшія кадетскія силы, главнымъ образомъ противъ М. Ковалевскаго. Ковалевскій присоединился къ трудовикамъ, которые считали, что «основныя начала» закона такъ плохи, что законопроектъ предлагали отвергнуть, *не передавая въ Комиссію.* Тутъ обнаружилась пропасть между кадетами и трудовиками, и кадетъ выручило иное, правое большинство. Оно и постановило передать законопроектъ въ Комиссію; этимъ оно одобрило *основныя его положенія.* Такъ жизнь насмѣялась надъ кадетскимъ ускореніемъ процедуры и вернулась къ порядку, который былъ конституціею установленъ. Остались тѣ-же *два* обсужденія, только подъ другимъ заглавіемъ. Да еще была разница въ томъ, что хотя очевидно по существу голосовали «основныя на-

чала» закона, но по формѣ *объ нихъ* голосованія не было; голосовалась только *передача въ Комиссію*; такимъ образомъ создавалась двусмысленность оставлявшая почву для спора.

Я не буду больше настаивать. Убѣдительный опытъ былъ сдѣланъ. Составители конституціи оказались искуснѣе въ организаціи думской работы, чѣмъ свѣтила нашей государственной юриспруденціи. Кадеты много бы выиграли, если бы вмѣсто того, чтобы сразу «исправлять» конституцію, попробовали толково *ее* примѣнять. И послѣ этого нельзя удивляться, что двухмѣсячная законодательная работа оказалась безплодной. Когда Винаверъ 23 Мая защищалъ проектъ измѣненія законодательной процедуры, онъ каламбурилъ, что Дума больше не младенецъ, что она «умѣетъ показывать зубы». Въ этой шуткѣ оказалась горькая правда. Дума еще не умѣла работать, но при всякомъ случаѣ порывалась «показывать зубы».

ГЛАВА X.

Главные думскіе законопроекты.

Какъ ни характерна для недостатковъ кадетъ та «законодательная процедура», которую они хотѣли ввести, она менѣе важна, чѣмъ существо ихъ законопроектовъ. Въ нихъ могъ бы обнаружиться кадетскій государственный смыслъ. Объ нихъ писалъ Милюковъ 30 Мая, что «всѣ безъ исключенія поражены отсутствіемъ плана у власти, стройностью плана у Думы».

Задача сама по себѣ была ясна. Въ нѣкоторые періоды исторіи *все* сводится къ *одной* главной реформѣ; остальное приложится. Такъ въ 60-хъ годахъ добивались «освобожденія»; въ 900 годахъ — «конституціи». Послѣ «освобожденія», гнилая бюрократія сумѣла перестроить русскую жизнь на новыхъ началахъ и создала эпоху «великихъ реформъ». Послѣ объявленія конституціи должна была произойти такая же перестройка; это вмѣстѣ съ властью должна была дѣлать общественность. Она получила права; могла не давать только совѣты со стороны, не заниматься безотвѣтственной критикой, какъ это приходилось дѣлать ей раньше. Она могла предлагать и проводить опредѣленныя законодательныя мѣры. Они должны были быть «органическими реформами» всѣхъ частей государственности, по удачному выраженію Государя, быть «обновленіемъ нравственнаго облика русской земли». Это не могло быть сдѣлано сразу. Но пока бы шла эта длинная работа, Дума могла, не дожидаясь ея конца, устранять то отдѣльное зло, отъ котораго населеніе несомнѣнно страдало. Возьмемъ примѣръ. При вступленіи на престолъ Николая II, въ періодъ «надеждъ», общій голосъ русскаго общества, въ томъ числѣ даже и Государственнаго Совѣта, просилъ у него отмѣны тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Это было раньше Толстовскаго «стыдно». Государь могъ сдѣлать это, даже продолжая считать «безсмысленными» мечтанія земцевъ объ участіи въ центральномъ управленіи Государства. Одно не мѣшало другому. Дума правильно пошла тѣмъ же путемъ, когда внѣ общаго плана намѣченныхъ ею сложныхъ реформъ, хотѣла въ экстраординарномъ порядкѣ отмѣнить «смертную казнь». Такихъ отдѣльныхъ и простыхъ, но очень ощутимыхъ реформъ было много. Думѣ надо было сознательно идти по обѣимъ дорогамъ, т. е. по пути органическаго преобразованія и по пути немедленнаго устраненія особенно кричащаго зла. Посмотримъ, какъ она справилась съ обѣими этими задачами.

Преобразовательный планъ, по мнѣнію Думы, былъ изложенъ ею въ адресѣ. Я уже указывалъ, что, къ сожалѣнію, это не было практическимъ планомъ; это было журнальной статьей, гдѣ все было смѣшано. Но кадетская партія приготовилась и къ настоящему законодательству. Ея спеціалисты давно сидѣли надъ разными законопроектами; они разрабатывались въ партійныхъ Комиссіяхъ; были обсуждаемы и приняты партійными съѣздами. Не успѣла Дума открыться, какъ нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ были въ нее внесены. 8 Мая — аграрный законъ, 15 Мая — «о равенствѣ». Такая быстрота считалась торжествомъ кадетъ. Они показались много выше правительства, съ его смѣхотворной «оранжереей» и «прачешной». Но посмотримъ, какъ кадеты подошли къ этимъ вопросамъ.

Возьмемъ самый капитальный вопросъ о «правовомъ равенствѣ».

Кто могъ оспаривать необходимость этой реформы? На *неравенствѣ* была построена вся русская жизнь. Не прошло еще 50 лѣтъ со дня уничтоженія рабства, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ одни русскіе граждане «продавали» другихъ. «Неравенство» оставалось въ нравахъ, а нравы поддерживались всѣмъ строемъ государственной жизни. Безъ крестьянскаго неравноправія тогдашнее государство не смогло бы держаться. Кадеты, которые нѣсколько лѣтъ занимались этимъ вопросомъ, могли внести въ Думу рядъ конкретныхъ предложеній, которыя бы постепенно перестроили жизнь.

Они такой законъ и внесли. Но при ознакомленіи съ нимъ, можно придти въ недоумѣніе. Неужели такое законодательствованіе было серьезно?

Кадеты хорошо понимали, что рѣчь шла не о написаніи какого-либо одного закона. Самый заголовокъ законопроекта гласилъ: «основныя положенія *законовъ* о гражданскомъ равенствѣ». Текстъ его начинался словами: «предлагаемъ Государственной Думѣ приступить къ выработкѣ *ряда* законопроектовъ и т. д.»

Иниціаторы прибавляли, что «устраненіе неравенства путем *единаго законодательнаго акта* представляется невозможнымъ»... и предлагали «раздѣлить законодательную работу направленную къ установленію въ странѣ гражданскаго равенства на четыре разряда законовъ».

Не буду настаивать, что это формально неправильно и противорѣчитъ ст. 55 Уч. Гос. Думы. Но какой вообще смыслъ вносить *одно* законодательное предположеніе, если оно должно вести къ выработкѣ *четырехъ разрядовъ новыхъ законовъ*? Эти законы могли быть между собой несвязаны и самое отношеніе къ нимъ могло быть неодинаково. Сторонники «еврейского равноправія» не должны были изъ-за этого быть и за «уравненіе женщинъ». Что общаго между тѣмъ и другимъ? Для кого и для чего выгодно, эти проблемы *связывать* вмѣстѣ? Извѣстенъ классическій способъ обструкціи, когда затѣмъ, чтобы *помѣшать* принятію закона, его умышленно усложняютъ, углуб-

ляютъ, исправляютъ: находятъ его недостаточнымъ и въ результатѣ дѣлаютъ непріемлемымъ. Это ловкій пріемъ и часто цѣли своей достигаетъ. Но зачѣмъ все это дѣлала Дума?

И при этомъ: какая же задача ставилась для комиссіи? Неопредѣленная и необъятная; можно прибавить и непонятная. Инціаторы выводили всѣ разряды будущихъ новыхъ законовъ изъ якобы одного положенія:

«*Всѣ граждане обоего пола равны передъ закономъ*».

Это вовсе не «общее положеніе» закона, а *декларація*, или проще «фраза». Она или ничего не означаетъ или говоритъ больше, чѣмъ хочетъ. Она ничего не означаетъ, если подъ ней понимаютъ лишь то, что никто не можетъ быть выше закона, что законы для всѣхъ обязательны. Тогда это общее мѣсто. Если же этимъ хотѣли сказать, будто *всѣ граждане подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ*, то это неправда. Въ наивномъ XVIII вѣкѣ это могли провозглашать въ «Деклараціи Правъ»; въ XX-мъ же въ такой абсолютной формѣ это положеніе было уже невѣрно. Не будемъ же мы отрицать соціального законодательства, которое защищаетъ одни классы людей противъ другихъ, спеціальныхъ законовъ о защитѣ женщинъ и много другого? Создать Комиссію и поручить ей выработать 4 группы законовъ на *этомъ* началѣ — есть литература, а не законодательство.

Иниціаторы закона должны были сами дать себѣ трудъ подумать и поработать; указать конкретныя проявленія того неравенства, которое они осуждаютъ и тѣ начала, на которыхъ предлагаютъ его устранить. Это надо было черпать изъ жизни и русскаго законодательства. Кадетскіе спеціалисты имѣли на это достаточно времени. Они помогли бы Думѣ, если бы принесли въ нее результатъ подобной работы; это и было бы съ ихъ стороны «*законодательной* иниціативой». Безъ этого же ихъ предложенія только матеріалъ для журнальныхъ статей, или для резолюцій на митингахъ. Законодательной работѣ Думы они только мѣшали.

Результатомъ такой «иниціативы» явилось одно; создали Комиссію многолюдную, разнопартійную и ей поручили работу, которую не сумѣли выполнить «иниціаторы». Такая система законодательства была безцеремоннымъ отношеніемъ къ чужому труду. Такія порученія,«выдумать законъ», прежніе *начальники* давали *своимъ подчиненнымъ*. Но въ бюрократическомъ мірѣ подчиненные были спеціалистами. Въ Думѣ это были тѣ-же самые люди — такъ же мало опытные, никому не не подчиненные — и Комиссіи, которымъ иниціаторы давали подобныя порученія, неизбѣжно превращались въ «бюро похоронныхъ процессій». За то сами иниціаторы въ общихъ собраніяхъ Думы, въ преніяхъ по направленію, оставляли за собой «благую часть», произносили рѣчи о высокихъ, а при данномъ составѣ Думы,безспорныхъ вопросахъ.Это стало называться законодательной иниціативой. Такъ была облегчена, но за то

и совершенно *искажена* процедура работы. Серьезно законодательствовать *такимъ способомъ*, было нельзя.

И любопытно. Въ преніяхъ по направленію закона о равенствѣ 5, 6 и 8 іюня на все это обстоятельно и дѣловито указывалъ гр. Гейденъ. Всѣ кадетскіе юристы бросились запальчиво ему возражать. Петрункевичъ, Кокошкинъ, Родичевъ, Винаверъ и dii minores уличали его въ противорѣчіяхъ, въ мелочности, непослѣдовательности, обструкціи, въ неспособности понять идейную высоту ихъ закона, конечно въ *несочувствіи равенству* и т. д. Былъ фейерверкъ партійной полемики. Изъ-за чего проявилось столько горячности, когда вопросъ былъ чисто техническій о наиболѣе вѣрномъ и быстромъ пути, чтобы провести тѣ реформы, о существѣ которыхъ не спорили? Это невозможно понять, если не признать печальную истину, что у кадетъ разработанныхъ законопроектовъ о равенствѣ *не было*. Если не принять ихъ манеры законодательствовать, то скоро стало бы ясно, что хваленый стройный планъ кадетскихъ работъ есть только блефъ, что въ распоряженіи партіи были либо тоже либеральныя «оранжереи» и «прачешныя», либо «Деклараціи Правъ», съ которыми они опоздали на 125 лѣтъ. Упрекать кадетъ за это нельзя; подготовить проекты было дѣломъ правительства. Но не надо было противопоставлять свою подготовленность бездарности разложившейся бюрократіи. А вѣдь изъ этого высокомѣрнаго противопоставленія дѣлались выводы.

Законопроектъ о «равенствѣ» демонстрировалъ скудость законодательнаго кадетскаго багажа. Было легче, конечно, вмѣсто того, чтобы поработать надъ положительнымъ правомъ, провозгласить «общій принципъ» и поручить Комиссіи въ «спѣшномъ порядкѣ» превратить его въ «цѣлый рядъ» *новыхъ* законовъ. А потомъ утверждать, что законопроектъ о равенствѣ былъ *ими раньше приготовленъ*. Зачѣмъ было такъ дѣлать? Вѣдь Дума не избѣгала работы. Но Дума еще больше работы любила эффекты и громкія фразы, хотя бы отъ нихъ результаты работы страдали. Идеаломъ лидеровъ Думы былъ не рабочій парламентъ, трудящійся надъ положительнымъ законодательствомъ, а Assemblée Nationale 1789 года. бросающая въ міръ «принципы». Но эта Assemblée Nationale и имѣла исторической миссіей совершить Революцію, а не мирно преобразовать Государство.

* * *

Насколько кадетскіе спеціалисты оказались мало подготовлены къ практическому «законодательству», можно судить по тому же законопроекту о «равенствѣ», поскольку онъ касался вопроса крестьянскаго.

Уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями было давно общимъ мѣстомъ либеральной программы. Но положеніе крестьянъ въ Россіи было такъ своеобразно, такъ связано со всѣмъ ея прошлымъ, что для разрѣшенія этой проб-

леммы было нельзя вдохновляться одними примѣрами Запада или Америки. Надо было самимъ поработать. И если было ошибкой соединять вмѣстѣ, для однообразнаго разрѣшенія, вопросы совершенно различные, то было не меньшей ошибкой одинъ цѣльный и связанный крестьянскій вопросъ «раздроблять».

Витте не разъ при мнѣ съ горечью упрекалъ 1-ую Думу, будто она не интересовалась *крестьянскимъ* вопросомъ. Такой упрекъ казался кощунствомъ. Кадеты гордились, что они *первые* его серьезно поставили. Упрекъ былъ и *несправедливъ*. Кадеты конечно искренно *хотѣли* его разрѣшить. Но, при вемъ своемъ народолюбіи, они съ крестьянскимъ вопросомъ не только не справились, но и особенностей его не усвоили. Они увидѣли въ немъ лишь часть вопроса о равенствѣ, наряду съ женскимъ, національнымъ и другими вопросами. Дѣло было однако не въ этомъ; всѣ стороны крестьянскаго вопроса въ Россіи были связаны вмѣстѣ. Витте это лучше ихъ понималъ. Всѣ мѣропріятія, носившія слѣдъ его руки, всегда поднимали общій *крестьянскій* вопросъ; такъ онъ былъ поставленъ въ Особомъ Совѣщаніи по сельско-хозяйственной промышленности, затѣмъ въ Указѣ 12 декабря 1904 г. Слѣды этой же точки зрѣнія сохранились и въ деклараціи 13 Мая, при немъ подготовленной, но которую уже не онъ прочиталъ. Но кадетскій законопроектъ о «равенствѣ» этого не замѣтилъ, и искусственно крестьянскій вопросъ разложилъ по разнымъ ящикамъ.

«Неравноправіе» крестьянъ въ Россіи было самымъ кричащимъ явленіемъ, потому что касалось *большинства* населенія. Но его своеобразіе было въ томъ, что въ основѣ крестьянскаго неравенства лежала отчасти и *крестьянская привилегія*; исключительное и особенное право крестьянъ на *надѣльную* землю. Особенность эта была принята въ интересахъ крестьянъ. Чтобы защищать только что освобожденныя крестьянскія общества отъ скупки у нихъ надѣльной земли, а отдѣльныхъ крестьянъ отъ обезземеленія, надѣльная земля была объявлена неотчуждаемой и принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому крестьянскому обществу. Это создало своеобразный, незнакомый общему праву и для своего времени благодѣтельный институтъ. Но у него были оборотныя стороны; изъ него вытекла замкнутость крестьянскаго сословія, особыя условія для входа и выхода изъ него, связь надѣльной земли съ сословностью, своеобразный характеръ общей земельной собственности, неподсудной общимъ судамъ; вытекли особыя права общества на своихъ членовъ, крестьянское сословное самоуправленіе и сословный судъ, своеобразный порядокъ наслѣдованія и много другого. Все это вмѣстѣ дѣлало изъ крестьянъ status in statu. А какъ бы въ уплату за это, на крестьянскомъ обществѣ остались лежать спеціальныя обязанности на пользу всего государства, изъ которыхъ главной и самой несправедливой была повинность обязательной государственной службы на низшихъ постахъ администраціи. Такова была историческая почва, на которой покоился у насъ крестьянскій вопросъ.

Какъ можно было распутать этотъ гордіевъ узелъ только съ точки зрѣнія равенства? Самые горячіе сторонники этого принципа не рѣшились бы объявить сразу свободу надѣльныхъ земель, прикончить съ общиной по правиламъ 10-го тома, и даже хотя бы только замѣнить трудовой принципъ наслѣдованія кровнымъ родствомъ. Какъ обойтись безъ «натуральныхъ повинностей», включая въ нихъ же и отбываніе одними крестьянами и за ихъ только счетъ полицейской службы въ деревнѣ? Для I-ой Думы все это осталось внѣ поля зрѣнія, ибо разрѣшить, это одной *отмѣной правовыхъ ограниченій*, было нельзя. Можно было уничтожить для крестьянъ сословное законодательство; но тогда пришлось бы замѣнять его соціальнымъ, изъ крестьянскаго сословія сдѣлать соціальный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ и защищать его противъ сильныхъ. Здѣсь было поприще для творчества нашихъ народниковъ и знатоковъ сельскаго быта; ставить этотъ вопросъ на одну доску съ женскимъ и еврейскимъ неравноправіемъ, выхвативъ изъ него только эту черту неравенства — было совершенно поверхностнымъ подходомъ къ вопросу.

Декларація правительства гораздо разумнѣе поставила этотъ вопросъ, чѣмъ иниціаторы Думы. Но разрѣшить вопроса и правительство не сумѣло. Позднѣйшіе законы 5 Октября и 9 Ноября 1906 года всей его совокупности не обнимали. Но первая Дума не сдѣлала даже и этого. О томъ, насколько кадеты были далеки отъ пониманія русскаго крестьянскаго вопроса со всемъ его своеобразіемъ я могу судить по собственному опыту и наблюденію. Я былъ въ этомъ отношеніи такъ же мало подготовленъ, какъ и мы всѣ; принципъ «равноправія» для насъ рѣшалъ весь сложный вопросъ. Впрочемъ самъ Витте разсказалъ въ «Воспоминаніяхъ», что и онъ сначала не интересовался крестьянскимъ вопросомъ. Благодаря общему равнодушію, этотъ вопросъ и могъ такъ долго существовать въ его видѣ. Къ положенію крестьянъ всѣ такъ привыкли, что не многіе себѣ отдавали отчетъ, въ чемъ оно заключалось и какіе оно тѣмъ, кто къ нему приступаетъ, готовитъ сюрпризы.

Мнѣ пришлось столкнуться съ этимъ вопросомъ случайно, въ 1916 году. «Прогрессивный блокъ» рѣшилъ «для демонстраціи» поставить на повѣстку тотъ правительственный законопроектъ о крестьянскомъ равноправіи, который былъ внесенъ еще въ 1907 году, въ замѣну закона 5 Октября 1906 г., проведеннаго П. А. Стоылыпинымъ въ порядкѣ 87 ст. О. З. Я былъ намѣченъ докладчикомъ. Для меня это было новое дѣло; но докладъ трудностей не предвѣщалъ. Законъ 5 Октября 1906 г. давно вошелъ въ жизнь. Никто его не оспаривалъ. Утвержденіе его Думой казалось простою формальностью. Чиновникъ канцеляріи принесъ мнѣ для подписи уже заготовленный имъ краткій докладъ. Такой способъ работы былъ тогда у депутатовъ очень въ ходу. Я радъ, что имъ не соблазнился, и надъ вопросомъ ***самъ*** поработалъ; хотя труды и пропали, за то я могъ оцѣнить, съ какимъ багажемъ мы принимались за дѣло.

Я естественно рѣшилъ не ограничиваться однимъ утвержденіемъ дѣйствующаго закона, а попытался его расширить на области, которыхъ онъ до тѣхъ поръ *не* касался. Положеніе было деликатное, но и выгодное. Если бы законопроектъ съ поправками былъ Государственнымъ Совѣтомъ отвергутъ, то прекратили бы дѣйствіе и тѣ мѣры, которые были введены съ 1906 года. Обѣимъ законодательнымъ Палатамъ было трудно взять на себя *такую* отвѣтственность. Если бы Дума съ своими поправками пошла слишкомъ далеко и изъ-за нихъ законъ былъ бы отвергнутъ, отвѣтственность за гибель того, что было уже сдѣлано, легла бы на Думу. Такую же отвѣтственность приняла бы на себя и вторая Палата, если бы оказалась черезчуръ *несговорчивой*. Нуженъ былъ компромиссъ. Когда мой докладъ былъ Думою принятъ и перешелъ въ Гос. Совѣтъ, тамъ докладчикомъ былъ назначенъ А. С. Стишинскій. Онъ понялъ трудность позиціи и приходилъ ко мнѣ торговаться, чтобы *непремѣнно* придти къ соглашенію. Революція помѣшала узнать, на чемъ бы это окончилось.

Я не собираюсь разсказывать этого эпизода, такъ какъ у меня съ нимъ связано слишкомъ много *личныхъ* воспоминаній. Хочу установить только одно. Когда я знакомился съ литературой вопроса, я могъ увидать, — и это было понятно, — что плана *практическихъ* дѣйствій себѣ *литература* не ставила. Это было *внѣ* ея компетенціи. Но и подготовительныя работы кадетскихъ законодателей, намѣревавшихся крестьянскій вопросъ *практически* разрѣшить, въ этомъ отношеніи *ничего* не давали. Онѣ не отличались отъ журнальныхъ статей. Отсутствіе *опыта* въ этомъ сказалось. Какъ мало понимала кадетская фракція крестьянскій вопросъ въ его практическомъ разрѣшеніи, показала ея поправка при обсужденіи закона 5 Октября, ею внесенная въ Думу; она предложила включить въ крестьянскій законъ и *еврейское равноправіе*. Оно вѣдь соотвѣтствовало общему принципу равенства. Худшій врагъ евреевъ не могъ бы придумать болѣе ложнаго и для евреевъ болѣе вреднаго шага, т. е. рисковать *на этой поправкѣ* провалить все крестьянское равноправіе. Мнѣ, какъ докладчику, пришлось возражать собственной фракціи. Нарушеніе дисциплины прошло для меня безъ послѣдствій, болѣе всего потому, что партійное начальство было тогда въ заграничной поѣздкѣ (весна 1916 года). При проведеніи моего доклада, я имѣлъ удовольствіе имѣть полную поддержку одного изъ немногихъ думскихъ знатоковъ крестьянскаго вопроса А. С. Постникова; помню благодарственный адресъ мнѣ *думскихъ* крестьянъ. Помню много другого, о чемъ умолчу, чтобы не нарушать нити разсказа.

Занявшись этимъ вопросомъ, я не могъ не увидѣть, что въ Россіи существуетъ одинъ цѣльный крестьянскій вопросъ. Было полезно представить синтезъ его и намѣтить планъ къ постепенному, но за то и къ *полному* его разрѣшенію. Это было новой работой, которую мнѣ никто не поручалъ и которая, очевидно, силы мои превышала. Я рѣшилъ поставить вопросъ по крайней

мѣрѣ передъ широкимъ общественнымъ мнѣніемъ. На эту тему я прочелъ два доклада въ Юридическомъ Обществѣ (Петербургскомъ и Московскомъ). Въ Москвѣ я читалъ, между прочимъ, въ самый день убійства Распутина. Докладъ былъ потомъ напечатанъ въ Декабрьской и Январьской книжкахъ Вѣстника Гражданскаго Права (за 16 и 17 годъ). Но я напрасно искалъ помощи въ юридическихъ обществахъ; и въ нихъ было *немного* людей, которые надъ *этимъ* вопросомъ задумывались. Одинъ изъ немногихъ знатоковъ его А. А. Леонтьевъ, мой докладъ привѣтствовалъ какъ разъ за то, что онъ *ставитъ* этотъ вопросъ, которымъ, по его наблюденію, образованные юристы слишкомъ мало интересовались. Нашей либеральной общественности, очевидно, надо было еще много самой поработать и поучиться, прежде чѣмъ съ самоувѣренностью хвататься за этотъ вопросъ. Бюрократическій опытъ былъ бы ей очень полезенъ. Тамъ вопросъ знали; тамъ все время пытались *практически* его разрѣшить, хотя при разрѣшеніи его стояли на ложномъ пути. Нигдѣ сотрудничество бюрократіи и зрѣлой общественной мысли не могло быть продуктивнѣе. Но это какъ разъ то, чего общественность не хотѣла признать и предпочитала съ налета сама рѣшать весь вопросъ.

Но если кадеты не дооцѣнили правовой стороны крестьянскаго вопроса, утопивъ его въ безднѣ общаго равноправія, то они гордились тѣмъ, что по крайней мѣрѣ разрѣшили его главную *аграрную* сторону. Многіе до сихъ поръ полагаютъ, что если бы кадетскій аграрный законопроектъ былъ во время принятъ, то не было бы и Революціи. Это мнѣніе, примѣръ того, какъ создаются и выживаютъ легенды. Объ этомъ законопроектѣ я говорилъ въ предыдущей главѣ съ точки зрѣнія его *процедуры*; посмотримъ его *существо*.

Этотъ проектъ 42-хъ, конечно, не заслуживалъ того безусловнаго осужденія, которое было высказано въ деклараціи Совѣта Министровъ. Но это осужденіе относилось совсѣмъ не къ нему, а къ думскому *адресу*. Взглядъ правительства на кадетскій законопроектъ былъ высказанъ въ засѣданіи 19 Мая Стишинскимъ и Гурко; они его не объявляли «безусловно недопустимымъ», но представили противъ него рядъ серьезныхъ и во всякомъ случаѣ, вполнѣ дѣловыхъ возраженій.

Для оцѣнки этого законопроекта, нужно прежде всего себѣ дать отчетъ, что общаго крестьянскаго аграрнаго вопроса онъ не рѣшалъ и даже *не ставилъ*. Въ крестьянскомъ землевладѣніи онъ пока все оставилъ *по старому*; ни одного намека на улучшеніе въ немъ не заключалось. Въ немъ рѣчь шла только о составленіи изъ отчужденныхъ земель, по кадетской терминологіи, особаго «*государственнаго*, земельнаго запаса» и о порядкѣ пользованія *этимъ* запасомъ; по терминологіи же трудовицкой (проектъ 104), то-же самое именовалось «*общенароднымъ* земельнымъ фондомъ». Эти спеціальныя земли кадетами были предназначены для «крестьянъ», а трудовиками вообще для «трудящихся»; для пользованія *только этими зем-*

лями, оба проекта предлагали особыя правила. Основной чертой обоихъ этихъ порядковъ было то, что эти земли передавались не въ собственность, а только въ ограниченное пользованіе. По кадетскому проекту, надѣленіе не должно было превышать «продовольственной нормы», съ разсчетомъ на «ѣдока», а по трудовицкому — «трудовой нормы». Полученныя по такому надѣленію земли, нельзя было передавать въ другія руки. А если, по измѣнившимся условіямъ, у надѣленнаго оказались противъ нормы излишки, они могли быть отобраны.

Не хочу входить въ разборъ этихъ земельныхъ фантазій. Какъ всѣ отрицатели частной земельной собственности, авторы законопроектовъ устанавливали для всѣхъ надѣленныхъ крестьянъ самое непрочное право на землю и этимъ начинали чреватое опасностями сосредоточеніе земли въ рукахъ *власти*. Эту ихъ фантазію большевики потомъ осуществили на практикѣ, отнеся ее къ числу своихъ «достиженій».

Но вотъ что существенно: всѣ эти проекты касались только *вновь отчужденныхъ* земель. Но вѣдь, кромѣ нихъ, у тѣхъ же крестьянъ были и надѣльныя земли съ особыми правами на нихъ; были пріобрѣтенныя на *общихъ основаніяхъ* земли. Такихъ земель было у нихъ большинство; какія же улучшенія кадеты предлагали для нихъ? Никакихъ. Стараго крестьянскаго землевладѣнія проектъ не затрагивалъ. А именно его улучшеніе было самой неотложной и главной задачей.

Авторы законопроекта прекрасно понимали, что они *общаго* земельнаго вопроса не ставили. «Мы, объяснялъ Герценштейнъ 18 Мая, говорили о дополнительномъ надѣленіи, какъ о части и весьма незначительной части аграрнаго вопроса». Но раньше чѣмъ отчуждать въ пользованіе крестьянъ *новыя* земли, казалось слѣдовало бы исправить хоть часть тѣхъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства, которыя обусловливали малую его продуктивность и съ малоземельемъ не были связаны. Даже большевики объ *этомъ* подумали, и въ видѣ компенсаціи вводили аграрную индустріализацію; пусть одни недостатки крестьянскаго хозяйства, они съ избыткомъ замѣнили другими, но по крайней мѣрѣ самый вопросъ былъ ими *поставленъ*. Но первая Дума, зная, какъ плохо идетъ хозяйство крестьянъ, начинала все-таки не съ заботъ о *немъ*, а съ *ликвидаціи* болѣе доходнаго *частнаго* землевладѣнія; при этомъ она отдавала частныя земли крестьянамъ на условіяхъ еще худшихъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ крестьяне владѣли надѣльной землей. Шло типичное «поравненіе» по самому худшему уровню.

Съ какой цѣлью былъ принятъ подобный подходъ къ большому вопросу? Въ Думѣ это мотивировалось тѣмъ, будто съ отчужденіемъ частныхъ земель *ждать* больше было нельзя. Законъ вводился будто бы для *охраненія порядка* въ Россіи. Правда, бывали многочисленные случаи аграрныхъ волненій, но они предложенной мѣры совсѣмъ не оправдывали. То, что въ 1906 году предложили кадеты, было равносильно тому, какъ если бы во Франціи въ 1936 году, подъ вліяніемъ оккупацій

нѣсколькихъ фабрикъ,былъ внесенъ законопроектъ о немедленной принудительной націонализаціи частной промышленности, уничтоженіи патроната и передачѣ фабрикъ рабочимъ. Судя по кадетскимъ рѣчамъ въ 1906 г. было не время думать объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія. «Нельзя, говорилъ Герценштейнъ 19 Мая, отвѣчая Стишинскому и Гурко, предлагать теперь мѣры разсчитанныя на продолжительный срокъ, необходимы экстренныя мѣры, и принудительное отчужденіе и есть экстренная мѣра (продолжительные аплодисменты). Мы переживаемъ такое время, когда надо дѣйствовать не медленнымъ путемъ, а чрезвычайно быстро. Мало Вамъ развѣ опыта майскихъ иллюминацій прошлаго года, когда въ Саратовской губерніи, въ чуть ли не въ одинъ день, погибло 150 усадебъ?» Что за testimonium paupertatis законодателей, будто имъ нельзя принимать мѣръ разсчитанныхъ на долгіе сроки?Это уже не законодательство, а паника, крикъ: «спасайся кто можетъ». И какъ въ *этомъ* Герценштейнъ ошибался! Народъ не возсталъ, сколько это ни пророчили послѣ роспуска Думы. А когда Столыпинъ принялся за мѣры, разсчитанныя на *продолжительный* срокъ, т. е. за законъ 9 Ноября, то, несмотря на его недостатки, онъ, въ самомъ крестьянствѣ, нашелъ неожиданный сочувственный откликъ. Не будь войны, *этотъ* законъ избавилъ бы Россію отъ Революціи, а не *кадетскій* проектъ.

Въ своей тревогѣ Герценштейнъ былъ искрененъ, и въ этомъ его оправданіе. Иначе было бы преступленіемъ, *такъ* законъ мотивировать. Ибо какое оружіе онъ съ трибуны Думы давалъ революціоннымъ агитаторамъ, которые могли теперь говорить, что даже *по мнѣнію Думы*, для крестьянскаго дѣла, полезны «иллюминаціи»!

Если всмотрѣться въ кадетскій аграрный законпроектъ, какъ онъ былъ ими въ Думу представленъ, то менѣе всего въ немъ можно увидать заботы о пользѣ самихъ *крестьянъ*. Онъ былъ продиктованъ мотивами чистой «политики». Начиналась реформа не съ улучшенія крестьянскаго хозяйства, а съ отчужденія въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ земли у частныхъ владѣльцевъ. Это отнятіе земель у помѣщиковъ было,дѣйствительно, если не волей *народа*, то давнишней *мечтою крестьянъ*. Оно было заслуженной Немезидой за то правовое положеніе, въ которомъ правящіе классы держали крестьянъ и благодаря которому крестьяне имѣли право видѣть въ помѣщикахъ не простого «сосѣда», а прежняго «барина». Потому аграрные планы кадетъ, поскольку и они начинали съ «отчужденія», завоевали имъ на, время, среди крестьянъ, популярность. Конечно, на этой почвѣ кадеты не смогли состязаться съ революціонными партіями и популярность свою потерять въ крестьянской средѣ не замедлили. По первоначалу, этимъ проектомъ заботились о пріобрѣтеніи популярности не для партіи, а для *самой конституціи*.При выработкѣ аграрной программы, въ эпоху «Освободительнаго Движенія», ея авторы, Герценштейнъ и Мануиловъ, наставивали, что только *этимъ* можно

привлечь кресьянъ къ конституцiи; *такую же* земельную карту Витте грозилъ сыграть противъ либерализма, въ пользу Самодержавiя.

Потомъ ставку понизили. Наканунѣ созыва Думы, политическiе лидеры не скрываясь указывали, что для удачнаго исхода неизбѣжнаго конфликта Думы съ Монархомъ, надо вызвать конфликтъ на *земельномъ* вопросѣ, который *одинъ* волнуетъ крестьянъ. Такимъ образомъ кадетскiй аграрный проектъ былъ вдохновленъ, не благомъ крестьянъ, а «политикою», борьбой сначала за конституцiю, а потомъ только за *данную* Думу. Въ *этомъ видѣ* онъ игралъ въ руку *Революцiи*, а не *успокоенiю.* Какъ всегда, кадеты и въ немъ сидѣли на двухъ стульяхъ; они и возбуждали революцiонныя настроенiя и предлагали свои мѣры, чтобы ихъ успокоить.

Въ этой «политикѣ» была и другая сторона, не менѣе вредная. Аграрнымъ законопроектомъ кадеты вырывали пропасть между собой и нереволюцiонными либеральными партiями. Вѣдь аграрный проектъ имѣлъ бы результатомъ уничтоженiе класса землевладѣльцевъ. Этотъ классъ и безъ того быстро таялъ. Жизнь самотекомъ передавала крестьянамъ земли ихъ бывшихъ помѣщиковъ. Это теченiе было неотвратимо, и потому въ общемъ здорово. Достаточно было этому процессу *помогать*, вмѣсто того, чтобы съ нимъ бороться. Поощрять переходъ земель въ крестьянскiя руки, ускорить его прогрессивнымъ налоговымъ прессомъ на землю, прекратить незаконныя льготы заложеннымъ помѣщичьимъ землямъ и т. д.; этого уже было бы достаточно, чтобы помѣщичья земля ускореннымъ темпомъ стала переходить къ тѣмъ, кто могъ ею воспользоваться, у кого земля не лежала бы втунѣ. Это былъ бы естественный и потому полезный процессъ.

Могли быть, конечно, отдѣльные острые случаи, для которыхъ ждать *общаго* улучшенiя было бы неосторожно. Тамъ можно было прибѣгнуть и къ отчужденiямъ. Напримѣръ въ случаяхъ, гдѣ малоземелье крестьянъ не позволяло имъ обойтись безъ аренды и гдѣ помѣщики эксплоатировали свои латифундiи крестьянской арендой.Противъ этого могъ быть не только арендный законъ, но и выкупъ земель въ пользу арендаторовъ. Онъ былъ бы такъ же естественъ и законенъ, какъ выкупъ земель тѣхъ городскихъ поселенiй, которыя еще находились въ частномъ владѣнiи. Выкупъ былъ бы естественъ, и для исправленiя нѣкоторыхъ ошибокъ и злоупотребленiй 61 года, когда намѣренно создавалась экономическая зависимость освобожденныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ въ формѣ черезполосицы и другихъ аналогичныхъ ловушекъ. А тамъ, гдѣ свободныхъ земель не осталось ни для прiобрѣтенiя, ни для отчужденiя, можно было поощрять переселенiе. Такая политика могла смягчать острыя положенiя. Она пошла бы въ руслѣ естественнаго развитiя жизни, и избавила бы страну отъ той авантюры, въ которую ее завело бы массовое уничтоженiе частнаго землевладѣнiя. Но зачѣмъ нужно было уничтожать классъ частныхъ

землевладѣльцевъ,ускореннымъ способомъ, «велѣніемъ власти», вмѣсто того, чтобы предоставить ему умирать естественной смертью?

Революціонныя партіи могли считать благомъ исчезновеніе *класса помѣщиковъ;* въ немъ они чувствовали своего политическаго врага. Тогда это уже не аграрный вопросъ, а *политика.* Но зачѣмъ это исчезновеніе нужно было кадетамъ, добрая половина которыхъ вышла изъ земскихъ, т.е. землевладѣльческихъ рядовъ? Послѣ ихъ аграрнаго законопроекта, произошелъ разрывъ кадетъ съ русскимъ земствомъ, которое отъ нихъ отошло. Это же въ свою очередь уменьшало шансы на мирное преобразованіе государства. А если своимъ законопроектомъ кадеты дѣйствительно думали остановить аграрную Революцію, то это было наивно. Онъ былъ бы первымъ шагомъ именно *къ ней.* Отобрать землю у помѣщиковъ было не трудно; но раздѣлить ее между крестьянами, не увеличивъ неудовольствія, избѣжавъ поножовщины, было невозможно; это потребовало бы такого напряженія власти, при которомъ не осталось бы слѣдовъ либерализма. Поскольку «революціонеры» считали полезнымъ довести Россію до Революціи, кадетскій аграрный проектъ былъ *имъ* полезенъ. Либерализмъ осуществить его бы не могъ. Кадетскій аграрный починъ открывалъ новый шансъ Революціи.

При всѣхъ своихъ тактическихъ недостаткахъ кадеты были государственной, не революціонной партіей. Только ради «тактики» въ ихъ программѣ появились инородныя тѣла, которыя имъ были внушены Революціей и которыя ихъ существу противорѣчили. Именно въ ихъ программу было внесено и Учредительное Собраніе, и ихъ аграрный проектъ. То и другое даже не пункты программы, а единовременныя мѣропріятія; и то и другое — подчиненіе демагогіи.

Конечно, было благодарной задачей сопоставлять богатства крупныхъ землевладѣльцевъ съ вопіющей крестьянской нищетой и нуждой. Ибо, главной причиной этого неравенства, было несправедливое отношеніе государства къ крестьянамъ, заставлявшее крестьянъ работать и платить за другихъ. И поскольку ихъ нужда вытекала изъ политики *государства* и диктовалась эгоизмомъ привиллегированныхъ классовъ — эту политику надо было измѣнить радикально. Но изъ этого вовсе не слѣдовало, чтобы надо было отнимать землю частныхъ владѣльцевъ и ихъ «какъ классъ ликвидировать». Зачѣмъ же кадеты на это пошли въ аграрномъ вопросѣ? Вѣдь соціальное неравенство, не менѣе рѣзкое и возмутительное, существовало и внѣ землевладѣнія, на фабрикахъ и на заводахъ. Кадеты понимали однако, что бороться съ этимъ неравенствомъ, надо *постепеннымъ* развитіемъ соціальнаго законодательства, что даже 8-часовой день надо вводить «по возможности»; они не предлагали единовременныхъ мѣръ въ родѣ «національзаціи» всѣхъ предпріятій, или уничтоженія патроната, «какъ класса». И безъ большевистскаго опыта, они понимали, что въ хозяйственномъ строѣ «идеальный порядокъ» нельзя вводить по приказу.

Почему же кадеты это забыли въ аграрномъ вопросѣ? Вмѣсто соціальнаго крестьянскаго законодательства, они предложили только отобраніе земли у частныхъ владѣльцевъ, разрушеніе крупныхъ хозяйствъ. Вѣдь это «единовременное отобраніе» вопроса совсѣмъ не рѣшало. Кадетскій проектъ былъ только «политическимъ ходомъ», плодомъ сочетанія революціонной «идеологіи» съ кадетской «тактикой».

Можно и сейчасъ встрѣтить энтузіастовъ кадетской аграрной реформы, которые съ торжествомъ утверждаютъ, будто послѣвоенная политика Европы ихъ оправдала; сколько странъ провели то-же «принудительное отчужденіе» и съ полнымъ успѣхомъ.

Вопросъ крайне интересенъ, но слишкомъ сложенъ, чтобы мимоходомъ его разбирать; преждевременно говорить и о полномъ успѣхѣ. Но какъ для кадетъ это сопоставленіе характерно!

Представителямъ идеи «правового порядка» вообще непослѣдовательно ссылаться на законы и нравы послѣвоеннаго времени; они не примѣръ для подражанія. Часто они отрицаніе *всякаго* права, кромѣ «права силы», которая можетъ дѣлать все, что захочетъ, будь эта сила цѣлое государство или только побѣдившій на время соціальный классъ. Отрицать эти печальныя явленія такъ же безполезно, какъ отрицать и «войны» и «революціи». Но искать въ нихъ уроковъ для законодательствъ въ *мирное* время, особенно тогда, когда задачей момента было укрѣпить въ Россіи *правовое* начало, поставить «право» на мѣсто «усмотрѣнія» Самодержавія, значило для либераловъ «спускать свое знамя».

Въ послѣвоенное время въ Европѣ дѣйствительно рѣзко усилилась тенденція перехода отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому. Онъ пошелъ ускореннымъ темпомъ. Въ общемъ, этотъ процессъ естественный и здоровый. Однако опытъ уже сейчасъ заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы этотъ процессъ былъ *послѣднимъ*. Развитіе земледѣльческихъ машинъ требуетъ *крупныхъ* хозяйствъ. Удастся ли найти выходъ изъ этого противорѣчія въ коопераціи мелкихъ хозяйствъ, или это требованіе возродитъ *крупное*, не *коллективное* хозяйство, — вопросъ далекаго будущаго. Рѣшитъ его опытъ, не теоретики. Но пока проходитъ только періодъ ликвидаціи крупныхъ хозяйствъ.

Для ускоренія этого процесса экстраординарныхъ мѣръ,въ родѣ отчужденія,вовсе не нужно. Нигдѣ этотъ процессъ не идетъ такъ нормально, какъ въ Англіи. И достигается онъ,главнымъ образомъ,дѣйствіемъ налогового пресса. Оттого у этого процесса тамъ здоровый характеръ; ликвидація начинается съ наименѣе доходныхъ хозяйствъ, и переходятъ эти хозяйства въ наиболѣе предпріимчивыя или искусныя руки.

Въ Россіи тотъ же процессъ начался давно. Близорукая политика нашей власти ему старалась мѣшать и крупныя хозяйства *искусственно* охранять. И все-таки этотъ процессъ

развивался. Что бы было, если бы политика власти перемѣнилась, стала бы содѣйствовать переходу земель въ руки *крестьянъ*, воспользовавшись хотя бы прогрессивнымъ налогомъ? Вѣдь этимъ тоже былъ бы поощренъ «естественный отборъ»; тѣ крупныя хозяйства, которыя бы налога оправдать не могли, уходили бы въ руки мелкихъ владѣльцевъ, непосредственно или черезъ посредство государственныхъ учрежденій. А доходныя, культурныя хозяйства сохранялись бы съ пользой для государства.

При остромъ малоземельи въ странѣ, этого нельзя дожидаться. Тогда экстренныя мѣры оправданы. При войнѣ реквизируютъ и движимое имущество, и квартиры; вводятъ хлѣбныя карточки, запрещаютъ за столомъ лишнія блюда. Всѣ эти мѣры *тогда* бываютъ понятны. Но *безъ необходимости* они же показались бы необъяснимымъ насиліемъ. Въ Россіи этой необходимости не было. Смѣшно было говорить въ ней объ остромъ малоземельи. Въ ней были еще громадные, неиспользованные запасы земель; на нихъ нужно было поощрять разселеніе, внутреннюю колонизацію. Болѣе легкій захватъ сосѣднихъ помѣщичьихъ земель, разрушеніе культурныхъ хозяйствъ — было бы отвлеченіемъ отъ *этой* политики.

Ссылки кадетъ на послѣвоенное законодательство Европы поучительны съ другой стороны. Изученіе этого законодательства показываетъ, что и въ Европѣ причиной многихъ аграрныхъ мѣръ была только *политика*. Это ярко проявлялось при возникновеніи новыхъ государствъ, гдѣ крупное землевладѣніе оказывалось въ рукахъ національныхъ меньшинствъ. Отчужденіе всѣхъ крупныхъ хозяйствъ подъ покровомъ аграрной реформы было тамъ скрытой *національной* борьбой. Въ другихъ случаяхъ, при образованіи демократическихъ государствъ на развалинахъ прежнихъ центральныхъ имперій, борьба съ крупнымъ землевладѣніемъ была послѣдствіемъ совершившейся соціальной революціи, добиваніемъ старыхъ соціальныхъ *враговъ*. Это и опредѣляло специфическій характеръ послѣвоеннаго аграрнаго законодательства въ Европѣ. Кадетская аграрная реформа безъ *надобности* вдохновлялась *такой же революціонной идеологіей*. Ее можно было бы понять и оправдать какъ начало соціальной революціи и попытку уничтожить въ Россіи вчерашній правящій классъ; но *это* не могло быть задачей *либерализма* въ Россіи. А кадеты безсознательно служа *этой* цѣли, представляли свою реформу, только какъ аграрную мѣру, направленную на благо всего государства. Это было облеченіемъ революціонныхъ стремленій въ якобы правовыя и безобидныя формы. Въ этой лжи и былъ основной грѣхъ кадетской тактики.

Остановлюсь теперь не на органическихъ реформахъ, разрѣшеніе которыхъ оказалось Думѣ не по плечу, а на несравненно болѣе легкой задачѣ; на попыткахъ устраненія *отдѣльнаго* зла, ни съ какими общими реформами не связаннаго. Самымъ характернымъ примѣромъ этого была борьба Думы со смертною казнью.

Законъ объ отмѣнѣ ея, въ отличіе отъ большинства другихъ думскихъ законопроектовъ, успѣлъ дойти до конца и былъ Думой вотированъ, въ особомъ спѣшномъ порядкѣ. Дума этимъ закономъ очень гордилась. Имъ она уже тогда «перегоняла» Европу. Но не трудно увидѣть, что даже этого простого закона Дума благополучно провести не сумѣла.

Смертная казнь во всемъ мірѣ имѣетъ принципіальныхъ противниковъ. Если бы дѣло шло только о «деклараціи», о томъ, чтобы дать міру примѣръ, можно было бы этотъ вопросъ ставить абстрактно, какъ «принципъ». Но это значило бы закрыть глаза на Россію. Для Россіи дѣло было уже не въ принципѣ. Въ ней смертная казнь сдѣлалась повседневнымъ явленіемъ, примѣнялась въ возмутительной по несправедливости формѣ, и надо было бороться съ нею *практически*, прежде чѣмъ давать міру уроки *теоріи*.

Чѣмъ въ то время вызывалось у насъ неслыханное до появленія «большевиковъ» обиліе казней? Не свирѣпостью нашихъ судовъ или нашего уголовнаго кодекса. Напротивъ. Они были мягче другихъ. Казни назначались лишь потому, что ст. 18 исключительныхъ положеній, которыя были введены почти повсемѣстно, давала право административнымъ властямъ изъять любое дѣло изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и передать его *военнымъ судамъ для сужденія по законамъ военнаго времени.* Здѣсь были два типичныхъ для Россіи грѣха. Былъ во-первыхъ недопустимый въ правовомъ государствѣ произволъ администраціи; подсудность дѣлъ опредѣлялась не *свойствомъ преступленія*, даже не личностью подсудимаго, а *усмотрѣніемъ* административной власти для *каждаго отдѣльнаго случая.* А во-вторыхъ, приказъ судить преступленіе, совершенное гражданскимъ лицомъ въ мирное время, *военнымъ* судомъ по страшнымъ законамъ *военнаго времени*, было прямымъ злоупотребленіемъ власти, извращеніемъ понятія «военнаго времени». Не отъ Думы зависѣло «исключительныя положенія» снять; это было прерогативою Монарха (ст. 15 Осн. Законовъ). Не отъ Думы зависѣла строгость военныхъ судовъ и военныхъ законовъ; это была область «особаго военнаго законодательства» изъ вѣдѣнія Думы изъятаго (ст. 96, 97 Осн. Законовъ). За то Дума была компетентна собственной инціативой измѣнить «Положеніе объ Охранѣ» и кровавую ст. 18 упразднить; негодности исключительныхъ положеній никто не отрицалъ. Здѣсь былъ легальный путь, передъ Думой открытый; путь настолько простой и безспорный, что по немъ можно было дѣйствительно пройти ускореннымъ темпомъ.

Вмѣсто этого, что дѣлаютъ ученые авторы законопроекта? 18 Мая они вносятъ въ Думу законъ изъ двухъ статей, изъ которыхъ первая гласитъ: «смертная казнь отмѣняется». Рѣчь идетъ такимъ образомъ не о конкретномъ явленіи, которое нельзя защищать, о смертной казни *по усмотрѣнію губернаторовъ.* Вопросъ поставленъ о «смертной казни» *вообще*, что вопросъ осложняло. Этотъ законопроектъ предлагаютъ сдать въ «Ко-

миссію». Ни единый человѣкъ въ Думѣ смертной казни не защищаетъ. И тѣмъ не менѣе «по направленію» произнесено 19 рѣчей, занимающихъ 21 страницу стенографическаго отчета; а затѣмъ тоже «для ускоренія» трудовики предлагаютъ не соблюдать ст. 55-57 о срокахъ и законопроектъ принять немедленно, не ожидая отвѣта Министровъ. Кадеты принуждены возражать; предложеніе трудовиковъ не было принято, но Предсѣдателю Думы дано порученіе принять свои мѣры, чтобы отвѣтъ Министерства могъ быть полученъ раньше законнаго срока.

Если бы дѣло шло только объ отмѣнѣ ст. 18 «Положенія объ Охранѣ», заинтересованнымъ вѣдомствомъ было бы одно Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и самый вопросъ былъ бы такъ простъ, что можно было бы претендовать на *скорый* отвѣтъ. Но для Думы этотъ практическій выходъ, фактически отмѣнявшій смертную казнь, кажется недостаточно эффектнымъ. Во-первыхъ, отмѣняя *одну* статью Положенія объ Охранѣ, она тѣмъ самымъ какъ бы молчаливо признавала законность *другихъ*. Во-вторыхъ, если смертной казни и не было бы больше на практикѣ, то на *бумагѣ* она бы все-таки оставалась. Гордиться передъ Европой было бы нечѣмъ. И Дума затѣваетъ дѣло достойное ея величія. Она *принципіально* отмѣняетъ смертную казнь. Это создавало одно спеціальное затрудненіе. Вѣдь *такая* статья отмѣнила бы смертную казнь и *на театрѣ войны*. Можно быть противникомъ смертной казни и все-таки не идти такъ далеко. На войнѣ, т. е. въ организованномъ легальномъ убійствѣ, гдѣ дозволено все, гдѣ убиваютъ людей ни въ чемъ неповинныхъ, гуманитарныя возраженія противъ смертной казни представляются лицемѣріемъ. Ни въ одномъ государствѣ смертная казнь для *этихъ* случаевъ отмѣнена не была. Разрѣшить подобный вопросъ въ спѣшномъ порядкѣ, дать на него тотчасъ отвѣтъ,значило бы для правительства показать недостойное его легкомысліе. Ставя вопросъ такимъ образомъ Дума сама вызывала отказъ. И она его получила. Заинтересованнымъ вѣдомствомъ оказалось не одно Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ было бы при отмѣнѣ ст. 18 Положенія объ Охранѣ, а Министерство Юстиціи, Военное и Морское; черезъ недѣлю отъ нихъ былъ полученъ отвѣтъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Они говорили, что въ виду того, что предложеніе Думы касается примѣненія смертной казни «не только по обще-уголовнымъ законамъ, но и по воинскому и военно-морскому уставу о наказаніяхъ, а также по законамъ дѣйствующимъ въ военное время — вопросъ представляется въ высшей степени *сложнымъ*, требующимъ подробнѣйшихъ соображеній и дать отвѣта раньше законнаго срока Министерства не могутъ». Правительство было право. Отмѣнить смертную казнь на бумагѣ не трудно. Въ 1917 г. это сдѣлало «навсегда» Временное Правительство, но тотчасъ само ее возстановило на *фронтѣ*. Второй разъ ее «окончательно» отмѣнили большевики. Правительство 1906 г. такъ легкомысленно поступать не хотѣло. Думѣ пришлось подчиниться; законъ былъ *противъ* нея. Она утѣшила себя тѣмъ,

что послѣ 24 рѣчей приняла формулу перехода, что «дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ, объясняемое неподготовленностью министровъ въ то время, когда само правительство (*) уже приступило къ рѣшенію вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ». Это заявленіе было можетъ быть страшно, но никого не испугало.

Когда прошелъ мѣсячный срокъ, законопроектъ сталъ обсуждаться по существу, т. е. о желательности его «основныхъ положеній». Докладчикъ Кузьминъ-Караваевъ въ очень длинной рѣчи защищалъ законопроектъ, котораго въ Думѣ никто не оспаривалъ. Онъ между прочимъ зачѣмъ-то указалъ, что, по его личному мнѣнію, и на войнѣ «смертная казнь не только не необходима, но совершенно ненужна». Эти слова, конечно, вызвали «продолжительные аплодисменты». Однако онъ тутъже прибавилъ, что «смертная казнь въ военное время существуетъ рѣшительно во всѣхъ военно-уголовныхъ кодексахъ европейскихъ странъ»; что потому этого вопроса Комиссія рѣшила *«пока не поднимать»*. Это разумно, но только послѣ этого нельзя было говорить, что всякая «смертная казнь отмѣняется». Затѣмъ отвѣчали Министры. Представителю Военнаго Министерства Павлову свистомъ и шумомъ говорить не позволили, а представитель Морского Министерства указалъ — и это было внушительно, — что смертная казнь по воинскому и морскому уставу о каказаніяхъ могла бы быть отмѣнена только *въ особомъ порядкѣ военнаго законодательства*, въ которомъ Дума не компетентна. Воздвигался такимъ образомъ законный барьеръ, въ видѣ 96 и 97 ст. Основныхъ Законовъ.

Вопросъ теперь стоялъ ясно. Ораторы излили свое негодованіе, превознесли свое обращеніе съ Павловымъ и обѣщали и на будущее время съ нимъ такъ поступать; но что было дѣлать имъ дальше со смертной казнью? Было рѣшено въ виду отвѣта Министровъ, сейчасъ же передать дѣло Комиссіи для выработки законопроекта. Это была пустая формальность, ибо въ законопроектѣ были не основныя положенія, а окончательный текстъ. И затѣмъ пошли пренія высокаго интереса.

Законъ состоялъ изъ двухъ статей. Первая: «смертная казнь отмѣняется». Вторая: «въ тѣхъ случаяхъ, когда она закономъ установлена, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ».

Къ чему велъ этотъ законопроектъ? Представимъ себѣ, что онъ былъ бы принятъ не только Гос. Думой, но и второю Палатой и утвержденъ Государемъ. Онъ сталъ бы закономъ. Но онъ не отмѣнялъ ст. 18 Положенія объ охранѣ; губернаторъ

---

*) Правительство вовсе не приступало къ этой отмѣнѣ. Но недаромъ Муромцевъ разъяснилъ, что Дума есть сама «часть правительства». Очевидно внесеніе думскаго законопроекта для важности называлось приступомъ првительства къ отмѣнѣ смертной казни».

«

по-прежнему сохранялъ бы формальное право передавать отдѣльныя дѣла военнымъ судамъ для сужденія по законамъ военнаго времени. А что могли бы въ этихъ случаяхъ дѣлать военные суды? Они должны были руководиться *военнымъ закономъ*. Дума его не коснулась, ибо ст. 96 и 97 этого ей не дозволяли. Высшій судебный авторитетъ, Главный Военный Судъ военнымъ судамъ это конечно бы разъяснилъ и его разъясненіе было бы для нихъ *обязательно*. Недаромъ самъ докладчикъ отъ имени Комиссіи заявилъ, что смертной казни *для военнаго времени* Дума въ законопроектѣ своемъ *не касается*. Потому суды на самомъ законномъ основаніи къ смертной казни попрежнему должны были бы приговаривать, *несмотря на новый законъ*.

Вотъ результатъ закона такъ много обѣщавшаго; онъ не спасъ бы ни одной жизни казнимыхъ. И *это* предложила Комиссія!

На это недомысліе или лицемѣріе обратилъ вниманіе рядовой депутатъ Шольпъ. Онъ указалъ, что у военныхъ судовъ недоразумѣнія будутъ неизбѣжны и предложилъ во второй статьѣ вмѣсто словъ «дѣйствующій законъ» — эти законы назвать *поименно*, т. е. въ томъ числѣ и военный. Тогда все будетъ ясно.

Онъ былъ правъ и такой юристъ, какъ Набоковъ, не могъ этого не понимать; но Набоковъ понималъ и другое. Сдѣлать такъ, какъ предлагалъ Шольъп, значило повести весь законъ на убой; ст. 96 и 97 Осн. Зак. въ подобной редакціи его не допускали. А кромѣ того,если бы законъ былъ изданъ въ этой формѣ, то смертная казнь оказалась бы отмѣненной и на войнѣ, въ военное время, чего сама Комиссія не хотѣла и о чемъ отъ ея имени объявилъ Кузьминъ-Караваевъ. Какой же выходъ изъ этого? Приличнаго выхода быть не могло. Набоковъ предложилъ не мѣнять текста законопроекта, о Воинскомъ Уставѣ не говорить, за то принять постановленіе, что «*по мнѣнію Думы* этотъ законъ распространяется на всѣ рѣшительно случаи, когда дѣйствующее законодательство примѣняетъ смертную казнь». На такой поистинѣ малодушной и недостойной позиціи Дума устоять не могла; уступила Комиссія. Поправка Шольпа была принята и Дума вотировала законъ, котораго дѣйствительно «еще не бывало въ Европѣ». Смертная казнь неожиданно отмѣнялась на театрѣ войны и во время войны. А что это значило? Только то, что судьба тѣхъ, кого казнили по усмотрѣнію Губернатора, оказалась неразрывно связана съ судьбой воинскихъ преступленій во время войны. Такой остроумный способъ дѣйствій Гос. Думы не показалъ заботы о тѣхъ, кого вѣшали, и кого она могла отъ казни спасти. Спасенію ихъ она предпочла эффектную, но безполезную декларацію, чтобы не сказать «декламацію». Такова была думская тактика.

Эти примѣры показываютъ, въ чемъ были главныя причины законодательнаго безплодія Думы. Не обструкція правительства, не мѣсячный срокъ для отвѣта, не сложность законода-

тельной процедуры. Процедура, которую придумала Дума, была труднѣй, чѣмъ та, которая была установлена конституціей. Думѣ больше всего мѣшало, что она отъ конституціи отступила и не понимала трудности дѣла, за которое такъ смѣло бралась; мѣшало то, что она предпочитала эффектныя фразы практическимъ достиженіямъ и ради эффектовъ осложняла простыя проблемы. Она торопила вносить проекты, надъ которыми поработать не удосужилась, задавая неосуществимыя задачи Комиссіямъ. Винить Думу нельзя; законодательная работа была ей вновѣ; со временемъ она бы ей научилась. Только она не хотѣла учиться, а считала, что можетъ учить всѣхъ другихъ.

ГЛАВА XI

Контроль Думы за управленіемъ

Второй «дѣловой» задачею Думы былъ контроль за управленіемъ; онъ осуществлялся главнымъ образомъ въ формѣ *запроса*. Этимъ правомъ Дума не пренебрегала. Если въ законодательствѣ она оказалась безплодной, то въ сферѣ контроля побила рекорды. Въ 39 засѣданій ею было внесено, разсмотрѣно и принято болѣе 300 запросовъ. Почти всѣ были приняты единогласно. Такъ же почти единогласно принимались по поводу нихъ формулы перехода. Съ внѣшней стороны такимъ образомъ эта дѣятельность Думы проходила съ успѣхомъ.

И въ то-же время по существу она не привела ни къ чему. Сами члены Думы это съ горечью признавали. Никакому беззаконію они не помѣшали; никого не спасли. Но, что еще хуже, своей системой пользованія правомъ запроса они убили къ нему интересъ и въ прессѣ, и въ самой Думѣ. Очень скоро Дума начала *бороться* съ запросами; стала придумывать ограниченія, чтобы отъ нихъ избавляться; стала сдавать ихъ безъ преній въ Комиссію, назначать для ихъ обсужденія особые дни, а позднѣе даже часы. При переходѣ къ ихъ обсужденію зала стала пустѣть. Всѣ поняли, что запросы, какъ ихъ Дума поставила, стали напрасной тратой времени.

Конечно, за эту неудачу кадеты винили прежде всего *конституцію*. Можно удивляться мелочности причинъ, которыя по мнѣнію Думы приводили къ такому послѣдствію. Неудачу запросовъ приписывали тому, что по конституціи права депутатовъ черезчуръ *ограничены*. Дума де могла запрашивать только о «незакономѣрныхъ» дѣйствіяхъ власти; министерству давали слишкомъ длинный (мѣсячный) срокъ на отвѣтъ; наконецъ запросъ могъ исходить только отъ Думы, а не отъ *отдѣльныхъ* депутатовъ. Права ихъ этимъ оказались умалены; Дума могла запросъ отклонить, не передавая его Министерству, и т. д.

Смѣшно вспоминать эти и подобныя обвиненія. На основаніи опыта можно сказать, что, когда запросъ возбуждалъ интересъ, правительство мѣсячнаго срока *не* выжидало, отвѣчало иногда даже раньше, чѣмъ былъ *принятъ* запросъ. За узкое пониманіе слова «закономѣрность» оно не пряталось. Наконецъ ни одинъ парламентъ не обязанъ тратить время на выслушиваніе интерпелляціи, если *онъ* этого *не желаетъ*. Во Фран-

ціи интерпеллировать можетъ *любой* депутатъ; но день для выслушиванія интерпелляціи безъ преній назначаетъ *парламентъ* и этимъ путемъ она можетъ быть сразу отклонена. Любопытно, кромѣ того, что статьи о запросахъ не были забронированы «Основными Законами» и что, хотя попутно были дѣлаемы указанія на желательность измѣненія нѣкоторыхъ относящихся къ запросу статей, никто на себя законодательной иниціативы на это не взялъ.

Главный упрекъ, который дѣлался нашимъ запросамъ, былъ тотъ, что они были *безъ санкціи*; отъ того они, будто бы, были безплодны и интересъ къ нимъ изсякъ. Этотъ упрекъ характеренъ.

Санкцій для запросовъ дѣйствительно не было; ст. 60 указывала одну возможность, а именно доведеніе разногласія Думы съ Министрами до Государя. Но эта статья перенесенная изъ Булыгинской совѣщательной Думы, никогда не примѣнялась; она не совмѣщалась съ ролью Монарха въ конституціонной странѣ.

Но какую вообще *санкцію* можно было бы дать? Нельзя было, конечно, предоставить Думѣ право отмѣнять постановленія, которыя она осуждала. Это было бы недопустимой анархіей. Оставалось одно — отставка Министра при его осужденіи Думой. При конституціи парламентарной этого незачѣмъ *постановлять*; это само собой разумѣлось бы. Если же парламентаризма у насъ не было, то подобная санкція для одного запроса была бы непослѣдовательностью и даже уродствомъ. А парламентаризмъ вводится въ конституцію не особымъ закономъ, а практикой, нравами. Введеніе въ нашу конституцію права запроса фактически открывало и у насъ для установленія *парламентаризма* дорогу, могло къ нему *привести*, если бы только Дума *умѣла этой дорогой* воспользоваться.

Дума жаловалась на *недостатокъ* своихъ правъ и не хотѣла оцѣнить, какое громадное право ей было дано. Запросъ, т. е. право публично обличать незакономѣрное дѣйствіе власти и требовать по нему у правительства объясненія — самъ по себѣ мѣнялъ атмосферу страны. Недаромъ ни одинъ абсолютизмъ этого не допускалъ; ни Самодержавіе, ни большевизмъ, ни теперешнія тоталитарныя государства. Если они и поощряютъ то, что такъ живописно называютъ теперь «самокритикой», то только въ направленіи и предѣлахъ властью предписанныхъ и соотвѣтствующихъ «видамъ правительства». Пока у Думы оставался запросъ и запросъ былъ *свободенъ*, общественность для борьбы съ властью сохраняла «оружіе». Но этого мало. На обязанности правительства лежало на запросъ давать «объясненія». Въ какомъ-то Указѣ Петра Великаго было предписано сенаторамъ публично формулировать свое мнѣніе, дабы, какъ откровенно выражался Указъ, «каждаго дурость всѣмъ явлена была». Это же вмѣнялось сейчасъ и въ долгъ власти. Русскій парламентъ имѣлъ возможность передъ лицомъ всего общества, и друзей, и враговъ, показать свое преимущество

надъ правительствомъ, большую вѣрность своего пониманія. Разница между старымъ порядкомъ и тѣмъ, который былъ теперь конституціей установленъ, была не менѣе разительна, чѣмъ между дореформеннымъ, приказнымъ судомъ и *состязательнымъ*, *гласнымъ* процессомъ. Правду надолго скрыть было нельзя, а говорить публично неправду министерству было опасно. Такъ постепенно фактически открывалась дорога *къ отвѣтственности* министерства передъ парламентомъ. Вотъ *какое* оружіе было Думѣ дано.

Но чтобы запросы могли дать свои результаты, было необходимо нѣсколько условій. Чтобы Дума могла съ убѣдительностью обличать «незакономѣрныя» дѣйствія власти, необходимо было, чтобы она сама стояла *на почвѣ закона*. Тенденція тогдашняго либерализма воображать себя въ «революціонной ситуаціи» и къ «формальной законности» относиться съ пренебреженіемъ уничтожала логическую силу запроса. Она дѣлала изъ него то-же уродство, которымъ была Слѣдственная комиссія Муравьева въ 1917 году. «Революціонному» правительству не приходится говорить о законности. Идея слѣдственной Комиссіи надъ побѣжденнымъ старымъ режимомъ была здоровой идеей; но при условіи, чтобы она не притворялась, будто преслѣдуетъ старыя власти за «незаконныя дѣйствія». Ухищренія Муравьева подводить дѣйствія старыхъ властей подъ уголовныя статьи старыхъ законовъ отталкивали своей внутренней фальшью и лишали убѣдительности его заключенія. Счастье Комиссіи, что она осталась лишь историческимъ сборникомъ, а сама не попала на общественный судъ. Такъ и контроль Думы за законностью дѣйствій властей, чтобы быть убѣдительнымъ, долженъ былъ стоять самъ на почвѣ закономѣрности, вѣрности правовому порядку, т. е. существующей конституціи.

Было и другое условіе. Чтобы «запросы» могли оправдывать притязанія на отвѣтственность Министерства передъ Думой, было необходимо, чтобы при оцѣнкѣ дѣйствій властей и объясненій Министровъ Дума сохраняла хотя бы видимость «объективности»; чтобы она проявляла и съ своей стороны добросовѣстность, была бы судьей, а не воюющей стороной, которая считаетъ, что относительно *врага* все позволено.

При *наличіи* этихъ условій запросы могли быть сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Думы; *безъ нихъ* они переставали производить впечатлѣніе и даже возбуждать интересъ. Такъ случилось и съ той массой запросовъ, которые были Думой предъявлены; можно подумать, что Дума нарочно сдѣлала все, чтобы данное ей въ руки оружіе самой изломать.

Возьму нѣсколько примѣровъ.

Однимъ изъ предметовъ, если не наиболѣе частыхъ, то наиболѣе страстныхъ запросовъ — была смертная казнь. Примѣненіе ея Думу приводило въ негодованіе; на борьбу съ смертной казнью она напрягла всю свою изобрѣтательность. Я показывалъ въ предыдущей главѣ, какъ не удачно пыталась она ее

уничтожить *законодательнымъ* путемъ. Посмотримъ, какъ она съ ней боролась на почвѣ *запроса*.

Этотъ путь былъ труднѣе, но онъ не былъ безнадеженъ. Въ основаніи смертнаго приговора у насъ всегда лежало примѣненіе 18 ст. Положенія объ Охранѣ, т. е. передача административной властью военному суду опредѣленнаго дѣла для сужденія его по законамъ военнаго времени. Формальное право ея на это было безспорно; но такъ какъ понятіе «закономѣрности» шире понятія «формальнаго права» и предполагаетъ согласіе съ «цѣлью» закона, то можно было доказывать, что въ рядѣ случаевъ — и это было бы правдой — пользованіе этой статьей было несогласно ни съ «правовымъ порядкомъ», установленнымъ конституціей,пи съ цѣлью самихъ исключительныхъ положеній, словомъ, что по французской терминологіи мы имѣли дѣло съ «abus du pouvoir». Подобный запросъ къ Мин. Внутрен. Дѣлъ о «незакономѣрномъ» пользованіи 18-й статьей былъ возможенъ. Но съ того момента, какъ дѣло попало въ военный судъ, кромѣ случая оправданія, если виновность доказана не была, избѣжать смертной казни уже было нельзя. Военно-судебные законы съ разъясненіями Главн. Военнаго Суда, и съ инструкціями Военнаго Министерства не давали суду права на пониженіе наказанія. Въ этомъ и былъ ужасъ ст. 18 объ охранѣ. Распоряженіе административной власти исходъ суда предрѣшало; оно было само «приговоромъ», только поставленнымъ не судомъ, а внѣ суда, распоряженіемъ *административныхъ* властей.

Это показывало, что *можно* было Думѣ дѣлать и чего дѣлать было *нельзя*. Можно было спрашивать Мин. Внутр. Дѣлъ, почему подчиненная ему администрація въ данномъ случаѣ отступила отъ *общаго* права, и оспаривать *закономѣрность* этого отступленія. Но нельзя было запрашивать Военное Министерство, почему приговоръ къ смертной казни былъ военнымъ судомъ произнесенъ и особенно, почему онъ былъ *исполненъ*.

Кадетскіе юристы все это знали, но этимъ путемъ идти не хотѣли. Они не соглашались сдѣлать предметомъ запроса злоупотребленіе 18 статьей. Для этого были тѣ-же мотивы, которые Думѣ не позволили въ законодательномъ порядкѣ отмѣнить эту статью. Основаніемъ для запросовъ она взяла не злоупотребленіе 18 статьей, а самую смертную казнь. Въ чемъ же тогда беззаконіе? По мнѣнію Думы оно заключалось въ томъ, что она, Дума, къ смертной казни относится *отрицательно* и собирается ее *отмѣнить*. Трудно повѣрить, что Дума въ здравомъ умѣ могла выбрать *такую* постановку запроса. Нельзя было нарочно придумать ничего болѣе опаснаго для его результатовъ. И тѣмъ не менѣе Дума пошла *этимъ* путемъ, варьируя выраженія, но не измѣняя ихъ смысла.

Достаточно пересмотрѣть формулировку нѣсколькихъ запросовъ, чтобы видѣть, съ какимъ упорствомъ Дума держалась за эту свою несчастную мысль.

12 Мая, въ первомъ запросѣ, она задаетъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ вопросъ по поводу возможной конфирмаціи смертнаго приговора. «Имѣя въ виду, говоритъ запросъ, что Гос. Дума въ отвѣтномъ *адресѣ на тронную рѣчь отмѣтила необходимость пріостановленія исполненія смертныхъ приговоровъ*... сдѣлано ли сношеніе по телеграфу съ Прибалтійскимъ Генералъ Губернаторомъ о *пріостановленіи* приведенія въ исполненіе упомянутыхъ смертныхъ приговоровъ»?

24 Мая она запрашиваетъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Намѣрено ли правительство, въ виду твердо выраженнаго *отношенія Гос. Думы къ смертной казни* принять по дѣлу Неплюева экстренныя мѣры для *предупрежденія казней*?»

26 Мая при обсужденіи думскаго *законопроекта* о смертной казни Дума приняла такую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе..., что дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ... въ то время, когда само правительство уже приступило къ рѣшенію вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ... требуя пріостановки смертныхъ приговоровъ, Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Эта формула перехода явится новымъ мотивомъ, чтобы въ будущемъ считать смертную казнь незакономѣрной; она де *противорѣчитъ принятой Думой формулѣ*.

Такіе запросы только показывали, что Дума свою *«волю»*, даже свои *«намѣренія»* считала выше закона. Было еще возможно, чтобы въ виду желанія Думы Министръ Внутреннихъ дѣлъ предписалъ Губернаторомъ не пользоваться ст. 18 впредь до пересмотра «исключительныхъ положеній». Это было бы его правомъ. Во второй Думѣ такъ и сдѣлалъ Столыпинъ съ полевыми судами. Прослушавъ пренія въ Думѣ 13 Марта 1907 г. онъ заявилъ: «Вдумавшись въ этотъ вопросъ правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры... Мы хотимъ вѣрить, господа, что отъ Васъ услышимъ слово умиротворенія... Въ ожиданіи этого слова правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить этотъ суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ бы самъ собою путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія». Столыпинъ слово сдержалъ; больше законъ о военно-полевыхъ судахъ не примѣнялся, въ Думу не былъ внесенъ и самъ собой палъ. И это было сдѣлано во 2-ой Думѣ, судьба которой была рѣшена при самомъ избраніи. Было гораздо легче сдѣлать этотъ же жестъ въ угоду 1-ой Думѣ, «лучшимъ людямъ» страны. Но когда Дума утверждала, что въ виду выраженнаго ею желанія исполненіе приговоровъ вошедшихъ въ законную силу *допускаться не можетъ*, и требовала, чтобы правительство по телеграфу ихъ задерживало, то подчиниться *подобному* требованію значило признать *над-*

законность думскихъ желаній. Вѣдь даже въ адресѣ Дума не спорила, что пріостановленіе смертныхъ приговоровъ можетъ быть сдѣлано *только Верховною Властью.* Она говорила: «въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же *Вашею*, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ». На это Государь не отвѣтилъ; приговоровъ *не* пріостановилъ своею властью. И послѣ этого Дума все же считаетъ, что благодаря высказанному ею желанію, пріостановленіе должны дѣлать уже сами *Генералъ-Губернаторы*, да еще по телеграфу! Желаніе Думы должно быть ими поставлено *выше* законныхъ правъ Государя.

Ставя запросъ такимъ образомъ Дума сама строила эшафотъ осужденнымъ; вопросъ о смертной казни нѣсколькихъ человѣкъ она превращала въ вопросъ, что управляетъ въ Россіи: «законъ» или «желанія Думы»?

Запросъ былъ такъ вызывающе незаконенъ, что и Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Военный Министръ могли бы на него рѣзко отвѣтить, указавъ Думѣ ея конституціонное мѣсто. Этого сдѣлано не было. Запросамъ былъ данъ обычный ходъ. I Іюня Военный Министръ, черезъ Главнаго Военнаго Прокурора, далъ отвѣтъ на предъявленные къ нимъ запросы о дѣйствіяхъ *военныхъ властей.*

Съ юридической стороны отвѣтъ Министра былъ безупреченъ. Разъ дѣло передано военнымъ судамъ для сужденія по законамъ военнаго времени, военные суды исполняя свой долгъ, и примѣняя законъ въ обязательномъ для нихъ толкованіи его высшей военно-судебной инстанціей не могли не приговаривать къ смерти и не могли «пріостанавливать исполненіе приговоровъ». Законъ не давалъ Военному Министру права этого дѣлать. Для этого недостаточно выраженнаго Гос. Думой *ея* отрицательнаго отношенія къ смертной казни.

Иного отвѣта Военный Министръ дать и не могъ. Но что же на это отвѣтила Дума?

Спеціалистъ по военнымъ законамъ проф. Кузьминъ-Караваевъ не отрицалъ, что законъ *не* былъ нарушенъ: «Если бы мы считали, иронизировалъ онъ, что власть дѣйствовала и дѣйствуетъ не по закону, развѣ бы былъ *такъ* формулированъ нашъ запросъ?... Мы спросили бы, преданъ ли Генералъ-Губернаторъ Суду и *казненъ* ли онъ уже»? Остроумная шутка въ устахъ человѣка, который еще недавно доказывалъ въ Думѣ, что смертная казнь *ни при какихъ условіяхъ* не должна быть примѣняема. Но, если все было сдѣлано по закону, то во имя чего Военный Министръ могъ бы вмѣшаться въ судебный процессъ? «*Высшій законодательный органъ* въ Имперіи, объясняетъ Кузьминъ-Караваевъ, *высказалъ свой взглядъ* на смертную казнь. Дума указала въ отвѣтномъ адресѣ Государю на *необходимость немедленной пріостановки* исполненія смертныхъ приговоровъ». «Что же, вопрошаетъ Кузьминъ-Караваевъ, мы въ отвѣтъ на это услышали? Военный Министръ прикрылся закономъ; законъ ему не даетъ права вмѣшаться».

Таковъ былъ печальный, а для сторонниковъ правового порядка постыдный доводъ Государственной Думы, когда она конституціонную почву оставила. Кромѣ высокопарнаго утвержденія, что она Высшій Законодательный органъ и повидимому, стоитъ выше закона, она незакономѣрности дѣйствій военныхъ властей не доказала ничѣмъ. Ей пришлось пустить свое краснорѣчіе по *другому* руслу. И въ этотъ день было сказано много сильныхъ и красивыхъ, а также и просто грубыхъ рѣчей, которыя громили смертную *казнь вообще*. Тема была благодарна, а великолѣпныхъ ораторовъ было въ Думѣ не мало. Недостаткомъ всѣхъ этихъ рѣчей было то, что онѣ были внѣ темы. Дума не хотѣла говорить о томъ, о чемъ говорить было можно и нужно, о негодности ст. 18, или хотя бы злоупотребленіяхъ ею. Ораторы предпочли негодовать на то, что Военный Министръ осмѣлился поставить законъ выше *пожеланія* Думы, не посчитался съ *ея настроеніемъ*, что онъ, говоря словами Винавера, не пожелалъ «преклониться передъ суверенною волей народнаго представительства». Эту претензію Дума закрѣпила своимъ переходомъ, въ которомъ указала, будто «Военный Министръ прикрываетъ явное нежеланіе удовлетворить требованіе Думы формальнымъ отводомъ, ссылаясь на то, что онъ невправѣ «вмѣшиваться въ распоряженія Генералъ-Губернаторовъ по судебнымъ дѣламъ», что «такая необходимость вмѣшательства повелительно указывалась въ настоящемъ случаѣ, какъ *единогласнымъ рѣшеніемъ Думы* (!), такъ и крайнею серьезностью положенія, котораго упорно не хочетъ видѣть правительство, что выражая свое глубокое негодованіе по поводу содержанія и формы отвѣта Военнаго Министра» и т. д.

Этотъ финалъ обнаружилъ безсиліе Думы, но не убѣдилъ ее въ томъ, что для результата нужно было идти *другою* дорогой. На другой день кадетская пресса ликовала по поводу этой своей новой «побѣды».

«Еще одинъ дебютъ, и какой» — писалъ Милюковъ въ «Рѣчи» 2 Іюня. «Господину Павлову отвѣтили юристы — во имя права. Ему отвѣтилъ и священникъ въ рясѣ — во имя совѣсти. Г-нъ военный прокуроръ стушевался тотчасъ послѣ своей рѣчи, не дожидаясь уничтожающихъ ударовъ, которые на него посыпались. Если бы онъ остался, ему пришлось бы готовить другой отвѣтъ, гораздо болѣе существенный и длинный. Кузьминъ-Караваевъ, Ледницкій, потомъ Винаверъ доказали ему, что отводъ по некомпетентности — лицемѣренъ и фальшивъ; что помимо того, что власть не смущалась никогда вмѣшательствомъ въ юстицію, въ данномъ случаѣ рѣчь шла лишь о добросовѣстномъ примѣненіи исполнительной власти... Страшный ударъ и страшный урокъ». *Такъ* тогда писали исторію и *такъ* боролись за право.

Кого кромѣ «своихъ» могъ убѣдить или разубѣдить запросъ такъ сервированный? А между тѣмъ Дума послѣ своей «новой побѣды» продолжала свою успѣшную тактику; она за-

просы о смертныхъ казняхъ продолжала предъявлять на тѣхъ же основаніяхъ; разница редакціи ихъ существа не мѣняла. Запросы превратились въ отписку; и Военный Министръ сталъ отвѣчать на нихъ по тому-же трафарету. Такъ 30 Іюня въ отвѣтъ на 7 запросовъ обращенныхъ къ нему въ той же формѣ, Военный Министръ только сослался на данныя уже имъ ранѣе объясненія. Набоковъ не безъ остроумія отвѣчалъ. «Если отвѣты тождественны, то тождественно и то негодованіе, которое испытываетъ Дума». Набоковская реплика награждается «продолжительными аплодисментами». Но это неискренно; негодованія здѣсь уже быть не могло; это слишкомъ сильное чувство для той канцелярщины, въ которую Дума, изъ-за своего высокомѣрія, превратила эти запросы.

Другой самой многочисленной группой запросовъ были тѣ, которые имѣли основаніемъ примѣненіе полномочій предоставленныхъ администраціи «правилами объ исключительныхъ положеніяхъ». Содержаніе подъ стражей безъ предъявленія обвиненія, безпричинные обыски, немотивированныя высылки, неутвержденія на должности и увольненія — вся беззащитность обывателя противъ государственной власти потокомъ лилась черезъ Думу. Такіе конкретные случаи, когда ихъ видишь своими глазами, или когда они изображены въ художественномъ произведеніи, впечатлѣніе производятъ. Если они преподносятся массой въ видѣ шаблоновъ, они только утомляютъ и ослабляютъ вниманіе.

Борьба и съ этимъ зломъ была вполнѣ въ компетенціи Думы. Негодность исключительныхъ положеній была признана властью. Пересмотръ ихъ былъ важнѣе закона о «неприкосновенности личности». При существованіи исключительныхъ положеній этотъ законъ остался бы академическимъ. Порядокъ введенія исключительныхъ положеній не зависѣлъ отъ Думы; онъ былъ забронированъ Основными Законами. Но ихъ содержаніе, объемъ правъ административныхъ властей, установленіе отвѣтственности за злоупотребленія или порядокъ контроля и самозащиты — все было во власти Думы. Было благодарной задачей дать правительству бой на этой позиціи, показавъ какъ эти положенія примѣнялись. Пользованіе ими для случаевъ, гдѣ никакой «политики» не было, было такъ общеизвѣстно, что защищать прежній порядокъ сама власть не посмѣла бы. Вотъ путь, которымъ надо было идти, если искать результатовъ.

Дума на него не вступила; причина та-же. «Исключительныя положенія» она хотѣла не *исправлять*, а *уничтожить* совсѣмъ. Отъ мысли внести въ нихъ гарантіи она отскакивала, какъ убѣжденные пацифисты отъ приглашенія «смягчить» пріемы войны. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту о «неприкосновенности личности» было изложено, что одновременно съ нимъ «отмѣняются всѣ тѣ законы, которые по самому своему существу противорѣчатъ началу неприкосновенности личности»; къ нимъ, говорилъ проектъ, «относятся и дѣйствующія узаконенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго по-

рядка и общественнаго спокойствія». И въ своемъ адресѣ Дума говорила только о «снятіи» исключительныхъ положеній, а не о ихъ *пересмотрѣ.*

Конечно, исключительныя положенія не должны были быть нормальнымъ состояніемъ, какъ это было у насъ. Но сейчасъ позволительно себя спросить: было ли искренне утвержденіе Думы, что никакихъ исключительныхъ полномочій для власти *ненужно?* Что страной можно управлять одной «неприкосновенностью личности»? Такому утвержденію трудно повѣрить уже потому, что въ Думѣ признавалось и повторялось охотно, что она жила въ эпоху «гражданской войны». При обсужденіи закона о собраніяхъ, кадетскіе ораторы Винаверъ и Кокошкинъ напоминали о громадныхъ правахъ, которыми въ Англіи пользуется чиновникъ противъ собраній, которыя начнутъ общественному спокойствію угрожать»... «Собранія бываютъ разныя — кстати вспомнилъ Винаверъ; мы, которые пережили ужасы послѣднихъ лѣтъ, передъ глазами которыхъ рѣютъ собранія съ разгоряченными лицами готовящихся идти на погромы — мы не закроемъ глазъ на возможность такихъ собраній и въ будущемъ». Это было характерно; опасность отъ безвластія поняли, когда *«сами»* отъ него *пострадали.* Рѣчь шла о собраніяхъ, но вопросъ ставился вообще объ исключительныхъ правомочіяхъ. Могутъ ли они иногда стать необходимыми, хотя бы они и противорѣчили «закону о неприкосновенности личности»?

Въ тотъ же день, когда это говорилось Винаверомъ, 20 Іюня Дума приняла лаконическій запросъ, внесенный трудовиками и соціалъ-демократами. Онъ былъ формулированъ такъ:

«Въ Батумѣ послѣ убійства казачьяго сотника начинается погромъ. Населеніе въ паникѣ. Нужны *экстренныя* мѣры.

Что намѣренъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ предпринять для *предупрежденія* погрома?»

Въ паникѣ очевидно было не одно населеніе, а и авторы запроса. Иначе они не говорили бы о «предупрежденіи» погрома, который по ихъ словамъ *уже начался.* Но изъ запроса все-таки очевидно, что авторы допускали *необходимость экстренныхъ мѣръ*, а потому какъ будто и экстренныхъ полномочій. Нельзя экстренно предупредить погрома въ впавшемъ въ панику населеніи одной «неприкосновенностью личности».

Не стоитъ на этомъ настаивать. Дума не отрицала принципіально необходимости исключительныхъ мѣръ, иногда сама къ нимъ призывала. Она только осуждала пріемы, а главное *поводы*, которыми пользовалось правительство при ихъ примѣненіи. Если такъ, передъ ней были двѣ законныхъ дороги. Или законодательный пересмотръ исключительныхъ положеній. Это былъ правильный путь, но Дума его не хотѣла. Революціонная идеологія этого не допускала. Или обличеніе правительства въ томъ, что оно исключительными положеніями «злоупотребляло», примѣняло ихъ «незакономѣрно», въ противорѣчіи съ «цѣлью закона». Этого Дума хотѣла еще меньше. Не говоря о томъ, что

это требовало бы такого ознакомленія съ фактической стороной каждаго случая, которое было ей не по силамъ, это все-таки молчаливо санкціонировало бы *законность* исключительныхъ положеній, пока они *не* отмѣнены. И Дума пошла третьимъ безнадежнымъ путемъ. Она просто нашла, что самое примѣненіе ихъ уже беззаконіе и потому даетъ поводъ къ запросу.

Но почему оно стало вдругъ «беззаконіемъ?» Думскіе юристы аргументаціей не затруднялись. Вѣдь еще 13 Мая Кокошкинъ нашелъ, что они были отмѣнены Манифестомъ 17 Октября. Другіе находили, что они противорѣчатъ докладу Витте, который Государь велѣлъ «принять къ руководству». Потомъ стали настаивать, что беззаконны они потому, что Дума внесла свой законопроектъ о неприкосновенности личности, въ которомъ *предполагала* ихъ отмѣнить. Отъ такихъ аргументовъ становится тошно. Они всѣ *внѣ* темы и не могли быть искренни. И Дума кончала привычнымъ крикомъ: въ отставку. Она могла быть довольна сама собой; но это не могло называться «контролемъ».

Ясно, что обличая правительство за незакономѣрныя дѣйствія, Дума сама становилась на незаконную почву; она принимала за законъ свои пожеланія, считала себя выше закона. Ея запросы поэтому роняли авторитетъ ея, а не власти; они обнаруживали, чѣмъ бы *грозило* у насъ введеніе парламентарнаго строя. Не было бы правового порядка, а только Самодержавіе на изнанку, Самодержавіе думскаго большинства.

Любопытно посмотрѣть на другую сторону дѣла; сохраняла ли Дума хоть бы *видимость* объективности? На это безполезно разсчитывать, какъ во время войны на объективное отношеніе къ непріятелю. Примѣры можно найти на каждой страницѣ отчетовъ. Но какой при такихъ отношеніяхъ можетъ быть контроль? Для иллюстраціи я остановлюсь на двухъ интересныхъ запросахъ.

Самый интересный по существу думскій запросъ былъ предъявленъ еще 8 Мая «по поводу печатавшихся въ Департаментѣ Полиціи погромныхъ воззваній». Онъ разоблачалъ вопіющее зло въ самомъ центрѣ управленія и бросалъ поучительный свѣтъ на пріемы стараго строя. Въ немъ былъ только одинъ недостатокъ: онъ относился къ Декабрю 1905 г., когда не было Думы, затрагивалъ черты той правительственной анархіи, когда старый режимъ и революція съ разныхъ концовъ вели подъ Витте и октябрьскую реформу подкопъ. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ тогда Дурново, не Столыпинъ; Столыпинъ имѣлъ полное право отъ отвѣта на такой запросъ уклониться. Онъ этого не захотѣлъ; онъ былъ еще полонъ надеждъ на возможность съ этой Думой работать. Онъ рѣшилъ запросомъ воспользоваться, чтобы отречься отъ прошлаго и ясно опредѣлить *свое* направленіе. Передъ Думой онъ ничего скрывать не хотѣлъ. «Оговариваюсь впередъ, заявилъ онъ 8 Іюня, что недомолвокъ не допускаю и полумѣръ не признаю». Послѣ этого предисловія онъ далъ картину того, что въ Департаментѣ Полиціи въ то смутное время творилось. Онъ разсказалъ, какъ въ немъ печата-

лись погромныя прокламацiи, какъ за это послѣдовали нѣкоторыя санкцiи, какъ былъ отстраненъ отъ службы Рачковскiй, получилъ внушенiе Будаговскiй, но какъ послѣднiй, въ *то-же самое время*, за *другое* дѣянiе получилъ Высочайшую благодарность. Обличивъ прошлое,Столыпинъ отчетливо высказалъ свое отношенiе къ подобнымъ прiемамъ. «Эти дѣйствiя, признаетъ онъ, были неправильны и Министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись: я могу ручаться, что повторенiя ихъ не будетъ».

Чего большаго можно было требовать отъ Министра, который за дѣйствiя *своихъ предшественниковъ* не отвѣчаетъ? Столыпинъ первой формацiи, не тотъ, какимъ его впослѣдствiи сдѣлали, былъ человѣкъ, которому въ довѣрiи не отказывали даже противники. Объ личномъ къ нему уваженiи, въ томъ же засѣданiи, заявили Урусовъ, Родичевъ и Ковалевскiй. И этотъ Министръ давалъ публичное обѣщанiе. Нужно было закрѣпить эти слова и ждать дальнѣйшихъ событiй. Можно было указать на условiя, которыя были необходимы, чтобы онъ обѣщанiе свое могъ сдержать. Здѣсь былъ центръ вопроса. Столыпинъ несомнѣнно преувеличивалъ *свои* силы, какъ носителя власти, какъ кадеты преувеличивали свои, какъ представителей «воли народа». Оба противника свою настоящую силу могли дать лишь при соглашенiи и сотрудничествѣ. Обращенiе Столыпина къ Думѣ съ обличенiемъ прошлыхъ порядковъ, чего сторонники стараго ему не прощали, и было попыткой того примиренiя власти съ либеральной общественностью, которое для успѣха общаго дѣла было необходимо обоимъ. Къ этому выводу его и подвелъ кн. Урусовъ въ замѣчательной рѣчи.

Въ I-ой Думѣ замѣчательныхъ по государственному смыслу рѣчей было немного. Рѣчь Урусова одна изъ нихъ. Въ исторiю отъ нея перешелъ только заключительный и не очень удачный намекъ на тѣхъ «кто по воспитанiю вахмистры и городовые, а по убѣжденiю погромщики». Рѣчь стоила *большаго*, чѣмъ память объ *этихъ* словахъ.

Урусовъ, какъ и Столыпинъ, принадлежалъ къ той плеядѣ либеральныхъ бюрократовъ, у которыхъ,въ правящемъ классѣ, было достаточной связей и положенiя, чтобы позволить себѣ роскошь быть самостоятельными. Такихъ людей было не мало; ихъ помощь была кадетамъ нужна,чтобы Россiя могла преобразоваться въ мирномъ порядкѣ. Къ сожалѣнiю, общественность умѣла утилизировать ихъ только тогда, когда они съ бюрократiей рвали. Урусовъ, благодаря бюрократическому опыту, понималъ обстановку. Онъ не дѣлалъ себѣ распространенныхъ иллюзiй, что стоитъ кадетамъ получить власть въ свои руки, какъ все пойдетъ благополучно. Онъ предупредилъ объ этомъ словами: «я могу утверждать, что никакое Министерство, будь оно взято изъ состава Государственной Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ, пока какiе-то неизвѣстные люди или темныя силы, стоящiя за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность хвататься за отдѣльныя части государственнаго механиз-

ма». Зло было дѣйствительно *тутъ*. Урусовъ предупреждалъ Столыпина, что его Министерство *одно* будетъ безсильно съ ними бороться. «Главные вдохновители находятся, очевидно, внѣ сферы воздѣйствія Мин. Вн. Дѣлъ, и вотъ почему я, не направляя своихъ словъ ни противъ Министерства, ни противъ отдѣльныхъ Министровъ могу все-таки утверждать, что категорическое заявленіе сдѣланное намъ сегодня, врядъ ли имѣетъ подъ собою *твердую* почву». Это былъ подходъ къ центру вопроса. Кто же были эти темныя силы и главное, въ чемъ было ихъ могущество? Урусовъ былъ опытнѣе, чѣмъ Столыпинъ и понималъ это лучше. На самого Столыпина онъ не нападалъ; «я совершенно увѣренъ, что г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ намъ все, что могъ,увѣренъ въ искренности его сообщеній, и не сомнѣваюсь въ томъ, что при Министрѣ Столыпинѣ никто не рѣшится воспользоваться зданіемъ Министерства и министерскими суммами, чтобы организовать погромы и устраивать подпольныя типографіи».

Но вывода изъ всего этого, къ сожалѣнію, Урусовъ не дѣлалъ; онъ правильно указывалъ зло, но не указывалъ способовъ къ его излеченію. Тогдашняя кадетская «тактика» этого не позволила. Потому и Столыпинъ не понялъ его или могъ сдѣлать видъ, что не понялъ. Онъ съ гордостью отвѣтилъ Урусову: «Я долженъ сказать, что по приказанію Государя Императора, вступивъ въ управленіе Мин. Вн. Дѣлъ, я получилъ всю полноту власти, и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти пизраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю».

Жизнь надсмѣялась надъ этой самоувѣренностью. «Темныя силы» не только убили Столыпина, они погубили Россію. Урусовъ былъ правъ; съ ними не справились.

Но мало было пророчески *окрестить* эти неизвѣстныя силы, какъ это сдѣлалъ Урусовъ. Было необходимо дать себѣ отчетъ, ***въ чемъ*** было ихъ могущество? Оно было не въ томъ, конечно, что они «вахмистры и погромщики», какъ при «несмолкаемомъ громѣ аплодисментовъ» закончилъ Урусовъ. Сила ихъ была къ несчастью въ томъ, что либеральная общественность своей *тактикой* создавала для ихъ интригъ и ихъ укрѣпленія *благодарную почву*. Не идя на соглашеніе съ властью, либерализмъ ослаблялъ все государство. Революціонеры справа, которые производили погромы «жидовъ», какъ и тѣ революціонеры слѣва, государственная мудрость которыхъ изобрѣла погромы «помѣщиковъ», террористы, которые убили Герценштейна и Іоллоса и тѣ, кто подстрѣливали городовыхъ на постахъ, — одинаково были не «красой и гордостью», а *болѣзнью* страны. Въ здоровомъ государственномъ организмѣ ни тѣхъ, ни другихъ быть не должно; такія явленія тамъ только индивидуальныя преступленія. Заразительность ихъ гибнетъ въ здоровой правовой атмосферѣ. У насъ было другое. *Лѣвый* Ахеронтъ сдѣлался союзникомъ *либерализма* и отречься отъ него либерализмъ до тѣхъ поръ не рѣшался. Потому и *правый* Ахеронтъ нашелъ

свою опору въ *правительствѣ*, въ самомъ Государѣ включительно. Оба гибельныхъ Ахеронта питали другъ друга. Дума громила «правыхъ погромщиковъ», но требовала амнистіи для «своихъ» за «убійства» и даже за всѣ «аграрныя» преступленія. Государь въ ней Думѣ отказалъ, а за то «миловалъ» *своихъ* по предстательству Дубровинской шайки. Сопоставленіе тѣхъ и другихъ морально можетъ казаться кощунствомъ, но политически они были другъ на друга похожи, какъ негативъ похожъ на фотографію. Недаромъ часто нельзя было отдѣлить революціонеровъ отъ охранки; а «революціонеры» ставши властью свое «охранное» лицо показали. Размноженіе революціонныхъ бактерій было однимъ изъ послѣдствій Самодержавія. Объявленіе конституціонной монархіи *могло* стать началомъ выздоровленія. Но для этого было необходимо соглашеніе и сотрудничество власти съ либеральной общественностью. Ея амплуа занимали кадеты; *они* ее за собой вели. Только взаимное соглашеніе ихъ съ исторической властью могло ихъ обоихъ избавить отъ *своихъ* вредныхъ Ахеронтовъ. Въ этомъ была ихъ задача и залогъ «моральнаго обновленія» русской земли.

Но когда Столыпинъ пришелъ передъ Думой съ осужденіемъ *праваго* Ахеронта, съ обѣщаніемъ, что прибѣгать къ нему при немъ больше не будутъ, *какъ* его встрѣтила Дума? Она не поняла, что въ *ея* интересахъ было дать спору Столыпину въ обѣщанной имъ *новой* политикѣ. Она какъ будто нарочно поставила себѣ цѣлью во славу «темныхъ силъ» Столыпина доканать. Винаверъ краснорѣчиво громилъ *предыдущее* министерство, лицемѣрное его отношеніе къ Рачковскому и Будаковскому, дѣлалъ ядовитые намеки на Трепова, (который въ это время велъ съ Милюковымъ переговоры о кадетскомъ правительствѣ). Родичевъ увѣрялъ, что «былъ день, когда Министерство *могло* торжественно заявить странѣ, что отрекается отъ старыхъ путей насилія и произвола, отъ старыхъ путей лжи; оно этого *не сдѣлало* въ тотъ день». И онъ кончилъ указаніемъ, что только «покинувъ министерскія мѣста, они могутъ исполнить долгъ передъ родиной». (Бурные аплодисменты, голоса: въ отставку, въ отставку).

Аладьинъ *вышучивалъ* рѣчь Столыпина, который «объясняясь съ нами съ трогательнымъ дрожаніемъ въ голосѣ, смиренно просилъ, чтобы мы простили имъ грѣхъ въ прошломъ потому, что они въ настоящемъ раскаялись». Рамишвили *издѣвался* надъ Столыпинымъ, будто «онъ призналъ, что сознательно дѣлалось то, что дѣлалось темнаго, омерзительнаго, губящаго всю Россію. Сказалъ или такъ проговорился Министръ, все равно онъ выложилъ всю душу; простите за прошлое, въ будущемъ не будетъ ничего подобнаго». Въ формулѣ перехода принятой Думой было изложено, что «*только немедленная отставка настоящаго Министерства* и передача власти кабинету пользующемуся довѣріемъ Гос. Думы въ состояніи вывести страну изъ тяжелыхъ и быстро возрастающихъ затрудненій». Такъ отнеслась Дума къ откровенной и мужественной рѣчи Столыпина.

А на другой день восторги Милюкова въ «Рѣчи»: «Резолюція принятая вчера Государственной Думой по поводу отвѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, писалъ онъ въ «Рѣчи» 10 Іюня, ярко подчеркивала мораль вытекащую изъ новаго урока преподаннаго Думой Министерству... Устами цѣлаго ряда ораторовъ она доказала министру, что министерство неспособно понять свой долгъ передъ страной, безсильно его выполнить и слѣдовательно должно уступить свое мѣсто министерству вооруженному настоящей силой, моральнымъ авторитетомъ».

Поведеніе революціонныхъ партій въ этомъ засѣданіи Думы было понятно. Онѣ старались мѣшать соглашенію съ властью и поднимать революціонное настроеніе. Но какъ объяснить кадетскую тактику? О какомъ безпристрастіи и объективности можно было послѣ этого говорить? И кого, кромѣ «своихъ», могла убѣждать думская формула перехода?

Съ запросомъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ поучительно сопоставить другой запросъ къ Министру Юстиціи.

Мировые судьи Петербурга неожиданно вспомнили, что по Уставамъ 64 г. имъ было предоставлено право повѣрять мѣста заключенія и освобождать тѣхъ, кто былъ задержанъ неправильно. Давно никому изъ нихъ не приходило въ голову этимъ правомъ воспользоваться. Послѣ объявленія конституціи судьи это попробовали. Какъ и должно было ожидать, оказалось, что многіе арестованные содержались безъ оправдательныхъ документовъ. Немедленно это было исправлено; документы были доставлены и «законность» восторжествовала. Положеніе объ Охранѣ дѣлало это исправленіе очень легкимъ. Но интересъ запроса былъ не въ дѣйствіяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое по домашнему содержало арестованныхъ безъ ордера, а въ дѣйствіяхъ судебныхъ властей и самого Министерства Юстиціи. Почему за все это время бездѣйствовали мировые судьи и Прокуроръ? Какъ къ этому бездѣйствію отнесется новое Министерство Юстиціи? Запросъ былъ объ этомъ.

Отъ него 30 Іюня выступилъ Товарищъ Министра сенаторъ Соллертинскій. Если отнестись къ его словамъ безъ предвзятости, нужно будетъ признать, что Министерство Юстиціи сдѣлало *все*, что *могло* по конституціи сдѣлать. Соллертинскій печальный фактъ подтвердилъ; «какъ ни узки, говорилъ онъ, полномочія мировыхъ судей и прокурора сводящіяся почти исключительно къ формальной провѣркѣ документальной правильности заключенія, нужно сознаться, что и эти полномочія имѣютъ свою печальную исторію, лишній разъ устанавливающую, что отдѣльныя законоположенія не согласованныя съ общимъ политическимъ режимомъ не жизнеспособны... Эти законоположенія начертанныя въ судебныхъ уставахъ 64 г., за 42 года захирѣли, омертвѣли и успѣли забыться такъ основательно, что когда столичные мировые судьи, спустя 40 лѣтъ послѣ открытія столичныхъ мировыхъ учрежденій, вспомнили о существованіи этихъ статей, то появленіе ихъ въ мѣстахъ заключенія произвело нѣкоторый переполохъ; переполохъ не только среди началь-

никовъ тюремныхъ мѣстъ, не видѣвшихъ дотолѣ мировыхъ судей у себя, но и среди прокурорскаго надзора поспѣшившаго отозваться на это самымъ ограничительнымъ толкованіемъ этихъ полномочій, а значитъ и *своихъ* собственныхъ. Прокуроръ Петербургской Судебной Палаты сообщилъ въ порядкѣ надзора относящееся сюда опредѣленіе мировыхъ судей въ соединенное присутствіе Правительствующаго Сената. Мало того я долженъ сказать, что самъ Правительствующій Сенатъ въ соединенномъ присутствіи,отмѣнивъ своимъ опредѣленіемъ 8 Іюня нѣкоторыя подробности общаго опредѣленія съѣзда мировыхъ судей призналъ вопросъ о предѣлахъ права посѣщенія мировыми судьями мѣстъ заключенія вопросомъ настолько *новымъ* въ судебной практикѣ, что постановилъ передать его на разсмотрѣніе общаго Собранія Правительствующаго Сената».

Вотъ, что по рутинѣ происходило въ *столицѣ*, въ Прокуратурѣ Петербургской Палаты и въ Сенатѣ — на второмъ мѣсяцѣ управленія Щегловитова. Что же сдѣлалъ новый Министръ, когда про это узналъ? «Прежде чѣмъ состоялось постановленіе Общаго Собранія Сената, говорилъ Соллертинскій, прежде чѣмъ состоялось даже такое постановленіе соединеннаго присутствія (т. е. раньше 8 Іюня) Министръ Юстиціи идя навстрѣчу назрѣвшей потребности возстановленія основныхъ началъ судебной реформы 20 Ноября, отмѣнилъ распоряженіе Прокурора Петербургской Палаты, какъ неправильное, и предписалъ ему немедленно увѣдомить начальниковъ мѣстъ заключенія о томъ, что мировые судьи *имѣютъ право* безпрепятственно входить въ мѣста содержанія заключенныхъ и одновременно предписалъ циркулярно прокурорамъ окружныхъ судовъ провѣрять немедленно лично или черезъ своихъ товарищей правильность задержанія арестантовъ и впредь неуклонно исполнять ст. 10 Уст. Угол. Суд... Въ отношеніи начальниковъ мѣстъ заключенія по нерадивости допустившихъ продленіе срока возбуждено Министромъ Юстиціи дисциплинарное производство».

Что могъ сдѣлать большаго Мин. Юстиціи? Въ рѣшительности, съ которой онъ выступилъ на защиту Судебныхъ Уставовъ, сказался прежній, настоящій Щегловитовъ, пока онъ не превратился въ врага и конституціи и независимости судебныхъ установленій и не сталъ однимъ изъ лидеровъ реакціи. Но въ тотъ моментъ онъ былъ на высотѣ. Назидательно и правдиво и указаніе Соллертинскаго, какъ «умираютъ» законы несогласованные съ общимъ политическимъ строемъ. Развѣ онъ былъ неправъ? Вѣдь въ ту пору, когда Александръ III приказывалъ уничтожить мировыхъ судей, «какъ вредныхъ», когда Катковъ называлъ судебныя установленія — «судебной республикой», покушеніе прокурора учредить контроль за жандармами, или мировыхъ судей освобождать заключенныхъ — повело бы къ новому ограниченію ихъ полномочій. Развѣ друзья Судебныхъ Уставовъ, какъ Д. Н. Набоковъ, не спасали Уставовъ тѣмъ, что бросали балластъ? Въ Россіи всѣ знали, что реформы 60-хъ годовъ, начало нашего обновленія, были остановлены именно тѣмъ,

что они оказались *«несогласованными* съ Самодержавіемъ». Этимъ доводомъ несогласованности одинаково били и по суду и по земству. Потому-то и въ Освободительное Движеніе, съ его кличемъ «Долой Самодержавіе» включились не только революціонеры съ своими утопіями, но и либерализмъ, который хотѣлъ только развитія «великихъ реформъ». Въ 1906 г. и былъ данъ новый политическій строй, новая «форма правленія». Съ ней, а уже не съ Самодержавіемъ должны были отнынѣ быть согласованы пріемы управленія. Очередь хирѣть и умирать была за *другими* законами, даже раньше ихъ формальной отмѣны.

Какъ же встрѣтила Дума заявленіе Соллертинскаго? Въ искренности этого честнѣйшаго человѣка не сомнѣвался никто. Первыми же словами Родичевъ отдалъ ему справедливость. «Товарищъ Министра Юстиціи, сказалъ онъ, говорилъ субъективно не только правду, но всю правду». Но затѣмъ начался краснорѣчивый разносъ Министерства Юстиціи за то, что было *прежде*, за то, что оно *давно* превратилось въ служанку Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (аплодисменты), за безсиліе судебныхъ властей привлекать должностныхъ лицъ къ овѣтственности, хотя законопроектъ объ этомъ былъ новымъ Министромъ внесенъ уже болѣе мѣсяца, но Думой оставленъ пока безъ движенія; онъ громилъ за беззаконныя дѣйствія *бывшаго* Министра Акимова, за оставшіяся безнаказанными какія-то не названныя ораторомъ преступныя дѣйствія по службѣ Оберъ Прокурора Ширинскаго-Шихматова. Конечно, все это могло быть вполнѣ справедливо. Но какое отношеніе это имѣло къ запросу? Жилкинъ иронически вопрошалъ Соллертинскаго: «кто же способствовалъ полному искаженію Уставовъ 64 года? Мы знаемъ что *вы* выходите изъ среды тѣхъ лицъ, которыя совершали это урсдованіе закона; и если *вы* сдѣлали такъ, чтобы всякая законность исчезла, то какимъ образомъ *осмѣливаетесь вы* сюда приходить и предлагать намъ руку для совмѣстной общей работы? Разъ вы себя высѣкли, то пусть это будетъ Вашимъ послѣднимъ появленіемъ; не приходите сюда больше (аплодисменты). Если у васъ есть пониманіе, а не одни только слова, то вамъ остается исполнить требованіе Государственной Думы, *уйти*, и *дать дорогу другому*, настоящему кабинету». (взрывъ аплодисментовъ).

Даже Винаверъ, хорошо знавшій судебное дѣло и судебныхъ людей, не отказался отъ удовольствія вышутить Соллертинскаго. «Оказалось, говорилъ онъ, что въ теченіе 40 лѣтъ законъ былъ забытъ, а когда затѣмъ онъ былъ обнаруженъ, случился переполохъ; прежде всего въ тюремномъ вѣдомствѣ; затѣмъ переполохъ перешелъ въ область прокуратуры; Прокуроръ поспѣшилъ прекратить дѣйствіе этого вновь обнаруженнаго закона, а когда дѣло дошло до Сената, то Сенатъ остался въ недоумѣніи и обратился къ общему собранію, куда дѣвать вновь найденный занонъ? Министерство Юстиціи объясняетъ это неожиданное приключеніе тѣмъ,что законъ,не соотвѣтствующій политическому режиму, хирѣетъ и т. д.»

Это остроумно; но можно было сказать: надъ собою смѣетесь. Законъ былъ забытъ не только тюремнымъ вѣдомствомъ и Прокуратурой; его забыли и мировые судьи, и адвокаты, и сама образованная общественность. Кто мѣшалъ имъ послѣ 17 октября вспомнить про этотъ законъ, потребовать его примѣненія? Когда писались ненужныя и нелѣпыя статьи о томъ, будто послѣ 17 Октября *новыхъ* законовъ не можетъ быть *издаваемо*, когда отрицалось право Монарха «октроировать конституцію», казалось было нетрудно отправить мировыхъ судей провѣрить мѣста заключенія и, если бы ихъ не пустили, кричать о дѣйствительномъ беззаконіи. Но никто не сдѣлалъ этого, такъ какъ законы «несогласованные съ политическимъ строемъ», даже передовой нашей общественностью, дѣйствительно *были забыты*.

Тѣ, кто вспомнили про этотъ законъ и произвели спасительный переполохъ, заслуживали общественной благодарности. Однако, и Министръ Юстиціи, который своею властью возстановилъ его силу, а не пытался доказывать, что позднѣйшій законъ объ Охранѣ его *отмѣнилъ*, имѣлъ право не на одни только насмѣшки. На такомъ примѣрѣ нужно было различать друзей отъ враговъ; тактика, которая состояла въ томъ, чтобы смѣшать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, была бы удачной только въ томъ случаѣ, если стоять на принципѣ: все или ничего. И эта тактика показала правительству, что тѣ его члены, кто хотѣлъ съ первой Думой работать, попадали въ худшее положеніе, чѣмъ тѣ, кто откровенно надъ нею смѣялся.

Это послѣднее можно увидѣть на печальной судьбѣ другого запроса: о печатаніи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» черносотенныхъ телеграммъ на Высочайшее имя.

Я указывалъ въ предыдущихъ главахъ, что враги конституціи притаились въ первые дни торжественнаго открытія Думы. Но Дума своимъ адресомъ подала имъ сигналъ; они сочли моментъ удобнымъ для нападенія и вышли наружу. Черносотенные дѣятели только пошли по слѣдамъ «освобожденцевъ», ихъ адресныхъ, телеграфныхъ и банкетныхъ «кампаній»; и они стали создавать видимость общественнаго мнѣнія и изъ разныхъ мѣстъ Россіи посылать телеграммы на Высочайшее имя; они обвиняли Думу въ томъ, что она «стремится къ захвату верховной власти», «дѣйствуетъ въ революціонномъ духѣ», «угождая иностранцамъ, посягаетъ на единство и цѣльность Россійской Имперіи» и т. д. Государя просили «убрать Думу», «сохранить свое неограниченное самодержавіе» и т. д.» Эти обращенія къ Государю были, конечно, безтактны сами по себѣ. Но было уже совсѣмъ неприлично, что они печатались въ оффиціальномъ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Правительство этимъ не только себя съ ними солидаризовало, но чисто партійныя выступленія позволило связывать съ именемъ Государя. Вѣдь обывателю было трудно повѣрить, что это печатаніе могло произойти безъ Высочайшаго разрѣшенія. Это печатаніе было такъ недопустимо, что Дума получила для запроса великолѣпную почву. Она

могла не только уличить Министровъ въ поощренiи неприличныхъ нападокъ на конституцiонное учрежденiе, но и выступить противъ недостойнаго вмѣшиванiя правительствомъ имени Государя въ партiйныя распри. Ударъ затѣянный Горемыкинымъ Думѣ могъ обернуться противъ него самого.

Но использовать эту благодарную позицiю Думѣ помѣшали ея прежнiя выступленiя и самый текстъ ея адреса. Какъ ни преувеличены были обвиненiя телеграммъ, поводъ къ нимъ былъ *Думою* данъ. Она «начала». Но правительство, своимъ поощренiемъ телеграммъ,все таки ее превзошло и открывало Думѣ возможность реванша. Однако, Дума не только выгодъ своей позицiи использовать не сумѣла, но ухитрилась и въ *этомъ* вопросѣ превзойти безтактность правительства.

Авторы запроса сочли возможнымъ найти, что напечатанныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммы заключаютъ въ себѣ «дерзостное неуваженiе къ *высшему законодательному учрежденiю*».«Дерзостное неуваженiе» — техническое выраженiе; это подлинный текстъ извѣстной ст. 128 Уголовнаго Уложенiя. Но эта статья говорила о «дерзостномъ неуваженiи» только къ «Верховной Власти», а не къ составу лицъ данныхъ законодательныхъ учрежденiй. Это была заносчивая и несчастная мысль употреблять эти «сакраментальные термины» по отношенiю къ Думѣ, приравнивать уваженiе къ ней къ уваженiю къ Верховной власти, и въ нападкахъ на нее усматривать какъ бы laesio majestatis. Не членамъ Думы было, подъ угрозою уголовнаго обвиненiя, требовать отъ населенiя *почтительнаго къ себѣ уваженiя*. Въ вполнѣ неприличныхъ телеграммахъ всетаки ничего уголовно *преступнаго* не было, и никакой судъ за нихъ бы не могъ осудить.

Главное обвиненiе противъ правительства должно было быть вовсе не въ *этомъ*, а въ томъ, что публикацiей телеграммъ оно примѣшивало самого Государя къ партiйнымъ спорамъ. Повидимому запросъ это и хотѣлъ поставить Министрамъ въ вину. Но сказалъ онъ совершенно другое.Въ запросѣ было изложено: «*печатанiе подобныхъ отзывовъ прежде всего колеблющихъ достоинство того лица, къ которому они обращены* и т. п.» Что эта за двусмысленная фраза? Какъ могла Дума считать, что какiя-то телеграммы безотвѣтственныхъ лицъ способны поколебать «достоинство Государя?» Противъ этихъ злополучныхъ словъ очень мягко и сдержанно возражали Стаховичъ и Гейденъ. Набоковъ сталъ ихъ защищать и неудачно. Онъ говорилъ, что «если въ конечномъ результатѣ эти телеграммы и не имѣютъ такихъ послѣдствiй, какъ колебанiе достоинства Государя, то они, собственно говоря, *стремятся* къ такому результату, потому что несомнѣнно, *если* бы Государь Императоръ *послѣдовалъ* тѣмъ приглашенiямъ и предложенiямъ, которыя къ нему обращались, то этимъ онъ поколебалъ бы свое достоинство». Это изъ Сциллы въ Харибду. Говорить, что въ случаѣ свершенiя какихъ-то дѣйствiй Государь поколебалъ бы свое достоинство, есть просто риторическiй оборотъ недопустимый по отно-

шенію къ личности «неприкосновеннаго» Государя. Набоковъ очевидно почувствовалъ самъ, что запутался и отъ этой фразы въ запросѣ отказался. Но тогда что же въ немъ осталось? При исключеніи этихъ словъ, весь *обвинительный пунктъ* изъ запроса исчезъ. Осталось только возмущеніе Думы тѣмъ, что *ей* было оказано «дерзостное неуваженіе». И вмѣсто обличенія дѣйствій *правительства*, запросъ принялъ форму ряда вопросовъ о процедурѣ и цѣляхъ печатанія телеграммъ на Высочайшее имя.

Вотъ какъ запросъ былъ изложенъ:

«1) въ какомъ, вообще, порядкѣ разрѣшается печатаніе телеграммъ, поступающихъ на имя Его Величества? На какія учрежденія или лица возложенъ выборъ телеграммъ для печатанія?

2) Послѣдовало ли печатаніе въ данномъ случаѣ съ вѣдома и согласія Предсѣдателя Совѣта Министровъ?

3) Если печатаніе подобныхъ отзывовъ (прежде всего колеблющихъ достоинство того лица, которому они обращены), послѣдовало съ вѣдома и согласія Предсѣдателя Совѣта Министровъ, то съ какими цѣлями оно было сдѣлано?»

Изъ послѣдняго пункта, какъ я уже указывалъ, взятыя въ скобку слова — были опущены.

Запросъ въ такой формѣ не былъ страшенъ ни для кого; онъ «выпускалъ» Горемыкина. Это не случайность. *Этой* Думѣ, къ сожалѣнію, было не къ лицу заступаться ни за корректность выраженій по отношенію къ органамъ конституціи, ни за ревнивое отношеніе къ достоинству Государя. Но за то *формальную* ошибку Думы Горемыкинъ удачно использовалъ. Въ редакціи предъявленнаго запроса онъ не безъ основанія усмотрѣлъ примѣненіе не 58, а 40 статьи Учр. Гос. Думы, которая давала право обращаться за «разъясненіями», когда они *непосредственно касаются разсматриваемыхъ* Думой дѣлъ. Горемыкинъ не безъ ироніи отвѣчалъ, что изъ думскаго запроса онъ не усматриваетъ, *какого именно* изъ разсматриваемыхъ Думой дѣлъ касается изложенный въ срочномъ предложеніи вопросъ? Тогда уже самъ Предсѣдатель сдѣлалъ оплошность. Онъ могъ отвѣтить Горемыкину, что текстъ запроса указывалъ на *незакономѣрныя дѣйствія* власти, которыя подлежали контролю Думы, независимо отъ того, касались ли они или нѣтъ разсматриваемыхъ Думой дѣлъ. Муромцевъ *этого* не сдѣлалъ и направленіе запроса по ст. 40-ой призналъ и подтвердилъ. На иронію Горемыкина онъ захотѣлъ отвѣтить тоже ироніей. 26 Мая Муромцевъ оглашаетъ въ Думѣ письмо Горемыкина и свой язвительный отвѣтъ на него. Въ отвѣтѣ говорится: «почитаю долгомъ высказать ту увѣренность, что забота объ огражденіи достоинства высшихъ государственныхъ установленій, существованіе которыхъ покоится на Основныхъ Законахъ Имперіи, отъ распространенія черезъ посредство оффиціальныхъ органовъ власти нападокъ преступнаго характера, составляетъ *неизмѣнный предметъ постояннаго дѣла правительственныхъ учрежденій*».

Въ этомъ пунктѣ чтенiе предсѣдателя остановлено аплодисментами и криками «браво». «Въ этой увѣренности, продолжаетъ свое чтенiе Предсѣдатель, мною и было сообщено Вашему Высокопревосходительству принятое Государственной Думой срочное заявленiе, которое исходило изъ факта, что въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» совершается оглашенiе отзывовъ различныхъ лицъ, заключающихъ въ себѣ дерзостное неуваженiе къ законодательному установленiю и возбуждающихъ одну часть населенiя противъ другой». Дума была такъ довольна этимъ письмомъ, что немедленно приняла формулу перехода: «одобряя дѣйствiя Предсѣдателя». Къ этимъ словамъ, по требованiю какого-то депутата, прибавлено еще слово: «вполнѣ». Дума голосовала эту формулу по всей тонкости Наказа, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя, ибо «формула касалась дѣйствiй Предсѣдателя» и была принята при «продолжительныхъ аплодисментахъ». Удовольствiе Думы отъ эффектнаго отвѣта скрыло его пороки; во-первыхъ, теперь уже и Дума вслѣдъ за Предсѣдателемъ признала, что это не запросъ, а обращенiе по 40-й статьѣ. Во-вторыхъ, на формальное возраженiе Горемыкина, отвѣта дано не было; рѣчь шла не о томъ, что есть «непремѣнный предметъ постоянныхъ дѣлъ *правительственныхъ* учрежденiй», а о томъ, какое соотвѣтствующее вопросу дѣло находилось на разсмотрѣнiи *Думы*; а послѣ всего того, что сама Дума говорила и дѣлала, при ея отношенiи къ Основнымъ Законамъ и къ правительству, было странно ей претендовать на «огражденiе достоинства высшихъ государственныхъ учрежденiй, существованiе которыхъ покоится на Основныхъ Законахъ Имперiи». Этотъ величавый тонъ былъ глубоко фальшивъ въ устахъ органа революцiонной стихiи.

Этимъ письмомъ Муромцевъ далъ Горемыкину поводъ для новой, уже явной насмѣшки. 2 Iюня Горемыкинъ отвѣтилъ: «обязываюсь сообщить Вамъ, что указываемая Вами забота объ огражденiи достоинства высшихъ государственныхъ установленiй, существованiе коихъ покоится на Основныхъ Законахъ Имперiи, руководитъ моими дѣйствiями въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ проявленнымъ въ этомъ направленiи попеченiемъ Государственной Думы». Это не въ бровь, а въ глазъ. Издѣвательство Горемыкина было направлено повидимому даже не столько противъ запроса Государственной Думы, сколько противъ высокопарнаго письма ея Предсѣдателя.

Дума попала въ глупое положенiе; тогда она вспомнила, что у нея есть право запроса и прежнее обращенiе Горемыкина направила третiй разъ въ *этомъ* порядкѣ. Заключительный пунктъ запроса при этомъ она формулировала такъ: «привлечены ли къ отвѣтственности виновныя лица?» Но послѣ происходившей переписки, подобный вопросъ былъ уже шалостью; состязаться далѣе въ язвительности тона Горемыкинъ не захотѣлъ. 30 Iюня онъ и положилъ конецъ перепискѣ, не находя возможнымъ давать *новый* отвѣтъ. А Дума утѣшила себя тѣмъ, что въ формулѣ перехода заявила, что въ этомъ отказѣ усматриваетъ

«новое нарушеніе обязанностей возложенныхъ закономъ на исполнительную власть».

Дума на этомъ примѣрѣ могла увидѣть разницу отношеній къ себѣ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Министерство Юстиціи отвѣтили полностью на запросы и за дефекты формы не прятались. Но по отношенію къ тѣмъ, которые съ ней *хотѣли* работать, Дума взяла такой повышенный тонъ негодованія, дальше котораго идти было некуда. Столыпина и Щегловитова она гнала криками «вонъ» и «въ отставку»; на главнаго врага у нея послѣ этого уже не хватило оружія. Съ Горемыкинымъ, который подъ нее явно подкапывался и надъ ней смѣялся въ лицо, она пикировалась литературной язвительностью. Это былъ грустный урокъ, который она давала и друзьямъ, и врагамъ. Не неискусство помѣшало Думѣ справиться съ исключительно благодарной задачей, а занятая ею политическая позиція. Она съ конституціонной ролью Думы не совмѣщалась. И поведеніе Думы въ этомъ запросѣ, введенію у насъ парламентарнаго строя, содѣйствовать никакъ не могло.

ГЛАВА XII

Вліяніе на страну думской работы.

Жизнь показала, что благихъ результатовъ отъ дѣловой работы Думы ожидать было нельзя. «Совмѣстной» работы съ правительствомъ не получалось. Законопроектовъ правительства Дума не разсматривала; свои собственные она безъ преній по существу сдавала въ Комиссіи или какъ сырой матеріалъ, (аграрный законопроектъ, равенство) или въ окончательномъ видѣ (законъ о собраніяхъ). Въ такія Комиссіи представители министерства не приглашались. Правительству предоставлялось — либо принимать участіе въ преніяхъ якобы «по направленію» (какъ это сдѣлали Стишинскій и Гурко по аграрному законопроекту), что было конституціонно уродливо, либо ждать, когда *готовый* законопроектъ изъ Комиссіи выйдетъ и тогда уже въ *общемъ* собраніи предлагать поправки къ нему. Законодательный ходъ думскихъ работъ получилъ видъ Версальской Конференціи; нѣсколько мѣсяцевъ союзники спорили только между собой; Германіи же на размышленіе и возраженія дали сроку недѣлю.Такой системой Дума устранила возможность не только *соглашенія* съ властью, но и просто совмѣстной съ нею *работы.*

Въ области контроля было не лучше. Правда запросы обращались къ правительству и отвѣты на нихъ обсуждались. Но запросы ставились *такъ*, что отвѣчать на нихъ было нечего. Что можно отвѣчать на претензію Думы, чтобы высказанное ею *желаніе* было поставлено выше закона (смертная казнь), или на упорное ея утвержденіе, будто исключительныя положенія уже отмѣнены «Манифестомъ»? А когда товарищъ Министра Макаровъ попытался въ отвѣтъ на запросъ каждый отдѣльный случай разбирать и оправдывать, его перебивали на каждомъ словѣ, а Рамишвили по окончаніи его рѣчи грозно спросилъ: «какъ смѣютъ приходить съ *такими* объясненіями»? Отвѣтъ Макарова былъ, конечно, совершенно ненуженъ, если пользованіе полномочіями по охранѣ уже *преступленіе.* Но тогта говорить было *не о чемъ.* Для совмѣстной работы нуженъ общій языкъ. У Думы съ правительствомъ его быть не могло, разъ существовавшей *конституціи Дума не признавала.* И поскольку правительство надѣялось, что дѣловая работа соглашеніе съ Думой ему облегчитъ, пришлось эту надежду оставить.

Правительство не могло быть настолько слѣпымъ, чтобы

этого не понять. Но это начали понимать и въ странѣ. Тѣ обыватели, которые смыслъ новаго строя видѣли не въ томъ, что у насъ, наконецъ, появился «парламентъ», а въ томъ, что наконецъ наверху занялись ихъ насущными нуждами, отъ Думы ждали *не этой* политики. Они разсчитывали, что если теперь Революція кончена, то за то время реформъ наступило. Но реформъ не было видно, а подобіе Революціи продолжалось. Невольно задавали вопросъ: неужели то, что дѣлалось въ Думѣ и есть хваленый конституціонный порядокъ? Позиція Думы сбивала всѣхъ съ толку. Если бы она сказала всю правду, то-есть, что ея права покоятся на законахъ, которые установила прежняя власть, и что потому они ограничены, что есть 2-ая Палата, которая имѣетъ тѣ-же права, что и первая, что «управленіе» осталось за старою властью, — обыватели, какъ бы они ни были нетерпѣливы, *чуда* не ждали бы. Они бы поняли, что обѣщанное обновленіе «облика русской земли» будетъ происходить медленно, совмѣстными усиліями Думы и власти. Но Дума о себѣ говорила *иначе*: она увѣряла, будто она *одна* выражаетъ *волю* народа, а воля его выше законовъ; будто Министры обязаны *подчиненіемъ* Думѣ. И обыватель недоумѣвалъ: почему же тогда все остается по-старому? Этого мало. Газеты все время трубили о новыхъ *побѣдахъ* Думы надъ властью не меньше, чѣмъ это дѣлаютъ большевики о своихъ «достиженіяхъ». Но гдѣ же практическій результатъ этихъ побѣдъ? Тактика Думы наносила ударъ той самой идеѣ, которая побѣдила на выборахъ, идеѣ спасительности конституціоннаго строя; она компрометировала болѣе всего сторонниковъ правового порядка. *Ихъ* безсиліе обнаруживалось на глазахъ у всѣхъ и *ихъ* престижъ колебался.

Понятно, кому это могло быть полезно. Во первыхъ, на сценѣ опять появились тѣ реакціонеры, которыхъ «Освободительное Движеніе» какъ будто уничтожило. Предупрежденія ихъ повидимому сбывались. Казалось, что Россія до конституціи еще не созрѣла. Дума только безплодно волнуетъ и возбуждаетъ страну. Люди стараго режима смѣялись надъ «либеральными» бюрократами, которые измѣнили «завѣтамъ исторіи» и поставили нелѣпую ставку на *соглашеніе* съ Думой. Они могли любоваться плодами этой политики. Сначала шло только нашептываніе; но это теченіе въ дальнѣйшемъ усилится и станетъ для либеральной бюрократіи самымъ опаснымъ врагомъ. Его воскресила изъ мертвыхъ *думская* тактика.

Во вторыхъ, торжествовалъ еще тотъ лѣвый лагерь, который не вѣрилъ въ успѣхъ конституціи, да успѣха этого и не хотѣлъ. Для этого лагеря, возвѣщенная конституція казалась «*преждевременнымъ* миромъ». Какъ «государственное установленіе» Дума безсильна — говорилъ этотъ лагерь; но она незамѣнима, какъ «*орудіе Революціи*». Она доламываетъ и уничтожаетъ старый порядокъ. Разбитымъ обломкамъ исторической государственности она въ своемъ лицѣ противополагаетъ верховную волю народа. Всѣмъ должно быть ясно, гдѣ *настоящая* сила

и это было нужно показывать. Когда Дума называла себя «законодательной властью», которой министры должны подчиняться, когда она объявляла незакономѣрнымъ то, что военные судьи повинуются законамъ, а не ея пожеланіямъ, то хотя бы эти притязанія со стороны правительства и не встрѣчали должнаго протеста. Эта тонкая тактика все же не могла быть понятной *широкой* странѣ. Подобныя думскія побѣды за стѣны Таврическаго Дворца не выходили, какъ бы пресса ихъ ни восхваляла. Но зато широкія и мирныя массы народа получали почти ежедневно отъ Думы другой и уже вполнѣ наглядный урокъ. Для массъ было неожиданнымъ откровеніемъ, что назначенные Государемъ Министры могутъ быть Думой шельмуемы, оскорбляемы, выгоняемы вонъ, и что это признается нормальнымъ. Къ такому обращенію съ ними у насъ еще не привыкли; оно для массъ стало самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ безсилія и обреченности власти. Для темныхъ людей *этого* было достаточно. Припоминаю эпизодъ болѣе поздняго времени. 27 Апрѣля 1917 года было парадное засѣданіе всѣхъ четырехъ Думъ въ память открытія I-й. Мнѣ нужно было поговорить съ кн. Львовымъ, который сидѣлъ не въ ложѣ Министровъ, а на депутатскихъ мѣстахъ. Разговаривая съ нимъ я для удобства на ручку его кресла присѣлъ. А. Ф. Керенскій тогда же меня упрекнулъ, что такой фамильярностью я роняю престижъ Предсѣдателя въ глазахъ публики, которая могла съ хоръ насъ видѣть. Не думаю, чтобы это имѣло значеніе для той избранной публики, которая на этотъ день достала билеты; но дѣло не въ этомъ; его замѣчаніе характерно и было не лишено основанія. Можетъ быть этой фамильярности было лучше не допускать. Но тогда для лѣвыхъ людей должно было быть *ясно, какой ударъ* престижу исторической власти наносило усвоенное Думой обращеніе съ *ней*. Чтобы подорвать вѣру въ боговъ, Владиміръ Святой рубилъ идоловъ въ Кіевѣ. То, что съ Министрами дѣлала Дума во всѣхъ подробностяхъ разносили по Россіи газеты; они всегда особенно интересуются сценками подобнаго рода. Ими, а не серьезными рѣчами, Дума укрѣпляла свою популярность, какъ позднѣе аналогичными пріемами создалъ ее себѣ Пуришкевичъ. Интересъ къ засѣданіямъ Думы такъ возросталъ, что опять какъ во время войны, толпы ребятъ стояли по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и кричали: газеты! Всей Россіи становилось извѣстно, что за злодѣи наши министры, и *что* съ ними дѣлаетъ Дума.

Если бы это были только выходки отдѣльныхъ людей или рѣдкія сцены, можно было бы разсматривать ихъ какъ случайность. Но такія сцены все учащались. Они становились неотъемлемой частью думскаго засѣданія. Тонъ Думы все повышался. Конечно, сами кадеты до этого не доходили; это не было ихъ genre de beauté. Это было спеціальностью ихъ друзей и союзниковъ. Но противъ нихъ кадеты обыкновенно не возставали, а Муромцевъ своимъ поведеніемъ и всю Думу къ нимъ пріобщалъ.

Поведеніе С. Муромцева въ этомъ отношеніи было загадочно. Скандалы и насилія въ Думѣ были глубоко противны его мирной, корректной, величавой фигурѣ, не говоря уже о его пристрастіи къ благобразію парламентскихъ засѣданій. И все же онъ ихъ допускалъ. Приходится признать, что хотя Муромцевъ имѣлъ репутацію Предсѣдателя Божіей Милостью, но онъ не умѣлъ обуздывать страсти. Онъ былъ предсѣдатель для торжественныхъ дней, не для черной работы; для избранныхъ, а не для толпы; скорѣе напоминалъ церемоніймейстера, чѣмъ руководителя. Если бы Дума не была такъ скоро распущена, онъ бы, вѣроятно, и на мѣстѣ Предсѣдателя сдѣлался одной изъ первыхъ жертвъ своего довѣрія къ общественной зрѣлости, какъ позднѣе на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ такой жертвой былъ кн. Г. Е. Львовъ. Муромцевъ не такой представлялъ себѣ Думу и русскій парламентъ, могъ объ этомъ скорбѣть, но не умѣлъ не только справиться съ этимъ, но даже бороться.

Приведу нѣсколько примѣровъ поведенія Думы и ея Предсѣдателя. Они даютъ понятіе о томъ, что было «стилемъ I-ой Думы» (*).

Въ засѣданіи 12-го Іюня, по продовольственному вопросу, въ присутствіи Министровъ Аладьинъ разражается такою тирадой: «Каждый разъ, когда нужны многомилліонныя затраты, министры появляются своевременно и мы знаемъ результаты ихъ появленія; три четверти денегъ останется въ карманахъ, начиная съ Министровъ и кончая послѣднимъ... (взрывъ аплодисментовъ). Русскій народъ грабить вы никогда не опаздывали, г-да Министры. Помощь голодающимъ нужна и мы поможемъ; у насъ есть своя собственная Комиссія изъ 11; я думаю, что наиболѣе дѣйствительное средство помочь народу — это взять дѣло народа въ наши собственныя пока еще ничѣмъ не запятнанныя руки»... И рѣчь кончается словами: «Когда же наконецъ, г-да Министры, найдется у Васъ настолько порядочности и честности, чтобы убраться съ вашихъ мѣстъ отсюда» (шумные аплодисменты центра и лѣвой. Голоса: «уйдите отсюда. Въ отставку).

Съ Аладьина можно не взыскивать. Но что дѣлаетъ Предсѣдатель? Съ его стороны ни одного замѣчанія. Столыпинъ не выдержалъ этого тона. Отвѣтивъ на возраженія другихъ ораторовъ по существу, онъ по адресу Аладьина заявилъ: «скажу на ихъ клеветы, на ихъ угрозы, на ихъ (шумъ, крики, довольно) угрозы захвата исполнительной власти (шумъ, крики: довольно), что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, носитель законной власти, имъ отвѣчать не будетъ» (шумъ, крики: довольно и т. п.).

Въ сравненіи съ выходкой Аладьина отвѣтъ Столыпина былъ очень сдержанъ; но лѣвые депутаты сочли *себя* оскорбленными. Жилкинъ возмущается словами Столыпина: «мы видѣли покраснѣвшее лицо, угрожающіе жесты, обращенные къ лѣ-

*) Винаверъ. — «Недавнее», стр. 137.

вой сторонѣ, намъ бросили слово: клевета. Развѣ мы можемъ равнодушно выслушивать это?» Не Предсѣдатель, а гр. Гейденъ напоминаетъ Жилкину, что Дума слышала и «непарламентское выраженіе по отношенію къ Министрамъ. Если я взвѣшу, насколько парламентарны оба выраженія, то одно перевѣситъ другое». Послѣ гр. Гейдена слово беретъ Предсѣдатель. Можно было надѣяться, что хотя съ опозданіемъ онъ справедливо ликвидируетъ инцидентъ. Но онъ говоритъ только по постановкѣ вопроса, а инцидентъ со Столыпинымъ обходитъ вовсе молчаніемъ. На другой день новыя нападки за *ту* же фразу опять сыпятся на Столыпина. «Оправдываться ему нельзя, говоритъ Недоносковъ, какъ бы сильно онъ ни кричалъ, ни билъ себя въ грудь, заявляя о своей честности, о своей законности. И не словомъ «клевета», которое онъ *дерзнулъ* произнести здѣсь, оправдаться ему».

Черезъ недѣлю, 19 Іюня, происходитъ эпизодъ съ выступленіемъ Павлова. У политическихъ защитниковъ моего поколѣнія къ Павлову добрыхъ чувствъ быть не могло. Онъ для насъ олицетворялъ «смертную казнь». Требовалъ отъ судей ея примѣненія, смѣщалъ мягкихъ судей, отмѣнялъ приговоры, въ которыхъ смертной казни назначено не было, возстановлялъ сроки для протестовъ, словомъ дѣлалъ все, чтобы никто отъ висѣлицы не ускользнулъ. Чѣмъ онъ руководился — не знаю. Позднѣе мы насмотрѣлись, какъ у убійцъ, на совѣсти которыхъ было больше крови, чѣмъ было у Павлова, признавались «золотыя сердца»; какъ прежніе свободолюбивые люди имъ рукоплескали, какъ званіе провокатора и «палача» стало почетнымъ. Но не надо было всего этого видѣть, чтобы признать и безъ того, что душа человѣка сложна и мотивы разнообразны. «Фанатизмъ» не похожъ на угодничество, но результаты того и другого могутъ быть одинаковы. Отъ моральнаго сужденія о нашихъ противникахъ лучше воздерживаться, пока мы ихъ не знаемъ. Павлова съ внутренней стороны никто не зналъ. Онъ былъ только врагъ, откровенный, опасный и неумолимый. Съ врагами должно бороться, но нѣтъ основанія и права ихъ оскорблять.

Но когда 19 Іюня при обсужденіи законопроекта о смертной казни Павловъ вошелъ на трибуну, поднялся скандалъ; стенографическій отчетъ лакониченъ. Онъ инцидентъ такъ излагаетъ:

«Предсѣдатель: По порученію Военнаго Министра (шумъ) главный военный прокуроръ... (шумъ).

Голоса: долой.

Предсѣдатель. Господа, если Вамъ не угодно прервать засѣданіе, то прошу окончить (шумъ, крики).

Голоса: Перерывъ. Довольно, не желаемъ.

Предсѣдатель: Засѣданіе прерывается на одинъ часъ».

Но вотъ, что пишетъ Винаверъ: «какъ только Павловъ появился на трибунѣ, залъ огласился неслыханнымъ воемъ и свистомъ, стукомъ пюпитровъ, сотнями безпорядочныхъ возгласовъ». Вотъ другая выдержка изъ книги Локотя: «я не могъ отор-

вать глазъ отъ одного изъ сидѣвшихъ въ рядахъ партіи народной свободы, уже почти совершенно сѣдого старика, который съ ожесточеніемъ стучалъ пюпитромъ, выскакивалъ, грозилъ кулакомъ и кричалъ: вонъ, убійца, палачъ. Вонъ»...

Легко и понять, и оправдать людей, которые равновѣсіе потеряли. Это — рефлексъ. Но прямой обязанностью Предсѣдателя было ограждать ораторовъ отъ оскорбленій, порядокъ въ Думѣ поддерживать, приводить къ разсудку его нарушителей. Муромцевъ *долженъ* былъ сдѣлать то, что любой Предсѣдатель въ *подобныхъ* случаяхъ дѣлаетъ. По возобновленіи засѣданія онъ долженъ былъ выразить сожалѣніе о томъ, что случилось, обратиться къ депутатамъ съ призывомъ къ спокойствію. Павловъ къ тому же уѣхалъ; безславную «побѣду» Дума надъ нимъ одержала. Когда засѣданіе возобновилось, кромѣ Павлова Министры присутствуютъ. Предсѣдатель предоставляетъ слово *другому* Министру; ни одного намека на происшедшее, ни одного сожалѣнія о томъ, чему всѣ были свидѣтелями. Но сами члены Думы нисколько не сконфужены и возвращаются къ происшедшему инциденту. Аникинъ заявляетъ: «Мы можемъ разсматривать законъ и безъ всякихъ заключеній со стороны кого бы то ни было изъ тѣхъ господъ, которыхъ мы сейчасъ отсюда только что *выгнали*» (аплодисменты). Предсѣдатель молчитъ. Возражаетъ на эту грубость Аникина тотъ же гр. Гейденъ: «Мы собрались сюда во имя свободы, и всякое насиліе надъ свободой, съ точки зрѣнія моей и моихъ товарищей, недопустимо и нежелательно. Новый порядокъ нужно заводить новыми пріемами; глубокимъ уваженіемъ къ закону и даже къ личности своего врага». (аплодисменты). Аплодисменты показываютъ, что не всѣмъ физическое превосходство Думы показалась *моральной побѣдой*. Однако, двое кадетъ неожиданно гр. Гейдену возражаютъ. Винаверъ заявляетъ: «мы тоже хранимъ завѣтъ уваженія къ свободѣ, но есть *предѣлы*, съ которыхъ нужно считаться съ человѣческимъ терпѣніемъ. Государственная Дума, храня достоинство свое, какъ учрежденія, вправѣ требовать, чтобы относились болѣе внимательно къ ней и къ явно выраженнымъ ей пожеланіямъ. *Всѣ люди, которые явно попираютъ высказанныя Гос. Думой пожеланія, не должны сюда являться по порученію Министровъ*». Итакъ, это не рефлексъ, о которомъ поневолѣ жалѣютъ тѣ, которые себя не сумѣли сдержать; это линія поведенія, которую Дума, считаетъ себя вправѣ и принять, и даже морально оправдывать, какъ огражденіе «достоинства Думы». Къ защитѣ Винавера присоединяется элегантный и корректнѣйшій Петражицкій. Вотъ гдѣ можно сказать: и ты, Брутъ! И онъ говоритъ; «я имѣлъ въ виду сказать то, что сказалъ товарищъ Винаверъ, поэтому отъ слова отказываюсь». Мудрено ли, что Аладьинъ изъ этого дѣлаетъ логическій выводъ и возвѣщаетъ новый пріемъ борьбы Думы съ правительствомъ. Дума отнынѣ не всѣмъ будетъ давать слово, а съ особымъ разборомъ: «Даютъ слово тѣмъ, у кого есть минимумъ порядочности, минимумъ честности, который даетъ возможность

смотрѣть честному человѣку прямо въ глаза; всѣ, кто не удовлетворяютъ этому минимуму, никогда, — ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра, не будутъ имѣть возможности говорить съ этой трибуны. Отъ имени трудовой группы я заявляю, что мы охотно готовы выслушать какого угодно представителя военнаго Министерства, но что г. Павловъ съ этой трибуны ни одного слова больше не скажетъ». Предсѣдатель снова молчитъ. А на другой день, 20Іюня, Винаверъ уже со свѣжей головой по другому поводу говоритъ о вчерашнемъ скандалѣ,какъ объ «освѣжительной грозѣ». которая будто бы «очистила атмосферу» и должна была показать , «гдѣ друзья и враги».

Послѣднiй примѣръ. 22 Іюня депутатъ Сѣдельниковъ подвергся побоямъ полицiи. Предъявленъ срочный запросъ; Столыпинъ не дожидаясь, чтобы запросъ оффицiально дошелъ до него, заявляетъ, что получилъ телефонное сообщенiе Градоначальника о «печальномъ фактѣ»; что сейчасъ же принялъ мѣры, чтобы этотъ фактъ былъ разслѣдованъ. Свѣдѣнiя ему сообщенныя расходятся съ тѣмъ, что сказано въ Думѣ. Онъ дастъ разъясненiя, когда будетъ вооруженъ безпристрастными фактами... Что же ему отвѣчаютъ на это? Аладьинъ заявляетъ: «если еще разъ дотронутся хотя бы до одного депутата, въ условiяхъ въ которыхъ былъ избитъ Сѣдельниковъ, ни одинъ Министръ съ этой трибуны никогда не произнесетъ слова. Если, паче чаянiя, онъ будетъ убитъ, пусть ни одинъ изъ Министровъ не является сюда. *Мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность.* Не забывайте, что только мы сдерживаемъ революцiю, что намъ ненужно будетъ даже отдавать приказанiя, намъ нужно только сказать, что мы больше не въ силахъ ничего сдѣлать, и Васъ не только на этихъ скамьяхъ, Васъ нигдѣ не останется. Передайте это Вашимъ Министрамъ... Не забудьте, уже наступило время, когда оружiе армiи склоняется передъ народными представителями»...

А вотъ отвѣтъ его на желанiе Министра сначала разслѣдовать факты: «Горе министрамъ, которые когда-нибудь *посмѣютъ сомнѣваться въ словахъ депутатовъ.* Мы выставляемъ конституцiонный принципъ... Какiя бы показанiя ни получились отъ продажной полицiи или шпiоновъ, достаточно одного слова нашего депутата Сѣдельникова, чтобы ни одинъ Министръ не сомнѣвался въ его словахъ; этотъ конституцiонный принципъ, я увѣренъ, русскiй народъ поддержитъ».

Предсѣдатель снова молчитъ и все это терпитъ, въ томъ числѣ и провозглашенiе удивительнаго «конституцiоннаго принципа». Протестуютъ противъ излишней развязности Аладьина отдѣльные депутаты; протестуетъ гр. Гейденъ, а на этотъ разъ и Набоковъ. Онъ иронически замѣчаетъ, что если бы былъ избитъ или убитъ онъ, Набоковъ, то онъ проситъ депутата Аладьина продолжать «допускать на эту кафедру и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и его товарищей по кабинету». Это мягкое замѣчанiе даромъ ему не проходитъ. Трудовики приходятъ въ негодованiе: «въ такихъ выступленiяхъ кадетовъ противъ трудовой

группы, пишетъ Локоть на другой же день, не было надобности. Выступленія кадетъ по данному поводу были совершенно излишни, нерезонны, ни съ чѣмъ несообразны... Не кадетской благовоспитанностью, не кадетской «парламентской» тактикой нужно заниматься Думѣ, и т. д.»

Пѣснопѣвецъ 1-ой Думы Винаверъ въ поминальной статьѣ о Кокошкинѣ говоритъ объ «стилѣ» дорогой ему Думы; онъ въ ней отмѣчаетъ «негаснувшее пламя восторга, душевный подъемъ, прямоту и достоинство»; прибавляетъ къ этимъ достоинствамъ еще «плѣнительную незлобивость», которой будто бы въ «памяти потомства будетъ запечатлѣна дѣятельность первой Думы». Эти слова показываютъ, какъ трудно судить о *себѣ*. Изъ стиля 1-ой Думы невозможно выкинуть и тѣ сценки, образчикъ которыхъ я приводилъ; въ нихъ трудно усмотрѣть и «достоинство и незлобивость». Дума смотрѣть на себя со стороны не умѣла. Но страна ее наблюдала и по ней поучалась.

Безобразныя сцены оскорбленій и насилія не рѣдкость въ парламентахъ; даже въ Англіи былъ free fight in the House. Но безчинства нашей Думы носили своеобразный характеръ. Въ парламентахъ происходятъ столкновенія *партійныхъ* страстей. Депутаты различныхъ партій оскорбляютъ другъ друга; Министры подпадаютъ подъ оскорбленія тоже, какъ *партійные* люди. И оскорбленные находятъ всегда защиту не только у Предсѣдателя, но и у *партійныхъ* друзей. У насъ было другое. Депутаты, вообще мало воспитанные, въ 1-ой Думѣ обращались *другъ съ другомъ* съ изысканной вѣжливостью. Предсѣдатель за этимъ строго слѣдилъ. Ни самой Думы, ни отдѣльныхъ депутатовъ оскорблять онъ не позволялъ. Въ этомъ онъ доходилъ до смѣшного. Его знаменитая фраза, что нельзя съ трибуны говорить объ упрекахъ, которые дѣлаютъ Думѣ, ибо «Дума выше упрековъ», сдѣлалась линіей его поведенія. Онъ училъ, что никто не смѣетъ не только *осуждать* постановленія Думы, но даже выражать по поводу нихъ *сожалѣніе*; онъ остановилъ депутата за слово «пустое воззваніе». Примѣры такой его строгой цензуры безчисленны. Но когда поносили и оскорбляли Министровъ, онъ отъ оскорбленій *ихъ* не защищалъ. Установленныя имъ правила благовоспитанности *не распространялись* на отношеніе къ нимъ. Въ результатѣ создалось впечатлѣніе, будто не отдѣльные депутаты себѣ позволяли эксцессы, а вся Дума, какъ учрежденіе, имѣла свободу безпрепятственно шельмовать и поносить назначенное Государемъ правительство. Говоря фигурально отношеніе Думы къ правительству имѣло видъ войны съ *внѣшнимъ* врагомъ, а не законнаго спора между различными установленіями государства. И *такая* война Думы съ правительствомъ длилась два мѣсяца.

Нельзя безъ удивленія вспоминать и о поведеніи самихъ членовъ правительства. Они не защищались и не протестовали; безъ возраженій допускали такія антиконституціонныя утвержденія Думы, на которыя имъ, Министрамъ, надлежало отвѣтить; не давали отпора и на оскорбленія. Когда Павловъ былъ

выгнанъ, а депутаты, въ томъ числѣ и кадеты, сочли нужнымъ заявить, что и впредь будутъ съ нимъ такъ поступать, представители другихъ Министерствъ послѣ перерыва въ залу вошли и, какъ ни въ чемъ ни бывало, давали Думѣ свои объясненія. Было ли это одно миролюбіе, или въ этомъ скрывалось презрѣніе къ Думѣ, которая своимъ буйствомъ оскорбить уже не могла, судить не берусь. Этого массы не понимали. Правительство въ Думѣ напоминало воинскую часть, которую посылаютъ на мѣсто народныхъ волненій, запрещая ей пускать въ ходъ оружіе. Ея терпѣливость толпу обыкновенно лишь провоцируетъ, ибо толкуется, какъ безсиліе или страхъ. Въ то время кн. Львовъ передавалъ мнѣ свое впечатлѣніе, что правительство безъ памяти Думы боялось. Если такъ думалъ кн. Львовъ, то въ это еще болѣе вѣрили массы. Крѣпъ поэтому тотъ шумливый революціонный *задоръ*, который В. Розановъ зло окрестилъ въ остроумной брошюрѣ этого времени: «когда начальство ушло». Этотъ задоръ не серьезенъ; онъ порождается увѣренностью въ безнаказанности и исчезаетъ при первомъ серьезномъ окрикѣ власти. Но, пока этого нѣтъ, онъ впечатлѣніе производитъ. Оно выражалось въ посылкѣ сочувственныхъ телеграммъ вожакамъ лѣвыхъ партій, въ появленіи въ Думѣ безчисленнаго числа ходоковъ, въ обѣщаніи поддержки и помощи въ столкновеніи съ властью. Это въ свою очередь питало воинственное настроеніе Думы. Революціонность Думы и растущая революціонность массъ другъ друга питали и взвинчивали. Мѣстные власти начали понимать, что сверху ихъ не поддержатъ; а за то всѣ революціонные элементы были увѣрены, и не ошибались, что Дума за нихъ тотчасъ *заступится*, если ихъ осмѣлятся тронуть. Стоитъ послать телеграмму своему лѣвому депутату, и она тотчасъ безъ всякой провѣрки ляжетъ въ основу единогласнаго запроса. Дума въ этомъ отношеніи вѣрила *всему*, что ей говорили.

Когда 24 Мая въ военномъ судѣ начало слушаться дѣло о покушеніи на жизнь ген. Неплюева, Дума предъявила запросъ, заявляя, что «есть полное основаніе полагать,что среди привлеченныхъ могутъ оказаться и непричастные къ дѣлу».

Доказательство этого она видѣла въ томъ, что къ дѣлу былъ привлеченъ Б. В. Савинковъ, непричастность котораго *доказывается* «заявленіемъ въ печати Центральнаго Комитета соціалистовъ революціонеровъ»!

Трудовая группа получаетъ такую телеграмму отъ знаменитаго въ то время крестьянскаго демагога Щербака. «Московская Палата предала меня суду за съѣздъ всероссійскаго крестьянскаго союза въ Москвѣ 6-11 Ноября 1905 г. Палата отказала мнѣ измѣнить мѣру пресѣченія. Требую немедленнаго суда или отдать меня на поруки. Все бюро Крестьянскаго Союза было освобождено. Обращаюсь *за содѣйствіемъ къ Гос. Думѣ*».

Телеграмма ложится въ основу запроса предъявленнаго 23 Мая; «какія причины препятствуютъ осуществленію просьбы Антона Щербака объ отдачѣ его на поруки»?

На защиту Щербака подымается даже маститый М. М. Ковалевскій:

«Я, говоритъ онъ, лично знаю Щербака. Я имѣлъ случай встрѣчаться съ нимъ, какъ съ слушателемъ высшей школы въ Парижѣ. Я знаю его за человѣка очень умѣреннаго и рѣшительно не могу понять, почему человѣкъ, столько умѣреннаго образа мыслей, можетъ быть предметомъ какого-то исключительнаго преслѣдованія». Въ засѣданіи 9 Іюня Ковалевскій къ Щербаку возвращается и удостовѣряетъ передъ Думой, что «Щербакъ содержится въ заточеніи лишь потому, что раздѣляетъ тѣ самые взгляды, выразителями которыхъ явились въ литературѣ Генри Жоржъ, Уоллесъ и другіе всѣми признанные и уважаемые писатели, которые, сколько мнѣ извѣстно, не находились никогда и не находятся въ заточеніи»...

Случайно въ качествѣ гостя я былъ на засѣданіи Крестьянскаго Съѣзда въ Ноябрѣ 1905 года и никогда его не забуду. На него къ концу засѣданія тріумфаторомъ явился Щербакъ. Не забылъ его рѣчи; онъ намъ разсказывалъ, въ чемъ состояла его пропаганда; онъ совѣтовалъ крестьянамъ не платить ни податей, ни долговъ, а вклады изъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ истребовать полностью золотомъ. Онъ въ своей губерніи считалъ себя властелиномъ. «Крестьяне, говорилъ онъ,пойдутъ за мной, какъ одинъ человѣкъ, куда бы я ихъ ни позвалъ». Для Революціи такіе люди полезны. Уголовными преслѣдованіями можно считать безполезнымъ съ ними бороться; можно вѣрить въ благоразуміе общества. Но какъ могъ Ковалевскій причислять Щербака къ «умѣреннымъ теоретикамъ?» Не по тому ли своему легкомыслію, съ которымъ онъ и другого своего протеже Луначарскаго считалъ поборникомъ «свободы» и «демократіи»? Департаментъ полиціи, вѣроятно, много смѣялся надъ этимъ заступничествомъ.

Такъ шла работа Думы, какъ революціоннаго органа. Губернаторы доносили, что если Дума продлится, то они за порядокъ отвѣчать не въ состояніи. Эту работу Думы цѣнили и сами революціонныя силы. У Винавера въ его «Исторіи Выборгскаго воззванія» приведена курьезная сценка. Послѣ подписанія воззванія кадетскіе главари встрѣтились съ лидерами соц.-революціонеровъ и соц.-демократовъ; кадеты были потрясены, услышавъ, какъ с.-д. и с.-р., до тѣхъ поръ поносившіе Думу и кадетскую тактику, ихъ теперь *восхваляли*. «Пламя горячаго восторга вспыхивало въ очахъ Чернова, когда онъ упоминалъ одно имя первой Думы; каскадъ звонкихъ фразъ воскрешалъ передъ глазами слушателей ея добродѣтели и т. п.» «Все это было слишкомъ... неожиданно, пишетъ Винаверъ, чтобы могло быть оставлено безъ отвѣта»... И отвѣтъ послѣдовалъ. «Особенно удачна была исполненная ѣдкаго сарказма рѣчь В. Гессена, которая напомнила Чернову весьма недавнее прошлое и остроумно изображала наше изумленіе по поводу столь внезапнаго совращенія столь закоренѣлыхъ еретиковъ». Чему дивился Винаверъ? Лѣвыя партіи были послѣдовательны. Если задачей

Думы, какъ они полагали, было *не укрѣпленіе* новаго строя и проведеніе полезныхъ для Россіи реформъ, а усиленіе революціоннаго настроенія; если Думу хвалили за то, что она *этой* цѣли служила, и кадетъ такая похвала не смущала, то почему они удивлялись, что въ свое время революціонные депутаты все-таки кадетъ разносили? Вѣдь этотъ иногда притворный разносъ, служилъ *той же* цѣли, ради которой кадетъ хвалили *теперь*. Это были только разныя стороны *одной и той же* политики, усилившей въ странѣ недовольство.

Но если Дума сознательно къ этому результату вела, то позволительно спросить себя: какъ она себѣ представляла дальнѣйшее? Чего поднятіемъ революціоннаго настроенія она хотѣла добиться?

Отвѣтъ дать не трудно. Правительству Дума не вѣрила и противъ него ставила ставку на Ахеронтъ. Къ нему, къ загадочнымъ народнымъ низамъ лѣвые депутаты аппелировали съ думской трибуны. Революціонные элементы казались разлиты повсюду. Они были въ крестьянской средѣ, давно справедливо недовольной своимъ положеніемъ, увѣренной въ томъ, что земли помѣщиковъ должны къ нимъ отойти; деревня была страшна увѣренностью въ этой своей правотѣ, привычкой дѣйствовать массой, скопомъ, толпой (безправная личность и самоуправная толпа, — говорилъ про нее Н. Н. Львовъ въ 3-ей Думѣ), отсутствіемъ правительственной власти въ деревнѣ. Умѣлой демагогіи въ родѣ Щербака успѣхъ въ ней былъ обезпеченъ, если не надолго, то на короткѣ; 1902 и 1905 годы показали, *что* можно сдѣлать съ деревней. Еще болѣе революціонныхъ элементовъ было въ рабочей средѣ, гдѣ давно самоотверженно и настойчиво работали революціонные агитаторы, гдѣ недовольство своимъ экономическимъ положеніемъ было легко направить *на власть*. На фабрикахъ забастовки было вызвать нетрудно; энергичное и агрессивное меньшинство сильнѣе пассивнаго большинства. Правда *массы* не знали сами, чего имъ ждать отъ Революціи; они разсуждали, какъ тотъ хохолъ, который мечталъ «стать Царемъ, чтобы украсть 100 рублей и убѣжать». Но агитаторамъ казалось самымъ важнымъ *всколыхнуть* эту массу; остальное пойдетъ по инерціи: аграрные погромы и всеобщія забастовки были излюбленными пріемами этого времени. У правительства оставалось единственнымъ ресурсомъ противъ нихъ — военная сила. Но такъ ли она надежна? И въ ней велась пропаганда. Аладьинъ многозначительно предсказывалъ: наступило время, когда «оружіе арміи склонится передъ народнымъ представительствомъ». Погромы въ деревнѣ, забастовки въ городѣ, вооруженное возстаніе — а въ результатѣ, паденіе испугавшейся власти, Временное Правительство, которое созоветъ хозяина русской земли — Учредительное Собраніе — вотъ та программа, которая была намѣчена, но не доведена до конца въ 1905 г. Она была полностью, съ неоспоримымъ успѣхомъ проведена въ 1917 г. Съ этой программой всѣ лѣвыя партіи были согласны. Сюрпризы и разочарованія должны были

начаться только потомъ. А пока оставалось всѣмъ вмѣстѣ волновать Ахеронтъ, къ его пониманiямъ, вкусу, развитiю приспосабливать дѣйствiя Думы. Было что то глубоко прискорбное и унизительнсе въ томъ, что кадеты — элита страны, сливки русской общественности, препрославленная первая Дума, впервые получивъ въ свои руки долю реальной государственной власти, промѣняла ее на то, чтобы соблазнять и поднимать Ахеронтъ, подлаживаться подъ его пониманiе, искать ***въ немъ*** поддержки и одобренiя, говорила *его* языкомъ и поплелась въ хвостѣ за демагогiей. Но выбравъ эту дорогу, она иначе поступать не могла.

Какъ на это смотрѣли кадеты? Чего *они* ждали? Ихъ лѣвая часть разсуждала, какъ и революцiонныя партiи; она предпочитала рискъ Революцiи медленному «оздоровленiю» государственной власти. Тогда, когда историческая власть упадетъ подъ ударами революцiонной стихiи, настанетъ время для кадетъ осуществлять свои планы. Она думала, что революцiонный взрывъ приведетъ къ власти *ее*, какъ дѣйствительно онъ привелъ въ 1917 году къ власти кадетскiя главныя силы. Но правая часть кадетъ судила иначе. Она не вѣрила въ возможность полнаго крушенiя власти, да этого и не хотѣла; на это у нея государственнаго смысла хватало. Власть была слишкомъ сильна, чтобы сразу свалиться; надъ этимъ надо было еще много работать. Но она хотѣла ее *обезсилить* и *запугать*; довести до того, что она сама кадетъ съ ихъ программой призоветъ, какъ спасителей. Тогда можно будетъ *ей* ставить такiя условiя, которыхъ она не принимаетъ сейчасъ; тогда наступитъ время для соглашенiя. Это была болѣе тонкая и реальная тактика. Но, чтобы удачно ее провести, нужны были и въ ней зоркость и тактъ. Нужно было умѣть *не пропускать* подходящiй моментъ, не зарываться, не сжигать заранѣе кораблей. Посмотримъ на эту сторону дѣятельности Государственной Думы.

ГЛАВА XIII

Переговоры о составленіи думскаго министерства.

При внѣшней войнѣ переговоры съ врагомъ недозволены; на нихъ смотрятъ, какъ на измѣну. Приблизительно *такъ* относилась и Дума къ разговорамъ съ правительствомъ. Контактъ Министровъ съ парламентомъ необходимъ для работы; у нихъ совмѣстная дѣятельность. И все-таки руководители Думы устраняли возможность контакта. Они какъ бы старались показать, что Дума на *особенномъ* положеніи; она — новый міръ, который пришелъ старый *смѣнить*. Ей со старымъ *разговаривать* не о чемъ.

Гр. Коковцевъ вспоминаетъ, что въ день открытія Думы министры получили приглашеніе въ Таврическій Дворецъ на молебенъ. Хозяиномъ тамъ была Дума, правительство было гостями. Хозяева не нашли нужнымъ быть вѣжливыми. «По окончаніи молебна, разсказываетъ гр. Коковцевъ, всѣ мы стояли обособленной кучкой и къ намъ рѣшительно никто не подошелъ, если не считать гр. Гейдена, который зналъ меня за время службы его въ «канцеляріи по принятію прошеній». Онъ одинъ поздоровался съ нѣкоторыми изъ насъ, но также не задержался бесѣдой съ нами, и всѣ мы, простоявши нѣсколько минутъ, начали расходиться каждый въ свою сторону (*). Это неважно, но символично. Правда, Дума уже знала содержаніе своего адреса, свое намѣреніе сразу требовать отставки министровъ. Ей могло казаться непослѣдовательнымъ, передъ подобнымъ требованіемъ, съ ними любезно бесѣдовать; только еще непослѣдовательнѣе было тогда ихъ приглашать на молебенъ. Вѣроятно приглашеніе было сдѣлано не Думой, а канцеляріей. Своимъ поведеніемъ, Дума отъ него и отмежевалась.

Дума выбрала Предсѣдателя. Въ его лицѣ можно было установить нормальныя отношенія съ Думой. Но, какъ разсказываетъ С. Крыжановскій, Муромцевъ не счелъ нужнымъ членамъ Правительства сдѣлать визиты. Предполагалось, вѣроятно, что они должны были сами являться. Столыпинъ, который зачѣмъ-то хотѣлъ Муромцева увидать, долженъ былъ просить Крыжановскаго *устроить* имъ встрѣчу. Припоминаю эпизодъ того же порядка, возбудившій тогда много толковъ. Петербургская Городская Дума рѣшила, въ честь Государственной Думы,

*) Гр. Коковцевъ. — «Воспоминанія», стр. 176.

устроить раутъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ депутатовъ, Дума на этотъ пріемъ не пошла. Считала ли она ниже своего величія принять подобное приглашеніе отъ «цензовой» Думы, или для этого были другія соображенія, но Дума сознательно поддерживала впечатлѣніе учрежденія со *всѣми* воющаго.

Эти пріемы, конечно, затрудняли сближеніе. Дума и правительство вели себя, какъ враги, которымъ нельзя видаться открыто. Провести до конца это правило, однако, было нельзя: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Но общеніе Думы съ правительствомъ по необходимости приняло форму «тайныхъ свиданій». Они происходили секретно и отъ Думы, и отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Сколько ихъ было — трудно сказать. По наблюденіямъ и опыту 2-ой Думы,я помню, что депутаты на нихъ ходили *охотно*. Я слыхалъ тогда же о томъ, что дѣлалось въ 1-й Думѣ. Вспоминать объ этомъ сейчасъ безполезно, да и нельзя ручаться за точность разсказовъ. Въ концѣ концовъ, эти свиданія неинтересны. Коснусь только того, что въ большей или меньшей степени вышло наружу. Оно носило общее и неточное названіе «образованіе кадетскаго министерства». Мемуарная литература это событіе разчленила и сдѣлала яснымъ. Эти сокровенные эпизоды и дополняютъ картину дѣятельности 1-ой Государственной Думы.

Первый по времени эпизодъ состоялъ изъ разговоровъ Милюкова и Трепова. Они во многомъ и по сію пору остались загадкой. Разгадать ее до конца едва ли будетъ возможно; главнаго дѣйствующаго лица — Д. Ф. Трепова въ живыхъ нѣтъ давно; настоящій секретъ разговоровъ онъ унесъ съ собою въ могилу. Милюковъ объ нихъ упоминалъ нѣсколько разъ; съ наибольшей подробностью разсказалъ теперь, въ «Русскихъ Запискахъ» (Іюль). Но онъ всего самъ не зналъ и многое представлялъ себѣ совершенно невѣрно. Ограничиться *его* разсказомъ сейчасъ невозможно.

Такъ, еще въ 21 году, въ «Трехъ Попыткахъ», онъ утверждалъ: «было два центра переговоровъ о кабинетѣ думскаго большинства. Первый былъ при Дворѣ; второй въ Министерствѣ. Только первая инициатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна. Прямое обращеніе ко мнѣ Трепова и было началомъ переговоровъ. Наше свиданіе, о которомъ я разсказалъ подробно въ «Рѣчи», было секретнымъ и нѣкоторое время тайна его сохранялась. *Я догадываюсь, что именно результатомъ нашей бесѣды была передача дальнѣйшихъ переговоровъ въ руки нѣсколькихъ министровъ, и т. д.*»

Отъ *этой* догадки онъ не отказался даже теперь, когда мемуарная литература многое выяснила. Свой выводъ о связи Треповскихъ разговоровъ съ позднѣйшимъ вступленіемъ въ дѣло министровъ, онъ подтвердилъ въ «Русскихъ Запискахъ» такими словами: «съ легкой руки Трепова «диллетантскіе разговоры» о министерствѣ продолжались — по прямому порученію Государя. Я тогда не ожидалъ, что мой разговоръ съ Треповымъ такъ скоро дойдетъ до царскаго слуха, и не связывалъ именно

этого разговора съ послѣдовавшими фактами. Изъ нихъ первымъ до меня дошло приглашенiе С. А. Муромцева встрѣтиться у него дома съ Ермоловымъ и т. д.».

Итакъ, не только теперь, но и раньше въ «Трехъ Попыткахъ» т.е. въ 21 году, Милюковъ былъ увѣренъ, что тѣ переговоры съ Министрами, которые велись уже по порученiю Государя, были *результатомъ его перваго свиданiя съ Треповымъ.* Между тѣмъ мемуары А. Извольскаго и гр. Коковцева дѣлаютъ яснымъ, что это совершенная ошибка. А отъ нея ошибочная оцѣнка всего того, что происходило. Какъ начались переговоры «съ Министрами», мы знаемъ изъ воспоминанiй Извольскаго. Они съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что о дѣйствiяхъ Трепова никому изъ Министровъ ничего не было въ то время извѣстно. Двѣ инициативы, о которыхъ говоритъ Милюковъ, были не только самостоятельны и независимы, но по характеру совершенно различны и исключали другъ друга. Но обѣ были секретны и Милюкову, который былъ причастенъ къ обѣимъ, *могло* показаться, что вторые переговоры только *продолженiе* первыхъ. Это не только фактическая ошибка, которую онъ повторяетъ сейчасъ; это недоразумѣнiе, въ которомъ несомнѣнно онъ пребывалъ и тогда. И для вторыхъ переговоровъ это недоразумѣнiе было печально. Благодаря ему Милюковъ не оцѣнилъ значенiя ихъ и занялъ позицiю, которая не оправдывалась положенiемъ дѣла.

Другимъ заблужденiемъ Милюкова, тѣсно связаннымъ съ этимъ, была его увѣренность, будто только инициатива Трепова — была чѣмъ то *«серьезнымъ»*. Напротивъ именно *она* серьезной не была и быть не могла.

Какъ начались эти курьезные переговоры? На это есть красочное указанiе въ Воспоминанiяхъ Гессена. Вотъ какъ онъ описалъ ихъ начало:

«Посредникомъ въ этихъ переговорахъ былъ загадочный субъектъ; постоянными гостями въ редакцiи «Рѣчи» были тогда иностранные газетные корреспонденты, ежедневно появлявшiеся, чтобы орiентироваться въ политической обстановкѣ и обмѣняться мнѣнiями. Наиболѣе активнымъ и юркимъ среди нихъ былъ нѣкто Ламаркъ, не внушавшiй къ себѣ довѣрiя (совсѣмъ враждебно относился къ нему Ганфманъ, такъ какъ онъ былъ подозрительно близокъ и къ бюрократическимъ кругамъ). Ламаркъ явился къ Петрункевичу съ предложенiемъ встрѣтиться съ Треповымъ, но тотъ категорически отказался, считая, что не имѣетъ права входить въ переговоры съ представителями правительства, безъ разрѣшенiя партiи. Это нисколько не помѣшало Ламарку явиться вторично съ приглашенiемъ пожаловать въ ресторанъ Кюба, гдѣ Треповъ уже ждетъ. «Какъ ждетъ?» Я вѣдь Вамъ ясно сказалъ, что отказываюсь отъ свиданiя съ нимъ.» «Такъ я и передалъ Трепову» невозмутимо отвѣтилъ шустрый посредникъ, — «а онъ все же проситъ Васъ пожаловать къ Кюба». Конечно, этотъ маклерскiй трюкъ не удался, послѣ чего

Ламаркъ обратился къ Милюкову, который приглашеніе принялъ.»

Участіе въ организаціи переговоровъ «юркаго журналиста», носившаго, по ироніи судьбы, имя Ламарка, т. е. имя того знаменитаго друга Мирабо, который первый устроилъ переговоры его съ королемъ, само по себѣ совершенно понятно. Треповъ былъ далекъ отъ міра общественности. На переговоры съ нимъ пошли бы не всѣ, что показалъ примѣръ Петрункевича. Трепову были нужны посредники, въ лицѣ не столько серьезныхъ, сколько *юркихъ* людей. Кто скажетъ теперь, не въ головахъ ли этихъ посредниковъ родилась и самая мысль о свиданіи, какъ матримоніальные планы часто рождаются въ головахъ именно свахъ?

Такую роль Ламарка подтверждаетъ и Милюковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русскія Записки» — Іюль). Онъ говоритъ при этомъ, что, соглашаясь на разговоры съ Треповымъ, онъ, Милюковъ, «не имѣлъ яснаго представленія о близости Трепова къ Государю» («Рус. Зап.» — Іюль.) Признаюсь, что я этому заявленію удивляюсь и склоненъ считать его самовнушеніемъ позднѣйшаго времени. Кто же не зналъ въ 1906 г. о положеніи Трепова? А если бы какимъ-то чудомъ Милюковъ *одинъ* его незналъ, то *зачѣмъ* бы онъ пошелъ съ нимъ разговаривать? Но важно не это, тѣмъ болѣе, что позднѣе Милюковъ вліяніе Трепова въ переговорахъ даже преувеличивалъ; важнѣе другое: какое дѣйствительно отношеніе къ этой иниціативѣ Трепова имѣлъ Государь?

Треповъ вѣдь могъ начать переговоры безъ вѣдома Государя, на собственный страхъ, полагаясь на довѣріе къ себѣ Государя, который бы ему не поставилъ въ вину его желанія сдѣлать глубокую развѣдку въ станѣ враговъ. И, конечно, дѣло было именно такъ. Если бы Государь зналъ о переговорахъ Трепова съ Милюковымъ, то, когда онъ потомъ поручилъ нѣкоторымъ Министрамъ вести такіе же переговоры съ тѣми же лицами, онъ не могъ бы ни слова имъ не сказать о томъ, что было раньше, *по его же порученію*, сдѣлано Треповымъ. А между тѣмъ никому про это онъ не говорилъ. Извольскій, который былъ въ курсѣ послѣднихъ переговоровъ, категорически утверждаетъ, что если даже какіе-то переговоры Треповъ и велъ, то *безъ вѣдома* Государя.

Но если Треповъ обратился къ Милюкову только за «информаціей», то онъ ею не ограничился. Послѣ разговоровъ съ нимъ, онъ пришелъ къ опредѣленному и оригинальному выводу о желательности парламентарнаго и притомъ чисто кадетскаго Министерства. Этотъ планъ онъ Государю представилъ повидимому, даже со спискомъ Министровъ. По словамъ Милюкова въ «Русскихъ Запискахъ», списокъ былъ составленъ безъ Милюкова. Это не важно. За то въ высшей степени интересно, что результатъ ресторанныхъ разговоровъ Трепова съ Милюковымъ въ извѣстной моментъ *былъ Государю представленъ.* Но несомнѣнно, что никакого сочувствія онъ въ Государѣ не

встрѣтилъ. Когда объ немъ стало извѣстно, противъ него со всѣхъ сторонъ поднялись возраженія. Коковцевъ вспоминаетъ, какъ,передъ самымъ роспускомъ Думы,къ нему пріѣхалъ А. Ф. Треповъ сообщить про «безумный» планъ своего брата и просилъ Коковцева принять мѣры, чтобы этотъ планъ не проскочилъ. Коковцевъ обѣщалъ заговорить о немъ съ Государемъ на ближайшемъ докладѣ. Но этого дѣлать ему не пришлось. Черезъ четыре дня А. Ф. Треповъ снова пріѣхалъ къ нему и сообщилъ, что его братъ Д. Ф. вызывалъ его въ Петергофъ, былъ очень мраченъ и сказалъ ему, что, по его впечатлѣнію, его проектъ не имѣлъ успѣха и что Государь съ нимъ объ немъ болѣе не заговаривалъ. Уже позднѣе, самъ Государь разсказывалъ объ этомъ планѣ Извольскому. Планъ Трепова, повидимому, былъ имъ Государю представленъ въ то-же приблизительно время, когда происходило обсужденіе совсѣмъ другого плана, исходившаго уже отъ Министровъ. Начатые изъ разныхъ источниковъ и съ разными цѣлями, оба они столкнулись у Государя, и Треповскій планъ былъ сразу отвергнутъ. Послѣ этого Треповъ довѣріе Государя постепенно терялъ, вліяніе его ослабѣло и скоро онъ, какъ говорили, *отъ огорченія* умеръ. Онъ сдѣлался такимъ образомъ главной жертвой свиданій своихъ съ Милюковымъ.

Но въ чемъ же былъ тотъ планъ, которымъ Милюковъ удачно соблазнилъ Трепова, а Треповъ неудачно хотѣлъ соблазнить Государя?

Объ этомъ планѣ мы знаемъ давно по журнальной полемикѣ, въ которой принялъ участіе и Треповъ, какъ интервьюеръ. Теперь въ «Русскихъ Запискахъ» Милюковъ поставилъ интересныя точки надъ і. Онъ подтвердилъ то, что мы раньше уже знали. Конечно, какъ бы Треповъ ни мотивировалъ свое желаніе говорить съ Милюковымъ, Милюковъ увидѣлъ въ немъ доказательство, что власть безсильна остановить Революцію, а за примиреніе съ Думой, согласна на большія уступки. Совершалось такимъ образомъ то, чего онъ ожидалъ; тактика единенія съ Революціей свои плоды приносила. Теперь можно было *свои* условія ставить. Конечно, прежней нелѣпости 1905 года, Учредительнаго Собранія онъ не повторялъ. Съ нимъ было опоздано. Но вѣрный *программѣ* и публичнымъ своимъ заявленіямъ, онъ требовалъ *парламентарнаго*, т. е. *партійнаго кадетскаго* министерства. Такъ происходитъ всегда въ настоящихъ парламентскихъ странахъ; «лидеру оппозиціи» поручаютъ составленіе кабинета.

Рѣчь пошла тогда о *программѣ* будущаго правительства. Милюковъ изложилъ партійную программу кадетъ, не исключая ни полной амнистіи, ни кадетской аграрной реформы, ни даже пересмотра Основныхъ Законовъ. Треповъ все это, безъ возраженій, записывалъ въ книжку. Самъ Милюковъ этому изумлялся, но вынесъ такое общее впечатлѣніе: «дальнѣйшіе переговоры на этой основѣ *возможны*». Но частичный отвѣтъ на это Милюковъ скоро получилъ въ Треповскомъ интервью, дан-

номъ имъ агентству Рейтера. Я его не знаю, но содержаніе его ясно изъ статьи Милюкова 30 Іюня въ «Рѣчи», которую онъ по по поводу его написалъ. Статья показываетъ, *въ чемъ* онъ расходится съ Треповымъ. Треповъ въ интервью рѣшительно высказался за *кадетское* министерство. Милюковъ за это «прозрѣніе» Трепова хвалитъ. Но Треповъ думалъ, что кадетское министерство *возможно* безъ проведенія *полной* кадетской программы; онъ былъ противъ «принудительнаго отчужденія» (*) и «полной амнистіи». Милюковъ же предупреждаетъ: «если такъ, то перестанемъ уже и говорить о *кадетскомъ министерствѣ.* Партія согласится на жертву, т. е. на принятіе власти, подъ однимъ условіемъ: «остаться у власти тѣмъ, чѣмъ она была у избирательныхъ ящиковъ».

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Милюковъ ничего не говоритъ о томъ, что кадеты даютъ *съ своей* стороны. Но очевидно, они съ Революціей разрываютъ; разъ они сами у власти, Революція болѣе ни для чего не нужна. И внѣшнюю иллюстрацію *новаго* отношенія кадетъ къ Революціи можно видѣть въ томъ, что трудовиковъ въ кадетскомъ министерствѣ не будетъ. 18 Іюня Милюковъ пишетъ въ «Рѣчи» статью подъ выразительнымъ заглавіемъ: «есть ли почва въ Думѣ для кадетскаго Министерства?» Въ ней онъ доказывалъ, что оно не только возможно, но что только оно и возможно. Никакого *коалиціоннаго* Министерства ненужно. Трудовики въ него *не годятся.* «Не только потому, что среди личнаго состава этой группы не имѣется достаточно подготовленныхъ для этой роли лицъ, но и потому, что едва ли ея руководители пожелаютъ перемѣнить свою позицію на то гораздо менѣе благодарное положеніе, которое имъ бы пришлось занять въ министерствѣ. И безъ нихъ кадетамъ прочное *большинство* обезпечено». «Министерство будетъ всего прочнѣе и сильнѣе, если оно будетъ не коалиціоннымъ, а чисто кадетскимъ».

Если Милюковъ въ кабинетѣ ресторана сумѣлъ убѣдить Трепова въ цѣлесообразности этого плана, то это съ его стороны было, конечно, побѣдой надъ Треповымъ. Но подобно большин-

---

*) Въ «Русскихъ Запискахъ» Милюковъ сообщаетъ неожиданный фактъ, будто Треповъ былъ согласенъ съ кадетскимъ планомъ принудительнаго отчужденія, но при условіи, что такая реформа будетъ личнымъ дѣломъ Царя, безъ участія Думы. Не знаю, кто уполномочилъ Трепова на такой беззаконный планъ, при наличіи конституціи. Но въ немъ одно характерно и поучительно. Въ программѣ кадетъ, да и всей Думы, принудительное отчужденіе стало тактическимъ маневромъ, орудіемъ за привлеченіе къ Думѣ крестьянскихъ симпатій, а вовсе не аграрной реформой на пользу крестьянъ. Это и дало поводъ Трепову использовать ту-же реформу тоже для политической цѣли, для увеличенія симпатіи къ Монарху. Грѣхъ кадетскаго аграрнаго проекта былъ въ томъ, что онъ промѣнялъ интересы страны на соображенія подобнаго рода. Треповъ только пошелъ за ними по тому же руслу.

ству кадетскихъ побѣдъ она была самообманомъ. Мы можемъ теперь лучше этотъ планъ оцѣнить.

Въ 1921 гозу Милюковъ писалъ въ «3-хъ Попыткахъ», что «кадетское министерство, во всякомъ случаѣ, было бы той первой зарубкой, на которой революціонный процессъ могъ задержаться». Почему кадетское парламентарное министерство было бы лучшей «зарубкой», чѣмъ соглашеніе Думы съ правительствомъ, чѣмъ общій планъ дѣйствій разумной части бюрократіи со сливками либеральной общественности? Во имя чего кадеты отказались отъ попытки къ сговору съ властью и предпочитали чистое «кадетское министерство»? Въ то время, когда все это происходило, они еще могли питаться иллюзіей, что они все умѣютъ и знаютъ, и что народъ за *ними* пойдетъ. Но какъ можно повторять *это* послѣ нашего злополучнаго опыта, уже въ 1921 г.? Что нужно было, чтобы остановить революціонный процессъ? Во-первыхъ, провести нужныя *всему народу* реформы. Бюрократія понимала это не хуже кадетъ, а для написанія законовъ имѣла гораздо болѣе умѣнья и опыта. Мы вѣдь самостоятельное думское законодательство увидѣли на работѣ. Дума предпочитала эффекты — реальному достиженію, «деклараціи» — законодательной нормѣ; для этого она до безконечности осложняла самые простые вопросы. И на первую очередь она ставила бы не то, что было *нужно* странѣ, а то, что ей подсказывала революціонная демагогія, т. е. амнистію и отобраніе земель у частныхъ владѣльцевъ. Отъ этихъ *искусственныхъ* требованій, *кадеты* не могли отступать; этого ихъ союзники имъ не позволили бы. Реформы, которыя бы они провели, имѣли бы сами по себѣ послѣдствіемъ не предупрежденіе, а только *ускореніе* Революціи.

Но главное, *чѣмъ* они остановили бы «революціонный процессъ»? Или они серьезно надѣялись, что изъ довѣрія къ нимъ, изъ удовольствія имѣть *ихъ* правительствомъ, революціонныя партіи положатъ оружіе? Вѣдь ихъ министерство было бы воспринято лѣвыми партіями, какъ измѣна «оппозиціонному блоку», какъ предательство «народнаго дѣла» ради министерскихъ портфелей. Эта тема о будущей «измѣнѣ» кадетъ уже давно разрабатывалась. Вся злоба, всѣ обвиненія, которыя до сихъ поръ направлялись на министерскія скамьи, посыпались бы на головы кадетскихъ измѣнниковъ. Вѣдь сдѣланная кадетамъ исторической властью уступка разрушительную энергію революціонныхъ партій лишь окрылила бы. Такъ бываетъ всегда. Это показалъ 1917 годъ, когда послѣ паденія Монархіи, послѣ созданія Временнаго Правительства съ его программой, революціонныя партіи принялись *«углублять»* Революцію. Въ 1936 г., именно послѣ побѣды Front Populaire, при Министерствѣ Л. Блюма началась усиленная оккупація фабрикъ и коммунистическая финансовая и международная демагогія.

Конечно, отвѣчать въ Думѣ на словесныя нападки кадеты сумѣли бы лучше, чѣмъ Горемыкинъ. Пренія въ ней получили

бы тогда тотъ серьезный и дѣйствительный интересъ, который въ 1-ой Думѣ они рѣдко имѣли.

Но дѣло было бы не въ рѣчахъ и не въ Думѣ. Тогда начались бы непосредственныя выступленія массъ, погромы имѣній, «явочный порядокъ» на фабрикахъ, всеобщія забастовки, вооруженныя сопротивленія, терроръ, вплоть до возстаній включительно. Что стали бы *противъ этого* дѣлать кадеты? Теперь мы на это можемъ отвѣтить. Мы и раньше, и позже ихъ увидѣли въ дѣйствіи. Въ Декабрѣ 1905 года мы только слышали ихъ *совѣты*, обращенные къ власти; снять исключительныя положенія, войска удалить. А въ 1917 году мы ихъ самихъ увидѣли властью и наблюдали ихъ дѣйствія; они поторопились уничтожить полицію, смѣстить всѣхъ губернаторовъ и подчиниться «волѣ народа». Въ этомъ основная слабость не только *революціонныхъ* правительствъ, но и тѣхъ *либеральныхъ* правительствъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны *Революціи*. Они, не измѣняя себѣ, не могутъ *силой* съ нею бороться. Это противорѣчитъ всей ихъ идеологіи, ихъ недавнему прошлому. И кадетское министерство не смогло бы справиться съ этой задачей. Его положеніе было бы труднѣе другихъ. Историческая власть, Государь ему не довѣрялъ и позволилъ бы ему *меньше*, чѣмъ могъ позволить другимъ, а революціонныя массы отъ него требовали бы *больше* уступокъ, чѣмъ отъ лицъ съ ними въ прошломъ несвязанныхъ.

Кадетское Министерство стало бы потому не «зарубкой» противъ Революціи, а первой ступенью, по которой Россія скатилась бы къ ней. 1906 годъ предварилъ бы то, что потомъ представилъ 1917 годъ. Конечно власть тогда была крѣпче, народъ несравненно менѣе революціонно настроенъ, и войска не были заняты фронтомъ. Революціонные эксцессы могли быть въ 1906 легко раздавлены силой. Это конечно возможно. Но сдѣлали бы это уже *не кадеты*, *не либеральныя партіи* и не либеральныя *мѣры*. Это сдѣлалъ бы *старый* режимъ и — хотя бы на время —опять востворжествовалъ бы тогда не только надъ Революціей, но и надъ компрометировавшимъ себя либерализмомъ. Кадетское министерство не въ спокойное мирное время, а для борьбы съ Революціей, было игрой, въ которой выиграть было нельзя. Побѣдила бы или Революція съ революціоннымъ диктаторомъ, или прежній порядокъ, который при видѣ опасности нашелъ бы сильнаго защитника. Одно было исключено — торжество *либеральныхъ* началъ. Имъ служить нужно было *иначе*, а не такъ, какъ хотѣла служить Первая Дума.

Въ 1906 году кадеты этого еще не понимали. Подлинныхъ уроковъ исторіи они еще не прошли. Но печальные результаты имѣла увѣренностьМилюкова,будто своимъ планомъ онъ убѣдилъ не только Трепова, но черезъ его посредство и Государя. Онъ счелъ, будто Государь принципіально *согласился* на кадетское министерство. Подъ впечатлѣніемъ этой увѣренности, онъ потомъ, въ непримиримомъ тонѣ, разговаривалъ со Столыпинымъ, съ гр. Гейденомъ и съ Муромцевымъ, когда они го-

ворили съ нимъ совсѣмъ о *другомъ.* И потому онъ потомъ такъ вознегодовалъ на «царедворца и честолюбца» Столыпина, который будто бы ему готовое кадетское министерство сорвалъ.

Это въ общемъ понятно. Но въ этой картинѣ было неясно одно: роль въ ней Трепова. Мемуары Извольскаго на нее бросаютъ неожиданный свѣтъ.

Треповъ въ нашей новѣйшей исторіи воплощеніе противорѣчій. Либеральная общественность считала его своимъ главнымъ врагомъ. Она въ немъ помнила только знаменитую фразу приказа: «патроновъ не жалѣть». Однимъ изъ первыхъ условій, которое въ 1905 году она ставила Витте, было удаленіе Трепова. Въ Іюнѣ 1906 года, когда Милюковъ уже велъ съ Треповымъ переговоры, Винаверъ въ рѣчи по дѣлу о подпольной типографіи въ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, обличалъ въ погромной работѣ именно *Трепова.* Витте разсказывалъ и писалъ, какое роковое вліяніе на Государя имѣлъ Треповъ въ качествѣ Дворцоваго Коменданта и какъ онъ съ либеральнымъ курсомъ Витте боролся. Эта одна сторона его личности. Но есть и другія. Въ Совѣщаніи о Булыгинской Думѣ онъ противъ правыхъ отстаивалъ ст. 49, которая не допускала до Государя законопроектовъ отвергнутыхъ квалифицированнымъ большинствомъ голосовъ; отстаивалъ безъ успокоительныхъ словъ, какъ другіе, а съ грубой откровенностью заявивъ, что это «ограниченіе Самодержавія», но полезное для Государства. Онъ же, повидимому, посовѣтовалъ дать автономію Университетамъ. Онъ былъ свободнѣе многихъ другихъ отъ рутины и не боялся новыхъ путей. Преданность же его Государю была такъ установлена, что онъ могъ позволить себѣ то, на что другіе бы не посмѣли рѣшиться.

Это помогаетъ понять, почему именно *Треповъ* могъ рѣшиться не только на разговоръ съ Милюковымъ, но и на планъ кадетскаго министерства. Самая же мысль, какъ оказалось, пришла ему въ голову еще до разговора съ Милюковымъ. Коковцевъ разсказываетъ, что 6 Мая, въ день рожденія Государя, т. е. когда только что состоялось принятіе адреса, Треповъ на пріемѣ удивилъ его вопросомъ, какъ онъ смотритъ на идею Министерства, отвѣтственнаго передъ Думой и возможно ли послѣ созданія Думы сохранить Министерство, зависящее исключительно отъ Монарха? Такой разговоръ былъ не по времени и не по мѣсту, и Коковцовъ его не поддержалъ; но это показываетъ, что до переговоровъ съ Милюковымъ у Трепова какимъ-то загадочнымъ образомъ уже была для этого готовая почва.

Что Треповъ потомъ всецѣло воспринялъ эту мысль, видно и изъ того интервью, о которомъ я говорилъ и которое онъ далъ агентству Рейтера; въ немъ онъ категорически заявилъ, что «ни коалиціонное министерство, ни министерство, взятое внѣ Думы, успокоенія странѣ не дадутъ». Удивляться на рѣшительность этого заключенія нечего. «Неофиты» часто идутъ дальше тѣхъ, кто давно думалъ объ этихъ вопросахъ. Но, если онъ и могъ *6 Мая* такъ думать, то какъ его государ-

ственный опытъ всетаки ему не подсказалъ всю нежизненность этого плана послѣ того, когда позднѣе опредѣлилось настроеніе Думы и кадетская *тактика*? Кадетское министерство, несмотря на новизну для нихъ этого дѣла, онъ могъ бы bona fide поддерживать, если бы Дума и ея руководители хотѣли дѣйствительно *укрѣплять конституцію*, а не «*углублять* Революцію»; если бы въ 1906 году кадеты явно не дѣлали того же самого, за что въ 1917 году они стали упрекать «революціонную демократію». Треповъ могъ себѣ дѣлать иллюзіи въ государственномъ смыслѣ кадетъ, только *пока не было думскаго адреса*, и не было той *резолюціи* Думы 13 Мая, отступать отъ которой кадеты уже не могли. Но какъ *послѣ* всего того, что онъ видѣлъ, онъ *могъ* поддерживать идею кадетскаго Министерства? Или онъ, человѣкъ преданный Государю, смотрѣлъ на перспективу Революціи съ философскимъ спокойствіемъ?

На этотъ недоумѣнный вопросъ воспоминанія Извольскаго даютъ любопытный отвѣтъ.

Извольскій о Треповскомъ эпизодѣ узналъ много позднѣе, почему его ошибочно и помѣстилъ ко времени *послѣ* роспуска Думы. Въ воспоминаніяхъ спутать точную хронологію очень легко. Но Извольскій не могъ ни забыть, ни придумать тѣхъ объясненій, которыя въ разговорѣ съ нимъ самъ Треповъ своему поступку давалъ. Треповъ ему потомъ говорилъ, что отлично понималъ опасность кадетскаго министерства; понималъ, что оно революціонный взрывъ рисковало *ускорить*. Но этого онъ, какъ и Милюковъ, не боялся. Только по совершенно другимъ основаніямъ. При конфликтѣ кадетскаго Министерства съ Монархомъ, сомнѣваться въ побѣдѣ Монарха онъ въ то время не могъ. А тогда конфликтъ сталъ бы для Монархіи только полезенъ. При расправѣ съ кадетами могъ бы до нѣкоторой степени возстановленъ и *старый* порядокъ. Вотъ почему, чисто кадетское министерство казалось и ему предпочтительнѣй тѣхъ коалиціонныхъ кабинетовъ съ участіемъ умѣренныхъ общественныхъ дѣятелей, за которые ратовалъ тогда самъ Извольскій и которыхъ Милюковъ не хотѣлъ.

Было ли это объясненіе, похожее на признаніе въ провокаціи искренно, или было придумано, чтобы свой планъ *заднимъ числомъ* оправдать? Треповъ былъ очень примитивный политикъ, но не былъ ни трусомъ, ни провокаторомъ, и понять правду нетрудно.

Характерны слова его интервью агентству Рейтера, которыя Милюковъ самъ въ «Рѣчи» приводитъ. «Кадетское Министерство, говорилъ Треповъ, сопряжено съ большимъ рискомъ, но страна находится въ такомъ положеніи, что на *этотъ рискъ* надо пойти». И онъ прибавлялъ: «если даже это средство не поможетъ, придется — и только тогда — обратиться къ крайнимъ средствамъ».

На эти послѣднія слова не обратили вниманія, а въ нихъ вся разгадка. Треповъ яснѣе, чѣмъ Милюковъ, видѣлъ другую сторону дѣла. Если задача кадетамъ удастся, тѣмъ лучше;

это путь наиболѣе краткій. Но если они со своимъ министерствомъ провалятся и Революціи остановить не сумѣютъ, то власть была еще достаточна сильна, чтобы и безъ ихъ помощи Революцію остановить физической силой. И тогда стало бы возможно отмѣнить и конституцію, которая себя не оправдала. Треповъ объ этомъ не сталъ бы жалѣть. Милюковъ не превратилъ его въ «конституціоналиста» по убѣжденію. А разсчетъ правыхъ на выгоду «временнаго торжества Революціи» былъ вовсе не новъ. Онъ не разъ находилъ сторонниковъ въ разнообразныхъ кругахъ. Имъ въ 1905 году оправдывалъ свою «слабую» политику Витте, ссылаясь на тактику Тьера съ коммуной. На то-же надѣялись и тѣ, кто въ 1917 году не хотѣли противъ большевиковъ защищать правительство Керенскаго. Къ моему изумленію въ 1908 году однажды такъ разсуждалъ и М. А. Стаховичъ.На это разсужденіе намекали и слова Трепова въ его интервью: «если не поможетъ кадетское Министерство, то тогда — и только тогда — возможно станетъ обратиться къ крайнему средству».

Итакъ Треповъ въ своей авантюрѣ оставался вѣренъ себѣ; но это обнаруживаетъ, какъ вся эта попытка была далека отъ реальности. Она не столько политическій актъ, сколько забавный сюжетъ для экрана. Для него ресторанная встрѣча двухъ видныхъ враговъ благодарная тема; оба собесѣдника другъ друга разыгрывали, хотѣли другъ друга для своихъ цѣлей использовать и въ результатѣ оба попались. Треповъ за нее заплатилъ своимъ положеніемъ, а Милюковъ поплатился съ другой стороны; легкая «побѣда» надъ Треповымъ ему ослѣпила глаза, когда зашелъ уже второй, болѣе серьезный и реальный разговоръ на эту же тему.

* * *

Вторая попытка имѣла совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ первая. Онѣ исключали другъ друга. Въ переговорахъ съ Треповымъ Милюковъ хотѣлъ использовать революціонную ситуацію, чтобы создать кадетское *парламентарное* министерство съ *кадетской* программою. Это было бы *полной* побѣдой Думы надъ исторической властью.

Вторая попытка была поставлена иначе (*). Она теперь

---

*) Въ Іюльской книжкѣ «Русскихъ Записокъ», послѣдней, которую я могъ прочитать до сдачи въ печать моей рукописи, Милюковъ заканчиваетъ свои «Воспоминанія» такой фразой: «... вопросъ о роспускѣ Думы вступилъ въ послѣдній рѣшительный фазисъ. Что стало при этомъ съ проектами «министерства довѣрія» мы дальше увидимъ». Эти слова соотвѣтствуютъ его представленію, будто позднѣйшіе разговоры о составленіи «министерства довѣрія» были продолженіемъ его разговоровъ съ Треповымъ объ парламентарномъ министерствѣ. Въ этомъ ошибочномъ представленіи и былъ источникъ позднѣйшихъ недоразумѣній. Милюковъ отъ него не избавился и послѣ опубликованія позднѣйшихъ воспоминаній.

прекрасно извѣстна. Первымъ объ ней разсказалъ Д. Н. Шиповъ; къ его разсказу Милюковъ въ «Трехъ попыткахъ» внесъ цѣнныя добавленія. Позднѣе, уже въ 1923 году, точки на і поставили мемуары Извольскаго. Много могъ бы добавить Н. Н. Львовъ. Но того, что мы знаемъ, достаточно и въ главномъ *всѣ* разсказы *согласны*.

Эта попытка, въ отличіе отъ первой, вовсе не имѣла цѣлью побѣду надъ властью. Она стремилась возстановить между ней и Думой тѣ отношенія, которыя были созданы Основными Законами, и отъ вредной для Россіи войны вернуться къ совмѣстной работѣ. Это было опозданымъ, но не безнадежнымъ опытомъ начать все съ того пункта, гдѣ Дума пошла по не конституціоннымъ путямъ. Соотвѣтственно *такой* задачѣ вторая попытка вышла изъ *другой* среды, нежели первая; не изъ стараній двухъ политическихъ антиподовъ другъ друга перехитрить. Она зародилась въ кружкѣ единомышленниковъ, которые одинаково считали октроированную конституцію основой новаго строя, а не нарушеніемъ правъ народа. Въ этомъ кружкѣ были представлены *оба* лагеря; и либеральные бюрократы, которые не мечтали больше о возвращеніи къ Самодержавію, и тѣ разумные представители нашей общественности, которые не считали своимъ призваніемъ прежде всего «углублять Революцію». Ихъ общей цѣлью было *укрѣпить новый порядокъ* совмѣстной работой власти съ общественностью. Въ этомъ и былъ символическій смыслъ этой попытки. Она должна была быть не новой формой революціонной борьбы, а возвращеніемъ къ конституціонной идеѣ.

Со стороны бюрократіи иниціаторомъ былъ А. П. Извольскій. Это характерно. Дѣло не въ его личныхъ свойствахъ; но по своему *прошлому* онъ былъ прикосновененъ къ земскимъ кругамъ; а постъ Министра *Иностранныхъ* Дѣлъ позволялъ ему лучше другихъ понимать необходимость преобразованія политическаго строя Россіи. Къ этой идеѣ онъ привлекъ и другихъ; въ числѣ ихъ былъ и Столыпинъ. Это было началомъ его послѣдующей карьеры. Онъ былъ настоящій государственный человѣкъ, большихъ дарованій; волевой, очень активный, умѣвшій рѣшаться. Самые недостатки его были оборотной стороной его качествъ: онъ былъ нетерпѣливъ и иногда слишкомъ скоръ на рѣшенія; любилъ ломать тамъ, гдѣ *можно* было осторожно пройти открытой дорогой. Общественность же въ этомъ кружкѣ была представлена Н. Н. Львовымъ; человѣкъ лѣвыхъ взглядовъ, земецъ, прежній сотрудникъ «Освобожденія», членъ «большинства» земскихъ съѣздовъ, одинъ изъ учредителей кадетской партіи и даже недолгій членъ ея Центральнаго Комитета, онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые *послѣ побѣды 1905* года *уже* не *умѣли* понять кадетскую *тактику*. По характеру онъ не былъ «политическимъ лидеромъ», но часто умѣлъ вѣрно понимать запутанное положеніе; онъ обыкновенно ставилъ діагнозъ лучше, чѣмъ указывалъ и особенно, чѣмъ самъ примѣнялъ средства леченія. Вѣчно носился съ новою мыслью,

всѣмъ ее тогда проповѣдывалъ, побуждалъ другихъ дѣйствовать, писалъ записки, но отъ практической дѣятельности любилъ стоять въ сторонѣ. Такимъ я помню его во время войны, въ 1915-1917 годахъ. Такимъ, очевидно, онъ былъ и въ 1906 г.; онъ былъ богатъ на мысли и планы; въ острыя минуты умѣлъ находить нужное слово; нѣкоторыя рѣчи его были событіями, давали превосходныя формулы. Но онъ былъ только вдохновителемъ, не реализаторомъ.

Насмотрѣвшись на вакханалію Думы въ первые мѣсяцы, онъ подалъ записку, которую теперь полностью въ своей книгѣ напечаталъ Извольскій (*). Она для Львова была характерна.

Львовъ констатировалъ то, въ чемъ тогда всѣ разумные люди были согласны; *такъ продолжаться не можетъ.* Работа Думы съ этимъ правительствомъ приноситъ лишь вредъ. Но вину онъ возлагалъ на обоихъ, вѣрнѣе на все русское *прошлое.* Распустить Думу опасно; авторитетъ ея еще великъ и отъ нея покуда многаго ждутъ. А главное распускать ее и ненужно; Дума не безнадежна; въ ней *есть* здоровые элементы, которые опасность положенія понимаютъ. Черезъ нихъ можно наладить между нею и властью нормальныя отношенія; но для этого *необходимо перемѣнить министерство.* Его отношенія съ Думой испорчены и оно само виновато; но смѣна его не должна имѣть вида капитуляціи передъ требованіями Думы; она должна казаться актомъ свободной иниціативы Монарха. Совсѣмъ ненужно вводить у насъ парламентаризма, какъ требуетъ Дума, ненужно создавать *партійнаго* министерства; въ Россіи нѣтъ достаточно сильныхъ для этого партій, а только ихъ суррогаты. Этотъ взглядъ не былъ со стороны Львова captatio benevolentiae; онъ былъ его давнишнимъ, искреннимъ убѣжденіемъ. Новое министерство должно было поэтому быть внѣ партій, быть смѣшаннымъ, соединять въ себѣ представителей опытной государственной власти и *разумныхъ представителей Думы.* Соединеніе въ одномъ и томъ же кабинетѣ прежнихъ враговъ и получило въ это время своебразное наименованіе «коаліціоннаго министерства». Такое правительство дожно было взять *на себя* иниціативу *реформъ.* Программы ихъ записка не предлагала, и это было характерно. О смыслѣ реформъ *уже не было спора* между властью и общественностью; разногласія были только въ деталяхъ. Участіе въ правительствѣ представителей исторической власти и представителей либеральнаго общества было залогомъ того, что законныя пожеланія *обѣихъ* сторонъ не будутъ забыты. Такое правительство и такая программа смогутъ встрѣтить въ Думѣ поддержку.

Извольскій повезъ къ Государю эту записку въ свой ближайшій докладъ; въ случаѣ неудачи рѣшилъ подать самъ въ отставку. Но неудачи не было. Государь его внимательно выслушалъ, принялъ записку и черезъ нѣсколько дней его вызвалъ, выразилъ въ общемъ съ запиской согласіе и пору-

---

***) Mémoires de Alexandre Iswolsky, Payot, 1923, page 197.**

чилъ ему войти въ переговоры съ возможными членами новаго кабинета. Къ переговорамъ Государь самъ просилъ привлечь и Столыпина; далъ для него собственноручную записку Извольскому. Такъ къ «заговору», ибо все еще дѣлалось тайно, и многіе министры объ этомъ узнали только post factum, примкнулъ на этотъ разъ и Государь.

Итакъ въ лагерѣ власти *на этотъ разъ* дѣло было *прочно* поставлено. Наступилъ моментъ, когда можно было наконецъ сойти съ мертвой точки и сдѣлать впередъ хотя маленькій шагъ. Дѣло было теперь за общественностью, т. е. за Думой; а если за Думой, то значитъ за кадетами. Въ этомъ и была ихъ политическая отвѣтственность; помимо нихъ ничего сдѣлать было нельзя. А самымъ вліятельнымъ членомъ партіи, ея лидеромъ былъ Милюковъ; хотя онъ не состоялъ членомъ Думы, но онъ былъ Предсѣдателемъ Центральнаго Комитета, редакторомъ партійнаго оффиціоза. Какъ и кадетъ, *его* обойти было нельзя. Это въ своей запискѣ признавалъ и Н. Н. Львовъ; отношеніе къ нему въ ней характерно; «хотя онъ и не состоитъ членомъ Думы, писалъ Львовъ, его вліяніе очень велико столько же въ Думѣ, сколько и въ обществѣ; несмотря на всѣ свои недостатки — громадное честолюбіе и склонность къ интригамъ, — это человѣкъ яснаго ума и политическаго пониманія. Его участіе въ Министерствѣ могло бы быть очень полезно, ибо онъ сталъ бы тогда самымъ энергичнымъ защитникомъ его противъ лѣвыхъ. Онъ одинъ могъ бы въ трудныхъ условіяхъ организовать въ Думѣ правительственное большинство».

Такъ началась, на этотъ разъ уже по прямому порученію Государя, настоящая «развѣдка» среди кадетскихъ вождей. Переговоры съ Милюковымъ взяли на себя сами министры — Извольскій, Столыпинъ, также Ермоловъ. О разговорахъ съ Милюковымъ Извольскаго и Ермолова — мы знаемъ не много. Въ своихъ «Трехъ Попыткахъ», (стр. 32) а равно и въ «Воспоминаніяхъ» Милюковъ сообщаетъ только, что Ермоловъ ему самъ сказалъ (въ отличіе отъ Трепова, В. М.), что бесѣдуетъ съ нимъ *по порученію Государя* и что Извольскій, по его впечатлѣнію, *искренно* относился къ этому плану. Но это и все, что про нихъ онъ говоритъ. Мы гораздо лучше освѣдомлены о разговорѣ Милюкова съ *Столыпинымъ*; о немъ мы знаемъ и отъ *того*, и отъ *другого*. (*) Разсказы ихъ совпадаютъ, но обнаруживаютъ то qui pro quo, которое было бы очень смѣшно, если бы рѣчь не шла о столь серьезныхъ предметахъ.

Изъ своего разговора съ Милюковымъ Столыпинъ вынесъ опредѣленное впечатлѣніе, что «коалиціонному» кабинету Милюковъ не сочувствуетъ; но за то Милюковъ ему далъ понять, что не уклонится отъ порученія лично *образовать кабинетъ*,

---

*) Милюковъ. — «Три попытки», Шиповъ. — «Воспоминанія и Думы». Разсказъ Столыпина о разговорѣ его съ Милюковымъ былъ Шиповымъ тогда же записанъ. Милюковъ къ этому разсказу даетъ комментаріи. Итакъ, повидимому, фактъ безспоренъ.

если такое порученіе ему будетъ дано. Такой неожиданный поворотъ разговора Столыпина могъ лишь изумить. Вѣдь о премьерствѣ Милюкова вообще въ этомъ кружкѣ и въ запискѣ не было рѣчи. Теперь мы это недоразумѣніе понимаемъ. Милюковъ считалъ, что разговоръ со Столыпинымъ лишь *продолженіе* бесѣдъ его съ Треповымъ, въ которыхъ образованіе кадетскаго парламентарнаго Министерства ему казалось вопросомъ «рѣшеннымъ». Споръ съ Треповымъ шелъ лишь о деталяхъ. Столыпинъ же про это *не* зналъ. Но онъ былъ еще болѣе удивленъ, когда, по разсказу уже самого Милюкова, послѣдній далъ ему понять, что объ его, Столыпина, личномъ участіи въ кабинетѣ не можетъ быть рѣчи (*). На такое уже совершенно для него непонятное и черезчуръ самоувѣренное заявленіе Столыпинъ отвѣтилъ «полуиронически», «что вѣдь Министръ Внутреннихъ Дѣлъ есть въ то-же время и шефъ жандармовъ, выполняющій непривычныя для интеллигенціи функціи». «Вѣроятно, иронизируетъ въ свою очередь Милюковъ, Столыпинъ былъ удивленъ, когда я отвѣтилъ, что элементарныя функціи государственной власти *извѣстны* моимъ единомышленникамъ». Конечно, былъ удивленъ; вѣдь рѣчь шла не о теоретическомъ знаніи, которое есть и у студентовъ, а объ умѣньи, опытѣ и способности къ этому дѣлу. Вѣдь тогда еще не было взгляда, что «всякая кухарка можетъ управлять государствомъ». Удивленъ Столыпинъ былъ и тѣмъ, что Милюковъ могъ претендовать на этотъ постъ для «*общественности*». За то и Милюковъ былъ очень недоволенъ Столыпинымъ; онъ въ своемъ разсказѣ подчеркиваетъ, что «Столыпинъ только вскользь и поверхностно разспросилъ его о разныхъ пунктахъ кадетской платформы. Треповъ же разспрашивалъ объ этомъ очень подробно, стараясь вникнуть въ детали и записывая все въ записной книжкѣ». Разговоръ съ Треповымъ Милюковъ принялъ очень серьезно; думалъ, что Государь принципіально уже согласенъ на то, что Милюковъ внушалъ Трепову, и потому отнесся къ Столыпину такъ, какъ будто Столыпинъ хлопоталъ лишь о томъ, чтобы въ Милюковскій кабинетъ включили *его.* И въ результатѣ Милюковъ заключаетъ, будто «отрицательное отношеніе Столыпина къ предмету бесѣды стало особенно ясно съ момента, когда онъ понялъ, *что объ его личномъ участіи въ кабинетѣ не можетъ быть и рѣчи*». Вотъ какъ иногда пишутъ исторію. Все это только забавно, какъ водевильное qui pro quo. Но въ своемъ общемъ впечатлѣніи Столыпинъ былъ правъ. Коалиціонному кабинету

---

*) Вѣроятно затѣмъ, чтобы смягчить эту рѣзкость, забавную, если знать настоящія отношенія собесѣдниковъ — Милюковъ добавляетъ, что онъ далъ Столыпину это понять — «подобно Шипову». Это невѣрная ссылка. Шиповъ *ничего подобнаго* Столыпину не говорилъ. Милюковъ спуталъ; Шиповъ сказалъ это не Столыпину, а Муромцеву, когда рѣчь шла не о коалиціонномъ, а о кадетскомъ кабинетѣ подъ его предсѣдательствомъ. Въ разговорѣ съ Столыпинымъ Шиповъ въ отличіе отъ Милюкова портфелями *не* распоряжался.

Милюковъ не сочувствовалъ и ему помогать бы не сталъ; за то отъ составленія *своего* кабинета не уклонился бы.

Но и Милюковъ былъ правъ въ свою очередь, когда почуялъ въ Столыпинѣ злѣйшаго врага его собственнаго плана и понялъ, что Треповскую комбинацію онъ будетъ стараться разстроить. Удивляться этому не приходится.

Когда въ разговорѣ съ Милюковымъ Столыпинъ понялъ, что кадеты требуютъ ни много, ни мало, какъ кадетскаго министерства, то онъ могъ искренно Государю сказать, что принятіе подобнаго предложенія грозитъ Россіи гибелью. Не потому, конечно, что его самого въ такомъ кабинетѣ не будетъ; сводить его отношеніе къ подобнымъ личнымъ мотивамъ едва ли достойно. Но Столыпинъ понималъ политическое положеніе *лучше*, чѣмъ Треповъ; у него не было и той *задней* мысли, которую Треповъ держалъ при себѣ на случай провала. Отмѣны конституціи и возвращенія къ Самодержавію онъ не хотѣлъ. Но онъ понималъ, что кадетскій кабинетъ опасная авантюра. Къ тому же о немъ вообще не было рѣчи; на него намекалъ одинъ Милюковъ, не упоминая о Треповѣ. Государь пока согласился только на планъ «коалиціоннаго кабинета»; только о немъ производилась развѣдка и *этотъ* планъ былъ *погубленъ* непримиримой позиціей Милюкова. Его онъ не допускалъ и этого было достаточно; планъ *этимъ* былъ сорванъ; а претензія Милюкова стать премьеромъ самому — казалась Столыпину только смѣшной.

Могъ ли вообще удасться планъ «коалиціоннаго кабинета»? Это мало вѣроятно; съ нимъ было опоздано. Ложный курсъ тѣмъ и опасенъ, что съ теченіемъ времени уводитъ отъ цѣли все дальше. Для исправленія его становится тогда мало добрыхъ намѣреній; нуженъ отрезвляющій *шокъ*. Курсъ коалиціоннаго кабинета могъ быть легко кадетами принятъ въ *первые* думскіе дни. Тогда безъ затрудненій могло бы образоваться то конституціонное большинство, которое позднѣе сталъ подсчитывать Милюковъ, какъ опору своего кадетскаго министерства. Тогда было бы нормально образованіе коалиціоннаго Министерства, въ которомъ члены Думы своимъ присутствіемъ не давали бы правительству сбиваться съ новой для него, либеральной дороги. Но вовремя правительство этого не сдѣлало, а кадеты скоро сдѣлали очень много, чтобы подобный курсъ *устранить*. Какъ могли бы они поддерживать «коалиціонное министерство» послѣ общаго антиконституціоннаго адреса, послѣ того, какъ они Думу объявили «законодательной властью», которой будто бы должны были *подчиняться* министры? Взявъ сразу ложное направленіе, кадетскіе руководители шли дальше силой инерціи и не смогли бы легко свой курсъ измѣнить оттого, что нѣкоторые изъ нихъ бы стали министрами. На этихъ министровъ, какъ на измѣнниковъ, обрушилось бы дешевое негодованіе лѣвой части Думы и общества. И у нихъ не могло быть гарантіи, что и правительство, видя такое къ нимъ отношеніе, будетъ ихъ слушать, что ихъ не одолѣютъ темныя силы, что ихъ не выбросятъ вонъ, когда они будутъ ненужны. Къ чему было бы

ихъ вхожденіе въ кабинетъ, если войдя въ него они тѣмъ самымъ теряли бы свое вліяніе на общественность?

Послѣ первоначальной развѣдки и бесѣды съ Милюковымъ планъ колаиціоннаго Министерства оказался *безъ почвы*. Кадетская партія его не хотѣла, а безъ ея поддержки оно существовать не могло. Планъ былъ сдѣланъ невозможнымъ благодаря тактикѣ кадетскихъ руководителей и ихъ мало обоснованнымъ, широкимъ надеждамъ. Съ этимъ планомъ исчезъ шансъ соглашенія съ Думой. Но сразу дѣло не кончилось. У него явилось незаконнорожденное продолженіе. Оно любопытно.

Продолженіе принадлежало уже лично Столыпину. Какъ человѣкъ умный и зоркій, онъ изъ разговоровъ съ кадетскими лидерами сдѣлалъ правильный выводъ: *съ первой Думой ни до чего договориться нельзя*. Она не хочетъ того, въ чемъ могло быть спасеніе, т. е. коалиціоннаго Министерства и предъявляетъ требованія, которыя погубятъ Россію. Продолжать переговоры на эту тему, значитъ терять время и укрѣплять растущую смуту. Если не хотѣть рисковать Революціей, нужно перейти въ наступленіе; эту Думу, которая давно сошла съ рельсъ, надо распустить какъ можно скорѣе и начинать все сначала. Это единственное средство спасти *конституцію*. Иначе именно *ей* грозила опасность. Какъ человѣкъ рѣшительный, Столыпинъ тотчасъ составилъ *свой* планъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы роспускъ Думы былъ побѣдой принципіальныхъ *враговъ конституціи*; онъ боялся ихъ чрезмѣрнаго усиленія, боялся и того, что *такой* роспускъ будетъ понятъ страной, какъ *реакція*, и толкнетъ избирателей *влѣво*. Отсюда явился его личный неожиданный планъ: образовать «коалиціонное» министерство, съ участіемъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей, которое должно бы было *начать съ роспуска Думы* и новыхъ выборовъ. На постъ Предсѣдателя такого Министерства была имъ выдвинута и Государемъ одобрена кандитатура *Шипова*.

Что Столыпинъ могъ придумать подобную комбинацію — простительно; онъ мало зналъ нашу общественность, ея чувствительность и щепетильность въ этого рода вопросахъ. Но какъ могъ Львовъ надѣяться привлечь къ такому плану Шипова, у котораго мотивы *моральные* всегда звучали сильнѣй *политическихъ?* Для меня это загадка. Могу себѣ объяснить это только тѣмъ, что Львовъ ясно сознавалъ неисправимость Думы, поддался натиску болѣе сильнаго человѣка, Столыпина и, какъ съ нимъ часто бывало, вдругъ «загорѣлся». Когда 26 Іюня Шиповъ, ничего не подозрѣвая, пріѣхалъ въ Петербургъ на очередное засѣданіе Государст. Совѣта, Н. Львовъ встрѣтилъ его на вокзалѣ, поставилъ въ курсъ «заговора» и звалъ ѣхать къ Столыпину, который его дожидался. Шиповъ возмутился, отказался видѣть Столыпина и рѣшилъ тотчасъ вернуться въ Москву. Но уѣхать ему не пришлось. Онъ получилъ вызовъ къ Государю на слѣдующій день. Разъ избѣжать этого было нельзя, онъ предпочелъ предварительно проѣхать къ Столыпину, у котораго засталъ и Извольскаго. Отъ предложеннаго ему пла-

на онъ категорически отказался. Для немедленнаго роспуска Думы, по его мнѣнію, не было *повода*; Шиповъ во многомъ Думою былъ недоволенъ; находилъ неумѣстнымъ весь тонъ ея адреса, отдѣльныя ея выступленія. Но Дума не *одна* виновата, а рѣзкія ея выступленія относятся къ *прошлому*. Не новому кабинету на нихъ реагировать и не роспускомъ начинать *либеральную* дѣятельность. Столыпинъ былъ недоволенъ такимъ отвѣтомъ Шипова, но сбить Шипова съ этой позиціи было нельзя. Столыпинъ нехотя вернулся тогда къ старому плану, который получилъ предварительное одобреніе Государя, т. е. къ коалиціонному кабинету не *для роспуска*, а для *примиренія* съ Думой. Только Столыпинъ предложилъ Шипову самое *предсѣдательство* въ такомъ кабинетѣ. Первый планъ коалиціоннаго Министерства не состоялся изъ-за сопротивленія кадетъ. Безупречное имя Шипова, въ качествѣ Предсѣдателя, могло сломить кадетскую нетерпимость. Шиповъ *могъ* для Думы оказаться преемлемымъ. Это была *новая* ставка. Шиповъ какъ будто поддался; обѣщалъ до визита своего къ Государю самъ объ этомъ сдѣлать развѣдку. Естественно столкнулись съ тѣмъ же вопросомъ: какъ къ министерству *Шипова* отнесутся *кадеты?* Согласятся ли они вступить въ него и его поддержать? Безъ нихъ никакое министерство не могло разсчитывать на довѣріе Государственной Думы. Столыпинъ по этому поводу сообщилъ о прежнемъ разговорѣ своемъ съ Милюковымъ; тотъ ихъ разговоръ не давалъ на это надежды. Было рѣшено еще разъ это провѣрить. Къ Милюкову былъ направленъ гр. Гейденъ, которому Милюковъ далъ тотъ-же отвѣтъ, что онъ принимаетъ только кадетское *парламентарное* министерство и возглавить его *не* откажется. Самъ же Шиповъ поѣхалъ поговорить откровенно со своимъ старымъ другомъ, С. А. Муромцевымъ. Отъ него онъ не скрылъ ничего. «Коалиціонное министерство», принципіально уже принятое Государемъ, Шиповъ считалъ «наиболѣе отвѣчающимъ задачѣ момента»; но «препятствіемъ къ этому являлось несогласіе кадетскихъ руководителей». Шиповъ сталъ уговаривать Муромцева своимъ вліяніемъ убѣдить Милюкова и другихъ лидеровъ партіи *не мѣшать* этой попыткѣ. Убѣжденія были тщетны. Муромцевъ отъ этого порученія отказался. По существу онъ *не* возражалъ; но онъ «не считалъ возможнымъ повліять на измѣненіе уже вполнѣ и окончательно сложившагося среди к.-д. отношенія къ этому вопросу и говорилъ, что «Милюковъ уже чувствуетъ себя премьеромъ». Муромцевъ при этомъ укрѣпилъ Шипова въ его предположеніи, что коалиціонный кабинетъ даже подъ его, Шипова, предсѣдательствомъ вызоветъ немедленно конфликтъ его съ Думой. Пессимизмъ Муромцева шелъ еще дальше. «Никакое новое министерство, говорилъ онъ, удовлетворить *эту* Думу не сможетъ; неизбѣжны революціонныя вспышки, противъ которыхъ правительство будетъ поставлено въ необходимость принимать строгія репрессивныя мѣры, что лишитъ власть необходимой поддержки со стороны общества». Такимъ образомъ, по мнѣнію

Муромцева, ни коалиціонное Министерство, на которое Государь былъ согласенъ, но котораго не хотѣли кадеты, ни кадетское Министерство, котораго хотѣлъ Милюковъ, выхода изъ положенія *не представляли.*

Вотъ багажъ, съ которымъ Шиповъ поѣхалъ къ Государю; онъ былъ вполнѣ отрицателенъ. Но Шиповъ не хотѣлъ признаться даже себѣ, что Столыпинъ былъ правъ, что съ этой Думой нечего дѣлать. Но что же можно было предложить положительнаго вмѣсто *роспуска* Думы? Несмотря на безнадежное настроеніе Муромцева, который при этой Думѣ не видѣлъ хорошаго выхода, Шиповъ рѣшилъ поставить *его* передъ fait accompli и попробовать кадетское Министерство, только подъ предсѣдательствомъ не Милюкова, а *Муромцева.* Его разговоръ объ этомъ съ Государемъ, подробно Шиповымъ записанный, полонъ интереса. Онъ показываетъ, какъ далеко шла тогда уступчивость Государя.

Государь уже зналъ отъ Столыпина, что Шиповъ не соглашается ни на роспускъ Думы, ни на возглавленіе коалиціоннаго кабинета; онъ попросилъ лично повторить ему свои возраженія. Когда въ разговорѣ Шиповъ намекнулъ на возможность «отмѣны конституціоннаго строя» или «измѣненія избирательнаго закона», Государь оба раза «съ видимымъ неудовольствіемъ» его перебилъ, что «объ этомъ не можетъ быть рѣчи». И правда: *послѣ роспуска* Думы ни того, ни другого *не* было сдѣлано. Это не помѣшало Милюкову все-таки утверждать въ «Трехъ Попыткахъ», будто неудовольствіе Государя на эти слова Шипова объяснялось тѣмъ, что Шиповъ «слишкомъ близко подошелъ къ его дѣйствительной мысли». Еще разъ повторяю: такъ иногда пишутъ исторію.

Отказавшись отъ сдѣланнаго ему предложенія, Шиповъ изложилъ Государю *свой* планъ. Онъ предлагалъ уступить кадетскимъ желаніямъ и попробовать «кадетское министерство». Иного, говорилъ онъ, кадеты не примутъ. Разница была только въ томъ, что въ премьеры онъ рекомендовалъ Муромцева, а не Милюкова, котораго подходящимъ на эту роль онъ не считалъ; Милюкову было нужно дать другой портфель — Иностранныхъ или Внутреннихъ Дѣлъ. Шиповъ отъ себя добавилъ увѣренность, что ставши у власти кадеты поведутъ себя не такъ, какъ вели себя въ «оппозиціи», смягчатъ свои программныя требованія и по своимъ политическимъ векселямъ будутъ платить по 20 или 10 копѣекъ за рубль.

Это предположеніе заинтересовало Государя и онъ просилъ поясненія; онъ указалъ пять вопросовъ, которые его смущали въ кадетской программѣ: отмѣна смертной казни, аграрный вопросъ съ принудительнымъ отчужденіемъ, полная амнистія, равноправіе всѣхъ національностей и автономія Польши. Шиповъ напомнилъ ему, что есть Государственный Совѣтъ, который кадетскіе законы и проекты можетъ измѣнить и улучшить, какъ это онъ уже сдѣлалъ съ отмѣной смертной казни. Въ аграрномъ вопросѣ, «принудительное отчужденіе» останется только для

«безусловно необходимыхъ крайнихъ случаевъ». Вмѣсто государственной автономіи Польши — можно будетъ ограничиться «широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ» и «широкими правами національной польской культуры». Что же касается «до равноправія всѣхъ независимо отъ національности и вѣроисповѣданія», то здѣсь отъ кадетъ онъ не предвидѣлъ уступокъ; но въ отличіе отъ другихъ пунктовъ этотъ вопросъ уже былъ благопріятно предрѣшенъ Государемъ по докладу Витте, сопровождавшему Манифестъ 17 Октября.

Таковъ былъ планъ Шипова. Государь мнѣнія своего ему не сказалъ, только благодарилъ за откровенность. Но объ его отношеніи къ плану стало скоро извѣстно другимъ. Извольскій, Столыпинъ, Ермоловъ, а потомъ П. Н. Трубецкой говорили Шипову со словъ Государя, одни съ удовольствіемъ, Столыпинъ съ досадой, что его докладъ на Государя произвелъ хорошее впечатлѣніе и что его планъ вызываетъ *сочувствіе.*

Какъ къ нему отнеслись сами кадеты? Шиповъ прежде всего разсказалъ Муромцеву о разговорѣ своемъ съ Государемъ. Пока онъ говорилъ, Муромцевъ со всѣмъ соглашался, но взволновался, когда Шиповъ сказалъ, что онъ поставилъ *его кандидатуру* въ премьеры. «Какое основаніе и какое право имѣешь ты, сказалъ онъ Шипову, касаться вопроса, который долженъ быть рѣшенъ *самой политической* партіей»? Такое возраженіе было неожиданно. Выбирать премьера — прерогатива *главы Государства*, а вовсе не «*политической партіи*». Если теперь это иногда происходитъ, то это извращеніе парламентарнаго строя. Но со стороны Муромцева это было façon de parler. Дѣло было не въ *правахъ партіи.* Шиповъ понялъ, что въ глазахъ Муромцева главное затрудненіе «образованіе кабинета при участіи Милюкова». «Двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ ужиться трудно», — сказалъ Муромцевъ. Это его затрудненіе косвенно подтверждаетъ и самъ Милюковъ. Онъ разсказалъ въ «Трехъ Попыткахъ», что черезъ нѣсколько дней Муромцевъ вызвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и въ упоръ поставилъ вопросъ: «кто изъ насъ двухъ будетъ премьеромъ?» Милюковъ его успокоилъ, что изъ-за лицъ спора не будетъ, что его кандидатуру онъ будетъ поддерживать. Этотъ отвѣтъ, говорилъ Милюковъ, видимо произвелъ на С. А. самое пріятное впечатлѣніе. Приходится заключить, что хотя Муромцевъ и опасался «конкуренціи» Милюкова, но на свое премьерство прнципіально онъ *согласился*, какъ это ни плохо вязалось съ тѣмъ безнадежнымъ настроеніемъ, которое онъ высказалъ въ первой бесѣдѣ съ Шиповымъ.

Итакъ импровизированное *Шиповымъ* на аудіенціи у Государя «кадетское Министерство», подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева снова появилось на сценѣ, уже какъ реальный планъ, а не только тема ресторанныхъ бесѣдъ. И Муромцевъ до самаго роспуска Думы ждалъ, что Государь его «призоветъ».

Этого «призыва» онъ не дождался. Дума была раньше распущена. Но могло ли что-либо болѣе ясно, чѣмъ этотъ импро-

визированный планъ, показать безнадежность сохраненія Думы въ данный моментъ?

Что произошло бы, если бы Муромцевъ былъ тогда «призванъ»? Начались бы уже оффиціальные переговоры съ кадетами; оправдали ли бы они поспѣшное предположеніе Шипова, что они поймутъ, что они не все государство, что ихъ программа не только не *польза* Россіи, но даже не «воля» народа? Согласились ли бы они по этимъ векселямъ платить по 10 коп. за рубль? Этого быть не могло. Они себя слишкомъ связали. Въ «Рѣчи» 27 Іюня Милюковъ считалъ своимъ долгомъ публично разсѣять Треповскій оптимизмъ насчетъ кадетскихъ программныхъ уступокъ. Позднѣе, въ 1921 году, въ «Трехъ Попыткахъ» онъ признавалъ, «что партія и фракція были тогда настроены такъ непримиримо, что даже моя (Милюкова) позиція, казавшаяся Шипову такой несговорчивой, во фракціи представлялась многимъ черезчуръ далеко идущей на уступки... Я думаю, что во время первой Думы мнѣ могли бы запретить и самыя свиданья для переговоровъ о Министерствѣ, если бы я поставилъ этотъ вопросъ формально на рѣшеніе фракціи» (*). Трудно это оспаривать; это было бы единственнымъ отвѣтомъ соотвѣтствовавшимъ принятой раньше кадетами линіи.

Но допустивъ *невѣроятное* соглашеніе власти съ кадетами, уступку съ той или другой стороны, или компромиссъ между ними, въ чемъ было бы преимущество *этого* кабинета подъ предсѣдательствомъ Муромцева передъ кабинетомъ подъ предсѣдательствомъ Милюкова? Какъ я уже писалъ, я не сомнѣваюсь, что Милюковъ съ своей задачей не справился бы; его погубили бы тѣ революціонные духи, которыхъ онъ самъ вызывалъ, его желаніе не «угашать» революціоннаго пафоса. Но Муромцеву осилить ихъ было бы еще гораздо труднѣе. Его характеръ дѣлалъ его еще менѣе подходящимъ для роли руководителя. Милюковъ былъ правъ, когда говорилъ въ «Трехъ Попыткахъ», что Муромцевъ пользовался «громаднымъ уваженіемъ», но «не принадлежалъ къ ядру руководителей политической группы». Не уважать его было нельзя даже противникамъ. Но руководить партіей онъ не умѣлъ, не *хотѣлъ* и даже не *старался*. Руководить бы ей за его спиной непременно бы стали *другіе*.

И въ то-же время, — и въ этомъ другой его недостатокъ — Муромцевъ поддавался вліянімъ. Не по недостатку индивидуальности, не по слабости воли; но это подчиненіе онъ считалъ *существомъ демократіи*. Онъ много понималъ вѣрнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ Милюковъ; но своего настоящаго лица онъ не сумѣлъ проявить даже какъ Предсѣдатель. Онъ остался въ немъ «техникомъ». Онъ вслѣдъ за другими шелъ по завѣдомо для него ложной дорогѣ, въ пользу которой больше не вѣрилъ, какъ это ясно изъ его откровеннаго разговора съ Шиповымъ; позднѣе онъ безпрекословно подписалъ и Выборгское воззваніе,

---

*) Еще болѣе категорически онъ на этомъ настаиваетъ въ «Воспоминаніяхъ» («Русскія Записки»).

которое самъ осуждалъ. Какъ глава правительства, онъ стушевался бы за рѣшеніями партіи и ея комитетомъ. Еще болѣе Милюкова онъ былъ бы лидеромъ современнаго типа; «je suis leur chef, donc je les suis». А въ тотъ моментъ было нужно совершенно другое.

А кромѣ того ему было мало имѣть съ собой думское большинство; онъ долженъ былъ бы имѣть довѣріе и Государя. При данномъ настроеніи Думы одно исключало другое. На новомъ посту Муромцевъ подвергся бы жестокимъ нападкамъ и критикѣ *лѣвыхъ* союзниковъ, и интригамъ и обходнымъ движеніямъ правящихъ классовъ. Его пассивность, величавость, корректность, брезгливость и политическая чистоплотность мѣшали бы ему съ ними бороться. Судьба спасла его отъ этого испытанія, сохранивъ за нимъ едва ли вполнѣ имъ заслуженную славу образцоваго Предсѣдателя Государственной Думы.

При томъ направленіи, которое въ Думѣ съ первыхъ шаговъ приняла кадетская партія, думское министерство было немыслимо, кого бы ни избрали главой. Оно было бы возможно не какъ примиреніе, а только какъ окончательный переходъ къ Революціи. Потому если Государь не хотѣлъ уступить Революціи, какъ уступилъ ей черезъ 11 лѣтъ,то у него не оставалось другого исхода, кромѣ роспуска Думы. Какъ настоящій государственный человѣкъ Столыпинъ это понялъ и на это *рѣшился.* Ненужно для объясненія этого искать въ немъ мелкихъ и личныхъ мотивовъ. Думу пришлось распустить для *спасенія конституціи*, какъ въ 1917 году дворцовымъ переворотомъ собирались устранить Государя для спасенія *Монархіи* и *династіи.* Необходимость роспуска Думы Столыпинъ понялъ и сумѣлъ предубѣжденія противъ *него* побѣдить. Впрочемъ Дума сама помогла ему въ этомъ.

ГЛАВА XIV

Послѣдніе дни Думы.

Для роспуска Думы не требовалось какого-либо спеціальнаго повода; ихъ было уже *достаточно*. Всѣмъ было ясно, что продолжать то, что происходило тогда въ Думѣ, безъ ущерба для государства было *нельзя*. И «обращеніе къ населенію», на которомъ кончилось существованіе Думы, дѣйствительно было простымъ предлогомъ. Но оно, само по себѣ, вызывающе ярко обнаружило несовмѣстимость думскихъ претензій съ тѣмъ, на что Дума годилась. Своимъ «обращеніемъ» Дума нанесла самой себѣ моральный ударъ и ускорила роспускъ.

Напомню, какъ это случилось.

20 Іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось «правительственное сообщеніе» по аграрному вопросу. Оно было въ общемъ такъ безобидно, что сначала Дума на него не обратила вниманія. Правительство въ немъ излагало существо тѣхъ законопроектовъ, которые оно «*внесло на разсмотрѣніе Думы*», для «улучшенія быта земельнаго крестьянства и расширенія крестьянскаго землевладѣнія» и «измѣненія порядка землепользованія на надѣльныхъ земляхъ». Кромѣ внесенныхъ *законопроектовъ* правительство указывало и на нѣкоторыя мѣры, которыя оно предполагало принять и въ порядкѣ *управленія* (напр. переселеніе, помощь Крестьянскому Банку и т. д.).

Если бы «сообщеніе» ограничилось этимъ, то даже претенціозная первая Дума едва ли бы могла противъ него возставать; но правительство воспользовалось своимъ сообщеніемъ, чтобы рѣшительнымъ образомъ возразить противъ «распространяемаго среди крестьянъ убѣжденія, будто земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе всѣхъ частно-владѣльческихъ земель».

Въ окончательномъ выводѣ Правительство напоминало крестьянамъ, что улучшенія ихъ положенія можно ждать не отъ «смуты и насилія», а «отъ мирнаго труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя».

Вотъ и все содержаніе этого пресловутаго сообщенія. Теперь кажется удивительнымъ, что Дума могла не только имъ возмущаться, но взять относительно него тотъ повышенный тонъ, которымъ она тогда заговорила. Обращикъ этого тона можно

видѣть изъ рѣчи перваго оратора, Кузьмина-Караваева. Онъ заявилъ, что, прочитавъ правительственное сообщенiе, онъ, «человѣкъ уравновѣшенный и уже не очень молодой, впалъ въ состоянiе бѣшенства», что такое сообщенiе «прямо призываетъ къ возстанiю» (!). Любопытно, что въ запискѣ Н. Н. Львова, поданной Государю и находившейся тогда на его разсмотрѣнiи, этотъ же Кузьминъ-Караваевъ намѣчался въ Министры Юстицiи. Слова его были, конечно, эксцессомъ одного краснорѣчiя. Но изъ-за чего авторы запроса взволновались? Что своимъ сообщенiемъ сдѣлало правительство незаконнаго или вреднаго?

Если бы Дума сохранила тѣнь справедливости, она должна была бы признать, что правительство на свое сообщенiе моральное право имѣло. Оно упомянутые въ сообщенiе законопроекты внесло, а Дума *никакого движенiя* имъ не давала. Она выбрала комиссiю изъ 99 человѣкъ, чтобы свои собственные законопроекты разсматривать, а правительственные законопроекты не сочла нужнымъ передать въ нее, даже какъ матерiалъ. Этого мало. Основное содержанiе этихъ законопроектовъ правительство изложило въ своей декларацiи 13 Мая, а Дума въ формулѣ перехода утверждала, будто «правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованiя и ожиданiя земли»; правительство не согласилось съ Думой въ пунктахъ о принудительномъ отчужденiи частныхъ владѣнiй, а Дума давала понять, будто удовлетворить желанiя *о землѣ* Дума *совершенно* не хочетъ. Въ виду такого искаженiя его настоящихъ намѣренiй, правительство было вправѣ ихъ «возстановить» передъ страной. Было странно ему *это* ставить въ вину.

Дума негодовала, будто въ сообщенiи была полемика съ ней. Но это было неточно. «Сообщенiе» полемизировало не съ Думой, а съ «распространяемымъ среди сельскаго населенiя убѣжденiемъ». Узнать себя въ этомъ было слишкомъ поспѣшно и при этомъ неправильно. Сообщенiе возражало на убѣжденiе, что «земля не можетъ составлять чьей либо собственности». *Этого* Дума не говорила; но такое убѣжденiе все же существовало. Оно даже нашло свое отраженiе въ проектѣ 33-хъ внесенномъ въ Думу; правда, Дума отказалась въ Комиссiю его передать даже какъ матерiалъ потому, что она *этого* принципа не раздѣляла. Тѣмъ болѣе ясно, что въ этомъ пунктѣ правительство возражало *не Думѣ*. Потому утвержденiе, что правительство полемизируетъ съ Думой, или неправда, или признанiе, что Дума имѣла скрытою цѣлью проведенiе отвергаемыхъ ею публично началъ. Одно не лучше другого.

Ораторы Думы были недовольны и тѣмъ, что сообщенiе перечисляло заботы Государя о нуждахъ крестьянъ, упоминало о томъ, что въ свое время Самодержавiе для нихъ сдѣлало; въ этомъ они усматривали умышленное «умаленiе» Думы. Но заботы Государя «сообщенiе» противополагало вовсе *не Думѣ*, а исключительно захватнымъ стремленiямъ, желанiю рѣшить вопросъ явочнымъ порядкомъ. И можно ли было «правительству

Его Величества» совершенно молчать и о заботахъ Государя? Вѣдь ни одинъ законъ не могъ воспріять силу безъ *его* «утвержденія». Конституція у насъ была *монархическая*. Законодательство, управленіе и судъ совершались именемъ Государя. Почему же упоминаніе о *немъ* могло Думу «умалить», какъ если бы она одна управляла страной?

Кузьминъ-Караваевъ это обвиненіе перевернулъ и протестовалъ противъ того, что «правительственное сообщеніе» имя Государя вмѣшало въ свой споръ. «Получается такое впечатлѣніе, говорилъ онъ, будто въ сообщеніи излагается воля Государя Императора, воля Верховной Власти». Правда, онъ тутъ же прибавилъ, что этого «*прямо не сказано*». О чемъ же тогда говорить? Но во имя справедливости онъ бы былъ долженъ прибавить, что *сказано* было въ сообщеніи совершенно *обратное*. Оно начиналось такими словами: «исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу *свои* предположенія и т. д.». Итакъ *предположенія*, ихъ существо принадлежатъ правительству; Государю принадлежитъ только *цѣль* этихъ законопроектовъ; отъ него исходило повелѣніе *немедленно принять мѣры къ улучшенію быта крестьянства*; исполняя это повелѣніе, правительство дѣйствовало уже отъ себя и *свои* законопроекты внесло на разсмотрѣніе Думы. Это ни въ чемъ конституціи не противорѣчитъ.

Въ чемъ же причина непритворнаго негодованія Думы на сообщеніе? Ее разгадать не хитро. Для Думы весь аграрный вопросъ былъ сведенъ къ выставленному ею демагогическому требованію: отобраніе земли у помѣщиковъ. Она въ данный моментъ отложила все остальное: заботы объ упорядоченіи землепользованія на надѣльныхъ земляхъ, и объ избавленіи крестьянъ собственниковъ отъ тяжелыхъ послѣдствій ихъ крестьянской сословности, и объ условіяхъ земельныхъ арендъ, и обо всемъ остальномъ. Въ адресѣ она такъ огульно объявила объ отчужденіи земель частновладѣльческихъ, что не подумала даже о томъ, что въ это понятіе по редакціи адреса входили и крестьянскія частныя земли. Правительственное же сообщеніе было построено на *другихъ* основаніяхъ; оно излагало программу реформъ, о которыхъ не подумала и не позаботилась Дума, но за то *принудительное отчужденіе частныхъ владѣній забраковало*; правда возражало оно только тѣмъ, кто отрицалъ *вовсе* частную земельную собственность, что къ Думѣ не могло относиться. Однако Дума понимала и была въ этомъ права, что такое различіе для народныхъ массъ слишкомъ тонко, что многіе доводы правительства одинаково примѣнимы и къ тѣмъ законопроектамъ, которые были въ Думу представлены и обсуждались тогда въ аграрной Комиссіи. Такого даже косвеннаго заявленія о несогласіи съ собой Дума перенести не могла. Конечно, она была сама виновата тѣмъ, что въ адресѣ, изъ желанія всѣмъ угодить, она сказала такую

общую фразу, которая шла даже дальше того, чего она хотѣла сама. Но при взглядѣ на себя какъ на надзаконное учрежденіе, какъ на суверенную народную волю, она даже правильныхъ возраженій себѣ не позволяла. Отсюда ея *негодованіе.* Оно психологически совершенно понятно. Но какъ изложить его въ формѣ «запроса»? Вѣдь разномысліе правительства съ Думой конституціей вполнѣ допускалась и заявленіе о немъ «незакономѣрнымъ дѣйствіемъ» еще не считалось. Чтобы предъявить запросъ начались хитроумныя ухищренія.

Въ окончательномъ видѣ, послѣ переработки въ Комиссіи запросъ былъ такъ формулированъ:

«1) На какомъ основаніи Министерство предало оглашенію свои предположенія по земельному вопросу въ категорической формѣ «правительственнаго сообщенія», которое населеніемъ *можетъ быть принято* (?) за актъ законодательнаго характера, исходящій притомъ отъ Верховной власти?

2) Какія приняты мѣры къ тому, чтобы, во всѣхъ органахъ напечатавшихъ сообщеніе, было опредѣленно выяснено, что это сообщеніе является простымъ разъясненіемъ министерства внесенныхъ имъ въ Думу законодательныхъ предположеній, которыя не будутъ имѣть никакой силы и значенія, если Государственной Думой они будутъ отвергнуты?»

Въ этой формѣ запросъ былъ несерьезенъ. Вѣдь Основные Законы постановляли, что «никакой законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». Зачѣмъ же нужно было заставлять всѣ печатные органы разъяснять населенію эту азбуку, которой никто не оспаривалъ? Вѣдь все это было изложено именно *такъ* уже въ самомъ сообщеніи. Думскій запросъ послѣ стараній Комиссіи оказывался вполнѣ *безпредметнымъ*

Въ запросѣ сначала былъ еще одинъ курьезный мотивъ, который Комиссія имѣла благоразуміе вычеркнуть. Первоначально запросъ изложенъ былъ такъ:

1) На какомъ основаніи сдѣлано означенное сообщеніе отъ имени «правительства»?

2) Приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства, было немедленно изъято изъ обращенія и опровергнуто въ органахъ печати его опубликовавшихъ?

Это заявленіе безъ комментарій невозможно понять. Какимъ же образомъ это сообщеніе исходило *не отъ правительства?* Въ основѣ этого обвиненія лежалъ странный капризъ Предсѣдателя Думы. Въ засѣданіи 24 Мая на слова одного депутата, что «правительству» предложено было выйти въ отставку, Предсѣдатель далъ свое столь же авторитетное, сколько непонятное разъясненіе.

«Предложено было уйти въ отставку министерству, а не правительству. *Государственная Дума сама часть правительства. Правительство есть совокупность государственныхъ учрежденій воплощающихъ собой государственную власть*» (!).

Откуда Муромцевъ взялъ эту терминологію противорѣчающую терминологіи большинства западныхъ странъ и самому Манифесту 17-го Октября? Предсѣдатель при этомъ забылъ, что въ той самой формулѣ перехода 13 Мая, о которой шла тогда рѣчь, Министерство называлось «правительствомъ». «Правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія», «правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа» — все это было *принято Думой* безъ возраженій со стороны Предсѣдателя. Зачѣмъ потомъ понадобилось Муромцеву смѣшивать понятія «правительства» и «государства» и утверждать, будто Дума есть часть правительства — остается секретомъ. Но Дума послушно требованію его подчинилась и вмѣсто слова «правительство» стала говорить «Министерство». Однако отъ подчиненія Думы хотя бы капризу своего Предсѣдателя до обвиненія правительства въ самозванствѣ, если оно себя называетъ «*правительствомъ*», дистанція такого размѣра, что Дума съ *этимъ* своимъ притязаніемъ могла стать смѣшной. Комиссія это почувствовала и юмористическій пунктъ исключила.

Этотъ курьезный «запросъ» былъ бы забытъ вмѣстѣ съ другими ему подобными, и прошелъ бы безслѣдно, если бы Дума не присоединила къ нему другой неожиданный жестъ — «обращеніе къ населенію». Его иниціаторомъ былъ тотъ-же Кузьминъ-Караваевъ; предложилъ онъ его въ формѣ вполнѣ безобидной. Пожалѣвъ, что Дума до сихъ поръ еще не приняла предложенія издательской комиссіи о распространеніи думскихъ отчетовъ, что указало бы нормальный путь и для настоящаго случая, онъ предлагалъ поручить запросной или лучше аграрной Комиссіи, какъ болѣе компетентной, «выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы — постановленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно, — во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ «контръ-сообщенія», которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы». Такъ 26 Іюня было принято Думою два постановленія: «запросъ передать въ запросную Комиссію 33-хъ для редактированія его; а аграрной Комиссіи поручить представить проектъ сообщенія отъ Государственной Думы».

27 Іюня *запросъ* въ исправленной, какъ указано выше, редакціи былъ Думою принятъ. А 4 Іюля очередь дошла до доклада аграрной Комисссіи объ «обращеніи». Изъ стенографическихъ отчетовъ видно, что уже 26 Іюня «постановленіе Думы» незамѣтно превратилось въ «сообщеніе»; а 4 Іюля «сообщеніе» было переименовано въ «обращеніе». Оно и явилось поводомъ къ роспуску Думы.

Въ Манифестѣ о роспускѣ Думы обращеніе было названо, какъ одна изъ причинъ этой мѣры. Дума, говорилось въ немъ, перешла «къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію».

Этотъ доводъ о незаконности неубѣдителенъ. Пятая глава

Учрежденія Госуд. Думы (о предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы) «обращенія къ населенію» конечно не предусматривала. Но въ этой главѣ перечислялись предметы, въ которыхъ Думѣ присвоена доля *государственной власти*. Въ обращеніи же къ населенію нѣтъ проявленія «власти». Обращеніе можетъ сдѣлать всякій въ предѣлахъ общихъ законовъ о свободѣ печати и слова. Вѣдь Дума имѣла право отвѣчать на *привѣтствія;* имѣла право поднести *адресъ* Государю. Въ самомъ фактѣ «обращенія къ населенію» ничего незаконнаго не было.

Но если я не вижу въ немъ ничего незаконнаго, то не могу не считать, что оно было очень неудачнымъ *политическимъ* шагомъ, который съ разныхъ точекъ зрѣнія скомпрометировалъ Думу и разбилъ послѣдній шансъ кадетскаго министерства.

Въ засѣданіи 4 Іюля объясняя собранію ту процедуру, которой онъ предполагалъ держаться при *обсужденіи* обращенія, Муромцевъ обмолвился несчастною фразой: «я могу сопоставить этотъ актъ по его характеру съ тѣмъ актомъ, который Государственная Дума обсуждала въ самомъ началѣ своей дѣятельности — съ отвѣтнымъ адресомъ на тронную рѣчь». Очевидно, что Муромцевъ не имѣлъ въ виду ничего,кромѣ «порядка обсужденія» обращенія. Но эту фразу было легко переиначить во вредъ его монархизму.На это обратили вниманіе особенно въ эти дни, когда обсуждался планъ о возглавленіи имъ самимъ Министерства. Но сравненіе этихъ актовъ было вѣрно и поучительно съ совсѣмъ другой стороны.

«Адресъ» былъ первымъ политическимъ актомъ Государственной Думы, «обращеніе» — послѣднимъ. И тотъ и другой были дѣломъ *кадетъ*. Но какъ различна была ихъ судьба! При обсужденіи адреса, кадеты были лидерами всей Думы; *всѣ* адресъ приняли; даже 11 несогласныхъ на время голосованія вышли изъ зала. Такъ была встрѣчена *первая* кадетская инициатива.

Прошло 70 дней; кадеты составляютъ аналогичный актъ — «обращеніе къ населенію». Нападки на него идутъ три дня — и справа и слѣва. Кадеты *одни* его защищаютъ. Отъ голосованія и правый и лѣвый флангъ воздержались. За «обращеніе» были поданы одни кадетскіе голоса — 124, то-есть *меньшинство* Государственной Думы. И все это было естественно. Въ обращеніи кадеты за свою *первую* побѣду расплачивались.

4 Мая кадеты гордились *единодушнымъ* принятіемъ адреса. Имъ будто бы удалось выразить настроеніе *всей* Думы и *всей* либеральной общественности. Но это былъ самообманъ и онъ обнаружился при «обращеніи». 4 Іюля Кузьминъ-Караваевъ говорилъ, какъ о вещи общеизвѣстной: «Дума единодушна во всемъ, что касается отрицанія; но у нея нѣтъ единодушія въ положительныхъ идеалахъ. Разъ мы станемъ на почву ихъ, наше единодушіе неизбѣжно само собой упадетъ».

Адресъ, какъ программа думскихъ работъ, не могъ покоиться на одномъ *отрицаніи*. Но кажущееся единодушіе въ *положительной* программѣ было достигнуто *недоговоренностью*

и двусмысленностью. Когда же въ «обращеніи» пришлось съ заоблачныхъ высотъ спуститься на землю, возражать правительству по конкретнымъ вопросамъ, отъ хваленаго единодушія ничего не осталось.

Аграрный вопросъ далъ поучительную иллюстрацію этого общаго явленія. Дума хотѣла бы «правительственному сообщенію» по аграрному вопросу противопоставить *свою положительную* программу. Но ея у Думы *не было.* Въ адресѣ Дума объединилась на неясной и двусмысленной формулѣ «принудительнаго отчужденія частныхъ владѣній» только потому, что она была неясна и двусмысленна. Всѣ три проекта, которые послѣ адреса были объ этомъ въ Думу представлены, между собой разногласили. Въ Комиссіи обсужденіе шло такъ трудно, что до 4 іюля ничего еще не было принято,кромѣ перечисленія категорій земель, которыя будутъ подлежать отчужденію. Объ этомъ при преніяхъ доложилъ Думѣ предсѣдатель аграрной комиссіи. Съ чѣмъ же Дума могла обращаться къ народу? Неясность шла такъ далеко, что когда Дума почувствовала необходимость разсѣять возбужденное редакціей адреса опасеніе, что отчуждаться будутъ и крестьянскія земли (по позднѣйшей терминологіи — кулацкія земли), на что демагогически, но совершенно правильно сначала указали въ своихъ рѣчахъ Стишинскій и Гурко, а затѣмъ и само правительственное сообщеніе 20 Іюня — то Думѣ пришлось въ опроверженіе адреса ссылаться только на «предположенія» аграрной комиссіи. Такъ рѣшившись выступить съ громогласнымъ опроверженіемъ, Дума ничего опредѣленнаго сказать не могла. У нея не было даже *основныхъ положеній одобренныхъ* Думой. Если бы она въ своемъ законодательствованіи пошла этимъ законнымъ путемъ, то хотя бы на эти основныя положенія ей можно было сослаться. Но даже этого не было. Все было сброшено въ Комиссію, какъ простой *матеріалъ.* Съ этимъ «обращаться къ народу» было неловко. Дума негодовала, что правительство подвергало сомнѣнію ея обѣщаніе «принудительнаго отчужденія». Но Дума и не имѣла права этого *обѣщать*, такъ какъ это зависѣло не отъ нея. Она имѣла власть любой законопроектъ *остановить* — но и только. Ничего положительнаго провести *одна* она не могла. Она могла написать въ адресѣ, что «вырабатываетъ законъ» объ отчужденіи и этой двусмысленной фразой могла ввести невѣжественный народъ въ заблужденіе. Но когда теперь приходилось ставить точки на і, она не могла повторить, что проектируемсе ей «отчужденіе» *станетъ* закономъ. Это было бы ложью и превышеніемъ своихъ правъ. Что же ей оставалось сказать?

Она и сказала только то, *что могла*; конституція давала ей право всѣ новые *неугодные* ей законопроекты отвергать. *Этого* права у нея никто не оспаривалъ. Она и рѣшила напомнить *о немъ* населенію. Она кончила свое обращеніе словами: «отъ сихъ основаній новаго земельнаго закона Государственная

Дума не отступитъ и всѣ предположенія съ нимъ не согласованныя *ею будутъ отклоняться*».

Подумала ли Дума о томъ, какъ эти ея слова будутъ поняты и что вообще она ими хотѣла сказать? Вѣдь въ «Правительственномъ Сообщеніи» было много такого, что выходило за предѣлы «вопроса объ отчужденіи». Въ 10 пунктахъ оно говорило о покупкахъ крестьянами новыхъ земель съ содѣйствіемъ государства (предметъ настойчивыхъ крестьянскихъ желаній), о переходѣ крестьянъ отъ общественной къ личной собственности, о прекращеніи передѣловъ, о выходѣ изъ общины на отруба, о помощи переселенію и о многомъ другомъ.

Аграрная программа Думы и программа правительства были различны; говорили о *разныхъ* предметахъ. Дума говорила пока только о принудительномъ отчужденіи частныхъ земель, правительство же объ улучшеніи порядка на земляхъ уже принадлежащихъ крестьянству и о содѣйствіи увеличенію площади крестьянской земли нормальнымъ путемъ *помимо отчужденія*. Обѣ программы не исключали другъ друга. Нѣкоторые проекты правительства для крестьянъ были очень желательны. Можно ли было грозить ихъ отверженіемъ и заявлять, что «всѣ предположенія съ отчужденіемъ не согласованныя ею будутъ отклоняться»? Что могло понять крестьянство въ этомъ сумбурѣ? Когда правительство обѣщаетъ: «улучшить способы землепользованія крестьянъ на принадлежащихъ имъ нынѣ земляхъ посредствомъ разселенія желающихъ, устраненія черезполосности надѣльныхъ земель и сведенія мелкихъ полосъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ, въ болѣе крупные земельные участки» — согласованъ ли этотъ пунктъ программы съ думскимъ проектомъ? А пункты о содѣйствіи различнаго рода добровольнымъ покупкамъ земель для крестьянъ? Это не «принудительное отчужденіе»; но значитъ ли, что эти покупки будутъ Думою *запрещены?* Изъ-за того, что Дума хочетъ провести *свой* законъ, котораго можетъ быть ей провести *не* удастся, будетъ ли она всѣ другіе законы на пользу крестьянъ *отклонять?* Какъ отнестись къ такой перспективѣ и что получится отъ нея въ головахъ у крестьянъ? Это съ простодушной ясностью высказалъ октябристъ, кн. Н. С. Волконскій. «Въ «Правительственномъ Сообщеніи», говорилъ онъ, вопросъ разрѣшается однимъ образомъ, а на другой же день является другое, уже отъ лица Думы; изъ этого крестьяне заключатъ, что Дума съ Министрами ссорятся и больше ничего. Какое же успокоеніе можетъ отъ этого получиться»? (шумъ, смѣхъ)... «Сказать то намъ собственно нечего (шумъ, смѣхъ) потому, что еще ничего не сдѣлали. Тутъ говорятъ, что Дума обѣщаетъ, что она не отступитъ отъ своихъ взглядовъ, а Министерство обѣщаетъ, что оно тоже не отступитъ. Если ни тотъ, ни другой не отступятъ, что же получится? (Смѣхъ). Ясное дѣло, къ чему такое сообщеніе поведетъ. Мнѣ кажется, что дѣлать такой шагъ въ видѣ прямого обращенія къ населенію

отнюдь не слѣдуетъ, и поведетъ это отнюдь не къ успокоенію населенія, а разожжетъ страсти еще болѣе».

Все это истина. Сказать Думѣ было нечего, ибо никакого единодушія по аграрному вопросу не составилось даже въ Комиссіи. Кромѣ новой смуты въ головахъ изъ ея обращенія ничего не могло получиться. *Зачѣмъ* же оно было нужно?

И тутъ мы подходимъ къ основному вопросу: *чего же* имъ Дума дѣйствительно хотѣла достигнуть?

При обсужденіи запроса о «Правительственномъ Сообщеніи» ораторы утверждали, будто оно *провоцируетъ* безпорядки. Во-первыхъ де потому, что оно умаляетъ значеніе Думы, которой *одной* только вѣритъ народъ, а во-вторыхъ потому, что отрицаетъ *принудительное* отчужденіе частныхъ владѣній, котораго будто бы весь народъ *требуетъ*. Будущее показало, какъ мало было для этого послѣдняго утвержденія почвы. Но если поводомъ для «обращенія» къ населенію было опасеніе безпорядковъ и желаніе отъ нихъ удержать, то оно должно было по содержанію соотвѣтствовать *этой* цѣли. Если Дума была дѣйствительно *единственнымъ* авторитетомъ въ странѣ, на ней лежалъ долгъ призвать населеніе воздержаться отъ насильственныхъ дѣйствій, предоставивъ самой *Думѣ* защищать его интересы.

Многіе и хотѣли придать обращенію *подобный* характеръ. Стенографическій отчетъ 1-й Гос. Думы закончился засѣданіемъ 4 Іюля; два послѣднихъ засѣданія опубликованы не были. О нихъ были отчеты въ газетахъ, которыхъ сейчасъ трудно найти. У меня остались въ памяти нѣкоторыя рѣчи этихъ двухъ засѣданій, но на память свою я не могу положиться; ограничусь поэтому засѣданіемъ 4 Іюля. Оно само по себѣ достаточно характерно.

Тогда столкнулись опять тѣ-же два пониманія. Одни хотѣли обращеніемъ успокоить страну, воздержать ее отъ насильственныхъ дѣйствій; «пусть покажетъ Дума, говорилъ депутатъ Гвоздевъ, что она представитель не Бѣлостока только (*), а *всей* Россіи, что она призвана защищать *общій правопорядокъ*, кѣмъ бы онъ *ни нарушался*. Лишь авторитетный для крестьянъ голосъ Думы способенъ внести успокоеніе въ умы крестьянъ обманываемыхъ лживыми наущеніями постороннихъ лицъ». «Совершенно ясно, говорилъ кадетъ Н. Ф. Езерскій, наше воззваніе направлено *противъ погромовъ* и *насильственныхъ дѣйствій*, которыя ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ не должны быть терпимы»... Это была *одна* точка зрѣнія.

Но была и другая, противоположная, которую совсѣмъ не скрывали. Жилкинъ вовсе не хотѣлъ *успокоенія* и обращенію *этой* цѣли не ставилъ. «Я говорю, заявилъ онъ, не объ успокое-

*) Дума одновременно съ этимъ обсужденіемъ занималась Бѣлостокскимъ еврейскимъ погромомъ и послала уполномоченныхъ для изслѣдованія *этого* погрома на мѣстѣ.

нiи, мирѣ и тишинѣ. Я говорю объ организованной борьбѣ со старою властью. «Мирно и спокойно» это чрезвычайно двусмысленное выраженiе. Развѣ Государственная Дума явилась на свѣтъ благодаря мирному, спокойному теченiю русской жизни? (аплодисменты)... Мы призываемъ народъ къ борьбѣ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ: «нѣтъ, народъ, не будь спокоенъ и тихъ, не жди мирно, что ты когда-нибудь получишь что-нибудь сверху»... И онъ заключалъ: «когда будетъ неспокойно въ странѣ въ широкомъ, революцiонномъ смыслѣ, когда будетъ организованная поддержка, когда народъ сплотится вокругъ Думы, она добьется настоящаго земельнаго и другихъ законовъ» (бурные аплодисменты). Другiе выражались еще яснѣе: «Наступилъ моментъ, говорилъ депутатъ Николаевскiй, когда Государственная Дума должна принять временно въ свои руки исполнительную власть. Я знаю, что народъ и половина армiи стоитъ съ недоумѣнiемъ передъ спокойствiемъ Государственной Думы и только ждетъ» (аплодисменты).

Вотъ двѣ *исключавшихъ другъ друга* цѣли, которыя передъ воззванiемъ ставились. Если различные по основному политическому пониманiю люди могли въ Маѣ единодушно вотировать адресъ, — что было самообманомъ — то они все-таки не могли *единогласно* принять «обращенiе». Здѣсь надо было уже *выбирать.* Или идти конституцiоннымъ путемъ и рекомендовать населенiю незаконными дѣйствiями *этому пути* не мѣшать. А если Дума вѣру въ конституцiонныя пути потеряла, то не играть въ загадки, а признать передъ страной, что Дума безсильна, и *призывать населенiе къ борьбѣ съ властью.* У обѣихъ этихъ точекъ зрѣнiя сторонники были. Въ Думѣ могло образоваться по этому вопросу два большинства. Какъ всегда рѣшенiе зависѣло отъ кадетскго выбора. Но кадеты между этими дорогами выбирать не хотѣли и сразу шли по *обѣимъ.*

Содержанiе обращенiя никакого *успокоенiя* дать не могло. Оно сбивало всѣхъ съ толку. Правительство увѣряетъ, что принудительнаго отчужденiя *не будетъ.* Дума не рѣшается заявить, что это неправда, и что оно все-таки *будетъ.* Послѣ 2-мѣсячной думской работы ея всемогуществу населенiе уже не вѣрило. Но Дума грозитъ отвергать всѣ законы, которые несогласованы съ принудительнымъ отчужденiемъ. Итакъ Дума явно воюетъ съ правительствомъ. Это, конечно, *можетъ* поднять революцiонное настроенiе. Но вмѣсто того, чтобы ука зать этой революцiонной энергiи выходъ, обращенiе кончаетъ словами : «Государственная Дума *надѣется*, что населенiе будетъ покойно и мирно ожидать окончанiя ея работы по изданiю такого закона».

Въ сочетанiи со смысломъ всего обращенiя эти слова представляются насмѣшкой. Если Дума «покоя и мира» дѣйствительно хочетъ, зачѣмъ она передъ лицомъ населенiя *раздуваетъ* свой конфликтъ съ властью? Если же она хочетъ, чтобы революцiонныя силы народа ее *поддержали*, зачѣмъ она выражаетъ надежду, что несмотря на обращенiе народъ будетъ *ждать*

терпѣливо и мирно»? Это типичная кадетская тактика; ею удавалось примирять несогласныхъ въ рядахъ собственной партіи. Кадеты и на этотъ разъ голосовали единогласно, несмотря на разногласія между собой. Но этимъ маневромъ никого *другого* они за собой увлечь не могли и остались *одни* съ своимъ двойственнымъ положеніемъ.

Оказались еще обстоятельства, которые кадетскую неудачу сдѣлали особенно яркой. Пренія окончены еще не были, какъ пошли слухи, что «обращеніе» срываетъ планъ «кадетскаго министерства». 5 Іюля самъ Милюковъ въ засѣданіи фракціи дѣлалъ объ этомъ докладъ. Во фракціи существовали оба противоположныхъ направленія и разноголосица еще увеличилась. Нѣкоторые стали предлагать отъ обращенія совсѣмъ отказаться; большинство стояло на прежней позиціи. Рѣшили этотъ споръ по кадетски. Революціонную сущность проекта оставили, но за то нѣсколько *усилили пунктъ о надеждѣ* на мирное поведеніе населенія; для этого эту мысль изъ послѣдняго абзаца перенесли ближе къ началу. Эта типичная кадетская хитрость возымѣла *обратный* результатъ. Замѣтивъ эту перемѣну лѣвые съ еще большею яростью накинулись на кадетъ. Винаверъ свидѣтельствуетъ, что чувство недовольства нашло себѣ предметъ въ измѣненіи прежней редакціи и полились негодующія рѣчи; «раздвоенность между оппозиціей все рѣзче подчеркивалась, и исходъ голосованія становился все болѣе гадательнымъ». Это раздвоеніе было *всегда*, его только умѣли скрывать; но *прежніе* пріемы теперь не годились. Пропасть оказывалась непроходимой. Жалѣю, что объ этомъ засѣданіи не сохранилось отчета. Помню рѣчь Стаховича, который не выдержалъ вѣчной угрозы народнымъ возстаніемъ и со свойственной ему страстною искренностью воскликнулъ: «если среди народа есть голоса, что они рѣшатъ вопросъ силой, не считаясь ни съ чѣмъ, то Дума должна сказать такому народу: молчи! Это крикъ народа безумнаго, это крикъ народа преступнаго. Тысячу лѣтъ, потомъ и кровью народа создавали и создали Россію; Россія принадлежитъ всѣмъ, а не одному нашему буйному поколѣнію». И когда послѣ такихъ страстныхъ рѣчей кадеты приняли свое обращеніе одними кадетскими голосами при воздержаніи большинства, то Винаверъ такъ про него говоритъ: «оно явилось не актомъ всего народнаго представительства, импонирующимъ не только смѣлостью замысла, но и единодушіемъ и приподнятостью создавшаго его настроенія. Оно родилось какъ вымученный продуктъ побѣды *одной* партіи, появившійся на свѣтъ при злобномъ негодованіи однихъ и угрюмомъ молчаніи другихъ. И — что важнѣе всего — процессомъ своего рожденія оно обнаружило неспособность Думы, какъ цѣлаго,создать въ нужный моментъ дружное, сплоченное большинство. Идея о думскомъ министерствѣ получила здѣсь самый тяжкій ударъ, а между тѣмъ дилемма формулировалась давно уже такъ: либо думское министерство, либо роспускъ Думы».

И только Милюковъ остался или старался казаться доволь-

нымъ. Вотъ, что онъ написалъ: «Сознаніе важности предпринимаего шага и чувство солидарности съ общимъ дѣломъ Государственной Думы побѣдило въ сосѣднихъ съ центромъ группахъ. Послѣдовало голосованіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ Думы... За проектъ было 124 гоолса. Побѣду этого большинства (!) рѣшило поведеніе трудовой группы и польскаго кола. Обѣ эти группы принципіально не хотѣли присоединиться къ проекту, но, очевидно, понимали политическій вредъ, который могъ произойти отъ его провала. Ихъ рѣшеніе — воздержаться отъ голосованія — нельзя не привѣтствовать, какъ доказательство сознанія высшаго единства, гарантировавшаго Думѣ *побѣду надъ министерствомъ* (!) при самомъ трудномъ положеніи и при самыхъ острыхъ рѣшеніяхъ.

Послѣ такого голосованія — Думѣ ничто не страшно».

Это писалось 6 Іюля. А 8 Іюля Дума распущена.

Въ преніяхъ по обращенію была еще одна сторона, которая не могла не ускорить рѣшеніе съ Думой покончить. Въ ней ярко обнаружились ея отношеніе къ конституціонной законности.

Я указывалъ выше, что не считаю «обращеніе» *незаконнымъ дѣйствіемъ* Думы; но другіе на него смотрѣли именно *такъ*. Что же имъ возражали? Это характерно. Кадетъ Петражицкій въ самомъ началѣ выступилъ съ просьбой отложить обсужденіе. «У меня возникаютъ сомнѣнія, говорилъ онъ, можемъ ли мы дѣлать народу сообщеніе по земельному вопросу, можемъ ли мы обращаться къ нему (шумъ, голоса: конечно, можемъ). Я считаю, что обращеніе къ народу является актомъ столь чрезвычайнымъ, что я хочу обосновать это сомнѣніе».

Его перебиваетъ Предсѣдатель. Какъ хранитель конституціонной законности въ Думѣ, *онъ* долженъ былъ рѣшить этотъ вопросъ своимъ авторитетомъ или даже своей властью. Этого онъ, однако, не дѣлаетъ; онъ просто *этотъ вопросъ запрещаетъ*. Онъ говоритъ: «Я бы попросилъ говорить только къ порядку дня». Но сомнѣнія въ конституціонности обращенія поднимались и у другихъ; но всѣ они при восторженныхъ рукоплесканіяхъ Думы устранялись единственнымъ доводомъ: *мы живемъ въ революціонное время, когда законовъ можно не соблюдать*. Самъ иниціаторъ Кузьминъ-Караваевъ призналъ, что «этому акту быть можетъ не находится полнаго оправданія въ «теоретическомъ конституціонализмѣ», но мы живемъ въ такую исключительную минуту, когда необходимость заставляетъ отступать, быть можетъ, другой разъ отъ теоріи». Итакъ конституція только «теорія». Всего ярче это пренебреженіе къ конституціонной законности было выражено въ рѣчи кадета Ледницкаго, который поставилъ точки на і и этимъ задѣлъ даже «кадетъ».

«Нельзя не видѣть, говорилъ онъ, что совершается нѣкоторый поворотъ въ дѣятельности Государственной Думы, совершается новый шагъ по новому пути, шагъ, который, быть можетъ, уже слѣдовало и раньше сдѣлать. Не подлежитъ ни-

какому сомнѣнію, что то предложеніе, которое внесено, является предложеніемъ *неоправдываемымъ съ точки зрѣнія закона*; оно является неоправдываемымъ съ точки зрѣнія и формы, но мы пришли сюда не во имя формы, а во имя требованія жизни, во имя того блага народнаго, которое насъ сюда привело и котораго мы добиваемся. Вотъ вслѣдствіе чего я откидываю тѣ формальныя возраженія, которыя могутъ быть приведены.... .....Быть можетъ уже теперь нужно Госуд. Думѣ заняться выработкой обращенія, а можетъ быть Манифеста къ народу (бурные аплодисменты) и въ этомъ Манифестѣ обрисовать положеніе страны и указать на грозящую анархію и на стремленіе Думы успокоить страну, удовлетворивъ народныя требованія». (громъ аплодисментовъ).

Итакъ вотъ аргументы, которые приводятъ Думу въ восторгъ; Дума дѣлаетъ неконституціонное дѣло, но этимъ стѣсняться не должна. Предсѣдатель своимъ молчаніемъ освящаетъ эту теорію.

Правда, другіе — Якушкинъ, Котляревскій, Кокошкинъ пытались доказывать, что въ обращеніи ничего незаконнаго нѣтъ, что напрасно ему придаютъ значеніе новаго шага; это была правильная почва, съ которой конституціонному установленію нельзя было сходить. Но эти слова впечатлѣнія не производили. *Они не соотвѣтствовали общему поведенію Думы.* Никто изъ говорившихъ, ниже самъ Предсѣдатель, не возсталъ принципіально противъ антиконституціонныхъ путей, не заявлялъ, что Дума на нихъ не пошла бы. Этого никто не сказалъ, потому что сказать и не могъ. Дума такъ никогда не смотрѣла съ самаго перваго дня. Въ этомъ былъ основной ея грѣхъ. Одни въ ней *открыто* готовили революцію, а другіе, хотя этого сами не дѣлали, но мѣшать *не* хотѣли. Обращеніе все это выводило на свѣжую воду. И когда въ это время стали убѣждать Государя дать отставку прежнимъ Министрамъ, вручить власть думскому министерству и повѣрить, что кадеты сумѣютъ остановить Революцію, такой планъ уже заранѣе былъ самой Думой подорванъ. И роспускъ сталъ неотложенъ.

ГЛАВА XV

Роспускъ Думы и Выборгское воззваніе.

По тому, *какъ* подошли къ роспуску Думы, ясно, что онъ не имѣлъ цѣлью отмѣнить конституцію. Напротивъ: *Дума* ее искажала и роспустить эту Думу нужно было затѣмъ, чтобы *спасти* «конституцію»; такъ дворцовый переворотъ иногда можетъ быть направленъ къ защитѣ «Монархіи». Недаромъ главный виновникъ роспуска Столыпинъ, какъ я выше указывалъ, старался самый роспускъ переложить на «либеральное» министерство Шипова. Пусть это съ его стороны было непониманіемъ нашей общественности, но это показываетъ, въ чемъ его настоящія намѣренія заключались. Никто не могъ ожидать, чтобы Шиповъ конституцію согласился предать изъ-за портфеля. Никто не могъ этого думать и про Н. Н. Львова, который этотъ Столыпинскій планъ одобрялъ. Обстановка роспуска подтверждала такое пониманіе. Если была роспущена Дума, то вѣдь одновременно получило отставку и все прежнее министерство; значитъ *не оно* побѣдило. А затѣмъ врагъ конституціи Горемыкинъ былъ замѣненъ «конституціоналистомъ» Столыпинымъ. И не потому, чтобы Столыпинъ согласился быть вторымъ Горемыкинымъ; ставъ премьеромъ, онъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ. Онъ опять обратился къ Шипову и, какъ разсказалъ самъ Шиповъ, при ихъ встрѣчѣ первыми словами Столыпина были: «вотъ, Д. Н., роспускъ Думы состоялся; какъ вы *теперь* относитесь къ этому факту?» На отвѣтъ Шипова, что онъ остается при *прежнемъ* своемъ убѣжденіи, Столыпинъ сказалъ: «я обращаюсь къ Вамъ обоимъ (здѣсь былъ и Н. Н. Львовъ) съ просьбой войти въ составъ образуемаго мной кабинета и оказать содѣйствіе осуществленію конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17 Октября». Эти слова достаточно ясны; они показываютъ, что роспускъ не былъ ударомъ по онституціи, не былъ замысломъ *противъ* нея. И съ внѣшней стороны было сдѣлано все, чтобы объ этомъ не осталось сомнѣнія. Въ Указѣ о роспускѣ въ соотвѣтствіи съ Основными Законами несмотря на необычную, но легко объяснимую продолжительность междудумья, былъ точно указанъ *день созыва* будущей Думы. Въ Манифестѣ было подтверждено рѣшеніе Государя не нарушать конституціи. «Распуская нѣынѣшній составъ Государственной Думы, мы подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше *сохранить въ силѣ самый законъ объ учреж-*

денiи этого установленiя и соотвѣтственно съ этимъ Указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 8 сего Iюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20 Февраля 1907 года».

Все оставалось по-прежнему, какъ и въ Манифестѣ 17 Октября; *борьба съ революцiоннымъ насилiемъ, но и дорога либеральнымъ реформамъ.* Манифестъ о роспускѣ излагалъ это такъ:

«Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствiи возможно прочное улучшенiе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволiя или беззаконiя и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненiю Нашей Царской волѣ».

Борьба съ революцiей не предполагала ни упраздненiя Думы, ни отказа отъ обновленiя Россiи. Манифестъ говорилъ это ясно:

«Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божiю и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленiя ожиданiй Нашихъ и внесенiя въ законодательство страны соотвѣтствiя съ потребностями обновленной Россiи».

Таковы были тогдашнiя намѣренiя власти. И когда кадеты вообразили, что роспускъ *отмѣнялъ* конституцiю, что ее надо было «спасать» и что они ее дѣйствительно Выборгскимъ Манифестомъ спасли, то это только показываетъ ту атмосферу самообмана, въ которой жили тогда, и въ которой ничего здороваго сдѣлать было нельзя; когда же эта неправда *повторяется* и теперь, то это уже... политика.

Преждевременный роспускъ Парламента есть всегда событiе «чрезвычайное», однако нисколько не катастрофическое. Онъ всѣми конституцiями предусмотрѣнъ. Но роспускъ *первой* Думы былъ воспринятъ, какъ *государственный переворотъ.* Столыпинъ не ошибся; роспускъ оказался дѣйствительно «шокомъ». По мнѣнiю всѣхъ страна должна была отвѣтить немедленно. Какъ будто какой-то вызовъ брошенъ былъ именно *ей.* Вѣдь первая Дума самоувѣренно пророчила, что страна ждетъ только сигнала, чтобы свергнуть безсильную власть; что если произойдетъ посягательство на Думу, отъ правительства *ничего* не останется. Дума себя въ этомъ увѣрила. «Роспускъ Думы, увѣренно писалъ Милюковъ 6 Iюля, равносиленъ гражданской войнѣ». И вдругъ, къ изумленiю, страна осталась спокойна.

Впечатлительные люди этого переварить не могли. Умный и трезвый Винаверъ, у котораго восхищенiе передъ Думой уменьшало обычную зоркость, послѣ роспуска не вѣрилъ глазамъ. Онъ самъ такъ разсказываетъ про утро этого дня: «я ѣхалъ къ Петрункевичу, оглядывался, искалъ на лицахъ людей, искалъ на мертвыхъ камняхъ отраженiя нашего несчастья. Сонливые пѣшеходы, сонливыя лошади, сонливое солнце.

Безлюдье — никакой жизни, никакихъ признаковъ движенія. Кричать хотѣлось отъ боли и ужаса».

Я самъ былъ въ это время въ деревнѣ, въ 50 верстахъ отъ Москвы. Помню отчетливо впечатлѣнія этого дня. Утромъ принесли телеграмму: «Дума распущена Столыпинъ премьеръ». Что среди крестьянъ ничего похожаго на волненіе не было, — было понятно. Но къ вечеру — день былъ воскресный — изъ Москвы понаѣхало много гостей. Всѣ пріѣхавъ изъ центра,удивлялись невозмутимому спокойствію города; вѣдь мы не забыли еще бурныхъ реакцій на меньшія событія, помнили и всеобщую забастовку, и баррикады. Ждали по крайней мѣрѣ остановки желѣзныхъ дорогъ, волненій на улицахъ. Но все было спокойно; на улицахъ ни малѣйшаго возбужденія. Это казалось такъ невѣроятно, что продолжали надѣяться; ждали не поверхностнаго кипѣнія въ тонкомъ слоѣ интеллигенціи, а глубинной, стихійной волны. Она медлила, но ее все-таки ждали. 16 Іюля Милюковъ утѣшаетъ въ «Рѣчи»: «самый покой и тишина, наступившіе послѣ 9 Іюля, должны были бы испугать людей переворота гораздо больше, чѣмъ самыя яркія общественныя демонстраціи. Настроеніе не успокоилось, оно вошло только внутрь». 18 Іюля Милюковъ въ «Рѣчи» пророчествуетъ: «не пожелавъ уступить требованіямъ прошедшимъ черезъ горнило народнаго представительства, правительство принуждено будетъ въ послѣдній моментъ склониться передъ гораздо болѣе широкими требованіями, которыя выставитъ новая революціонная волна. И все это случится раньше, чѣмъ наступитъ 20 февраля. Чтобы предсказать это, достаточно заглянуть въ календарь нашихъ народныхъ движеній. Іюль это мертвый сезонъ. Черезъ мѣсяцъ начнется подъемъ, а къ зимѣ народное движеніе будетъ въ разгарѣ». 19 Іюля вдругъ неожиданность — Свеаборгъ. Милюковъ торжествуетъ: «Событія развертываются быстрѣе, чѣмъ можно было предусмотрѣть... Казалось, что сигнала надо опасаться(!) изъ деревни, и что только какъ слѣдствіе аграрнаго движенія возможна поддержка рабочаго класса и войска. Неожиданно для всѣхъ взрывъ произошелъ съ противоположнаго конца. Сегодня въ финляндской газетѣ мы прочли рядъ оглушающихъ вѣстей... Крѣпость Свеаборгъ въ рукахъ возставшаго гарнизона. Свеаборгъ господствуетъ надъ Гельсингфорсомъ и тотъ, въ чьихъ рукахъ эта кроѣпость, владѣетъ ключемъ къ Финляндіи, т. е. прочнымъ военнымъ базисомъ. Сочувствіе финской «красной гвардіи» и желѣзнодорожниковъ начавшемуся движенію, повидимому, обезпечено и движеніе русскихъ войскъ черезъ границу будетъ затруднено перерывомъ желѣзнодорожнаго сообщенія».

Такъ представлялись событія. Страна наконецъ поднимается. Но иллюзіи продолжались недолго. Народъ былъ равнодушенъ; его не сдвинули ни героическіе военные бунты,ни страшный террористическій актъ на Аптекарскомъ Островѣ. Всѣ зажигательныя искры падали на подмоченный порохъ. Мнѣ разсказывали изъ военныхъ круговъ усмирявшихъ возстаніе,

какъ неожиданно легко его удалось подавить. Послѣ перваго успѣха возставшіе поняли, что остались одни и защищались безъ энтузіазма. Революціоннаго динамизма въ странѣ не нашлось; или онъ былъ такъ слабъ, что полицейскія мѣры Столыпина оказались сильнѣе. А вѣдь тактика первой Думы опредѣлялась разсчетомъ на непобѣдимый революціонный подъемъ. Его считали даже *долгомъ* страны. Много позднѣе на съѣздѣ созванномъ для проведенія въ жизнь Выборгскаго Воззванія я полу-шутя пенялъ Д. И. Шаховскому, что это Воззваніе лишило насъ отличной платформы для выборовъ. Онъ мнѣ серьезно отвѣтилъ: «если послѣ роспуска Думы не будетъ въ странѣ ничего , кромѣ нѣсколькихъ военныхъ бунтовъ, значитъ страна роспуска заслужила».

Такъ кадеты переносили отвѣтственность на страну, которая будто бы ихъ обманула; они отъ *ея стихійныхъ движеній* ожидали защиты и помощи. Но вѣдь страна въ этотъ моментъ имѣла большее право ожидать совѣтовъ и указаній отъ Думы. «Страна ждетъ указаній отъ центра», 16 Іюля писалъ Милюковъ и въ этомъ былъ правъ. Они и были даны ей изъ Выборга.

Но прежде чѣмъ перейти къ знаменитому «Манифесту», надо отдать себѣ болѣе ясный отчетъ, чего хотѣли добиться «народнымъ движеніемъ». Для представителей «разрушительной, революціонной стихіи» это не составляло вопроса; покушеніе власти на Думу должно было предварить 17 годъ, который они и тогда, во время войны съ восторгомъ привѣтствовали. Но чего хотѣла добиться кадетская партія, которая двѣ недѣли передъ этимъ считала себя способной образовать кадетское Министерство и найти въ Думѣ свое большинство? Чего *она* ждала отъ стихійныхъ народныхъ движеній?

Отвѣтъ на это даетъ статья Милюкова въ «Рѣчи», отъ 19 Іюля.

«Теперь успѣхъ лозунга — *возвращеніе старой Думы*», писалъ онъ, «можно считать гораздо болѣе вѣроятнымъ»...

«Надо признаться, что при всей необычности и странности этого требованія съ точки зрѣнія строго-конституціонной, въ сущности, отмѣна указа 9-го Іюля и возстановленіе депутатскихъ полномочій старой Думы было бы самымъ *простымъ* и *практическимъ* выходомъ изъ труднаго положенія, въ которое поставило себѣ правительство. Въ сущности, за указомъ этимъ, вслѣдствіе формальныхъ неправильностей, съ которыми онъ изданъ, *самый строгій юристъ могъ бы съ чистой совѣстью отрицать юридическую силу*...... Теперь аннулировать указъ 9 Іюля могло бы само правительство, съ огромной пользою для власти и для всей страны. Грозный ураганъ, первые признаки котораго появились вчера, тогда пронесся бы мимо; странѣ возвращенъ былъ бы миръ, и она избѣжала бы дальнѣйшихъ потрясеній, размѣры которыхъ трудно опредѣлить».

Я не былъ настолько близокъ къ руководившему партіей центру, чтобы знать, были ли эти слова «личной политикой» кадетскаго лидера или вышли изъ нѣдръ кадетскихъ «власть

имущихъ»? Но читая ихъ невольно можно было спросить: что это «наивность» или «хитрость»? Или даже, чтобы говорить историческими словами: «глупость» или «измѣна»?

Съ точки зрѣнія торжества «Революціи», *такой* исходъ могъ бы быть, конечно, *желателенъ*. Онъ бы и былъ «Революціей». Конституція была бы этимъ растоптана самой властью. Депутаты вернулись бы въ Таврическій Дворецъ, какъ побѣдители, и ихъ полновластію никакихъ границъ ничѣмъ поставлено быть не могло. Повторилось бы 23 Іюня 1789 г., когда на слова Мирабо — «Allez dire à votre maître — Людовикъ XVI добродушно отвѣтилъ — «si ces messieurs ne veulent pas s'en aller, qu'ils restent». *Онъ* тогда *освятилъ* Революцію.

Можно было *желать* Революціи и *заявлять* это открыто; но до какого ослѣпленія или хитрости надо было дойти, чтобы этотъ совѣтъ давать власти, какъ *средство избѣжать Революціи?* Чтобы призывать къ этому только что образовавшуюся новую партію «Мирнаго Обновленія», которая отдѣлилась отъ кадетъ именно потому, что не хотѣла *нарушать конституціи*»? А между тѣмъ Милюковъ, который наканунѣ осмѣялъ и разнесъ эту новую партію, къ ней теперь обращается:

«Г. г. мирные обновители, покажите же теперь, что, въ самомъ дѣлѣ, вы цѣните условія, при которыхъ возможна въ Россіи «мирная борьба». Очередь теперь за вами. Отъ васъ зависитъ продлить кризисъ или своимъ устраненіемъ сдѣлать необходимой быструю развязку. Знайте только, что, если вы продлите кризисъ, послѣдствія будутъ ужасны, и вся кровь жертвъ междуусобной войны падетъ на *ваши* головы. Будьте разъ въ жизни прозорливы: признайте, что ваше время еще не пришло; термидоріанская реакція не наступила».

Вотъ какими доводами Милюковъ старался соблазнить «мирное обновленіе». Ваше время, увѣряетъ онъ ихъ, время реакціи еще не пришло. Потому помогите придти *Революціи*. Онъ рекомендовалъ имъ то, что французы называютъ — la politique de Gribouille.

Но въ цитированной выше тирадѣ былъ еще одинъ «юридическій» доводъ. Роспускъ будто бы былъ *незаконенъ*, даже до такой степени, что «самый строгій юристъ могъ бы за нимъ съ чистою совѣстью отрицать «юридическую силу». Можно было бы объяснить этотъ аргументъ аксіомой, что «бумага все терпитъ». Мало ли что въ это время писалось. Но тогда это не было бы интересно; интересно и характерно въ немъ то, что этотъ доводъ раздѣляли настоящіе юристы и высказывали его въ условіяхъ, когда было не до шутокъ и не до остроумія.

Я имѣю въ виду рѣчь Кокошкина на Выборгскомъ процессѣ; онъ говорилъ ее судьямъ, говорилъ передъ исторіей; ее можно перечитать въ отчетахъ объ этомъ процессѣ. И что же онъ нашелъ въ ней сказать по этому важному пункту, о *незаконности* роспуска?

Въ актѣ о роспускѣ Думы, доказывалъ онъ, «не было указано срока будущихъ выборовъ»? Но ст. 105 Осн. Зак. этого и

не требуетъ. Она гласитъ такъ: «тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу и срокъ ея созыва». Срокъ *созыва* и былъ указомъ назначенъ. Срока же *выборовъ* назначать было незачѣмъ, да и нельзя, ибо такого понятія не можетъ быть въ конституціи, гдѣ выборы *многостепенные*.

Актъ не былъ «контрасигнованъ»? Но и самъ Кокошкинъ признавалъ, что контрасигнованъ онъ *былъ*, но только контръассигнованіе не было *опубликовано*; изъ этого онъ выводилъ, что значитъ *тѣмъ самымъ онъ былъ опубликованъ не въ подлинномъ*, но *измѣненномъ видѣ*. Но статья 24 Осн. Зак., которая требуетъ скрѣпы Высочайшаго Повелѣнія и возлагаетъ на Сенатъ обязанность «обнародовать Указы и повелѣнія», объ опубликованіи такъ же *и скрѣпы не говоритъ*. Это молчаніе конечно не запрещаетъ опубликованія скрѣпы, но и не предписываетъ. За то есть другая ст. 91, которая Сенату запрещаетъ опубликовать *законъ*, если порядокъ его изданія *не соотвѣтствуетъ* положеніямъ Основныхъ Законовъ. Фактъ опубликованія Указа долженъ былъ почитаться доказательствомъ, что «скрѣпа» была. Должно согласиться, что было очень желательно, чтобы скрѣпа опубликовывалась вмѣстѣ съ самымъ повелѣніемъ. Такъ позднѣе и дѣлалось. Но выводить изъ *опущенія* опубликованія скрѣпы, что тѣмъ самымъ Указъ былъ опубликованъ въ «*измѣненномъ видѣ*», простая игра словъ. Актъ 8 Іюля 1906 года ни въ чемъ не походилъ на 3 Іюня 1907 г.

Наконецъ единственный, какъ будто чего-то стоющій аргументъ, это то, что благодаря слишкомъ отдаленному сроку созыва Думы, бюджетъ не могъ быть во время Думою разсмотрѣнъ и принятъ. На этомъ доводѣ особенно настаивалъ Петрункевичъ. Это, конечно, неудобная сторона длиннаго перерыва, но незаконнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Законъ требуетъ одного: *ежегоднаго созыва Думы*. А послѣдствія неразсмотрѣннаго къ сроку бюджета были предуказаны въ самомъ законѣ, ст. 14 Бюджетныхъ Правилъ. Потому, и здѣсь ничего незаконнаго не было.

Такъ всѣ аргументы Кокошкина за «незаконность» роспуска Думы поражаютъ своей негодностью. Они — несерьезны, если даже были и искренни. Но было что-то непозволительное въ томъ, что именно *кадеты* къ нимъ прибѣгали. Это было бы логично, если бы они показывали себя педантами конституціонной законности. Но вѣдь они октроированную конституцію считали «насиліемъ надъ народомъ», не разъ оспаривали необходимость законности въ переживаемое «революціонное время». Да и теперь, доказывая неконституціонность роспуска «крючкотворными аргументами», они всетаки находили самымъ «простымъ» и «практическимъ» выходомъ уже очевидное и грубое нарушеніе конституціи, т. е. *возстановленіе полномочій уже распущенной Думы*. «Политика» позволяетъ и большія противорѣчія. Но только зачѣмъ при этомъ говорить о «чистой совѣсти» строгаго *юриста?* Объ *этомъ* было лучше молчать.

Всѣ эти аргументы и совѣты ясно показываютъ, что у ка-

детъ не было разумнаго плана, который они могли бы подсказать правительству послѣ совершившагося роспуска Думы. Они не знали сами, *чего* можно было отъ него серьезно потребовать? Всѣ карты ихъ были спутаны роспускомъ. Но правительство они могли отъ своихъ совѣтовъ избавить. Оно имъ больше не вѣрило. Но что же они сказали народу, который имѣлъ право ждать отъ *нихъ* указаній?

Хотя къ роспуску Дума и была подготовлена, онъ засталъ ее все же врасплохъ. Кадеты рѣшили давно, что въ этомъ случаѣ они «не разойдутся». Когда однажды зашла рѣчь только о лѣтнемъ перерывѣ занятій, кадетская фракція и тогда большинствомъ голосовъ постановила , что «не подчинится». 13 Мая умѣреннѣйшій М. М. Ковалевскій торжественно заявилъ съ думской трибуны, что «своей законодательной дѣятельности Дума не прекратитъ, и что одна грубая сила удалитъ насъ отсюда». Такъ говорили, но никто не обдумалъ заранѣе, *какъ* это сдѣлать? Въ своей «Исторіи Выборгскаго Воззванія» Винаверъ не безъ смущенія признаетъ, что всѣ были увѣрены, что указъ о роспускѣ имъ непремѣнно объявятъ въ «самомъ засѣданіи Думы». Къ этому они и готовились. На Выборгскомъ процессѣ Кокошкинъ доказывалъ даже, что только *такая* процедура роспуска показываетъ его конституціонность. Онъ рисовалъ идиллическую картину того, какъ это дѣлается. «Указъ о роспускѣ, говорилъ онъ, читается на трибунѣ передъ народными представителями уполномоченнымъ главы государства, который народнымъ представительствомъ встрѣчается кликами въ честь Монарха»... Кокошкинъ какъ будто забылъ, о *какой* Думѣ онъ говорилъ. Вѣдь *эта* Дума, въ случаѣ роспуска *грозила народнымъ возстаніемъ*, она заявляла открыто, что подчинится только *насилію*, а добровольно ни за что не уйдетъ. Какихъ же привѣтственныхъ «кликовъ» лояльности позволительно было отъ нея ожидать? Не наивно ли было разсчитывать, что при такомъ ея настроеніи и намѣреніяхъ правительство будетъ подготовлять для нея подходящую для неподчиненія обстановку? За кого же Дума принимала Столыпина? Вѣдь онъ не игралъ въ парламентъ, а дѣлалъ серьезное дѣло. И кому, кромѣ революціонеровъ,могло быть желательно, чтобы въ Таврическомъ Дворцѣ произошли сцены насилія, пролилась можетъ быть кровь? Впрочемъ для вспышки Революціи и этого могло быть недостаточно, разъ самого роспуска для нея оказалось мало. Вѣдь то величественное зрѣлище, которое рисовали себѣ депутаты, могло имѣть и оборотную сторону; могло стать иллюстраціей «страха» передъ грубою силою и постыднаго «бѣгства». Отъ великаго одинъ шагъ до смѣшного. Мы увидали это черезъ 10 лѣтъ на примѣрѣ роспуска Учредилки. Благо Столыпину, что отъ этихъ новыхъ испытаній онъ Россію избавилъ и не помѣшалъ депутатамъ уѣхать въ Выборгъ, чтобы *оттуда* свободно говорить со страной.

Noblesse oblige; если бы Дума была просто Думой въ рамкахъ отведенныхъ ей конституціей, никакихъ указаній народу

о томъ, что ему дѣлать, отъ нея и не ждали бы; но послѣ недавняго ея поведенія молча и покорно умереть она не могла. Надо было что-то сдѣлать отъ имени Думы.

И въ этотъ трагическій моментъ думское «оппозиціонное большинство» опять безъ спора становилось подъ кадетское лидерство. Винаверъ живописуетъ символическую встрѣчу съ трудовиками. «На одномъ изъ поворотовъ при скрещеніи Надеждинской и Знаменской, встрѣтилась намъ группа трудовиковъ бредущихъ съ весьма унылымъ видомъ. Изъ всей группы выдѣлялся не только фигурой, но и особеннымъ горестнымъ выраженіемъ лица И. В. Жилкинъ. Потрясалъ намъ руки и повторялъ: «ну, теперь уже будемъ съ Вами за одно — ведите».

И кадеты повели. Выборгское воззваніе было третьимъ и послѣднимъ актомъ ихъ иниціативы, послѣ «адреса» и «аграрнаго обращенія». Это «аграрное обращеніе» и «Выборгскій Манифестъ» во многомъ напоминаютъ другъ друга и страдаютъ тѣмъ же органическимъ недостаткомъ. Только въ Выборгскомъ Манифестѣ онъ былъ еще гораздо рельефнѣе. Положеніе, конечно, было нелегкимъ. Депутаты были громадной силой въ странѣ, пока власть признавала ихъ Думой: пока они занимали Дворецъ, распоряжались казенными деньгами, имѣли *права*, данныя имъ конституціей, они были въ центрѣ вниманія и ихъ голоса обладали исключительнымъ резонансомъ. Все это исчезло, когда они остались сами собой, со всѣми своими прежними талантами, энергіей, громкими именами, но уже безъ *помощи государства*. Въ Выборгѣ окружали ихъ одни журналисты, да любители всякихъ сенсацій. Жизнь уже шла мимо нихъ. На нихъ смотрѣли съ простымъ любопытствомъ, а отчасти злорадствомъ. Теперь уже поклонялись новымъ героямъ. Сбывалась истина стараго Бренна: горе побѣжденнымъ!

Можно было умереть по крайней мѣрѣ съ достоинствомъ; нужно было для этого хоть въ тотъ моментъ быть искреннимъ, не «выворачиваться». Но какъ это было возможно, не расколовшись и не сойдя съ прежней искусственно приподнятой политической линіи?

Для людей стоявшихъ на почвѣ конституціоннаго строя, какъ бы роспускъ ни былъ тяжелъ, онъ трагическаго вопроса не ставилъ. Роспускъ Думы былъ конституціонной прерогативой Монарха. Конституціи съ трудомъ завоеванной назадъ онъ не бралъ и не нарушалъ.

La Douma est morte, vive la Douma! Оставалось готовиться къ выборамъ въ *новую* Думу. Можно было бы въ лучшемъ случаѣ по нѣкоторымъ знаменитымъ историческимъ прецедентамъ превратить выборы въ «плебисцитъ» старой Думы и вмѣсто платформы выставить переизбраніе прежнихъ депутатовъ. Такъ случилось во Франціи въ 1830 и 1877 годахъ. Въ этомъ смыслѣ Дума могла отъ себя обратиться съ послѣднимъ призывомъ къ народу. Можно было пойти новымъ путемъ; придумать иныя, болѣе естественныя электоральныя комбинаціи, такъ какъ за

это недолгое время научились отличать враговъ отъ друзей. Все это было бы *конституціоннымъ* отвѣтомъ на роспускъ.

Но прежняя позиція Думы и вмѣстѣ съ нею кадетъ сдѣлали такой *нормальный* исходъ невозможнымъ. Вѣдь Дума все время считала себя выше закона. Выдавала только себя за суверенную волю народа; называла себя «законодательною властью». Ведя такую политику, кадетамъ было невозможно вспомнить о конституціи, которую они отвергали и предложить лойяльно ей подчиняться. Послѣ прежнихъ ея заявленій такое поведеніе получило бы видъ малодушія.

Но мало того, что сами кадеты этого сказать не хотѣли. Ихъ лидеры, какъ и раньше, не позволяли *другимъ* это разумное слово сказать. Когда образовалась послѣ роспуска Думы маленькая партія «мирнаго обновленія» и выступила съ подобнымъ лояльнымъ воззваніемъ, Милюковъ на нее рѣзко набросился. И на Выборгскомъ процессѣ Кокошкинъ про нее говорилъ: «Существовала въ Думѣ небольшая группа лицъ, которая обратилась къ народу съ особымъ воззваніемъ. Въ этомъ воззваніи народъ призывался спокойно ожидать слѣдующихъ выборовъ... Я знаю, говорилъ онъ дальше, что эта группа добросовѣстно заблуждалась (?) и думаю, что она сожалѣетъ теперь о своемъ заблужденіи»... Такова сила предвзятости! Жалѣть послѣ того, какъ Выборгскій Манифестъ провалился!

Но если конституціонный путь отвергать, можно было звать къ революціонному выступленію. Это бы было послѣдовательно. Если такимъ выступленіемъ до тѣхъ поръ грозили *серьезно*, возстанія дѣйствительно *ждали*, а теперь искренно думали, что нарушена и уничтожена конституція, то тотъ, кто такъ думалъ, могъ считать себя обязаннымъ не останавливаться ни передъ чѣмъ и раздѣлить участь *возставшихъ* въ начатой борьбѣ. Бываютъ моменты, когда это становится долгомъ, даже безъ надежды на благополучный исходъ. 2 Декабря 1851 г. распущенное собраніе звало на баррикады, и Baudin, погибшій на нихъ, до сихъ поръ не забытъ.

Но кадеты и *революціонныхъ* путей не хотѣли; они не пошли на нихъ сами и рекомендовать другимъ не посмѣли. Но тогда имъ *не съ чѣмъ было обращаться къ народу*; ничего полезнаго они сказать *не могли*. Они говорили только затѣмъ, чтобы не промолчать. И притомъ кадеты опять садились между двухъ стульевъ, смѣшивали пути, которые уничтожали другъ друга.

Выборгскій Манифестъ не покушался населеніе *успокаивать*; напротивъ; онъ рекомендовалъ «крѣпко стоять за попранныя права народнаго представительства». Увѣрялъ, будто «цѣлыхъ семь мѣсяцевъ правительство будетъ дѣйствовать, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсѣмъ задавить народное движеніе, оно не соберетъ никакой Думы».

Итакъ воззваніе сбъявляетъ ложью Манифестъ Государя, который обѣщаетъ конституціи не нарушать. Отъ себя оно ре-

комендуетъ «народное движеніе». Оно увѣряетъ народъ, что *ни одного дня* Россія *не должна оставаться безъ народнаго представительства»*.

Но когда рѣчь заходитъ о томъ, *какъ* добиться этого и въ *чемъ* должно быть это «движеніе», Дума въ полномъ противорѣчіи между задачей и средствами рекомендуетъ только повторить прецедентъ, который ученые законовѣды выкопали изъ исторіи Пруссіи или Венгріи, и которому они придали громкое имя *«пассивное сопротивленіе»*. «До созыва народнаго представительства не давайте ни копейки въ казну, стойте за права свои, какъ одинъ человѣкъ. Передъ единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не можетъ. Въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ Ваши выборные люди будутъ съ Вами».

Вотъ когда поистинѣ «гора родила мышь». Что изъ этихъ громкихъ словъ могло понять населеніе? Что ему рекомендуютъ дѣлать *сейчасъ*, когда «попраніе его правъ совершилось»? Если страна ни одного дня не должна быть безъ представительства, то что же это за средство борьбы, которое ее отсрачиваетъ до 1-го Ноября, до набора? Гдѣ же борьба, въ чемъ же «движеніе»?

Выборгскій Манифестъ заставляетъ вспомнить менѣе трагическую попытку «обратиться къ народу», думское «аграрное обращеніе». И тамъ было невозможно понять, *чего* Дума отъ народа хотѣла? И тамъ осталось загадкой, зачѣмъ она съ пустымъ мѣстомъ къ нему обращалась?

Во сколько разъ ярче и сильнѣе это несоотвѣтствіе оказалось въ обращеніи къ народу изъ Выборга.

Я помню свое впечатлѣніе. Я узналъ про роспускъ Думы въ деревнѣ; туда же дошли до меня и первые отклики на «воззваніе». Пріѣхалъ Н. Н. Баженовъ; онъ успѣлъ перевидать въ Москвѣ многихъ партійныхъ товарищей и привезъ ихъ отзывы. Было общее недоумѣніе: *что* это значитъ? *Зачѣмъ* это сдѣлано? Я скоро пріѣхалъ въ Москву по дорогѣ въ Петербургъ на засѣданіе Центральнаго Комитета. Впечатлѣніе общаго недоумѣнія еще усилилось. Видѣлъ въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» Іоллоса; онъ надъ воззваніемъ только смѣялся. Котляревскій звонилъ мнѣ по телефону; негодовалъ на воззваніе, просилъ меня въ Центральномъ Комитетѣ его разнести. А вѣдь это были члены Думы, воззваніе *подписавшіе*. Не говорю о другихъ. Его одобряли только самые лѣвые, какъ попытку выйти на *другую* дорогу; но и они не понимали его за «никчемностью».

Я пріѣхалъ въ Петербургъ на засѣданіе Ц. К. Думалъ, что тамъ уже *сконфужены* тѣмъ, что *сгоряча* было сдѣлано въ Выборгѣ. Но тутъ атмосфера была другая. Милюковъ, дѣлая докладъ о положеніи, находилъ, что оно теперь стало *лучше*, такъ какъ «*къ счастью*» Выборгское Воззваніе *было* подписано. Помню, что я возражалъ, говорилъ о Московскихъ настроеніяхъ по этому поводу. На меня всѣ набросились. Винаверъ дружелюбно относившійся къ моему «черносотенству», съ не-

свойственнымъ ему озлобленіемъ требовалъ, чтобы отношеніе Ц. К. къ моимъ заявленіямъ было опредѣлено голосованіемъ. Уже Милюковъ его успокаивалъ и не далъ инциденту раздуться.

Въ сосѣдней комнатѣ, на диванѣ, какъ всегда величавый, но грустный сидѣлъ С. А. Муромцевъ, недавно почти первое лицо въ государствѣ. Мнѣ стало совѣстно передъ нимъ за рѣзкость моихъ возраженій; я хотѣлъ ихъ смягчить и сказалъ ему, что я «все-таки съ воззваніемъ не совсѣмъ согласенъ». Онъ загадочно отвѣчалъ: «очень многіе изъ тѣхъ, кто его подписали, съ нимъ *совсѣмъ* несогласны».

Изъ стараній объединить несогласныхъ и могло выйти только уродство. Но на этотъ разъ всего любопытнѣе было, что всѣ споры о Выборгскомъ воззваніи происходили только *между кадетами.* О правыхъ не говорю; они послѣдовательно протестовать не хотѣли и не ѣздили въ Выборгъ. Лѣвые же на этотъ разъ во всемъ *подчинились* кадетамъ. Горячіе споры происходили только въ кадетской средѣ. Лѣвыя фракціи дожидались покорно, когда среди кадетъ *ихъ* споры окончатся. И въ этихъ спорахъ ярко обнаружилась та непримиримая двойственность партіи, которую раньше, да и послѣ замѣчать не хотѣли.

Въ своей «Исторіи Выборгскаго Воззванія» Винаверъ удивляется не только горячности этихъ споровъ, но особенно «возбужденію» и «энергіи» *противниковъ* воззванія, такихъ обычно уравновѣшенныхъ людей, какъ Петражицкій, Герценштейнъ или Іоллосъ. *Это* его поражало. Онъ высказалъ догадку, что «здѣсь впервые всплыли тѣ различія во взглядахъ, которыя дѣлили насъ затѣмъ все время вплоть до заключительнаго момента, на двѣ почти равныя группы и — кто знаетъ — быть можетъ дѣлятъ на двѣ такія же группы и теперь». Онъ ошибался только въ одномъ. Рѣзкое дѣленіе кадетъ на двѣ почти равныя группы существовало и было извѣстно съ момента образованія партіи. Это была разница двухъ идеологій, *конституціонной* и *революціонной.* Они раздѣляли вообще всю страну; но кадеты были на смыкѣ двухъ настроеній и демаркаціонная линія прошла черезъ нихъ. Конечно, кадеты всѣ были *за конституцію.* Но одна часть ихъ находила, что къ ней пока надо идти еще революціоннымъ путемъ и лишь потомъ, когда все будетъ достигнуто, настанетъ время для конституціи. Въ этомъ между двумя направленіями заключалось непримиримое разногласіе. Кадетское руководительство его ухитрялось скрывать и расколъ отстрачивать до лучшихъ временъ. По ироніи судьбы онъ всетаки произошелъ, но только уже здѣсь, заграницей. Но тогда въ Бельведерской гостинницѣ, когда всѣ Революціи ожидали, когда рѣшеніе партіи должно было быть *выборомъ* опредѣленной дороги, межеумочная формула придуманная партійными лидерами, пресловутое «пассивное сопротивленіе», гдѣ не было сопротивленія, ибо оно было «пассивно», и не было подчиненія конституціи, ибо рекомендовалось «сопротивленіе», обмануть никого не могла. На этомъ могъ тогда же состояться расколъ. Но спасеніе принесъ deus

ex machina, Выборгскій Генералъ-Губернаторъ. Онъ потребовалъ отъ Муромцева закрытія съѣзда. Онъ особенно подчеркнулъ «неизбѣжность гибельныхъ послѣдствій для пріютившей Думу Финляндіи, если собраніе немедленно не разойдется». Муромцевъ за себя далъ ему слово, что не будетъ собранія продолжать, и ушелъ, заявивъ, что для него это уже вопросъ его чести.

Эта неожиданность и спасла положеніе. Враги воззванія — Петражицкій, Герценштейнъ, Іоллосъ, не перемѣнивъ своихъ мнѣній, объявили, что больше не возражаютъ и *подпишутъ* воззваніе. Оно было тогда принято единогласно.

И Винаверъ такъ описываетъ заключительный моментъ:

«Восторженныя, радостныя лица, радостные возгласы, рукопожатія; нигдѣ недовольства, нигдѣ сомнѣнія. Просвѣтлѣло на душѣ. Плодъ мукъ и тяжелаго раздумья созрѣлъ. Первая Дума не разсѣялась безслѣдно — она еще разъ спаялась во-едино. Она оставила народу посмертный завѣтъ борьбы за попранныя права».

Это настроеніе, которое такъ краснорѣчиво и ярко рисуетъ Винаверъ, и было той злополучною атмосферой, которая объясняетъ промахи Думы. Наши интеллигенты приходили въ восторгъ по пустякамъ, потому что не понимали ни трудности задачи, которая передъ ними лежала, ни своей отвѣтственности передъ родиной. Это какъ тѣ безумцы, которые въ 1914 г. радостно начинали войну, fraiche et joyeuse. Чему обрадовались эти легкомысленные политики изъ Бельведерской гостинницы? Что это былъ за плодъ «мукъ и раздумья»? И какъ гордиться тѣмъ мыльнымъ пузыремъ, который якобы послѣ себя «въ назиданіе народу» оставила Дума?

Какъ все это было характерно! О Россіи въ то время забыли, какъ будто вся она помѣстилась въ залѣ гостинницы. Побѣдили, т. е. скрыли разногласіе здѣсь, значитъ какъ будто чего-то добились и для Россіи.

Такъ покончили съ злополучнымъ воззваніемъ; сдѣлали жестъ, съ себя сняли отвѣтственность и остались довольны собой. Но скоро пришлось столкнуться съ вопросомъ: какъ же эту нелѣпость приводить въ исполненіе?

Помню кадетскую конференцію подъ Москвой, въ имѣніи В. В. Пржевальскаго, гдѣ обсуждался и рѣшался этотъ вопросъ. Сообщенія съ мѣстъ были опредѣленныя: практическаго успѣха отъ воззванія ждать было нельзя. Но это кадетъ не смущало; все произошло классическимъ способомъ. Руководители партіи были виртуозами въ дѣлѣ примирительныхъ формулъ. Воззваніе было принципіально одобрено; однако одновременно признано, что оно своей цѣли уже достигло, что Дума *будетъ* созвана въ *указанный* для этого срокъ, и потому осуществлять его и отказываться отъ налоговъ и отъ воинской повинности *незачѣмъ*. Партія оказалась опять «едина» и «внутренне спаяна». И даже черезъ 15 лѣтъ послѣ этого, въ 1921 году, въ «Трехъ Попыткахъ» Милюковъ зачѣмъ-то серьезно внушаетъ читате-

лямъ, что «Выборгское воззваніе» своей цѣли достигло. Благодаря *ему* будто бы была созвана Дума. Потому «Выборгскій Манифестъ политическое значеніе свое потерялъ и могъ очевидно только дать сигналъ къ преслѣдованіямъ отдѣльныхъ жертвъ. Вотъ почему вмѣсто демонстраціи въ воинскихъ присутствіяхъ, члены партіи и начали готовить выборы во вторую Гос. Думу». Такъ охраняютъ легенды. Но кого въ 21 году этимъ надо было обманывать?

Но этимъ дѣло не вовсе окончилось. Предстояло еще одно тяжелое испытаніе. Подписавшіе воззваніе депутаты были привлечены къ слѣдствію и отъ выборовъ устранены; благодаря этому первая Дума навсегда исчезла изъ политической жизни и въ Думѣ появились кадетскіе dii minores.А въ 1907 году состоялся надъ перводумцами публичный процессъ уже въ *другой* атмосферѣ.

Уголовная защита подписавшихъ воззваніе депутатовъ была дѣломъ не ихъ самихъ, а адвокатуры. Почва для нея была благодарна. Въ дѣяніяхъ подсудимыхъ не было той статьи (129), по которой было предположено ихъ осудить. Они были повинны въ *составленіи* воззванія, въ которомъ можно было, конечно, найти криминалъ, но не въ его «распространеніи». Съ точки же зрѣнія уголовной въ этомъ была громадная разница; обвиненные въ одномъ «составленіи» подсудимые не были бы лишены политическихъ правъ. Въ этомъ спорѣ моральная побѣда была одержана *адвокатами*, хотя судей они не убѣдили. На судѣ произошло краснорѣчивое доказательство этого. Палата, уступая защитѣ, три раза должна была мѣнять постановку вопросовъ; даже послѣ третьяго раза она не смогла избѣжать возраженій. Но ограничиться *уголовной* стороной въ этомъ дѣлѣ было нельзя. На нѣсколько дней какъ бы воскресла первая Дума. Ей и можно, и нужно было передъ обществомъ и исторіей оправдать то странное «указаніе», которое ею было когда-то народу дано. Къ тому же она вошла въ свою роль и почувствовала себя прежней Думой. Когда Муромцевъ поднимался, вставали всѣ подсудимые и дѣлали это даже нѣсколько разъ, не замѣчая, что это было просто смѣшно. Первыя объясненія подсудимыхъ отъ имени всѣхъ дали три большихъ политическихъ имени: Петрункевичъ, Кокошкинъ и Набоковъ. Имъ давали говорить все, что хотѣли, не прерывая ни въ чемъ. Они могли объясниться свободно. И въ рѣчахъ кадетскихъ ораторовъ вдругъ зазвучала новая и фальшивая нота. Петрункевичъ и Кокошкинъ въ первыхъ своихъ объясненіяхъ, а всего яснѣе Муромцевъ въ послѣднемъ словѣ дали понять, что цѣлью Выборгскаго Воззванія было *удержать* массы отъ *революціоннаго выступленія*.

Нельзя предположить, чтобы эти слова были неискренни, сказаны съ цѣлью склонить на свою сторону судей. Выборгскіе подсудимые вели себя на судѣ не такъ, какъ позднѣе себя велъ Крестьянскій Союзъ. Но ихъ слова характерны, какъ иллюстрація *самовнушенія*.Людямъ свойственна склонность припи-

сывать себѣ заднимъ числомъ предвидѣніе того, что было для нихъ неожиданно; въ ошибкахъ они признаваться не любятъ. Это новое объясненіе Манифеста было создано тогда, когда Выборгское Воззваніе провалилось такъ-же безплодно, какъ вооруженныя выступленія, которыя сначала предсказывали и отъ которыхъ ждали успѣха. Стало заманчиво признаться себѣ, а потомъ и другимъ, что и этотъ провалъ былъ въ сущности только новой «кадетской побѣдой». Эта легенда и была принята. Безполезно розыскивать, кто и когда ее изобрѣлъ и кто ей повѣрилъ. Несомнѣнно, что въ Выборгѣ о *такой* цѣли не думалъ никто. Бояться тогда приходилось не эксцессовъ, а равнодушія населенія. Его хотѣли «взвинчивать», а не успокаивать. Людей и безъ того революціонно настроенныхъ Выборгское Воззваніе увлечь не могло; оно выхода имъ не давало. Людей равнодушныхъ оно и зажечь было не въ состояніи безсодержательностью указаній исходившихъ отъ столь высокаго мѣста. Воззваніе могло охлаждать и дѣйствительно охлаждало. Оно было поэтому только новой кадетской ошибкой. Но чтобы именно *это* охлажденіе было цѣлью его, чтобы оно для *этого* было написано, это была только претензія на непогрѣшимость. И тѣ, кто не постѣснялись его такъ объяснять, не поняли неловкости своего положенія. Это утвержденіе на процессѣ произвело тяжелое впечатлѣніе. Я его помню. Оно возмутило «революціонныя» партіи, которыя послѣ роспуска подчинились кадетскому лидерству и безъ спора подписали воззваніе. Имъ было обидно услышать, что цѣль воозванія было *помѣшать* Революціи. Было еще стыднѣе, что при ихъ участіи воззваніемъ хотѣли народъ обмануть. Трудовики (Лукинъ) и соц. демократы (Рамишвили) — отъ кадетскихъ объясненій отмежевались. Особенно отчетливо это сдѣлалъ Рамишвили. Онъ призналъ, что Выборгское воззваніе было «слабымъ безсильнымъ протестомъ». Призналъ даже, что «оно можетъ быть и послужило къ успокоенію». Но, заявилъ онъ, это не было моей *цѣлью*, когда я подписывалъ воззваніе. И съ грустью заключилъ: «то, что было сдѣлано нами, не послужило огню возстанія — фактъ на лицо». И кадетская самодовольная хитрость или ихъ позднѣйшее хвастовство славы имъ не прибавило.

Роспускъ Думы былъ дѣломъ Столыпина и его поставилъ на первое мѣсто. Его планъ могъ бы удасться. Въ политикѣ все забывается; прежніе враги могутъ потомъ вмѣстѣ работать. Либеральная общественность, въ лицѣ кадетской партіи, могла забыть и срывъ кадетскаго министерства, и роспускъ своей Думы, и многое другое. Но несмотря на всѣ свои дарованія, Столыпинъ многаго не понималъ; не понялъ онъ и того, что побѣдитель долженъ съ побѣжденнымъ мириться, если не можетъ его уничтожить. Онъ повторялъ ошибку 1-й Думы, когда и та считала себя побѣдительницей. Его программа стала покоиться на противорѣчіи. Какъ ни ошибочна была въ 1-ой Думѣ кадетская тактика, нельзя было проводить либеральныхъ реформъ и насаждать либеральный режимъ, ведя одновременно безпощадную

борьбу противъ кадетъ. Эта борьба противъ нихъ вернула имъ былую ихъ популярность. Столыпинъ не понялъ, что эта борьба укрѣпляла только крайнiе фланги, а его *либеральную* политику лишала *основы*. Его политика создала сначала вторую, вполнѣ лѣвую Думу, а послѣ ея роспуска отдала Столыпина въ руки правыхъ. Но это стоитъ уже за предѣлами книги.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

У человѣка и у цѣлой страны бываютъ моменты, которые какъ будто опредѣляютъ дальнѣйшую жизнь. Первая Дума казалась такимъ моментомъ. Это можетъ быть самообольщеніе современниковъ и на большомъ отдаленіи судить будутъ не такъ. Но вѣдь и самое крушеніе старой Россіи можетъ впослѣдствіи показаться лишь небольшимъ эпизодомъ исторіи. Тогда все переоцѣнится. Но пока событія представляются катастрофой, ихъ современникамъ нельзя быть безразличнымъ къ вопросу, *что* Россію на эту дорогу толкнуло.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (*) Милюковъ приводитъ слова Витте, которыя ему кажутся «лестными». Витте сказалъ «жаль, что тогда я мало Васъ зналъ; быть можетъ событія пошли бы иначе». Послѣ 17 года подобныя признанія высказывались въ комбинаціяхъ еще гораздо болѣе неожиданныхъ. Но въ фразѣ Витте есть правда. Дѣло , конечно, не въ *личностяхъ* Милюкова и Витте. Но они *символы*, и было несчастьемъ, что въ 1906 году они вмѣстѣ не сумѣли пойти. Витте объ этомъ жалѣлъ; онъ понималъ пользу,которую могъ получить отъ Милюкова. Милюкову Витте могъ быть еще гораздо полезнѣе; но Милюковъ этого *не* понималъ.

Витте былъ однимъ изъ лучшихъ представителей старой государственной власти. Былъ человѣкомъ реформъ, не одного «охраненія». Но какъ практикъ, добивавшійся «результатовъ», онъ всегда считался съ реальною обстановкой, съ тѣмъ, что можетъ вынести и власть, и населеніе. Онъ зналъ, что инерцію преодолѣвать надо терпѣніемъ, а не насиліемъ. Онъ былъ не одинъ таковъ среди бюрократіи; *передовыхъ* людей въ ней было больше, чѣмъ думали. Но у нихъ были оборотныя стороны «практиковъ»; они были *теоретически* недостаточно образованы; «самородки», «самоучки» — высокомѣрно говорили про нихъ «ученые» люди. Потому болѣе близкое знакомство съ Милюковымъ было бы для Витте полезнымъ коррективомъ къ односторонности его воспитанія.

Но *чѣмъ* былъ Милюковъ, тоже какъ символъ? Въ «Трехъ Попыткахъ» онъ написалъ про Кокошкина: «Въ кружкѣ Московскихъ друзей Кокошкинъ одинъ проявлялъ задатки *настоящаго* политика». Такимъ «настоящимъ политикомъ» былъ самъ Милюковъ. Либеральные практическіе дѣятели давно

*) «Русскія записки» — февраль 39.

существовали въ разныхъ отрасляхъ общественной и государственной жизни. Имъ всегда приходилось *бороться* съ тогдашнею властью; но они ее не отрицали и не отказывались *сотрудничать съ нею.*

«Освободительное движенie» создало совсѣмъ другой сортъ либеральныхъ «борцовъ» и другое знамя «борьбы». Оно было придумано тѣми, кто сталъ называться «настоящими политиками», богатыми не практическимъ опытомъ, а теоретическими знанiями. Упорство государственной власти истощило терпѣнie либеральныхъ дѣятелей. «Теоретики» направили ихъ вниманie къ первоисточнику зла, къ «Самодержавiю». «Улучшенiя въ Россiи не будетъ, пока существуетъ «Самодержавie», вотъ та несложная мысль, которой стали разрѣшать *всѣ* затрудненiя. Вмѣсто прежней борьбы за «реформы» началась война за «Реформу», за конституцiю.

Тѣ «настоящiе политики», ученые, публицисты, которые принесли съ собой подобную вѣру, стали естественно руководить этимъ движенiемъ. Это наложило на него свой отпечатокъ. На вопросъ, что поставить на мѣсто Самодержавiя, новые вожди искали отвѣта въ учрежденiяхъ наиболѣе развитыхъ государствъ. По ихъ мнѣнiю , основы новаго строя должны были быть не развитiемъ, а отрицанiемъ стараго; въ самой отдаленности ихъ отъ дѣйствительности они видѣли лучшее доказательство ихъ совершенства. Представителемъ подобныхъ «политиковъ» былъ Милюковъ. Онъ не былъ «практическимъ дѣятелемъ» (*); вѣсъ въ политикѣ придавали ему больше всего его профессiя публициста и его авторитетъ, какъ человѣка «науки».

Пока шло Освободительное движенie «Витте» не могъ быть «Милюкову» полезенъ. У нихъ не нашлось бы общаго языка. Витте не могъ бы понять ни необходимости раньше всего уничтожить Самодержавie, ни безразличiя теоретиковъ къ практическимъ улучшенiямъ жизни. Но «Освободительное движенie» иначе побѣдить не могло. Грѣхъ Самодержавiя въ томъ, что оно его создало. Но когда движенie началось, довести его до побѣды *иными* путями было нельзя. Побѣда «Освободительнаго Движенiя» поэтому и была побѣдой «настоящихъ политиковъ», Милюкова, какъ символа.

---

*) Любопытно, что этотъ недочетъ Милюкова ему вмѣнили въ заслугу. Въ дни юбилейнаго славословiя одинъ изъ его почитателей написалъ : «вдумавшись, приходишь къ заключенiю, что «чистымъ политикомъ до корня, въ перiодъ 4-хъ государственныхъ Думъ былъ, пожалуй, одинъ Милюковъ. Были политики - общественники, политики - промышленники, политики - профессора, политики - адвокаты, политики - помѣщики, но политикомъ tout court былъ только Милюковъ, хотя и былъ ученымъ историкомъ и профессоромъ». (Поляковъ-Литовцевъ). On n'est trahi que par les siens.

Но когда Самодержавіе дало конституцію, задача перемѣнилась. По классическому сравненію, вмѣсто постройки новаго зданія можно было капитально ремонтировать старое. Надо было сдѣлать выборъ: или, несмотря на уступку власти, продолжать прежнюю войну до полной побѣды, или удовлетвориться данною конституціей и на ея началахъ заключить соглашеніе съ властью.

При такомъ соглашеніи «Витте» былъ необходимъ «Милюкову». Онъ былъ символомъ того, что было здороваго въ прежнемъ порядкѣ. Если Милюковъ могъ лучше его намѣчать задачи, къ которымъ надо было стремиться, то Витте безконечно искуснѣе могъ опредѣлять пріемы и темпъ, которыми ихъ можно было достигнуть. Черты, которыя «настоящимъ политикамъ» дали побѣду въ *войнѣ*, обращались противъ нихъ, когда надо было страну *успокаивать* и перевоспитывать въ новыхъ началахъ. Въ этомъ умѣньи заключается практическая мудрость «политика» и его преимущество передъ «теоретикомъ». Потому для закрѣпленія побѣды 1905 года была необходима совмѣстная работа идеалистовъ и практиковъ, разумныхъ проповѣдниковъ *новаго* и лучшихъ представителей *стараго* строя.

Но «настоящіе политики» своей первенствующей роли уступить не хотѣли. Компромиссы и постепенность казались имъ «спусканіемъ флага». Они хотѣли *всего* и *сразу*. Конечно, идеалъ либерализма въ 1906 году, т. е. «конституціонная монархія» былъ вполнѣ достижимъ; однако и его нельзя было осуществить немедленно полностью. Нельзя было безъ перехода наградить Россію 4-хвосткой, единой Палатой, отвѣтственнымъ передъ ней министерствомъ, не заботясь о томъ, насколько страна была для нихъ подготовлена.

Нетерпимость доктринеровъ всего рѣзче проявлялась тогда, когда дѣло касалось «теоретическихъ утвержденій», «принциповъ». Въ нихъ былъ главный багажъ теоретиковъ. Уступка въ *нихъ* казалось измѣной. Отсюда вытекло нереальное и вредное для Россіи отношеніе кадетскихъ «политиковъ» къ положенію въ Россіи Монархіи.

По идеологіи «теоретиковъ», основой государственной власти было «народовластіе»; но оно понималось, какъ полагается въ младенческомъ возрастѣ, въ *упрощенной* схемѣ полновластнаго народнаго *представительства*. Монархія считалась пережиткомъ отсталыхъ политическихъ нравовъ, больше ненужнымъ. Потому, только *Учредительное Собраніе* вправѣ было написать конституцію. Это утвержденіе отъ имени бюро земскихъ съѣздовъ еще въ 1905 г. было заявленъ Витте. Въ 21 г. въ «Трехъ Попыткахъ» Милюковъ подтверждалъ, что это единственный «теоретически правильный путь». Эти слова злоупотребленіе авторитетомъ «теоріи». Наука права учитъ, что цѣнность государственныхъ формъ «относительна». Когда собираются ввести прочный государственный строй, надо думать не о томъ, что *теоретически* правильно, а о томъ, что къ данному народу

подходитъ, что онъ можетъ понять и принять. Народъ живетъ не по теоріямъ. Власти часто держатся на ирраціональныхъ основахъ; на признаніи неравенства, на подчиненіи власти «Божіей Милостью»,на уваженіи къ старшимъ и на многихъ другихъ «отсталыхъ» мотивахъ. Признаніе власти вопросъ психологіи, какъ основа морали, права или религіи. Они не для всѣхъ одинаковы. На авторитетъ государственной власти интеллигенція смотрѣла не такъ,какъ преобладавшая въ Россіи темная масса. Для этой массы въ 1906 году власть Монарха была не только привычной, но единственной законной властью. Она покоилась на общемъ народномъ согласіи. Ея дѣйствіями могли быть недовольны, какъ могли роптать даже на Бога; но *право* Монарха быть *властью* не подвергалось сомнѣнію. Если бы въ 1906 г. Монархія пала и пришлось бы создавать новую власть, то и тогда сталъ бы спорный вопросъ; захотѣла ли бы страна подчиниться авторитету 4-хвостнаго выбора. ?

Такого вопроса въ 1906 г. къ счастью для Россіи не ставилось; власть не свалилась. Создавать ее не было нужно. Привычная, законная, освященная и Церковью, и вѣковою традиціей власть Государя никѣмъ не отрицалась. Эта власть установила для Россіи новый конституціонный порядокъ.Въ такомъ его происхожденіи и была его главная сила.Но теоретики этого ея преимущества не хотѣли. Они не понимали, что «самостоятельной» власти ни за Учредительнымъ Собраніемъ, ни за Думой въ то время народъ не призналъ бы; они были бы для него «господской» затѣей.

Въ интересахъ Россіи надо было авторитетъ Монархіи использовать, а не отвергать; надо было сочетать требованія «теоріи» съ реальной силой народнаго правосознанія. Этому соотвѣтствовала конституція *октроированная* Монархомъ, а не составленная Учредительнымъ Собраніемъ. Вести страну къ полному народоправству надо было постепенной эволюціей конституціонной Монархіи. Цѣлость Россіи и государственные ея интересы до тѣхъ поръ олицетворялись Монархомъ. Подрывать его авторитетъ, вступать съ нимъ въ конфликтъ было для Думы и непосильно, и вредно. Нельзя было начинать «конституціонный» строй съ униженія Монарха, съ попытки поставить его ниже Государственной Думы и стараться внушить странѣ ту схему парламентаризма, въ которой у Монарха нѣтъ власти; эта схема не вполнѣ понятна была даже интеллигентской элитѣ. Такимъ путемъ можно было только вести къ Революціи. Монархія Россію отъ нея защищала. Даже «настоящіе политики» позднѣе это поняли. Въ 1917 г., когда престижъ Монархіи былъ подорванъ войной, Милюковъ уговаривалъ Михаила не отрекаться отъ трона. Но объ этомъ *не думали* въ легкомысленномъ 1906 году.

Роль кадетъ какъ во всемъ была двойствена. Войны съ Монархіей они не повели; «республиканцами» себя объявили только тогда, когда Монархіи уже не стало.Они не говорили въ адресѣ «невѣжливыхъ словъ», включили въ него даже «почтительныя

условности». Но въ то же время они не стѣснялись на глазахъ народа монархическую власть унижать; октроированную ею конституцію объявили «насиліемъ надъ волей народа»; желанія Думы считали *выше* закона. «Именемъ народа» требовали такой системы для государства, которой народъ не понималъ. Если бы даже для интеллигентской элиты Монархія была ненужна, если бы эта элита была подготовлена для парламентарной республики, то всетаки для *массы* народа престижъ Монарха былъ сильнѣе, чѣмъ престижъ новорожденной Думы. Когда «Основные Законы» открыли обѣимъ силамъ, — старымъ и новымъ — возможность *совмѣстно* работать, въ этомъ былъ наилучшій исходъ для тогдашней Россіи.

Совмѣстная работа была не только наилучшимъ исходомъ. Именно она кромѣ того соотвѣтствовала психологіи самихъ либеральныхъ дѣятелей. Они по натурѣ не были непримиримы къ власти; скорѣе страдали прптивоположною крайностью. Жизнь ихъ среди враждебнаго имъ государственнаго аппарата воспитывала въ нихъ осторожность , уступчивость, боязнь рѣзкихъ протестовъ. Врагами ихъ являлась не только власть, но и нетерпѣливость людей, для пользы которыхъ либералы работали. Нетерпѣливые люди обвиняли ихъ за умѣренность и нерѣшительность. Это шаблонное обвиненіе было удѣломъ тѣхъ либеральныхъ государственныхъ людей, которымъ судьба позволила что то сдѣлать и чего то достигнуть, какъ Н. Милютинъ, А. Сабуровъ, М. Лорисъ-Меликовъ и др. Но тѣ же упреки выпадали и на долю безчисленныхъ, безвѣстныхъ работниковъ, которые шли по той же дорогѣ. Память объ этихъ обычныхъ упрекахъ сохранила наша литература. Ихъ лирикомъ былъ Н. А. Некрасовъ, который вѣчно двоился въ оцѣнкѣ и другихъ, и себя, между осужденіемъ «осторожности» и пониманіемъ того, что *полезная* жизнь нерѣдко болѣе трудный подвигъ, чѣмъ эффектная, но *напрасная* гибель. Компромиссъ съ властью былъ часто подлиннымъ «героизмомъ» русскаго либерализма и онъ *на немъ* воспитался.

Объявленіе конституціи и созваніе Думы открыли передъ дѣятелями этого типа небывалыя до тѣхъ поръ возможности дѣйствовать, но вполнѣ соотвѣтствующія ихъ старой привычкѣ работать совмѣстно съ властью въ рамкахъ закона. Только когда это произошло, т. е. въ 1906 году, старый либерализмъ уже сталъ подъ руководство «настоящихъ политиковъ». Они были людьми новой формаціи. Они прошли школу «Освободительнаго Движенія» въ союзѣ съ революціонными дѣятелями, заразившими ихъ своей психологіей и пріемами. Отъ прежней, мирной, постепенной реформаторской дѣятельности ихъ стало тянуть къ успѣхамъ, побѣдамъ и фейерверкамъ «революціонныхъ эпохъ». Въ *нихъ* они стали искать примѣровъ для подражанія. Имъ стали поклоняться en bloc. Осужденіе революцій, признаніе въ нихъ недостатковъ начали считаться измѣной «либеральнымъ принципамъ». Революція стала рисоваться тѣмъ «героическимъ временемъ», которое будто бы обнаружи-

ваетъ «лучшія свойства» души человѣка и быстро ведетъ къ свѣтлому будущему. Если же въ ней происходитъ много несправедливостей, гнусностей и жестокостей, то это только заслуженное возмездіе за прошлое; а кромѣ того, страданія *отдѣльныхъ* людей ничто сравнительно съ тѣмъ, что отъ Революціи весь народъ получаетъ. Революціонное «чистилище» ведетъ къ цѣли всего быстрѣе и вѣрнѣе.

Такой противоестественный культъ «Революціи» въ средѣ сторонниковъ правового порядка и либеральныхъ идей можно сравнить съ культомъ «войны» въ противоположномъ политическомъ лагерѣ. Въ этомъ лагерѣ «война» тоже часто казалась свѣтлой эпохой. Она, подобно Революціи, открывала просторъ и талантамъ, и героизму, и самопожертвованію, т. е. всему высокому въ человѣкѣ. И въ ней неизбѣжныя жертвы сторицей окупались побѣдой и ея грандіозными результатами. Какъ скучна и сѣра въ сравненіи съ войнами казалась мирная «буржуазная» жизнь!

Тѣмъ, кто пережилъ теперешнія войны и революціи, ихъ культъ уже непонятенъ. Во-первыхъ, оба эти явленія стали знакомы въ ихъ подлинной сущности, а не въ фальшивомъ освѣщеніи батальныхъ картинъ и лубочной литературы; это сняло съ нихъ незаслуженное обаяніе. А во-вторыхъ можно было воочію увидать, что разсчетъ добиться какихъ то прочныхъ общественныхъ достиженій перевѣсомъ физической силы есть самообманъ. Потому война и революція всегда сами по себѣ есть несчастье; они или ненужны, или безрезультатны.

Возьмемъ войну. То полезное и необходимое, что иногда можно достигнуть войной, можно *всегда* получить болѣе медленнымъ, но за то мирнымъ путемъ и безъ войны. Международное равновѣсіе силъ всегда постепенно возстанавливается съ теченіемъ времени. Скрывать неустойчивость эквилибристикой можно только на короткѣ. Интересы государствъ связаны такъ, что временный перевѣсъ чьей-либо силы нельзя класть въ основу порядка. Навязанный побѣдой искусственный строй скоро развалится. Послѣ Великой войны мы были очевидцами этого.

То же можно сказать и про Революцію. Въ XX-мъ вѣкѣ мы, русскіе, пережили очень большія событія, въ томъ числѣ и двѣ революціи. Поучительно прослѣдить на нихъ соотношеніе либеральныхъ реформъ и «революціонныхъ завоеваній».

Первое изъ этихъ событій — «Освободительное Движеніе» себѣ никакихъ *революціонныхъ* цѣлей не ставило. Многіе даже добивались конституціоннаго строя именно затѣмъ, чтобы имъ оградить Россію отъ грозившей ей Революціи. Требуемыя «освободительнымъ движеніемъ» реформы могли быть прямымъ продолженіемъ «Эпохи Великихъ реформъ». Связь либеральнаго «Освободительнаго Движенія» съ Революціей была временной аномаліей. Ее породили слѣпота стараго строя и нетерпѣливость нашихъ политическихъ руководителей. Они рѣшили, что

Самодержавіе вреднѣе, чѣмъ Революція; а кромѣ того, что возвратъ Самодержавія къ либеральнымъ реформамъ *немыслимъ*. Самодержавіе стало поэтому врагомъ № I. «Плеве опаснѣе Японіи» писало даже «Освобожденіе» во время Японской войны. Въ «эволюцію» Самодержавія вѣрить перестали, какъ теперь не вѣрятъ въ эволюцію «совѣтскаго строя».

Въ этомъ была двойная ошибка. Самодержавіе при всѣхъ недостаткахъ было безконечно лучше, чѣмъ Революція. Оно кромѣ того оказалось *способно* исправиться и даже само перейти къ конституціи. Но побѣдителей не судятъ, а «политики» побѣдили. Конституцію они получили и при томъ *безъ* Революціи.

Это было блестящей побѣдой либерализма, и путь передъ нимъ былъ открытъ. Но хотя «Революція» благодаря уступкѣ 17 Октября свой главный шансъ потеряла, она всетаки уступать не хотѣла. Потому сама *конституція* стала объектомъ ея нападеній; *кадеты* же въ ея глазахъ превратились въ самыхъ ея опасныхъ враговъ. Революціонеры въ этомъ были послѣдовательны. Но что и самые кадеты, въ этихъ условіяхъ, стремились все-таки не разрывать съ Революціей и держать ее про запасъ—это уже остроумная тактика «настоящихъ политиковъ». Для дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ Революціи больше не было нужно. «Политической свободы и соціальной справедливости» — стало легко добиваться практикой новаго строя, простымъ его примѣненіемъ. Для проведенія такихъ реформъ не нужно было ни Учредительнаго Собранія, ни конфликта съ Монархіей. А кадеты все-таки вмѣстѣ съ революціонерами продолжали колебать «конституцію»; они не хотѣли ее соблюдать, пока не добьются полнаго народоправства, съ единой Палатой и безвластнымъ Монархомъ, съ партійнымъ правительствомъ и съ самодержавіемъ партій. Ради этой цѣли толкая страну къ ненужной для нея Революціи, они поступали какъ неосторожные люди, которые легкомысленно вводятъ въ войну, а потомъ увѣряютъ, что ея не хотѣли.

Къ счастью, тогдашняя власть оказалась достаточно сильна и рѣшительна, чтобы до Революціи Россію не допустить. Начался конституціонный антрактъ (1906-1917), но онъ Россіи не спасъ. Черезъ 10 лѣтъ Революція все же пришла. Не либеральная общественность и не революціонная партіи *тогда* ее вызвали. Ее подготовили непосильная тяжесть войны и ошибки потерявшей въ это время голову власти. Дѣломъ революціонеровъ была только Октябрьская Революція. Послѣ Февраля они принялись «углублять Революцію»; они поступали съ Временнымъ Правительствомъ такъ же, какъ въ 1906 году первая Дума поступала съ царскимъ правительствомъ. Только большевики были послѣдовательнѣе и потому побѣдили. Но *ихъ* большевистская Революція была вредна потому, что *ея* цѣли были Россіи ненужны. Во славу «теоріи» она осуществляла ихъ *силой*; но такая побѣда

полезныхъ результатовъ дать не могла. И дѣйствительно пока еще не достигнуто ничего изъ того, чего «Октябрьская Революція» добивалась — ни народовластія, ни равенства, ни господства трудящихся, ни коммунизма. Въ уродливой формѣ вернулась *личная* власть, привиллегіи «классовъ», хотя и другихъ, всемогущество бюрократіи, беззащитность народа и человѣка, т. е. всѣ язвы старыхъ порядковъ. Конечно, командныя высоты оказались въ рукахъ *новыхъ* людей; сложилась *новая* аристократія; *новый* дворъ и «угодники»; трудящіеся сдѣланы были полными паріями; честолюбивые люди стремятся войти въ бюрократію и властвовать надъ народомъ. Новые господа своей личной судьбой могутъ быть и довольны; но Революціи ставила *не эти* задачи и потому *не она побѣдила*. На общемъ несчастьи выиграли только отдѣльные люди. То-же бываетъ и во время войны. Но не ради этого ведутъ войны и привѣтствуютъ революціи.

Въ этой исторіи особое мѣсто занимаетъ «Февраль». Онъ поучителенъ для либеральной общественности. Въ Февралѣ свою Революцію она, наконецъ, получила. Воскресла кадетская мечта о союзѣ либерализма съ идеалистами революціи. Новое правительство объявило ту-же программу, которая излагалась въ 1906 году. Были всѣ старые лозунги: Полновластное Учредительное Собраніе, 4-хвостка, отмѣна и смертной казни, и исключительныхъ положеній, уваженіе къ правамъ человѣка, отчужденіе частныхъ земель; все, чего добивалась первая Дума, было возвѣщено въ первой же деклараціи Революціи. Въ Февралѣ получила реваншъ первая Дума: торжественное собраніе въ память 27 Апрѣля было символомъ этого. Ветеранъ I-ой Думы Винаверъ въ политикѣ Временнаго Правительства узнавалъ и привѣтствовалъ первую Думу. Онъ въ этомъ былъ можетъ быть правъ.

Но *не либеральной* программой можно было справиться съ Ахеронтомъ. *Въ 1906 г.* такая программа дѣйствительно могла быть проведена, но только *соглашеніемъ* съ *существующей властью*; но за то и проводить бы ее пришлось постепенно; въ этой постепенности былъ бы залогъ ея прочности. Но провести эту программу сразу путемъ Революціи, — было квадратурою круга. Февральская либеральная Революція, которая мечтала объ этомъ, была обречена на гибель при самомъ своемъ появленіи.

Положеніе Временнаго Правительства, конечно, было исключительно трудно; но трудность была не въ томъ, что приходилось одновременно реформировать государственный строй и войну продолжать. Вѣдь не внѣшній врагъ свергнулъ правительство. Этотъ врагъ предоставилъ Россіи разлагаться самой. Сбросили Февральское Правительство не нѣмцы, а большевики, которые сумѣли сначала понять, обмануть и использовать Ахеронтъ, а потомъ жестокой рукой его усмирить.

Съ Ахеронтомъ Фервальскому Правительству надо было

не спорить, а воевать; но поскольку оно въ либеральныя начала искренно вѣрило, оно насиліемъ управлять не хотѣло. А только *такъ* закрѣпляются революціонныя «достиженія». Когда разрушена прежняя власть, возстановить взбаламученное государство можно только деспотическими, не либеральными мѣрами. Потому побѣдоносныя Революціи всегда враждебны и свободамъ, и праву. Революціи ведутъ къ диктатурамъ. Безъ диктатуры якобинцевъ Франція была бы разгромлена иностранною коалиціей. Франко безъ жестокостей не смогъ бы справиться съ Революціей; и испанскіе республиканцы безъ такихъ же жестокостей не могли бы три года сопротивляться. *Служить либеральнымъ идеямъ, но вести къ нимъ черезъ Революцію — значитъ начинать игру, гдѣ не можетъ быть выигрыша.* Непониманіе этого, желаніе сдѣлать Революцію не только Великой, но и безкровной, сдѣлать ее торжествомъ «либеральныхъ началъ» — было причиной крушенія, но за то и своеобразнаго *обаянія* февральскихъ дней.

Въ первые дни Революціи я былъ приглашенъ къ Карабчевскому на собраніе адвокатуры. Керенскій просилъ адвокатовъ помочь ему «поставить русское правосудіе на недосягаемую нигдѣ высоту». Собраніе и самъ Карабчевскій съ увлеченіемъ отдавались этому дѣлу. Въ этой затѣѣ я не принялъ участія. Я находилъ, что Революціи не подходящее время для исправленія правосудія, что она по существу нарушеніе закона, права и справедливости; что потому я старанія эти считаю безплодными. На мой пессимизмъ на меня напустились и болѣе всѣхъ Карабчевскій. На собраніи были сливки интеллигенціи; и *они* воображали, что «Революція» съ уваженіемъ будетъ относиться къ закону и праву и «поставитъ на недосягаемую высоту правосудіе». Въ трогательномъ соотвѣтствіи съ этой мечтой создалась Комиссія Муравьева, которая должна была судить бывшихъ Министровъ за нарушеніе ими тѣхъ законовъ, которые судящая ихъ Революція ниспровергла. Эта Комиссія съ своей противорѣчивой задачей стала символомъ этого времени.

Люди, которымъ въ 1917 году пришлось управлять Революціей, не годились на то, чтобы возстановить разрушенный ею порядокъ. У нихъ не было нужной для этого способности ко насилію и безпощадности, слишкомъ много искренней преданности началамъ свободы и права. Недаромъ въ 1917 году они Революціи *не* хотѣли и власти для себя *не* добивались. Власть пришла тогда къ нимъ сама, *противъ* ихъ воли. Но этого нельзя сказать про ихъ единомышленниковъ и предшественниковъ, дѣятелей 1-й Государственной Думы. Для управленія Революціей они такъ же мало годились; но несмотря на это они добровольно отталкивали возможность мирно осуществить свои цѣли и держали курсъ на Революцію. А вѣдь для мирной работы имъ надлежало только оставаться *самими собою*; они «рождены» были *для этого*. Нужно было лишь не воображать, что они — *вся* страна; не закрывать глазъ на то, что Монархія была *бла-*

годѣтельной силой, что Дума не *выше* закона и что откроированная конституція болѣе всего для самой Думы была нужна и обязательна; нужно было сознаніе, что для либеральной общественности сотрудничество съ исторической властью было полезнѣе, чѣмъ продолженіе наступательнаго союза ея съ Ахеронтомъ. Нельзя было дѣлать большаго грѣха противъ либеральной идеи, чѣмъ стараться въ *тотъ* моментъ «углублять» Революцію. На этомъ «углубленіи» либерализмъ дѣйствительно сходился съ революціонными партіями, но за то этимъ онъ отъ себя отрекался и губилъ не только себя. Ибо это подготовило 1917 годъ.

Послѣ 17 Октября представители революціонныхъ теченій уже видѣли, что съ кадетами больше имъ не по пути, и ихъ покидали. Но «кадеты» союза съ Революціей всетаки не желали терять. «Мы знали, говорилъ Милюковъ», (*) что это сотрудничество еще понадобится». Такой разсчетъ на два фронта дѣлалъ *невозможнымъ* ихъ открытое соглашеніе съ властью, и *неискренними* ихъ попытки закулиснаго сговора съ ней. Кадеты власть оттолкнули, Революцію держали въ запасѣ и въ результатѣ остались *одни*, безъ всякой опоры въ странѣ.

И остается вопросъ : каъ умные люди, которые руководили первою Думой, могли предпочесть подобную тактику вмѣсто того, чтобы честно попробовать «конституціонный порядокъ»?

Какъ ни формулировать конкретныя ошибки, которыя тогда были сдѣланы, *корень* ихъ всѣхъ лежалъ въ явленіи, общемъ для всѣхъ сходственныхъ положеній. Вѣдь именно такъ *побѣдители* свою *побѣду* проигрываютъ. Въ самомъ понятіи «побѣда» уже заключается плохое предзнаменованіе. При нормальной эволюціи жизни, перемѣны не должны представляться въ видѣ «побѣдъ». Въ торжествованіи «побѣды» есть уже залогъ пораженія. «Побѣдителямъ» слишкомъ свойственно свой временный перевѣсъ принимать за установленіе *окончательныхъ* отношеній. Послѣ *побѣды* они обыкновенно преувеличиваютъ свои силы и слабость врага. Такъ въ 1919 году союзники были убѣждены, что навсегда раздавили Германію. Въ 1936 году Front Populaire вѣрилъ, что у него власти болѣе не отнимутъ: есть, кому ее защиать. «Побѣдители» вели себя соотвѣтственно этимъ иллюзіямъ. Въ 1906 году въ Россіи произошло то-же самое. Дума не удостоила быть лояльнымъ *парламентомъ*, а полновластнымъ представительнымъ собраніемъ быть не *«смогла»*. Она и оказалась «уродомъ».

Всякая законодательная дѣятельность есть работа надъ приспособленіемъ внѣшнихъ формъ жизни къ внутреннимъ общественнымъ силамъ. Дѣйствительные государственные

*) «Русскія Записки», мартъ 1939 г.

люди заблаговременно видятъ ихъ ростъ и умѣютъ открывать имъ дорогу. Тогда все совершается незамѣтно. Только если этого приспособленія не было сдѣлано во время и равновѣсіе оказалось нарушено, наступаютъ бурные «переломы» и «эпохи реформъ», которыя судорожно потрясаютъ всю жизнь; тѣ люди,которые ихъ въ этихъ трудныхъ условіяхъ совершаютъ,входятъ въ исторію, какъ великіе реформаторы. Если же государственный аппаратъ все-таки продолжаетъ противиться этому, въ борьбу врываются разрушительныя силы революціонной стихіи. Они безжалостно ломаютъ аппаратъ отставшій отъ жизни. Въ этомъ причина и назначеніе революцій. Революціонныхъ вождей выдвигаетъ на первый планъ именно степень *разрушительнаго* ихъ динамизма. Ибо *созидательный* ихъ планъ всегда есть утопія, и въ этой *утопичности* его революціонная сила. А когда задача революціи выполнена, на сценѣ появляются «государственные люди» революціонныхъ эпохъ. Ихъ прежніе сторонники ихъ считаютъ «измѣнниками», ибо они покидаютъ утопіи, за которыя дѣлали революцію, но за то они умѣютъ сочетать старое съ новымъ, возстановить миръ на какихъ-то новыхъ началахъ. Это примиреніе и знаменуетъ конецъ революцій.

У Россіи было все это; и «государственные» люди очень большого калибра и «революціонеры» громадной *разрушительной* силы. Но что показала либеральная общественность въ лицѣ кадетской фракціи въ эпоху первой Государственной Думы? Она оказалась способна только *мѣшать*; мѣшала въ ихъ дѣлѣ и революціонерамъ, и реформаторамъ. Разрушительнаго динамизма у нея не было; революціи она сдѣлать не могла. А своихъ государственныхъ людей она не выдвинула потому,что свою созидательную силу они могли бы показать только въ сотрудничествѣ съ *исторической* властью; а этого кадетская партія не захотѣла, такъ какъ легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не можетъ», что «революціонеры» имъ подчинятся и что они все смогутъ одни. И жизнь прошла мимо этихъ дѣтскихъ претензій.

Вожди кадетской партіи погубили ее этою близорукою тактикой, своей игрой въ Революцію. Конечно, всѣ эпохи «переломовъ», будь-то Петра Великаго , или Конвента, благопріятствуютъ «революціонному» настроенію и пріемамъ. Нормальное развитіе жизни тогда вообще нарушается; прежніе правовыя привычки свою силу теряютъ; а тогда для либерализма нѣтъ его главной основы. Такую эпоху перелома переживали и мы тогда, когда подъ напоромъ «освободительнаго движенія» зашаталась вѣковая твердыня Самодержавія. Прежнее право свое обаяніе потеряло. Но эта бурная эпоха должна была окончиться 17 Октября 1905 года. Передъ первой Думой, въ 1906 году, стояла уже совсѣмъ другая, не разрушительная, а созидательная задача — примирить старое съ новымъ. Но кадетскіе «вожди» *этой* задачи не сумѣли понять, или не захотѣ-

ли принять. Ихъ таланты и оказались направлены на ложную и вредную цѣль.

Такому безславному концу помогло и другое. Эпохи переломовъ создаютъ ту специфическую нездоровую атмосферу, которую Милюковъ сочувственно назвалъ «энтузіазмомъ отъ широкаго размаха событій». Онъ упрекнулъ меня въ томъ, что я ее не замѣтилъ (*). Онъ ошибается; я ее очень замѣтилъ. Это — болѣзнь почти всѣхъ блестящихъ эпохъ, которая можетъ принести много вреда, если ее принимать зъ *здоровье*. Ибо она представляетъ благодарную почву для человѣческихъ слабостей. Въ жизни общества всѣ нужны другъ другу и на общее благо не меньше героевъ политики работаютъ скромные люди, которые объ этомъ не подозрѣваютъ и ни на что не претендуютъ. Но управленіе государствомъ есть дѣло профессіоналовъ. Въ старину это было неотъемлемой монополіей государственной *власти*; въ нашъ демократическій вѣкъ эту монополію взяли *«политики»*. Это здоровый процессъ. Но въ эпохи «энтузіазма» и это мѣняется. Тогда всѣ хотятъ *сами* дѣлать политику, презрительно смотрятъ на «обывателей», которые заняты *личными* своими дѣлами; тогда начинаютъ вѣрить, что «кухарка можетъ управлять государствомъ» и неискушенные люди вносятъ въ государственное дѣло чисто дѣтскую увѣренность, что все очень просто, что всего можно *сразу* достигнуть, стоитъ лишь не бояться. В. В. Шульгинъ въ 1917 году гдѣ-то сказалъ: «Самодержавіе — это когда играетъ оркестръ, а публика не смѣетъ ни шикать, ни апплодировать. Конституція—это когда публика получаетъ право объ оркестрѣ выражать свое мнѣніе. А Революція — это когда публика прогнала музыкантовъ и сама по-своему схватилась за инструменты». Приблизительно то же происходитъ въ этихъ «энтузіазмахъ отъ широкаго размаха событій». И зло не въ томъ, что публика сама за инструменты хватается. Свою ошибку она скоро пойметъ. Худшее зло, когда музыканты, вмѣсто того, чтобы противиться дѣтскимъ увлеченіямъ публики изъ боязни потерять популярность предпочитаютъ ей уступать, и въ ея неопытности привѣтствуютъ ея «зрѣлость».

Первая Дума собралась въ такое нездоровое время. Недавняя побѣда «освободительнаго движенія» создала всѣ соблазны «блестящихъ эпохъ». Голова закружилась у самыхъ мирныхъ людей. А у вождей не хватило мужества плыть «противъ теченія» и забывая свой разумъ они понеслись въ общемъ потокѣ. Отъ того, что составляло сущность либерализма, отъ добровольнаго подчиненія правовому порядку, отъ работы въ рамкахъ закона, отъ уваженія къ чужому праву — кадетскіе вожди отвертывались, какъ отъ отсталыхъ пріемовъ. Отсюда ложные

*) 30 мая 1937 года Милюковъ написалъ въ «Послѣднихъ новостяхъ», что я оказался неспособенъ оцѣнить «серьезность вѣры кадетскихъ руководителей въ дѣло, которое они защищали и энтузіазмъ, вызванный широкимъ размахомъ событій».

шаги первой Думы. За нихъ осуждать безполезно, да и несправедливо. Это явленіе общее. Но не можетъ быть большей ошибки, чѣмъ это зачѣмъ то скрывать. Кого теперь надо обманывать? Первая Дума прошла черезъ исторію съ мишурнымъ эфектомъ и блескомъ, но совершенно *безплодно*. Она *погубила* положеніе, которое больше уже не повторилось. А она *могла* быть другой; ея члены стоили *большаго*, чѣмъ ихъ злополучная тактика имъ позволила дѣлать. Поправлять испорченную ими задачу пришлось другимъ, въ худшихъ условіяхъ. Но, какъ я говорилъ, это стоитъ уже за предѣлами книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IMP. L. BERESNIAK, 12, RUE LAGRANGE, PARIS

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ДОМЪ КНИГИ

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER

9, rue de l'Eperon — Paris 6e